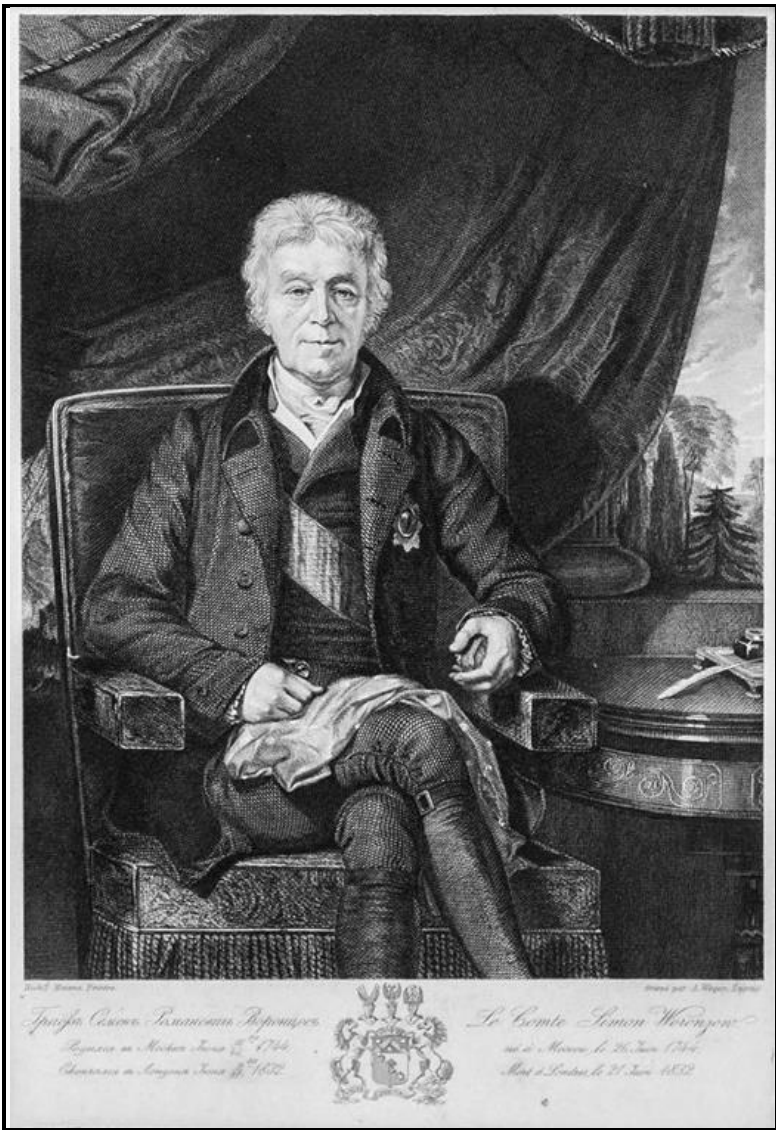

СЕМЕН РОМАНОВИЧ ВОРОНЦОВ

Биография

que par plusieurs de vos lettres
mon ami qu'après avoir
que Mr Pitt n'oprait pas
me contre nous parce qu'il
ville et que malgré cela
la faire, je soutiens en
pas la pousser plus au
trop sur moi et que
après l'influence qu'a
sur celle d'Angleterre
que je me suis trompé
mais je ne me suis
contre. J'ai trop favorisé
la sagesse, et le bon sens

К 275-летию со дня рождения графа С. П. Воронцова

А. И. Воронцов-Дашков, М. И. Микешин

СЕМЕН РОМАНОВИЧ ВОРОНЦОВ

Биография

Санкт-Петербургский центр истории идей
Политехника Сервис
Санкт-Петербург
2020

УДК 94(4)(092)"1744/1832"

Научное издание

Рецензенты:

доктор исторических наук С. О. Кузнецов

кандидат исторических наук Е. В. Пчелов

Исследование поддержано РФФИ, грант № 20-011-00175

Издание осуществлено в авторской редакции.

В75 Воронцов-Дашков А. И., Микешин М. И. Семен Романович Воронцов. Биография. — СПб.: Санкт-Петербургский центр истории идей; Издательство «Политехника Сервис», 2020. — 446 с.

Биография графа Семена Романовича Воронцова (1744–1832), участника событий, связанных с переворотом 1762 г., героя Русско-турецкой войны 1768–1774 гг., выдающегося дипломата — посла Российской империи в Великобритании при Екатерине II, Павле I и Александре I, брата княгини Е. Р. Дашковой и отца фельдмаршала светлейшего князя М. С. Воронцова.

На обложке использован рисунок из коллекции Simon Meade.

Компьютерный макет М. И. Микешина

Санкт-Петербургский центр истории идей

<http://ideashistory.org.ru>

DOI: 10.6084/m9.figshare.11493846.v1

© СПб центр истории идей, 2020

© Микешин М. И., 2020

ISBN 978-5-907223-49-3

Подписано в печать 12.01.2020

Формат 60×84¹/₁₆ Объем 20,33 п.л.

Тираж 500 экз. Бумага офсетная. Заказ 39.

Издатель ООО «Политехника Сервис»

190005 Санкт-Петербург, Измайловский пр., 18-д

*To all our grandchildren —
Anna, Anastasia, Alexander,
Roman, Maria-Sophia, Sophia,
Michael, Henry, Thomas, Katherine,
Samuel, Ivy-Lynn-Amelia —
Sofia, Valeria, Daniil.*

Оглавление

Предисловие	6
Введение. С. Р. Воронцов и новая дипломатия	13
Глава I Детство и юность, 1744–1762.....	23
Глава II Дворцовая революция и путешествие в Европу, 1762–1765 ..36	
Глава III Военная служба и Русско-Турецкая война, 1766–1776.....	46
Глава IV Путешествие в Италию и жизнь в Петербурге, 1776–1782....	68
Глава V Венеция, 1783–1785.....	87
Глава VI Лондон, 1785–1791.....	104
Глава VII Предотвращение войны Британии с Россией, 1791	168
Глава VIII Частная жизнь и образование детей.....	188
Глава IX Французская революция и ее последствия, 1792–1796	226
Глава X В царствование Павла I, 1796–1801.....	255
Глава XI Александр I и возвращение в Россию, 1802	287
Глава XII Лондон и последний вызов, 1802–1806	316
Глава XIII Годы в отставке, 1806–1832.....	335
Глава XIV Потомки и память, XIX–XXI вв.	376
Послесловие.....	385
Библиография	398

Предисловие

Эта книга является последним трудом графа Александра Илларионовича Воронцова-Дашкова (1945–2016). Мы начинали ее вместе, потом некоторое время он работал один, но дописать ее не успел. Тем не менее, он сделал очень много. Ему принадлежит сам замысел и подробно разработанная концепция книги, а также очень значительная часть текста, написанная на английском языке. Она вошла в русский перевод в окончательный текст книги.

Авторам известны несколько попыток написать биографию графа Семена Романовича Воронцова. В первую очередь следует назвать прекрасную работу В. Н. Александренко «Русские дипломатические агенты в Лондоне в XVIII в.» (1897). Это не биография С. Р. Воронцова, но она содержит большое количество важнейших материалов и оценок для ее составления. Необходимо также отметить издателя «Архива князя Воронцова» (далее — АКВ) П. И. Бартенева, который не только осуществил колоссальный издательский проект, но и рассыпал в нем, а также в многочисленных своих публикациях и статьях ценные комментарии и факты к биографии нашего героя¹. В 1879 г. Д. Д. Рябинин опубликовал в журнале «Русский архив» биографию «Граф Семен Романович Воронцов». В середине XX в. Г. П. Струве объявил о том, что пишет биографию графа Семена Воронцова, но написать ее не успел, а оставил только несколько статей и следы своей работы в архивах². По слухам, в 1990-х годах «потомок Воронцовых

¹ См.: *Пряшников М. П.* П. И. Бартенев — публикатор материалов архива Воронцовых // Е. Р. Дашкова и русская культура: от эпохи Просвещения к современности. М.: МГИ им. Е. Р. Дашковой, 2014. С. 173–181.

² Announcement of the Institute of Slavic Studies, 1951–1952. University of California, 1951. Струве вспоминает: «В 1944 г., когда мне в первый раз пришла в голову идея

профессор сэра Дмитрий Оболенский собирает материалы для похожего проекта»¹. Важные материалы, подходы и оценки находятся в работах В. В. Огаркова «Воронцовы: их жизнь и общественная деятельность» (1892), великого князя Николая Михайловича «Русские портреты XVIII и XIX столетий» (1905–1909), Е. Л. Штейнберга «С. Р. Воронцов и англо-русские отношения на рубеже XVIII и XIX веков», Ю. М. Лотмана, британского историка Антони Кросса, В. Н. Алексеева «Графы Воронцовы и Воронцовы-Дашковы в истории России» (2002), в сборниках Воронцовского общества «Воронцовы — два века в истории России» (издаются с 1992 г.), в сборниках Дашковского общества (издаются с 1999 г.).

В постсоветское время вышли книги О. Ю. Захаровой «Граф С. Р. Воронцов — посол Российской империи» (2005) и «Жизнь и дипломатическая деятельность графа С. Р. Воронцова. Из истории российско-британских отношений» (2013), которые носят, скорее, научно-популярный и панегирический характер. В 2007 г. М. Л. Половинкиной под руководством Е. А. Шляпниковой в Курске была защищена кандидатская диссертация «Семен Романович Воронцов (военная и дипломатическая деятельность)». Диссертации о Семене Романовиче и его брате Александре Романовиче защищали и за рубежом, например, Дж. Маркум «Семен Р. Воронцов: посол Екатерины II при Сент-Джеймском дворе, 1785–1796» (1970), Л. Хамфрис «Семья Воронцовых: русское дворянство в век перемен, 1725–1825» (1971), Дж. Циммерман

(которую я до сих пор не оставил, и в которой меня поддерживал известный русский автор исторических романов Марк Алданов) описать жизнь графа Семена Воронцова...» (*Struve G. An Anglo-Russian Medley: Woronzows, Pembrokes, Nicolaÿs, and Others. Unpublished Letters and Historical Notes // California Slavic Studies. Vol. 5. 1970. P. 107*).

¹ *Cross A. G. An Anglo-Russian Medley: Semen Vorontsov's Other Son, Charles Cameron's Daughter, Grand Duke Alexander Pavlovich's English Playmate, and Not Forgetting His English Nurse // The Slavonic and East European Review. Vol. 70. October, 1992. P. 709, n. 2.*

«Александр Романович Воронцов, просвещенный российский государственный деятель восемнадцатого века, 1741–1805» (1975), Дж. Кенни «Воронцовская партия в российской политике, 1785–1803» (1977). Статьи о Воронцове, опубликованные в профессиональных и публицистических изданиях в это же время, носят, в основном, характер обзора или пересказа русскоязычных публикаций второй половины XIX в. Некоторые из них написаны хорошо и исторически грамотно, некоторые не учитывают пусть скромные, но все же значимые результаты исследований последних лет, то есть содержат доказанные фактические ошибки¹.

Поскольку С. Р. Воронцов находился в самом центре событий вокруг переворота Екатерины, русско-турецких войн и европейской политики конца XVIII — начала XIX веков и славился своей перепиской с огромным количеством корреспондентов по всей России, Европе и других странах мира, то материалы, связанные с его личностью, разбросаны в огромном количестве самых разнообразных источников². К нашему великому счастью, в российских архивах и архивах других стран сохранилось большое количество документов семьи Воронцовых, многие из этих документов опубликованы. С нашей точки зрения, эти особенности

¹ См., например: *Абакумова-Забунова Н.* «Неизвестный» Семен Воронцов // Русин. 2008. № 1–2 (11–12). С. 59–66; *Егоров А. А.* Граф С. Р. Воронцов: человек и дипломат // Труды Кафедры истории Нового и новейшего времени Санкт-Петербургского государственного университета. № 4. 2010. С. 64–95; *Кацук В. О.* Дипломатическая деятельность Александра Романовича и Семена Романовича Воронцовых в Англии // Воронцовы — два века в истории России. Материалы научной конференции. Владимир: РИО, 1992. С. 82–89; *Половинкина М. Л.* К вопросу об аристократической оппозиции в России во второй половине XVIII — начале XIX вв. // История, факты и символы. № 11. Вып. 2. 2017. С. 120–126; *Половинкина М. Л., Шляпникова Е. А.* Семен Романович Воронцов // Вопросы истории. № 1. 2003. С. 62–83; *Романюк С. К.* Уголок России под Лондоном // Наука и жизнь. № 12. 2005 (<https://www.nkj.ru/archive/articles/3040/>).

² См.: *Морозова И. В.* Археографический аспект исследования эпистолярного наследия графа Семена Романовича Воронцова // Воронцовы — два века в истории России. Труды Воронцовского общества. Выпуск 15. Петушки, 2012. С. 81–87.

и составляют основные трудности в написании биографии Семена Романовича — его существенная деятельность в самых разных социальных сферах и огромное количество оставшихся свидетельств. Поэтому «закрыть тему» и написать практически исчерпывающую биографию графа невозможно. Мы поставили себе целью нарисовать общую картину и не пропустить ни одного существенного момента его жизни — на том уровне, который нам доступен сегодня. Дальнейшее продвижение в изучении его жизни и деятельности, по нашему мнению, возможно только при новом, гораздо более тщательном изучении архивов.

Мы намеренно почти ничего не говорим о богатом изобразительном наследии Воронцова — сохранились многие портреты его, его родственников и близких друзей, репродукции или сведения о портретах несохранившихся¹. Можно легко найти и портреты его соперников или врагов, а также множество изображений мест, связанных с его жизнью. Этот визуальный ряд и его истории настолько сами по себе велики и интересны, что им, видимо, следует посвятить отдельное обобщающее исследование, результат которого лучше всего было бы поместить в Интернете, оснастив как можно большим количеством иллюстраций.

Все даты указаны в соответствии с оригинальными документами. Следовательно, даты по старому стилю (юлианскому календарю), который в XVIII веке отставал от нового стиля на 11 дней, не переводились в григорианский календарь. В некоторых случаях, особенно в дипломатической корреспонденции, указываются обе даты.

¹ «Семья Семена Романовича ... широко представлена на портретах блестящих живописцев России, Великобритании, Франции, Германии», то есть мы имеем дело «с обширнейшей иконографией Семена Романовича Воронцова с детьми» (Столбова Е. И. Две Екатерины: диалог продолжается // Е. Р. Дашкова: Портрет в контексте истории. М.: МГИ им. Е. Р. Дашковой, 2004. С. 98). К исследованию портретов Воронцовых приложили много усилий Е. Н. Ренне, Е. И. Столбова, Т. Н. Меркулова и др.

Переводы с французского и английского языков, если это не оговорено особо, сделаны авторами. В некоторых случаях переводы французских текстов писем и документов сделаны в русских изданиях XIX–XXI вв., тогда тексты цитируются по этим переводам, которые указываются первыми, а следом — источник на французском. В некоторых случаях переводы уточняются, эти случаи особо оговариваются.

Имя «Илларион» и отчество «Илларионович», «Илларионовна» в XVIII веке часто произносили и писали, как «Ларион», «Ларионович», «Ларионовна» и даже «Ларивонович», «Ларивоновна». Мы будем во всех случаях, связанных с членами семьи Воронцовых, придерживаться в тексте написания «Ларион», «Ларионович», «Ларионовна».

Граф Семен Романович Воронцов чаще всего называется в тексте «Семен», «Семен Романович» или просто «Воронцов». Все остальные носители этой фамилии называются по их именам (как брат Александр) или более полно.

Книга не содержит именного и других указателей. Это сделано сознательно, поскольку она бесплатно распространяется в электронном виде в интернете. Ее можно найти на сайте Санкт-Петербургского центра истории идей <http://ideashistory.org.ru> или в другом месте, обратившись к сетевому поиску. Поправки и переиздания книги, если таковые последуют, можно будет также найти в ее электронных версиях.

Эту книгу авторы писали последние десять лет, а материалы для нее собирали более четверти века. За это время они получали помощь и серьезную поддержку от многих людей и организаций.

В первую очередь, это были британские потомки Воронцова из семьи Кланвильям–Мид (Clanwilliam–Meade) Сюзан Стивенсон

(Susan Stevenson), Саймон Мид (Simon Meade) и Флавия Эббисшем (Flavia Ebbishem). Они не только делились информацией о своих предках, но и были чрезвычайно гостеприимны, пригласив одного из авторов посетить Британию и увидеть места, связанные с жизнью и деятельностью Воронцова, изучить документы в местных архивах. Они оказали сердечный прием и неоценимую помощь в начале работы над книгой.

Потомок Джорджа Бизли Хелен Батти (Helen Battie), будучи уже в очень преклонном возрасте, приняла у себя дома одного из авторов и раскрыла перед ним все тайны семейного архива. Дж. Фойнсу (J. Foynes) мы обязаны информацией о семье Джорджа Бизли, собранной и присланной нам в виде брошюры.

Особую благодарность мы выражаем Татьяне Николаевне Ладыгиной, которая совершенно самоотверженно и безвозмездно помогала нам все эти годы собирать материалы и источники, обрабатывала и обсуждала их, внимательно читала и тщательно редактировала наши тексты.

За прошедшую четверть века нам помогли в работе очень многие — и самыми разными способами. К сожалению, невозможно перечислить здесь всех. Наши искренние благодарности — коллегам-исследователям В. Г. Афанасьеву, А. А. Гусевой, Р. Дартону, П. Джонсу, А. А. Златопольской, Л. Контлеру, Е. И. Красиковой, Э. Кроссу, С. О. Кузнецову, М. Левитту, А. Б. Маховикову, Н. П. Морозовой, С. М. Некрасову, Л. В. Никифоровой, В. Ойттинену, Е. В. Пчелову, Е. А. Пигуковой, С. И. Подольскому, С. Н. Руднику, Е. А. Савельевой, М. М. Сафонову, Е. И. Столбовой, И. В. Таловиной, А. Тоси, Л. В. Тычининой, Н. Филлипсону, Э. Шаффер; коллегам по Воронцовскому обществу — В. Н. Алексееву, Т. Г. Журавиной, В. О. Кацику, Н. Я. Серебряковой, В. А. Удовуку, Е. Н. Фирсовой; нашему неизменному терпеливому и аккуратному издателю В. Г. Мощенко; организациям — Российскому гуманитарному

научному фонду, Хельсинкскому коллигиуму инновационных исследований, Александровскому институту университета Хельсинки, Смит-колледжу, Институту инновационных гуманитарных исследований Эдинбургского университета, Библиотеке герцога Августа, Музею-усадьбе Г. Р. Державина, Центру изучения эпохи Просвещения «Библиотека Вольтера» в Российской национальной библиотеке, Дашковскому обществу, Санкт-Петербургскому филиалу института истории естествознания и техники РАН, Институту философии Санкт-Петербургского государственного университета, кафедрам философии и истории Санкт-Петербургского горного университета; семьям и женам — любимым соавторам.

Корнуолл, штат Вермонт, США — Санкт-Петербург, Россия

Введение.

С. Р. Воронцов и новая дипломатия

В северном Вестминстере — одном из округов центрального Лондона, есть улица Воронцов Роуд, названная в честь графа Семена Романовича Воронцова¹ — посла России при британском королевском дворе². Хотя он считал, что плохо подходит к службе в дипломатическом корпусе, он был послом более двадцати лет (1784–1806) и до сих пор считается одной из самых уважаемых и влиятельных фигур в истории российско-британских отношений. Человек очевидно противоречивый, он заслуживал таких характеристик, как «благородный, гордый, высококультурный, непоколебимый, патриотичный, заносчивый, властный, вспыльчивый»³. Созданный в 1806 г. Томасом Лоуренсом портрет Воронцова представляет красивого пожилого человека аристократической наружности. Модно, но просто одетый, он плотно сжал губы и сдержанно, отчужденно и гордо глядит в сторону и вдалеку. Хотя он не смотрит в глаза зрителю, выражение лица его доброе и решительное. Современники отмечали дружелюбный и сдержанный характер Воронцова во второй

¹ По-английски улица называется Woronzow Road. По обычаю еще XVIII века писать русские дворянские фамилии «по-немецки», а читать «по-французски», фамилия «Воронцов» писалась и пишется по-разному — Woronzow, Woronzoff, Vorontsov. Современники часто предлагали самые причудливые варианты.

² В XVIII в. дипломатических агентов независимо от ранга именовали «министром». В аккредитационных документах Воронцова от 24 мая 1784 г. он назван «чрезвычайным посланником» (envoy extraordinary) и «полномочным министром» (minister plenipotentiary), а в документах от 11 июня 1801 г. — «полномочным послом» (ambassador extraordinary). *Александренко В. Н.* Русские дипломатические агенты в Лондоне в XVIII в. В двух томах. Варшава: Типография Варшавского учебного округа, 1897. Т. I. С. 100, 102.

³ *Cross A. G.* An Anglo-Russian Medley. P. 709–710.

половине его жизни и подчеркивали, что «самое безмятежное спокойствие, совершенная мягкость манер вместе с величайшей силой ума характеризовали его возвышенную натуру»¹.

Сам он признавал, что был горяч, особенно в молодости, и огненный темперамент часто портил ему карьеру и при дворе Екатерины Великой, и в армии. Не демонстрировал он также и умения приспосабливаться к различным людям в разнообразных обстоятельствах. Воронцов был сложным человеком в сложную эпоху больших социальных и политических перемен. Он прожил 88 лет при правлении шести российских монархов: Елизаветы Петровны, Петра III, Екатерины II, Павла I, Александра I и Николая I. Он стал свидетелем или был непосредственно вовлечен в такие важнейшие исторические события, как Семилетняя война, дворцовый переворот 1762 г., русско-турецкие войны, американская война за независимость, Великая французская революция, убийство императора Павла, Наполеоновские войны и восстание декабристов.

Родившийся в богатой и привилегированной семье², Семен Романович всегда считал себя аутсайдером. В юности он готовился управлять семейными делами в России, но затем выбрал жизнь за границей и провел там почти полвека, сначала в Италии, а потом в Британии. С детства он мечтал о военной славе, но расстался с

¹ Obituary — Count Woronzow // *The Gentleman's Magazine, and Historical Chronicle*. From July to December. Vol. CII. Part 2. L.: John Nichols and Son, 1832. P. 79.

² Эта семья известна еще и тем, что собирала и тщательно хранила документы, к которым члены семьи имели отношение. Самые значительные архивные коллекции бумаг Воронцовых находятся в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА), фонд 1261 «Воронцовы» и в Санкт-Петербургском институте истории РАН, фонд 36. Часть бумаг Воронцовых издана в конце XIX в. в «Архиве князя Воронцова» (АКВ) под редакцией П. И. Бартенева (Т. 1–40. М., 1870–1897). Бартенев также опубликовал ряд их переводов с французского на русский на страницах «Русского архива», другие же документы появились в журналах «Русская старина», «Вестник Европы» и «Сборник Русского исторического общества» и пр.

иллюзиями, когда почувствовал, что его самолюбие глубоко задето. Он считал, что достижения его постоянно игнорируются и не признаются, а другие продвигаются за счет придворных интриг. Было очевидно, что его карьера закончилась, когда он в ярости ушел в отставку и стал жить, одинокий и всеми забытый старый солдат, в своей усадьбе. Однако Екатерина, видимо, не хотела иметь под боком этого гордого и негибачекого врага ее царствования, да еще и в состоянии относительной праздности, и отправила его в почетную заграничную ссылку служить в качестве посла. Императрица, которая вообще хорошо умела оценивать людей, не видела необходимости подвергать преследованиям Воронцова и других своих оппонентов. Она предпочитала использовать своих противников и занимать их на серьезных должностях, в частности, думая, что Воронцов будет сильным и умелым ее послом.

Как бывшая принцесса из крохотного Ангальт-Цербста и как женщина-правитель среди, в основном, мужчин, Екатерина очень хорошо понимала важность репутации России и ее собственной репутации на международной арене, особенно в Европе. Она чрезвычайно внимательно относилась к назначению и отзыву официальных лиц, которые представляли ее за границей. Поскольку Россия постоянно переходила из одной войны в другую, необходимо было хорошо разбираться в военных вопросах, и многие из ее назначенцев были военными. Князь Николай Васильевич Репнин (1734–1801) служил в императорской армии под командованием своего отца до назначения его послом в Пруссию и Польшу и, подобно Воронцову, он отличился в сражениях при Ларге и Кагуле во время Русско-турецкой войны. Он выстроил блестящую дипломатическую и военную карьеру, завершив ее получением звания фельдмаршала. Михаил Илларионович Кутузов (1747–1813), фельдмаршал и герой 1812 г., тоже отличился как дипломат и один из величайших российских военных лидеров. Он продемонстрировал свой дипломатический талант на юге России в переговорах с Крымским ханством и в

Константинополе. Другие были менее удачливы и вызвали неудовольствие Екатерины. Князь А. М. Белосельский-Белозерский (1752–1809), поэт, философ, дипломат и отец Зинаиды Волконской, видной фигуры русской культурной жизни первой половины XIX в., был назначен посланником в Дрезден и Турин. Он впал в немилость из-за восторженных депеш, в которых идеализировал события в революционной Франции¹. Старший брат С. Р. Воронцова Александр Романович (1741–1805), которого Екатерина не любила, еще при Петре III обхаживал оппозицию в Лондоне; он был переведен в Гаагу, а затем отозван в Петербург, где стал могущественным главой Коммерц-коллегии. Из всех екатерининских дипломатов именно у Воронцова карьера «оказалась одной из самых блестящих в российской имперской истории», и некоторые историки считают его «одним из создателей русской дипломатической школы»². Воронцов, которого Екатерина также не любила и даже побаивалась, был успешен во многом потому, что его могущественные друзья и родственники имели непосредственный доступ к императрице. Среди них он опирался особенно на политическое влияние Александра Андреевича Безбородко (1747–1799), Петра Васильевича Завадовского (1739–1812) и своего брата Александра Романовича Воронцова, который постоянно его поддерживал и был исключительно близок по духу. В обширной переписке они выказывают взаимное уважение и безусловную преданность друг другу. Публикатор переписки Воронцовых П. И. Бартенев следующим образом описывает письма братьев и характер Семена Романовича:

¹ О князе А. М. Белосельском-Белозерском и его деятельности см.: *Артемьева Т. В., Златопольская А. А., Микешин М. И., Тоси А. А.* М. Белосельский-Белозерский и его философское наследие. СПб.: СПб Центр Истории Идей, 2008.

² *Marcum J. W. Semen R. Vorontsov: Minister to the Court of St. James's for Catherine II, 1785–1796.* University of North Carolina, 1970. P. 37; *Штейнберг Е.*

С. Р. Воронцов и англо-русские отношения на рубеже XVIII и XIX веков // Исторический журнал, № 11–12. 1943. С. 34.

Тесная дружба связывала братьев Воронцовых, и потому письма эти отличаются полнейшею искренностью; в тот век, и особливо для России, письма имели значение нынешних газет ... Граф Семен Романович ... отличался пылкостью нрава, быстротою соображения и своеобразием понятий. Он не имел школьного образования, но за то в юношестве ему довелось проехаться по всей России, побывать и в Сибири, и в Астрахани; потом он делал долгие походы и имел возможность узнать близко Русскую землю, Русского простолюдина, в особенности Русского солдата. Это был человек даровитый, общительный и привлекательный. Разнясь между собою характерами, братья Воронцовы вполне сходились друг с другом в безграничной преданности к России и в заботах об ее преуспевании. Они родились и воспитались при Елисавете Петровне и живо сохранили в себе предания времен Петра Великого, унаследованные от дяди и воспитателя их, государственного канцлера графа М. Л. Воронцова. Им пришлось действовать при Екатерине, и они верно служили ей, но тем не менее относились к ней и к ее государственным мероприятиям с некоторою долей самостоятельности. В любви к Отечеству у этих людей было (по счастливому выражению князя П. А. Вяземского) еще более любви отеческой, нежели любви сыновней, и этою-то попечительною заботливостью о благосостоянии родной страны проникнуты ... письма... Кроме Испании с Португалиею и Даниею, граф Воронцов жила в во всех государствах Европы. В Италии и Англии он был как у себя дома. Он умел сблизиться с лучшими людьми. В своих суждениях и отзывах о событиях иностранных он обнаруживает своеобычную независимость и свежесть понятий ... О том же, что свершалось у нас, граф С. Р. Воронцов знал лучше и больше, нежели многие современные ему деятели в самой России. По примеру своего дяди-канцлера он с детства много читал и получил навык к письменной работе; а военная служба под начальством фельдмаршала графа Румянцева приучила его к сознательной и отчетливой деятельности. Простота в образе жизни давала ему возможность много трудиться, а природная живость и любознательность вызвали на письменные занятия. Кроме брата, он вел обширную и непрерывную переписку с друзьями своими ... Про него можно сказать, что, живучи в дальнем углу Европы, он служит нам историческим зеркалом, и в

его письмах о России, писанных из Англии, отражаются тогдашние события Русской жизни. Речь его на обоих языках, Русском и Французском, точно также как у императрицы Екатерины, отличается неправильностью; за то взгляд свеж и ход мысли ясен¹.

[Мы обращаемся] к человеку, отличавшемуся прежде всего твердостью убеждений и на дальнем Европейском Западе высоко державшему Русское знамя. И теперь, когда уже прошло около 50 лет по кончине графа С. Р. Воронцова, имя его подымает в душе Русского человека чувство народной гордости: таким уважением окружен был этот человек, в многолетнее пребывание за границею оставаясь вполне Русским по образу жизни и привычкам, и в тоже время будучи чрезвычайно деятельным и самостоятельным участником современных событий: Питт был ему другом, в Палате Общин его знали и чтили. Живучи в Англии, он сохранял самые тесные связи с Отечеством².

Профессиональное выживание и успех Воронцова зависели от доверия его союзников и его умения действовать за пределами общепринятых дипломатических каналов. С самого начала он признавал неуверенность и неготовность к поприщу, о котором знал так мало в свои сорок лет. Несмотря на недостаток опыта, Воронцов «обладал широким политическим умом, прекрасной эрудицией, независимым характером и самостоятельными взглядами на политические и государственные вопросы своего времени»³.

Тем не менее, его недипломатичный характер, казалось, спорит с его назначениями в Венецию и Лондон. Биограф Воронцова в

¹ АКВ. IX. С. V–VII. Анализ опубликованной в АКВ переписки братьев см.: Морозова И. В. Политические сюжеты в переписке Семена Романовича и Александра Романовича Воронцовых // Воронцовы — два века в истории России. Труды Воронцовского общества. Выпуск 16. СПб.: Санкт-Петербургский центр истории идей, 2013. С. 62–70.

² АКВ. VIII. С. VI.

³ Александренко В. Н. Русские дипломатические агенты в Лондоне в XVIII в. Т. I. С. 61, прим. 4.

XIX в. Д. Д. Рябинин подчеркивает его воинственный, резкий и независимый дух. Он кратко описывает своего героя так:

Воин, принужденный безвременно покинуть дело, к которому, быть может, имел истинное свое призвание; потом импровизированный дипломат без подготовки и без особенной склонности к той области, где язык слывет орудием скрывтия мыслей, — дипломат, возместивший все, чего ему не доставало, вдохновением доброй воли и высокого патриотизма, с помощью которых успевал он достигать важных плодов, каких мало кто добывал из специалистов по этой части; далее, непризнанный и малосильный по влиянию ревнитель отечества, подавший издали свой мужественный голос в государственных делах, о которых совсем его не спрашивали; русский патриот, изживший свой век вне отечества и заподозренный на родине в англomании. Такова была житейская роль графа С. Р. Воронцова, — роль человека не в своей настоящей среде¹.

В самом деле, Воронцов редко скрывал свои мысли и не боялся выражать свое мнение о необходимости реформ в России, поэтому даже близкие друзья считали его слишком откровенным и слишком либеральным для того времени. П. В. Завадовский отметил еще один важный талант друга:

Не жалея, что дух Аполлонов не беспокоит твоей души, и что не засыпаешь ты на лоне Парнасских девушек. Имеешь другой дар в себе не меньше стихотворческого таланта, то есть красноречие. Читая твои письма, мне кажется, что я беседую с Цицероном, к которого словам еще присоединены Горациевы шутки. Потомство и отечество наше много потеряет, ежели не все узнают твои достоинства в полной их мере².

¹ *Рябинин Д. Д.* Граф Семен Романович Воронцов // Русский архив. Выпуск 1–4. 1879. С. 486.

² АКВ. XXIV. С. 150.

Как правило, длительное пребывание за границей в результате гран-тура¹ или в связи с профессиональными обязанностями дополняло образование российских дипломатов, особенно таких, как Воронцов, обладавших независимым умом и желавших изучить и освоить культуры других народов, развивать общественные и политические взгляды, которые не могли не повлиять на их друзей и коллег в России. Энергично защищая права дворянства, Семен Романович и его брат были решительными врагами деспотизма и поклонниками британской конституционной монархии. В самом деле, дети Романа Ларионовича Воронцова Семен, Александр и Екатерина (широко известная как княгиня Дашкова²), отличались в России и в Европе своей нескрываемой любовью ко всему британскому. Семен и Александр были послами, а княгиня Дашкова посетила Великобританию дважды и дала образование сыну в Эдинбургском университете, где он стал первым русским, получившим степень магистра (Master of Arts degree). Воронцов же объяснял своему сыну, что в Британии «люди отвечают только перед законом, который одинаков для всех классов», тогда как в России, «весь двор низко склоняется перед визирями, и все в империи следуют его примеру»³. Ю. М. Лотман писал о детях Романа Воронцова и о Семене, в частности:

... пройдя начальную школу своего политического образования в кривых переулках петербургских дворцовых переворотов, они доучивались на уроках европейского Просвещения. Чувство собственного достоинства и права человека не были для них пустыми словами, а дружбу Радищева они могли поставить выше благосклонности императрицы. Революционные идеалы были им

¹ Grand Tour — большое путешествие дворянина по Европе с целью закончить свое образование. Обычно дворяне посещали Германию, Австрию, Италию, Францию. Подробнее см., например: *Black J. The Grand Tour in the Eighteenth Century*. Phoenix Mill: Sutton Publishing Limited, 1997.

² Биографию княгини Е. Р. Дашковой см. *Воронцов-Дашков А. И. Екатерина Дашкова: Жизнь во власти и опале*. М.: Молодая гвардия, 2010.

³ АКВ. XVII. С. 5–6.

глубоко чужды, но то, что старый мир стоит на грани разрушения, не вызывало у них никакого сомнения ... Он свыкся с Англией, полюбил ее быт и проникся политическими идеалами английской аристократии. Он был патриотом и зорко следил за дипломатическими выгодами России, но самодержавие презирал как варварство...¹

Примечательно, что именно недостаток дипломатичности, а также его решительная и несгибаемая позиция, демонстрируют нам один из ранних примеров «новой дипломатии». В книге «История дипломатии» Дж. Блэк прослеживает изменяющийся характер дипломатии, которая всегда зависела от системы точного сбора информации, представительства и ведения переговоров. Тон и эффективность мирного посредничества на международном уровне зависели от активности дипломата, его напористости и понимания, какие действия следует предпринять². В XVIII в., особенно в России, подходящие действия были основаны на принципе политического баланса сил (*justum potentiae aequilibrium*)³. Эта система была основана на понятии «естественных» союзников и считалась наиболее эффективным средством для установления искренних и длительных соглашений между европейскими державами, разделяющими некие общие ценности и правила поведения.

С Французской революции возникло модернизационное движение к новой дипломатии и «решимость отказаться от условностей и практик международных отношений *ancien regime*»⁴. Это был переход к более агрессивной и конфронтационной дипломатии, акцент *ancien regime* на создании ощущения взаимопонимания был заменен попытками влиять на политику посредством мощного

¹ Лотман Ю. М. Сотворение Карамзина. М.: «Книга», 1987. С. 180, 181.

² Black J. A History of Diplomacy. L.: Reaktion Books, 2010. P. 131.

³ Александренко В. Н. Русские дипломатические агенты в Лондоне в XVIII в. Т. I. С. 8.

⁴ Black J. A History of Diplomacy. P. 131.

обращения к народам, а не правительствам. В качестве одного из первых примеров Блэк приводит организованную Воронцовым кампанию в прессе против политики британского правительства, когда во время «Очаковского кризиса» 1791 г. он спровоцировал «народное возмущение, заблокировавшее министерские планы»¹. Воронцов поддерживал Чарльза Фокса и оппозицию, в то время как Русская миссия в Лондоне работала днем и ночью, чтобы изменить политику через влияние общественного мнения. В XVIII в. понятия «миссия» и «посольство» были взаимозаменяемы. Обычно штат состоял из посла (главы миссии), его советников и секретаря миссии, который управлял офисными работниками — переводчиками, архивистами, клерками, переписчиками и стажерами². Таким образом, заключает Александренко, более подробное изучение дипломатической карьеры Воронцова «может показать, как велико было общественное значение его службы, когда он путем печати вел открытую борьбу (в 1791 г.) с английским министерством»³.

¹ Ibid.

² Александренко В. Н. Русские дипломатические агенты в Лондоне в XVIII в. Т. I. С. 103, 105–106.

³ Там же. С. 109.

Глава I

Детство и юность, 1744–1762

*Род Воронцовых. Семья. При дворе Елизаветы Петровны.
Путешествие по России. При дворе Петра III.*

Семен Романович Воронцов родился в Москве 15 июня 1744 г. Воронцовы гордились своим древним происхождением, прослеживая свои корни более чем на семь веков назад к основателю рода, князю-викингу Симону Африкановичу (Афрек-Шимону, Шимону Афрекиссону, или Африканусу, умершему после 1073 г.). Его дядя Якун (Хакон) в 1024 г. покинул Норвегию со своим отрядом (дружиной) численностью примерно в 300 человек, чтобы поступить на службу Великому князю Киевскому Ярославу Мудрому, а Симон появился на Руси, по-видимому, позже, но также при Ярославе¹. В XIX в. князь П. В. Долгоруков в своей «Российской родословной книге» не нашел связи между боярами Воронцовыми XVI в. и теми Воронцовыми, которые появились на сто лет позже. Воронцовы пожаловались на Долгорукова во французский суд, и тот нашел Долгорукова виновным в клевете. Генеалогические проблемы, однако, решены не были². Члены клана Воронцовых сыграли выдающуюся роль в российской истории как армейские офицеры, придворные, министры двора, бояре, генерал-

¹ Возможно, что Симон был сыном Афреки Эриксона и племянником короля Хакона (Якуна). См.: *Вельяминов Г. М.* Тысяча лет на службе России (Вельяминовы). М.: Старая Басманная, 2013. С. 249–321.

² Procès du prince Woronzow contre le prince Pierre Dolgoroukow et le Courier du Dimanche. Tribunal civil de la Seine, première instance, Président M. Benoit-Champy, Procureur Impérial M. S. Dumas, 1861–1862, Paris. P.: Librairie de Poulet-Malassis, 1862; *Алексеев В. Н.* Графы Воронцовы и Воронцовы-Дашковы в истории России. М.: ЗАО Центрполиграф, 2002. С. 5–13; *Воронцов-Дашков А. И.* Екатерина Дашкова: Жизнь во власти и опале. С. 17–18.

губернаторы, сенаторы, послы; были среди них и фельдмаршал, и глава двух академий.

Приближение семьи к центру имперской власти облегчило будущее служение Семена Воронцова своему отечеству, предопределило его блестящую карьеру. Хотя его клан пережил ужасную трагедию во время правления Ивана Грозного, когда половина его взрослых мужчин была казнена, к середине XVIII в. семья вернула себе авторитет и влияние. Последовательными и неустанными усилиями дяди Семена Михаила Ларионовича Воронцова после воцарения императрицы Елизаветы Петровны семья стала одним из доминирующих центров олигархической власти в России. 25 ноября 1741 г. Михаил был на стороне Елизаветы во время успешного дворцового переворота, который лишил власти Анну Леопольдовну. Благодарность Елизаветы была безгранична, а дары щедры — она сначала назначила Михаила камергером, а позже и канцлером. Александр Романович вспоминал, как в 1756–1757 годах

... мой дядя был почти всегда не здоров и не мог покидать дом, кроме самых редких случаев. Императрица приезжала почти каждые пятнадцать дней поужинать с ним без всяких церемоний, и я имел случай видеть, как эта Государыня была к нему добра. Она обладала большой естественностью, здравым умом, грацией и красотой¹.

Кроме того, была устроена свадьба Михаила с племянницей императрицы Анной Карловной Скавронской, а 27 марта 1744 г., император Карл VII пожаловал его титулом графа Священной Римской империи. Его братья Роман и Иван получили этот титул через шестнадцать лет.

Можно быть уверенным, что щедрость Елизаветы распространялась на всю семью Воронцовых не только благодаря преданности Михаила, но также вследствие ее дружбы с матерью Семена

¹ АКВ. V. С. 16.

Марфой Воронцовой, урожденной Сурминой. Очень богатая женщина, она была единственной распорядительницей своего значительного состояния. До захвата трона Елизавета чувствовала, что ее лишили законного наследства, и горько жаловалась на крайнюю нужду, которую ей приходилось терпеть. Марфа Воронцова поддержала ее и предложила денежную помощь. Быстрые придворные карьеры Михаила и его брата Романа (мужа Марфы и отца Семена) в очень большой степени были следствием близких личных отношений между Марфой и Елизаветой.

Семен не знал матери; она умерла молодой женщиной в возрасте двадцати семи лет, менее чем через год после его рождения. За десять лет брака с Романом она родила семерых детей: Марию, Елизавету, Александра, Екатерину и самого младшего — Семена (Владимир и Анна умерли во младенчестве)¹. Дворяне часто не играли главной роли в воспитании своих детей, и Роман Ларионович не был исключением. Видимо, это было связано с традиционным для того времени распределением ролей в большой дворянской семье. Роман Ларионович занимался владениями семьи и ее хозяйством и делал это весьма успешно. По смерти жены он создал вторую семью с Елизаветой Денисьевной Брокет, родившей ему четырех детей — Анну, Марию, Александра и Ивана, которые получили фамилию Ронцовы (от «Воронцовы», но без первого слога)². Роман станет сенатором и, наконец, наместником сначала Владимирской, затем Тамбовской Костромской и Пензенской губерний. Согласно сообщению князя М. М. Щербатова, по

¹ АКВ. V. С. 11. О М. И. Воронцовой (Сурминой) см. *Ладыгина Т. Н.* Марфа Ивановна Сурмина (Материалы к биографии) // *Воронцовы — два века в истории России. Труды Воронцовского общества. Выпуск 7.* СПб., 2002. С. 30–36.

² *Саввина А. Н.* Ранцовы — от графа Воронцова // *Воронцовы — два века в истории России. Труды Воронцовского общества. Выпуск 5.* СПб.: Санкт-Петербургский Центр истории идей, 2000. С. 17–26; *Саввина А. Н.* Первое поколение Ранцовых (по письмам Е. Д. Брокет) // *Воронцовы — два века в истории России. Труды Воронцовского общества. Выпуск 7.* СПб., 2002. С. 62–69; Брокет Дени // *Иностранные специалисты в России в эпоху Петра Великого.* М.: Ломоносовъ, 2019. С. 113.

«нередким вытвержениям» Романа Ларионовича государю Петру III был составлен манифест о вольности дворянства¹. Роман также был одним из первых активных деятелей русского мasonicства, был Великим Мастером лож «Постоянство», «Муз», «Урания» и «Скромность» в Петербурге. Он значился первым в списке учредителей Вольного экономического общества, основанного в 1765 г. Ему даже предложили пост президента, но он отговорился недостаточным знанием иностранных языков, оставшись активным членом общества². Злые языки обвиняли наместника в тех злоупотреблениях, которые случались во вверенных ему землях, к нему приклеивается прозвище «Роман большой карман». В расследовании обвинений участвовал и князь М. М. Щербатов, который в своем труде «О повреждении нравов в России» называет Романа «мздоимцем»³. Ревизии и состоявшиеся суды полностью оправдали наместника и нашли настоящих виновников⁴.

Роман Ларионович, несмотря на занятость государственной деятельностью и хозяйственными обязанностями, внимательно следил за воспитанием и образованием своих детей, особенно сыновей⁵. Семен всегда относился к нему вежливо и уважительно⁶.

¹ О повреждении нравов в России князя М. Щербатова и Путешествие А. Радищева. Факсимильное издание. М.: Наука, 1985. С. 118.

² См. об этом подробнее: *Удовик В. А.* Р. И. Воронцов и Вольное экономическое общество // Воронцовы — два века в истории России. Выпуск 2. Петушки, 1996. С. 160–167.

³ О повреждении нравов в России князя М. Щербатова и Путешествие А. Радищева. С. 125.

⁴ АКВ. XII. С. 44. Подробнее о жизни Р. Л. Воронцова см. *Ладыгина Т. Н.* Роман Илларионович Воронцов (Краткий биографический очерк) // Встречи на Петергофской дороге. Материалы краеведческой конференции. СПб.: Маматов, 2014. С. 83–114; *Алексеев В. Н.* Графы Воронцовы и Воронцовы-Дашковы в истории России. С. 40–65; *Воронцов-Дашков А. И.* Екатерина Дашкова: Жизнь во власти и опале. С. 21–23.

⁵ *Ладыгина Т. Н., Фирсова Е. Н., Черноголовина Г. В., Удовик В. А.* В защиту чести и достоинства графа Р. И. Воронцова, графа А. Р. Воронцова, княгини Е. Р. Дашковой и светлейшего князя М. С. Воронцова. СПб.: 2009. С. 5.

⁶ В письмах к отцу он часто посылал поклон Елизавете Денисьевне. См., например: АКВ. XVI. С. 45.

Поскольку мать умерла, когда младшему Семену не исполнилось и года, отцу пришлось пристроить детей под присмотр других членов клана Воронцовых. Семен, по сохранившимся данным, провел свое детство в имении деда Лариона Воронцова Богородское (Капцево) в окрестностях Ростова Великого¹. Всю свою жизнь он будет прославлять преимущества сельской жизни, здорового питания, физических упражнений и свежего воздуха. Вырастая с местными деревенскими ребятами свободным от петербургских придворных условностей, он приучился к уверенности в себе и уединению. Его братья и сестры были разосланы по разным членам семьи и жили отдельно от него, а в отцовском доме жил только брат Александр. В свое время, старшие девочки, Мария и Елизавета, стали фрейлинами при царском дворе, а Екатерину взял на воспитание ее дядя Михаил Ларионович. В 1754 г. по совету отца мальчики были приняты в частный пансион академика Фридриха Генриха Штрубе де Пирмона, преподававшего юриспруденцию в Академии наук². В 1755 г., как тогда было принято, Семен получил звание придворного пажа и тем начал службу престолу в раннем возрасте. Императрица Елизавета оказывала ему свое высокое внимание и особую доброту. Через пять лет она произвела его в камер-пажи и оставила при себе до самой своей смерти³.

¹ Алексеев В. Н. Графы Воронцовы и Воронцовы-Дашковы в истории России. С. 60, 151.

² АКВ. V. С. 15. «Для привлечения внимания публики к своим лекциям профессор написал на латинском языке пояснение к ним. В январе 1748 года оно было напечатано на языке оригинала и в переводе на русский язык под названием: "Программа, в которой равную пользу военной и судебной науки показывает; и купно желающим упражняться в основательнейшем учении на свои лекции призывает Фридрих Генрих Штрубе, Императорской академии наук профессор". Автор пытался доказать русским людям, что изучение права является для них более важным делом, чем изучение военной науки ... Ф. Г. Штрубе де Пирмон имел намерение устроить у себя на дому специальную школу для подготовки дипломатов из молодых людей знатного происхождения» (Томсинов В. А. Российские правоведы XVIII–XX веков. Очерки жизни и творчества: В 2-х томах. Т. 1. М., 2007. С. 103–104).

³ АКВ. V. С. 15.

Двор императрицы Елизаветы, казалось, представлял собой бесконечную вереницу развлечений, праздников, пиров и маскарадов. Она особенно любила детей и устраивала праздники для сыновей и дочерей знати в своих личных дворцовых апартаментах. Семен вскоре освоил необходимые манеры и правила поведения молодого аристократа, но формальности придворной жизни ему не нравились. Братья часто бывали с отцом в придворном театре, где два раза в неделю давали французские комедии, причем Роман Ларионович имел свою ложу¹. Семена привлекал дом дяди Михаила Ларионовича — великолепный дворец, творение архитектора Бартоломео Растрелли в стиле барокко, где была обширная библиотека и где всегда было много высоких вельмож, обсуждавших государственные дела. Во многих смыслах заменявший ему отца Михаил Ларионович, которого он любил, и брат Александр оказали глубокое влияние на его воспитание в эти годы.

Возможно, М. Л. Воронцов использовал при обучении племянников воспитательный план, составленный для него Санчесом в 1756 г. Этот план включал следующие принципы воспитания молодого дворянина:

- моральное воспитание стоит выше развития культуры и ума;
- путешествие по чужим странам будет бесполезным, если молодой дворянин не знает своей страны;
- дворянин должен знать родной язык;
- изучение танцев, музыки, фехтования и верховой езды необходимо, поскольку таковы дворянские обычаи;
- дворянин ценит физический труд;
- история, в первую очередь, история своей страны — источник знаний о нравах людей, наука о морали;
- для образования дворянина рекомендуются математика, экспериментальная физика, естественная история и философия;
- исключать литературу (*belles-lettres*) не надо, но следует ограничить занятия этим предметом;

¹ См.: *Ладыгина Т. Н.* Роман Илларионович Воронцов.

-
- серьезное изучение живописи подходит только для итальянцев, «рабской нации, предающейся фривольности»;
 - «искусство нравиться» (*l'art de plaire*) — важная составляющая личности аристократа и придворного;
 - дворянин должен уметь показаться в свете и детально знать обычаи высшего общества;
 - немецкие университетские города как место учебы не рекомендуются, потому что нравы там «не отличаются той учтивостью и привычкой к свету, которые должны характеризовать человека благородного происхождения»;
 - важна практика, необходимо получение полезного для будущей службы образования;
 - ко всем дворам и придворной жизни необходимо относиться критически, поскольку в них царствует порок¹.

Биограф Семена Д. Д. Рябинин выделил, как кажется, самое главное в семейном образовании Воронцовых:

Граф Семен Романович первоначально получил легкое французское обучение, но от своего дяди-канцлера и в особенности от своего брата, одного из образованнейших людей того времени, заразился страстной охотой к чтению и до глубочайшей старости сохранял в себе благородную потребность непрестанной умственной пищи².

Более того, Семен был очарован своей прекрасной кузиной Анной, единственной дочерью Михаила Ларионовича. Их детская привязанность переросла в увлеченность, а затем в любовь. Поскольку они были двоюродными братом и сестрой, такое тесное

¹ См.: *Ржеуцкий В.* Pro et contra: идеал воспитания высшего дворянства в России (вторая половина XVIII — начало XIX века) // Идеал воспитания дворянства в Европе: XVII–XIX века. М.: НЛЮ, 2018. С. 180, 182–183, 185–188. Интересно также сравнить эти принципы и с тем, как Воронцов затем воспитывал своего сына (см. Главу VIII).

² *Рябинин Д. Д.* Граф Семен Романович Воронцов. С. 60. Рябинин здесь якобы цитирует текст написанного П. И. Бартевым предисловия к IX тому АКВ, но в предисловии текст несколько другой (АКВ. IX. С. V–VI).

родство препятствовало даже мыслям о свадьбе, и Семен был принужден наблюдать со стороны, как за Анной ухаживали другие. В 1758 г., когда Анне было пятнадцать, она вышла замуж за Александра Строганова, в дальнейшем сенатора, президента Академии художеств и директора Публичной библиотеки. Замужество Анны, извне казавшееся блестящим, закончилось трагически — со временем она стала ненавидеть мужа¹. Противоположные политические взгляды — Строганов поддерживал Екатерину II — усилили их несовместимость. Несчастье Анны только усугубило страдание Семена².

В семнадцать лет старший брат Александр при посредничестве французского посла Лопиталья и с разрешения Людовика XV был записан в Школу легкой кавалерии (L'Ecole de Chevaux-légers) в Версале, где учился вместе с сыновьями французской аристократии. Беспокоясь о расходах, Роман Ларионович пишет сыну в 1758 г.: «помни, мой друг, что ты поехал учиться, а не щеголять и что мотовством доброго имени не наживешь»³. Александр уверяет отца:

Шлюсь на всех беспристрастных людей, кои меня знали в сем городе [Париже], что знание девок, балов и прочих публичных мест, что столь других веселило, мне ни малое удовольствие не делало ... мало находится людей в мои лета, кто б столь мало в дебошах наслаждался, как я⁴.

¹ АКВ. XXXII. С. 85–86, 88; *Экзитут* С. А. Неизвестная в темно-голубом платье // Родина. № 1. Январь. 2019. С. 58–61.

² Впрочем возможно, что интерпретация нежных слов, которыми обменивались двоюродные брат и сестра, в духе любовных отношений есть следствие излишней их романтизации в более позднем духе.

³ АКВ. XXXI. С. 25.

⁴ Цит. по: *Захарова О. Ю.* Граф С. Р. Воронцов — посол Российской империи. Симферополь: Бизнес-Информ, 2005. С. 12.

Роман Ларионович был доволен серьезностью Александра, но он не знал (или только подозревал), что его сын не интересовался женщинами и никогда не женится.

Александр воспитывался для дипломатической и государственной службы, тогда как Семену предназначалось однажды начать заботиться о семейном хозяйстве. Интересно, что в реальности получилось ровно наоборот. Александр вернется в Россию и станет прекрасным управляющим, а Семен будет служить за границей полномочным министром и послом.

Когда Семену еще не было и шестнадцати лет, отец послал его в путешествие по России и Сибири для осмотра обширных семейных владений, состоявших из поместий, медеплавильных уральских заводов, железорудных шахт, лесов, пашен и фабрик. Роман Ларионович владел деревообрабатывающими, металлургическими и горными предприятиями, а также торговыми компаниями, которые действовали от Архангельска до Каспийского моря и даже в Персии¹. Он получил от Елизаветы несколько горных сибирских заводов и отправил пятнадцатилетнего сына познакомиться и с этими новыми владениями. Из Петербурга Семен отправился в Москву, где остановился в доме дяди Ивана Ларионовича на Рождественке и повидал сестру Екатерину Романовну², потом во Владимир, Муром, Арзамас, Казань, оттуда дальше в Екатеринбург, Тобольск, на Ирбитскую ярмарку и в Тюмень³, а затем обратно в

¹ Индова Е. И. Дворцовое хозяйство в России: первая половина XVIII века. М.: Наука, 1964. С. 78; *Zimmerman J. S. Alexander Romanovich Vorontsov, Eighteenth-Century Enlightened Russian Statesman, 1741–1805. Unpublished doctoral dissertation. City University of New York, 1975. P. 33–34.*

² АКВ. XVI. С. 4.

³ АКВ. XXXII. С. 79–80. Тобольск тогда был большим перевалочным пунктом в торговле с Китаем. Там располагались многие торговые конторы. См.: *Корсак А. Историко-статистическое обозрение торговых сношений России с Китаем. Казань: И. Дубровин, 1857. С. 22, 30, 39, 365–366.* Для покупок на Ирбитской ярмарке пришлось менять серебряные деньги на медные, которые, по их объему и весу, пришлось перевозить на подводах (АКВ. XVI. С. 16).

Казань¹, Симбирск, Пензу, Саратов и — Волгой — в Астрахань. В Астрахани Семен разговаривал с купцами, выяснял, как обстоит дело с каспийской и персидской торговлей, и докладывал отцу, где какое судно и с каким товаром находится. И даже «заезжали к хану Калмыцкому, который кочевал при берегу Волги»². Возвращался Семен в Москву через Царицын, Воронеж и Тулу, где посетил оружейные заводы и встретился с их «главным командиром» И. А. Бибиковым³.

П. И. Бартенев высоко оценил значение этого путешествия в жизни Семена. Он писал:

... молодой граф Семен Романович объезжал безмерные пространства России и набирался родных впечатлений, которые навсегда оставили прочный след в его восприимчивой душе. Мальчику камер-пажу, записанному в Преображенский полк, пошло в прок это путешествие. Много он насмотрелся русской жизни, многому научился, объезжая с приказчиками отцовские имения. Это было своего рода наглядное обучение, и от того-то, между прочим, в своей дальнейшей деятельности он является таким коренным русским человеком, хотя ему и суждено было большую часть долгого века провести в чужих краях⁴.

Поездка была зимняя и весьма нелегкая, а временами даже опасная. Семен, извиняясь перед отцом за слишком медленное передвижение, рассказывал в письмах о своих приключениях:

... ужасные бури между Арзамасом и Саранском нас в степи принуждали целые ночи в деревушках останавливаться, так что раз выехали мы в сумерках из одной деревни и лишь отъехали мы версты две, то поднялась такая жестокая погода, что мы тотчас с дороги сбились и в враг попадали; ежели б по нашему счастью

¹ АКВ. XXXIV. С. 279–281.

² АКВ. XVI. С. 33.

³ АКВ. XVI. С. 35.

⁴ АКВ. XVI. С. 2.

мужик один в деревню не проводил назад, то люди бы наши околели¹.

Пятнадцатилетний путешественник вел себя очень серьезно, разумно и по-хозяйски. Он встречался с нужными и ответственными людьми, с местным начальством, оценивал и работу предприятий (своих и соседних), и самих работников, тщательно записывал подробности, докладывал отцу и предлагал ему решения для наведения порядка и улучшения состояния семейных владений. Из Тобольска он высылает отцу и дяде китайский чай, а из Екатеринбурга — четыре мраморные столешницы, чтобы доказать, что они не хуже итальянских, хотя и значительно дешевле. Он позволяет теперь себе суждения опытного человека и знатока:

...один железный завод более требует труда и попечения, нежели шесть медных. Сие кажется невероятно, а оно подлинно так, милостивый государь, и всяк тот, кто видел медный завод и железный, в том вам свидетельствовать станет².

В поездке он собирал книги, карты и всяческую доступную ему информацию о Сибири, Урале, торговле с Китаем. По возвращении в Москву он посетил Сенатскую контору, Межевую и Вотчинную коллегии, «где видел, как судебные дела происходят»³, не теряя времени, учился геометрии и фортификации у домашнего учителя своего дяди Ивана Ларионовича⁴. Побывал он в Оружейной палате,

¹ АКВ. XVI. С. 11.

² АКВ. XVI. С. 24.

³ АКВ. XVI. С. 39.

⁴ Судя по всему, Воронцов поддерживал близкие отношения с И. Л. Воронцовым (1720–1789) все свои детство и юность. См. об этом: *Алексеев В. Н.* Страницы жизнеописания графа Ивана Ларионовича Воронцова // Воронцовы — два века в истории России. Труды Воронцовского общества. Выпуск 3. Петушки, 1998. С. 21–37.

дважды в опере и в «Русской трагедии» — постановки ему совершенно не понравились¹.

По настойчивому приглашению сестры Екатерины Романовны, теперь княгини Дашковой, и ее мужа князя Дашкова он в октябре 1760 г. посетил их в имении Троицкое и прожил там неделю².

Семен много читал и собрал библиотеку до 600 томов³. Он чрезвычайно вдохновился очень влиятельным тогда сочинением Ш. Л. Монтескье «О духе законов» (1748), в котором тот выдвигает в качестве основного принципа то, что все люди обладают фундаментальными правами, которые необходимо защищать от деспотизма и бесконтрольной власти государства. 24 января 1760 г. в письме отцу из Казани Семен провозглашает: «Тут все натуральные права изъяснены. Эта книга всякого человека сделает просвещенным и обо всем генерально даст понятие»⁴. Он был так захвачен трактатом Монтескье, что во всей своей последующей обширнейшей переписке с друзьями постоянно на него ссылался. В ноябре 1760 г. он просит отца прислать ему в Москву, «что напечатано Петрииды Михаила Васильевича» (т. е. поэмы Ломоносова «Петр Великий»)⁵.

Александр не забывает о брате, постоянно заботится о нем, посылает ему из-за границы «7 пар шитых манжет, 12 пар чулков и полотна на дюжину рубах»⁶.

Жизнь Семена следовала обычному курсу, включая служение стране и занятия семейными делами. Он быстро продвигался по службе. Его назначили камер-пажом, затем, с восхождением

¹ АКВ. XVI. С. 14.

² АКВ. XVI. С. 35–36.

³ АКВ. XVI. С. 68.

⁴ АКВ. XVI. С. 15.

⁵ АКВ. XVI. С. 38.

⁶ АКВ. XXXIV. С. 281.

Петра III на престол, — камер-юнкером. Тем не менее, он ревниво следил за успехами других, сравнивая их со своими: «мне крайне прискорбно то, что те, которые гораздо после меня записались, уже выпущены» из пажей в гвардию¹. В том же 1762 г. Воронцов был произведен в поручики лейб-гвардии Преображенского полка². Он совсем не подозревал, что всего лишь через несколько месяцев вмешаются политические события, и его планам и ожиданиям наступит неожиданный конец.

Семен был при дворе в большом фаворе. Его дядя был канцлером, а его сестра Елизавета³ — фавориткой императора. И даже в этих обстоятельствах он просил Петра III выпустить его из душных рамок придворной жизни. Согласно автобиографии, в восемнадцать лет Семен был «горяч, как француз, и пылок, как сицилиец»⁴. С самого детства он чувствовал склонность к военной службе, и теперь, когда должна была быть объявлена война Дании, он стремился присоединиться к армии генерала Петра Румянцева в Померании. Император согласился послать его курьером к Румянцеву, где он должен был ждать прибытия своего полка. Обрадованный, Воронцов приготовился к отъезду и попрощался с семьей.

¹ АКВ. XVI. С. 38–39.

² *Алексеев В. Н.* Графы Воронцовы и Воронцовы-Дашковы в истории России. С. 152.

³ О Елизавете Воронцовой см.: *Алексеев В. Н.* Мария и Елизавета Романовны Воронцовы // Воронцовы — два века в истории России. Выпуск 2. Петушки, 1996. С. 16–29; *Столбова Е. И.* Новое в иконографии графини Елизаветы Романовны Воронцовой // Воронцовы — два века в истории России. Труды Воронцовского общества. Выпуск 4. Петушки, 1999. С. 118–126; *Ведьмин О. П.* Русская «госпожа Помпадур» при дворе Петра III // Вестник Кемеровского государственного университета. № 4 (60). 2014. Т. 1. С. 21–27.

⁴ АКВ. VIII. С. 3–4.

Глава II

Дворцовая революция и путешествие в Европу, 1762–1765

Переворот. Потери клана Воронцовых. Поездка в Вену. Первая поездка в Италию, путешествие по Европе.

Утром 28 июня 1762 г., когда молодой граф Семен Романович Воронцов садился в экипаж, чтобы отправиться за последними инструкциями к императору, а затем и в путешествие, которого он так желал, живший в доме его отца родственник сообщил, что видел императрицу Екатерину Алексеевну, окруженную гвардейским Измайловским полком. Одни гвардейцы уже радостно присягали ей как единственно правительнице, а другие подбегали, чтобы сделать то же самое. Переворот был в самом разгаре. Семен Романович был в бешенстве¹. Убежденный восемнадцатилетний законник не мог поверить, что Екатерина, немецкая принцесса, столь безрассудно узурпировала трон своего мужа, внука Петра Великого. Верный девизу на гербе своей семьи «Semper immota fides» («Вечно непоколебимая верность»), он немедленно отправился в Преображенский полк, где стал призывать гвардейцев оставаться верными той клятве, которую они дали законному императору.

Вместе с капитаном Петром Измайловым и майором Петром Воейковым, которые остались верны Петру III, Семен Воронцов направил полк маршем по Невскому проспекту к Казанскому собору, чтобы ударить по восставшим. Поручик Воронцов был совершенно уверен, что его дисциплинированные гвардейцы, ударив в штыки, легко опрокинут пьяную и неуправляемую толпу. Но удара не последовало, и не было ни одного выстрела. Вся

¹ Позже друг Воронцова П. В. Завадовский писал: «Нрав графа С. Р. я весьма знаю. Он любит и сердится всегда горячо, и даже до крайности» (АКВ. XII. С. 22).

уверенность была поколеблена и все усилия пропали даром, когда внезапно появившийся полупьяный премьер-майор преображенцев князь Меншиков внезапно вскричал: «Виват императрица Екатерина Алексеевна, наша самодержица!» Гвардейцы подхватили крик, и офицеры уже не могли их контролировать. Майор Воейков отбросил свою шпагу и закричал: «Ступайте к черту, каналы, е. м., изменники! Я с вами не буду». Он повернул коня и отправился домой, где был впоследствии арестован¹.

Семен Воронцов, напротив, продемонстрировал в эту минуту находчивость, решительность и ясность мысли, какие он будет не раз показывать в самые яркие моменты своей военной и дипломатической карьеры. Он немедленно решил пробиться через толпу к реке и отплыть в Ораниенбаум, чтобы предупредить императора. Оттуда они могли бы бежать в Нарву и соединиться с русской армией. В эту секунду кто-то схватил его за ворот, и Семен, выхватив шпагу, нанес скользкий удар по шляпе и плечу нападающего. Однако унтер-офицеру и шестерым мушкетерам Измайловского полка удалось его арестовать. Он был заключен под стражу на десять дней в подвал Зимнего дворца. В эти дни он обдумывал произошедшие события и внезапное прекращение так удачно складывавшейся карьеры, клянясь никогда больше не служить в полку, полном предателей. После смерти Петра III Семен Романович получил обратно свою шпагу и приказ Екатерины вернуться в полк. Вместо этого он отправился прямо домой и обнаружил, что отец выслан в Москву, а дядю отправили под домашний арест, «чтобы оберегать его от народа».

¹ АКВ. VIII. С. 5–6. В оригинале воспоминания С. Р. Воронцова написаны по-французски с русскими вставками. Русский слегка облагороженный перевод см.: Автобиография графа Семена Романовича Воронцова / Публикация П. И. Бартенева // Русский архив. 1876. Книга 1. Выпуск 1. С. 36–37. «Прочитав эту автобиографию ... государь Александр Николаевич выразился ... "Будь граф Воронцов постарше летами, Петр III усидел бы на престоле"» (АКВ. XXXII. С. 73, прим. 2 — примечание сделано П. И. Бартеневым).

Екатерина не любила влиятельный клан Воронцовых и в мемуарах, написанных много позже, выделила Семена Романовича и его отца: «тут находилась еще одна персона, брат княгинин, Семен Романович Воронцов, которого Елизавета Романовна, да по ней и Петр III, чрезвычайно любили. Отец же Воронцовых, Роман Ларионович, опаснее всех был по своему сварливому и перемечливому нраву»¹. Последствия их верности Петру III были далеко идущими и довольно серьезными. После двух недель домашнего ареста Роман Ларионович был отправлен в Москву и лишен существенных источников доходов. Его поместья на Украине и семейные земли в Карелии были конфискованы. Ему пришлось продать железодельные заводы, которые составляли примерно половину его богатств. По некоторым оценкам, к концу жизни он потерял почти две трети своего прежнего состояния². Дочь Елизавета была исключена из фрейлин и немедленно увезена в закрытой (во избежание огласки) карете из Петербурга сначала в Москву, а потом в отцовское имение (возможно, в Демидково). Она жила там, пока ей не разрешили вернуться в Москву после коронации Екатерины.

Канцлер Михаил Ларионович Воронцов стал свидетелем того, как рухнуло дело всей его жизни. Соблюдая свою честь, он присягнул императрице только после смерти Петра III, но, тем не менее, был скоро освобожден от своих обязанностей. Из всех членов прежде близкого к трону клана только Екатерина Романовна, вышедшая в 1759 г. за князя Дашкова, значительно выиграла от восхождения Екатерины на престол. Во время событий 1762 г. она была на стороне императрицы и вела войска против своего крестного, императора, одетая в форму офицера Преображенского полка, форму, которую Семен Романович отринул и обещал себе никогда

¹ *Екатерина II. Мемуары // Екатерина II. О величии России. М.: Эксмо, 2003. С. 706.*

² *Захарова О. Ю. Граф С. Р. Воронцов — посол Российской империи. С. 17–18.*

больше не надевать¹. Гордый, строгий и нестигаемый человек, когда дело касалось вопросов чести, Семен Романович так никогда и не простил сестре то бесчестье, которое она навлекла на него и его семью в тот день. Часто он даже не называл ее по имени. Так, узнав о внезапной смерти своего зятя, он пишет: «По газетам мы известились, что князь Михайло Иванович Дашков в Польше умер; как он был человек честного и весьма доброго сердца и конечно не участник в бешенствах и неистовствах жены своей, то все о нем здесь сожалеют, как дядюшка, так и тетушка. Сколько мне кажется, то жена сего покойника выйдет опять замуж за некоторого

¹ Михаил Ларионович в письме к Александру Романовичу от 21 августа 1762 г. сформулировал отношение семьи Воронцовых к Екатерине Дашковой: «О сестре вашей княгине Дашковой уведомить имею, что мы от нее столько же ласковости и пользы имеем, как и от Елисаветы Романовны, и только что под именем ближнего свойства слышем, а никакой искренности, ни откровенности, и еще менее какого либо вспомоществования или надежды, чтоб в пользу нашу старания прилагала, отнюдь не имеем; и она, сколько мне кажется, имеет нрав развращенный и тщеславный, больше в суетах и мнимом высоком разуме, в науках и пустоте время свое проводит. Я опасаясь, чтоб она каприсами своими и неумеренным поведением. и отзывами, столько не прогневила Государыню Императрицу, чтоб от Двора отдалена не была, а чрез то наша фамилия, в ее падении, напрасного порока от публики не имела. Правда, она имела многое участие в благополучном восшествии на престол всемилоостивейшей нашей Государыни, и в том мы ее должны весьма прославлять и почитать; да когда поведение и добродетели не соответствуют заслугам, то не иное что последовать имеет, как презрение и уничтожение. Я истинно на нее сердца или досады не имею и желаю ей иметь всякое благополучие; только индифферентность ее к нам чувствительна и по свойству несносна, тем более, что от благополучия ее не имеем пользы, а от падения ее можем претерпеть напрасное неудовольствие. Вы, сие зная, должны иметь в переписке с нею всякую осторожность. Что ж касается до мужа ее, то он к нам непременно прежнюю ласковость и учтивость оказывает и ведет себя скромно и разумно» (АКВ. V. С. 105–106). Он же продолжает 24 октября: «Только вам именно запрещаю больше о сестре твоей Е. Р. не отзываться: она в нынешнем ее состоянии щастливее первого. Письмо твое княгине Дашковой, по желанию отца твоего, не отдано и здесь уничтожено. Она поведением своим не привлекает нас никого к любви своей» (АКВ. V. С. 108–109). Жена М. Л. Воронцова, графиня Анна Карловна, когда увидела «беспутное ее [Дашковой] поведение», то «отрекла ее от своего дому» (АКВ. XVI. С. 80).

человека, с коим у нее толь откровенное и дружеское обхождение»¹. В письмах к брату он всегда резко отзывался о ней² и желал, чтобы она оставила его в покое. Александр же, сначала по желанию отца, сохранил отношения с сестрой и поддерживал их до конца жизни³.

Императрица Екатерина могла быть великодушной и очень рациональной, особенно когда стремилась окружить себя талантливыми людьми, даже если они не поддерживали полностью ее политику или фактически противостояли ей. Так было в случае представителей семьи Воронцовых⁴, включая Романа Ларионовича, Александра Романовича и Семена Романовича, а также и в других случаях, например, Александра Васильевича Суворова и братьев Паниных — Никиты Ивановича и Петра Ивановича, которых она не выносила. В конце концов, все они были назначены на важные посты, но Семен Романович не желал иметь ничего общего с Екатериной Алексеевной и предпочел держаться от нее подальше. Император был убит, а корона его попала в руки предателей, и единственное, о чем теперь думал Семен Романович, — это о том, чтобы покинуть Россию. Он попросил дядю позволения присоединиться к брату в Лондоне, где в 1762–1764 гг. Александр

¹ АКВ. XVI. С. 78. Под «некоторым человеком» имеется в виду граф Н. И. Панин; предположение не оправдалось.

² Например, Воронцов пишет брату из Пизы 10 (21) марта 1785 г.: «Все, что вы мне говорите о приемах матери мадам Щербининой [т. е. княгини Дашковой], совсем меня не удивляет. Кто не знает силу ее характера! И это наименьший из ее грехов. Я хорошо знаю истории о ее пребывании в этой стране [Италии], где она задержалась на несколько месяцев» (АКВ. IX. С. 26). Дашкова жаловалась Александру, что брат ее Сеньюша «тысячу лет» ей не пишет, и просила посодействовать в налаживании с ним отношений (АКВ. V. С. 179–180). См. также: Из переписки княгини Е. Р. Дашковой с ее братьями // Русский архив. Книга 1. Выпуск 1. 1912. С. 5–22.

³ АКВ. XXXIV. С. 288.

⁴ В письме от 13 августа 1762 г. к Александру Романовичу Екатерина II сформулировала свою позицию по отношению к Воронцовым: она не изменила к ним своего принципиального отношения, но они хорошо работают на своих постах и поэтому могут не беспокоиться о судьбе своей семьи (АКВ. V. С. 145).

Романович был российским министром при британском дворе. Михаил Ларионович согласия не дал, поскольку опасался горячего и импульсивного нрава племянника, а вместо этого отправил его (разумеется, по повелению императрицы) советником посольства в Вену под присмотр министра князя Дмитрия Михайловича Голицына. Семен Романович отметил: «Я сразу же уехал, воспользовавшись возможностью покинуть страну, где все наполняло меня ужасом»¹.

Блеск барочной Вены — города музыкантов, где шестилетний Моцарт уже играл для императрицы Марии Терезии, — на время отвлек Воронцова. Со старинной оперной традицией, классической музыкой, театром и другими искусствами Вена предложила ему возможность удовлетворить любовь к музыке и опере. Он завел новые знакомства и новых друзей, среди которых был Людвиг-Генрих фон Николаи². Дружба с ним продлится более сорока лет. Николаи служил секретарем у Голицына в российском посольстве, а в будущем заменит Дашкову на посту директора Академии наук. Переписка с ним во многом окажется общением Воронцова с Петербургской академией наук. В университете Страсбурга вместе с Николаи учился Франц Герман Лафермьер — поэт, либреттист и влиятельный человек в театральном мире. Лафермьер затем уехал в Россию благодаря поддержке Михаила Ларионовича и стал до

¹ АКВ. VIII. С. 8. В «Автобиографии графа Семена Романовича Воронцова» (с. 38) перевод смягченный: «Я поспешил выехать, обрадованный возможностью оставить Россию».

² После перехода в православие — Андрей Львович Николаи. О нем и его отношениях с С. Р. Воронцовым см. предисловие П. И. Баргенева к письмам Николаи Воронцовым (АКВ. XXII. С. v–viii), а также: *Kenn E. E.* Воронцовы и Николаи: судьбы, общение, переписка // Воронцовы — два века в истории России. Труды Воронцовского общества. Выпуск 3. Петушки, 1998. С. 97–103.

конца жизни близким другом Александра Романовича¹. Воронцов постоянно общался в Вене и с И. И. Шуваловым².

Пребывание, хотя и недолгое, Семена Романовича в Вене стало для него введением в основы дипломатической службы, которая впоследствии будет главным делом его жизни. Однако его возможности узнать больше о европейской торговле, политике и дипломатии расширились благодаря дяде, который тоже оказался тогда в Европе, «путешествуя для поправления здоровья» и налаживания дел государственного Медного банка³. В октябре 1763 г., т. е. спустя примерно 16 месяцев, он присоединился к семье Михаила Ларионовича, проезжавшей Вену на пути в Италию⁴, и сопровождал ее в путешествии по Европе в 1763–1764 гг. Вместе с кузиной Анной⁵, жившей теперь отдельно от мужа⁶, они провели зиму в Италии и совершили продолжительные поездки в Париж, Брюссель, Гамбург, Мюнхен и Берлин. Везде они проводили время в высшем обществе, осматривали достопримечательности, музеи и

¹ См. подробнее: *Алексеев В. Н.* Франсуа Лафермьер и семейство Воронцовых // Воронцовы — два века в истории России. Труды Воронцовского общества. Выпуск 3 / Редактор и составитель В. Н. Алексеев. Петушки, 1998. С. 4–20. Переписка Лаферьера с Воронцовым опубликована в АКВ. XXIX и XXXII.

² АКВ. XVI. С. 46, 49.

³ АКВ. VIII. С. 8; Автобиография графа Семена Романовича Воронцова. С. 38; АКВ. V. С. 127–135; АКВ. XXXI. С. 239–241.

⁴ Михаил Ларионович испрашивал у Екатерины разрешение на поездку племянника (АКВ. VII. С. 621). Поездка канцлера с семьей из России в Европу прослеживалась в европейских газетах, например, в римской «Diario ordinario» за 1763 г. (Num. 7222, 19 Ottobre — Num. 7242, 3 Decembre). Мы узнаем, что канцлер выехал из Петербурга 28 августа, прибыл в Вену 26 октября и покинул ее 9 ноября.

⁵ АКВ. XVI. С. 61–62.

⁶ АКВ. V. С. 148–151. Императрица отстранилась от этого дела, сказав, что она сожалеет, но это дело нее ее, а церковное, а ей все равно, какую фамилию будет носить Анна (АКВ. VII. С. 649–650). В июле супруги Строгановы обменялись разводами письмами, таким образом, они расторгли брак без церковного суда только при наличии светских свидетелей (*Цатурова М. К.* Три века русского развода (XVI–XVIII века). М.: Логос, 2011. С. 202–203).

посещали концерты¹. В Венеции художник Пьетро Адами нарисовал их портреты, а в Болонье Воронцовы посетили Фаринелли², который спел им две арии. Впрочем, эти годы были гораздо более важны для Воронцова, чем всего лишь период знакомства с культурным наследием. Они дали ему широкое гуманитарное образование и профессиональную готовность к будущей карьере, ведь в это время он учился у многоопытного дяди ориентироваться в государственных и негосударственных международных отношениях. Уже бегло говоря по-французски, Семен Романович изучал с помощью Лафермьера итальянский³. Были у него и платные учителя, один из них, например, учил его «натуральным и гражданским правам»⁴. Он беспокоится больше всего о книгах, которые покупает и собирает, несмотря на стесненность в средствах: «что же касается до библиотеки и математических инструментов, сия большая бы хотя и была на оные издержка, но такой природы, что раз ее сделав ... потом уже вечно останется для просвещения того, который ее имеет, если он только к чтению склонность имеет»⁵.

Михаил Ларионович инструктировал племянников по самому широкому кругу вопросов от сущности дипломатической службы и

¹ См., например, отчет о пребывании во Флоренции в декабре 1763 г. в письме Семена Романовича к отцу (АКВ. XVI. С. 52–53) и рассказ о поездке в письме к брату (АКВ. XXXII. С. 82–83).

² Фаринелли — сценический псевдоним Карло Марии Микеланджело Никола Броски (1705–1782), знаменитого итальянского певца-кастрата XVIII в., одного из величайших певцов в истории мировой оперы.

³ АКВ. XVI. С. 108; *Алексеев В. Н.* Графы Воронцовы и Воронцовы-Дашковы в истории России. С. 128. Воронцов продолжал и позже совершенствовать свой итальянский, прибегнув, например, в 1777 г. к помощи итальянца, знавшего русский язык. Отблагодарил он учителя присылкой тому русских книг (АКВ. XXXII. С. 192; *Долгова С. П.* М. В. Ломоносов и графы Воронцовы // Воронцовы — два века в истории России. Труды Воронцовского общества. Выпуск 15. Петушки, 2012. С. 27).

⁴ АКВ. XVI. С. 47.

⁵ АКВ. XVI. С. 69–70.

протокола до стилистики хорошего документа, который должно писать «ясно и внятно, избегая в штиле фигурных слов и излишнего пространства»¹. Но горечь Семена Романовича не исчезала, и он мало размышлял о своей карьере. В апреле 1764 г. он писал брату, тогда послу в Нидерландах: «Я думаю, что перед возвращением в Россию с дядей, я хотел бы провести пару лет с вами в Гааге и с божьей помощью остаться там до конца моих дней, чтобы никогда больше не возвращаться на мою милую родину»². Дядя вновь вмешался и урезонил взвинченного племянника. После потери семьей влияния в 1762 г., Михаил Ларионович старался внушить молодому поколению идею, что не следует доверять тем, кто обладает властью, ведь их поддержка непостоянна и не очень-то искренна. В качестве доказательства он указывал на свои собственные усилия при дворе, которые так и не спасли его от яда зависти и интриг. Ему все же удалось убедить Семена в том, что следует различать родную страну и тех, кто ею правит. Немалую роль сыграло и то, что отцу было трудно содержать сына за границей достойно. В июле 1764 г. тот пишет отцу из Парижа, что готов вернуться в Россию. Убежденный дядей в обязанности служить своей стране, Воронцов при этом пишет:

Я себе не могу вообразить более несчастья, когда вздумаю, что мне в гвардии остаться, и лучше предпочту ходить по миру, нежели служить и опять в сем корпусе. И так всенижайше прошу, милостивый государь батюшка, сделать мне ту милость, чтобы постараться о выпуске моем в полевые полки. Я безмерное имел всегда желание служить моему отечеству, и оно желание всегда еще умножается; но придворной жизни я снести не могу и опасюсь ее более еще, нежели гвардии³.

¹ АКВ. XXXI, С. 157 (из письма Михаила Илларионовича с наставлениями старшему брату Александру 16.04.1762); *Александренко В. Н.* Русские дипломатические агенты в Лондоне. Том I. С. 344.

² АКВ. XXXII. С. 83.

³ АКВ. XVI. С. 71.

В ноябре 1764 г. из Берлина Михаил Ларионович пишет прошение Екатерине II, в котором указывает: «При нынешнем его [Семена Воронцова] возвращении со мною в Отечество, он крайнее желание имеет служить Вашему Императорскому Величеству в напольных полках и всенижайше просит о определении его в армию. К сему его прошению, и я всенижайшее мое присовокупляя, всеподданнейше прошу повелеть по чину его определить в армейские полки». Он прикладывает это прошение к письму вице-канцлеру, напоминая последнему, что Семен уже целый год не получал причитавшегося ему жалования¹.

Расплатившись с долгами только благодаря помощи друзей, Семен Романович покидает в сентябре 1764 г. Париж, проводит зиму в Берлине, встречается с братом в Утрехте и в январе 1765 г. возвращается в Петербург.

¹ АКВ. VII. С. 638–639.

Глава III

Военная служба и Русско-Турецкая война, 1766–1776

У дяди в Москве. Смерть М. Л. Воронцова. Влияние дяди. Своя библиотека. Окончание образования. Отношение к религии. Оценка переводов. Страсть к чтению. Отношения с кузиной. В армию. Аудиенция у Чернышева. На войне. Отношения с Румянцевым. Ларга, Кагул, Силистрия. Мирный договор. Отношения с Потемкиным. Празднование мира. В отставку. «Записка о воинской тактике» и «Инструкция ротным командирам». Дуэль.

Еще будучи в Берлине, Воронцов просил перевести его из гвардии, где был третьим поручиком, в регулярную армию и в 1766 г. был выпущен в премьер-майоры, хотя претендовал на звание подполковника. Терпеливо он сносил эту обиду более года, служа в Четвертом гренадерском полку, но, наконец, в гневе подал в отставку, уехав жить к дяде Михаилу Ларионовичу в Москву¹. Там он заболел воспалением легких, но относительно быстро выздоровел благодаря, как он считал, хорошему лечению диетой из молока, овощей и сельтерской воды². Всю свою дальнейшую жизнь он будет бояться приступов удушья, и страх его усилился тем, что молодая Анна Михайловна в конце концов проиграла битву с этой болезнью. Некоторое время Воронцов тихо жил в Москве³ в компании старика-канцлера, которого отставили от службы Н. И. Панин и Г. Г. Орлов, и Анны, женщины, которую он обожал,

¹ АКВ. VIII. С. 8.

² АКВ. XVI. С. 92–94.

³ Через много лет от напишет сыну: «Я с рад видеть, что ты любишь Москву. Это хороший город, который, кроме своего размера, еще и гораздо respectableнее Петербурга» (АКВ. XVII. С. 82, 584).

чья любовь делала его абсолютно счастливым¹. Занимался он, в основном, хозяйственными делами своей семьи, например, разбирал жалобы и тяжбы своих слуг и крепостных, ярко проявляя при этом свойства своей натуры. Так, он пишет отцу в феврале 1767 г.:

За тем я не мог высечь невинного; а хоть бы он и был виновен, то осмелился бы просить вас, милостивой государь, чтоб изволили бы простить однажды такому человеку, которой десять лет мне служит безпорочно и оказал мне во время моего ареста столько верности и преданности, что я во всю жизнь мою не в состоянии буду довольно ему оказать мою благодарность².

Он опять печется о собственной библиотеке, желая довести ее хотя бы до тысячи томов (тогда как у брата уже более пяти тысяч). Он, например, просит Александра в сентябре 1765 г. прислать только что вышедшую «Философию истории» Вольтера³.

Удовольствия домашней жизни в отставке длились недолго и резко оборвались со смертью Михаила Ларионовича 13 февраля 1767 г.

Михаил Ларионович Воронцов будет еще долго оказывать влияние на племянника, как образец силы и стойкости в несчастье. Принципы его были заложены этикой служения, установленной Петром Великим. В 1762 г. его чувство долга и чести в отношении ко все еще живому монарху не позволило ему присягнуть

¹ В 1764 г. Семен Романович пишет в письме к отцу из Бремена: «Что ж касается до Анны Михайловны, то после сестры Елизаветы Романовны я другой сестры не имею, по крайней мере, которая б меня так любила» (АКВ. XVI. С. 77). В декабре 1766 г. Он пишет отцу из Москвы: «Сестра же моя по той любви, что мы с маленьку друг к дружке всегда имели, когда я болен, всегда при мне, за мной смотрит и от меня не отстает, так что без нее и один оставшись в доме я совсем пропаду» (АКВ. XVI. С. 104–105).

² АКВ. XVI. С. 107; *Марасинова Е. Н.* Психология элиты российского дворянства последней трети XVIII века. (По материалам переписки). М.: РОССПЭН, 1999. С. 214–215.

³ АКВ. XVI. С. 96; АКВ. XXXII. С. 90.

Екатерине до смерти Петра III. А во время коронации он смело выступил против выдвинутой при дворе идеи брака Екатерины с Григорием Орловым¹. Канцлер был защитником и хранителем, вторым отцом. Он любил и обучал племянника, как сына, ведь своего сына у него не было, и поучения его Семен запомнил. Хотя «Манифест о вольности дворянской» 1762 г. и освободил дворян от обязательной службы государству, граф Семен Воронцов последовал совету канцлера и своему чувству долга перед отечеством. Он будет служить России, но не при дворе, а на далеких полях сражений и в дальних землях.

Тетка Анна Карловна позволила выбрать Семену 300–400 книг из библиотеки покойного мужа, но и этого ему показалось не достаточным (Дашкова забрала более 500 книг), поэтому он заказывал книги в письмах к Александру, надеясь, что тот сумеет найти их у голландских книготорговцев. Ему нужны были, например, «Всеобщая история путешествий», «Энциклопедия» Дидро и Даламбера, большой итальянский словарь, труды по архитектуре Палладио и Витрувия, всеобщая история, различные словари и атласы². Ему очень понравилась повесть Вольтера «Простодушный» (кроме трагического окончания, усилившего его ипохондрию), но очень не понравилась присланная братом книга против Вольтера и Юма. «Мне нравится думать, что Юм — такой же честный человек, как и блестящий моралист, великий философ и лучший историк из всех, когда-либо существовавших».

¹ Записки княгини Дашковой. Репринтное воспроизведение / Россия XVIII столетия в изданиях Вольной русской типографии А. И. Герцена и Н. П. Огарева. М.: Наука, 1990. С. 84–86.

² АКВ. XVI. С. 68; АКВ. XXXII. С. 102–104; *Полевищикова Е. В.* Библиофильство в семье Воронцовых: Роман Илларионович Воронцов и его сыновья // Век Просвещения = Le Siècle des Lumières / Отв. ред. С. Я. Карп. Вып. I. Пространство европейской культуры в эпоху Екатерины II = Espace culturel de l'Europe à l'époque de Catherine II. М.: Наука, 2006. С. 351, 361–362.

Обсуждение повести Вольтера дало Воронцову повод высказаться о религии вообще и о его вере, в частности:

«Простодушный» доставил мне огромное удовольствие, особенно глава о крещении. Это лучшая шутка в мире. В общем, нельзя лучше атаковать и высмеять абсурдное противоречие, в которое впали почти все известные религии: взять что-то за основание и фундамент, а затем ввести заповеди, учреждения, совершенно противоречащие этому основанию. В христианстве все основано на Библии, и все делают вопреки ей — и авторитеты, и церковные институты. «Новый завет», основанный и опирающийся на «Ветхий», часто ему противоречит. Невозможно строго следовать первому, не будучи евреем, и если кто-то соберется следовать «Новому завету» буквально и не делать ничего, кроме того, что в нем указано, этот бедняга будет считаться сектантом-еретиком греческими христианами, латинскими христианами, христианами-лютеранами, христианами-кальвинистами и единодушно всеми различными существующими христианскими сектами, кроме квакеров. Что касается меня, то мой символ веры таков: делать всем добро, не делать никому зла и верить в существование Бога всеблагого, всемогущего, справедливейшего, который нас накажет или вознаградит в будущей жизни в зависимости от наших действий и нашей совести¹.

Аналогично, обсуждение французского перевода подвигает Воронцова на высказывание о своем отношении к переводам:

Я только что прочитал одолженную мне книгу под заглавием «О преступлениях и наказаниях» [Чезаре Беккариа], сочинение чрезвычайно интересное теми философскими и благородными чувствами, с которыми автор выражает себя. Очень меня обяжешь, послав мне эту книгу на французском и на итальянском, поскольку это оригинал, а люди, которые прочли ее и на том, и на другом языках, уверяли меня, что переводчик ошибся, изменив

¹ АКВ. XXXII. С. 114–115. Заметим, что письмо брату было написано в Москве в ноябре 1767 г., т. е. того же года, когда повесть Вольтера была впервые напечатана в Женеве.

последовательность глав, и что он даже неверно перевел. Профессор Мюллер¹, который сейчас здесь [в Москве], сказал мне, что когда читаешь перевод, кажется, что переводчик выражается осмысленно; но, когда читаешь итальянский оригинал, находишь, что переводчик сильно ошибается².

Можно сказать, что именно в это время закончилось основное образование Воронцова. Оно было настоящим дворянским образованием и состояло из нескольких элементов. Во-первых, это «легкое французской обучение», означавшее умение жить и общаться в своей сословной среде, то есть умение вести себя в обществе, вести разговор по-французски, танцевать и т. д. Означало это и определенную начитанность, знание тех произведений и авторов, о которых говорили. Во-вторых, это обучение у наемных учителей, в пансионе и в полку различным дисциплинам, которые были нужны в профессиональной жизни дворянина и офицера, — математике, фортификации, географии, истории, основам дипломатии, основам экономики и хозяйства, языкам, архитектуре, верховой езде, умению обращаться с оружием и т. д. В-третьих, все полученные умения и знания обязательно подкреплялись практически — вращением при дворе и в свете, службой в армии, поездками по России по конкретным хозяйственным делам и грантуром в Европу. Но самое главное, что сумели внушить Семену в семье, — это страстная охота к чтению, желание и умение постоянно заниматься самообразованием³.

После смерти дяди Воронцов поселился в Петербурге вместе с братом Александром, который только вернулся из Гааги. Он жил тихо, однако покой его длился недолго. Отношения с Анной (он

¹ Мюллер (Миллер) Герхард Фридрих (Федор Иванович) (нем. Gerhard Friedrich Müller, 1705–1783) — российский историограф, действительный член Академии наук, профессор истории, вице-секретарь, затем конференц-секретарь Академии.

² АКВ. XXXII. С. 101 (Москва, 9 июня 1767 г.).

³ То же самое можно сказать и о его брате Александре, и о сестре Екатерине (Дашковой).

называл ее домашним именем Ninette¹) стали усложняться, со временем у них сложилась любовная², но запретная связь. Для Воронцова особенно эмоционально тяжело было видеть, как здоровье его кузины тает с развитием чахотки. 25 сентября 1768 г., чтобы остановить движение границы и влияния России в южном направлении на территории Османской империи, султан Мустафа III объявил России войну. Агрессивные действия турок, включавшие арест российского эmissара, возродили патриотические чувства Воронцова и его юношеские мечты о военной славе. Более того, он увидел возможность резко сменить тяжелую для него ситуацию, как он сделал пять лет назад, уехав в Вену.

Восемь следующих лет, которые Воронцов проведет на службе в армии, станут временем его роста и взросления. Этот период жизни стал центральным для формирования его характера и отношения к жизни, решительно повлиял на его зрелые годы, поскольку в армии он нашел подходящую для него структуру и место, где он мог на время обрести стабильность и возможность держать под контролем свою переменчивую натуру. Тем не менее, предвещая будущие проблемы, его военная карьера началась неудачно, когда из-за отсутствия гибкости и недостатка дипломатических качеств он потерял поддержку влиятельного союзника.

Во время аудиенции у графа Захара Григорьевича Чернышева, этот увешанный наградами генерал и президент Военной коллегии был настроен благожелательно и хотел помочь. Он уверил Воронцова, что присвоит ему то звание, которое соответствует порядку и которого он не получил при выходе из гвардии, и даже похвалил молодого дворянина за то, что тот почти единственный желал

¹ АКВ. XXXII. С. 101.

² Биографы уверяют, что исключительно платоническая. См.: *Огарков В. В.* Воронцовы: их жизнь и общественная деятельность // Дашкова. Суворов. Воронцовы. Сперанский. Канкрин. Биографические повествования. Челябинск: Урал, 1995. С. 246. Так же считает и П. И. Бартенев.

вернуться в армию с началом войны. Действия других не были столь достойны подражания: коллегия получила более четырехсот прошений об отставке. Чернышев рекомендовал Воронцову присоединиться к Петербургскому полку, в котором он сам когда-то был полковником. Воронцов, однако, ответил отказом, объяснив, что намеревается приобрести военный опыт в действующей армии графа Петра Александровича Румянцева, одного из величайших русских военачальников XVIII в. Его победы во время Семилетней войны к 1761 г. проложили русской армии путь к Берлину, и только политика Петра III ей помешала. Горячее желание Воронцова маршировать вместе с Румянцевым было фактически пресечено переворотом 1762 г., прервавшего военную карьеру Семена. Румянцева ждала еще большая слава в первой Русско-турецкой войне (1768–1774), которая принесла ему и фельдмаршальский жезл, и титул Задунайского. Обиженный Чернышев гневно повернулся спиной, на что Воронцов заметил: «мне показалось чрезвычайно низким с его стороны ненавидеть желающих служить под начальством того, кому он завидовал»¹.

В армии Воронцов скоро завоевал расположение генерала Румянцева, которому понравились преданность делу и смелость молодого офицера. Между ними установились многолетние тесные личные отношения, способствовавшие карьере Воронцова². В большой степени Румянецв заполнил в жизни Семена то место, которое пустовало со дня смерти дяди Михаила Ларионовича. Генерал был примерно лет на двадцать старше, имел власть и влияние, к нему можно было обратиться за советом, вдохновением

¹ Автобиография графа Семена Романовича Воронцова. С. 40; АКВ. VIII. С. 9–10.

² Об этом свидетельствуют, например, письма П. А. Румянцева к С. Р. Воронцову за 1770–1776 гг. (АКВ. XXVII. С. 39–43, 46). Воронцов искал «подход» к Румянцеву еще до отъезда в армию, например, испрашивая рекомендательное письмо к нему у жены Румянцева Екатерины Михайловны (АКВ. XVI. С. 110; *Саввина А. Н.* О дате смерти Марии Романовны Бутурлиной // Воронцовы — два века в истории России. Труды Воронцовского общества. Выпуск 7. СПб., 2002. С. 70–71).

и поддержки. Воронцов потерял источник покоя и безопасности, которым была для него семья канцлера. Она была постоянным убежищем от превратностей жизни, а теперь и последняя связь с ней оборвалась с ужасной новостью о смерти Анны 21 февраля 1769 г.¹ На некоторое время военная служба заменила ему семью.

Во время первой Русско-турецкой войны Воронцов принял участие во всех главных сухопутных сражениях и в разнообразных стычках передовых отрядов². Он командовал батальоном Третьего гренадерского полка и в июне 1770 г., за несколько дней перед сражением при Ларге, с двумя сотнями человек сбил с позиции от двух до трех тысяч турок, которые до того «подстреливали наших людей, как уток»³. Он заслужил еще большую похвалу за действия во время решающих сражений на берегах рек Ларга и Кагул⁴. Битва при Ларге произошла 7 июля 1770 г., в тот же день, что и Чесменском сражение, приведшее к полному поражению военноморского флота Османской империи. «Находясь в авангарде русской армии, граф Воронцов прогнал в сражении при Ларге

¹ Спустя семь лет Корберон записывает ходившие при петербургском дворе слухи: «В этой стране принято отделяться таким образом от неприятных людей. Говорят, что жена Панина была отравлена так же, как первая жена гр. Строганова (Александра Сергеевича, президента академии художеств) и м-ель Воронцова, в смерти которой обвиняют кн. Трубецкого» (Интимный дневник шеваляе де Корберона, французского дипломата при дворе Екатерины II (из парижского издания) / Издание Ф. И. Булгакова. СПб.: Типо-литография К. К. Стефановского, 1907. С. 56).

² Журнал военных действий армий Ея Императорского Величества. 1769–1771. СПб.: Печатан при Государственной Военной Коллегии, 1769–1771.

³ Автобиография графа Семена Романовича Воронцова. С. 40; АКВ. VIII. С. 10.

⁴ «Ларго-Кагульская операция Румянцева, как имеющая капитальное значение в истории военного искусства в России, как классический образец русского военного дела ... есть классический образец наступательных действий и, вместе с тем, — период, где новые начала русского военного искусства получили наиболее прочное развитие» (*Масловский Д. О.* Записки по истории военного искусства в России. Выпуск второй. Царствование Екатерины Великой. 1762–1794 год. СПб.: Тип. В. Безобразова, 1894. С. 131, 137).

двухтысячный отряд турок, занявший передовую позицию»¹. Через две недели после битвы при Ларге, 21 июля 1770 г., русская армия добилась еще одной победы на суше в битве при Кагуле. Это было важнейшее сражение Русско-турецкой войны и одно из крупнейших в XVIII в. В решающий момент схватки Воронцов во главе батальона штурмовал и пробил ключевой редут врага, взяв в плен несколько турецких артиллеристов: «подполковник граф Воронцов с своим батальоном с левой стороны взошел в неприятельской ретранжамент и сопротивляющихся в нем янычар истребил, заняв в той части батареи и несколько отбив у турков знамен»². Были отбиты 40 орудий и два русских знамени, ранее захваченные неприятелем³.

О торжество неизреченно,
В восторг влекущее весь мир!
Воспеть геройство несравненно
Устрой своих, о Муза, лир!
Воспой героев несравненных
И прославляй тьму дел отменных;
Во все страны концов земных
И естеству и всей природе

¹ Судравский В. К. История лейб-гвардии Гренадерского полка. 1756–1906 гг. Т. 1. СПб.: Т-во Р. Голике и А. Вильборг, 1906. С. 168. «Сражение при Ларге, веденное от начала до конца сообразно основной идее заранее обдуманного плана, есть один из самых положительных образцов преднамеренного наступательного сражения и ближе других знакомит с огромным талантом Румянцева» (Масловский Д. О. Записки по истории военного искусства в России. С. 182).

² ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1820, л. 86–86 об. (www.runivers.ru/doc/d2.php?CENTER_ELEMENT_ID=147496).

³ АКВ. VIII. С. 10; Судравский В. К. История лейб-гвардии Гренадерского полка. С. 168. Чтобы отметить подвиг своего отца, М. С. Воронцов, будучи генерал-губернатором Новороссии и Бессарабии, воздвиг обелиск на месте сражения (Барбус Л. Ф. Памятники воинской славы // Памятники русской культуры и истории в Молдове: Фотоальбом / авт.-сост.: Т. П. Млечко, Л. Ф. Чашина, Л. Ф. Барбус; фотг.: Д. А. Топал. Кишинев: «Valinex» SRL, 2009. С. 50–54). Обелиск стоит до сих пор.

Яви и дай узреть в сем годе,
Что нет подобных им других¹.

Д. Д. Рябинин приводит слова о Воронцове генерала Генри Клинтона, который находился в качестве волонтера при русской армии:

...знаете ли вы, как он там был при Кагуле? Вся Русская сила состояла в 18 тысячах, а у Турков было 150,000. Граф Воронцов повел атаку против сильных неприятельских укреплений, взял штурмом редут, и Турецкая армия ретировалась в беспорядке. Победа была блистательная. Вот как Воронцов был при Кагуле!²

Некоторые современные историки следуют за этим мнением, цитируя Клинтона и Рябинина³. Однако в двух письмах, написанных в Лондоне в мае 1806 г., Воронцов бранит Луи Дютена, автора «Мемуаров отдыхающего путешественника», за доверие Клинтону, «который, не зная дела и наперекор истине, приписал мне победу при Кагуле»⁴. Дютен несколько более цветисто передал речь Клинтона. Тот якобы сказал: «Граф Воронцов во главе двух батальонов атаковал врагов с храбростью и бесстрашием, сломил их ряды, разгромил их, и вся русская армия последовала ему, одержав полную победу»⁵. Согласно Воронцову, он командовал одним батальоном, а не двумя, победу одержал генерал Румянцев и его

¹ Ода на славную победу одержанную победоносным оружием Ея Имп. Величества над турками и татарами при устье реки Кагулы, под предводительством его сиятельства высокоповелительнаго господина генерал-фельдмаршала графа Петра Александровича Румянцова, июля 21, 1770 года / Сочинена Иваном Хемнитцером. СПб.: [Тип. Акад. наук], 1770.

² *Рябинин Д. Д.* Граф Семен Романович Воронцов. С. 72–73.

³ *Половинкина М. Л.* Семен Романович Воронцов (военная и дипломатическая деятельность). Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Курск, 2007. С. 34.

⁴ АКВ. XVI. С. 377–381; см. также *Marcum J. W. Semen R. Vorontsov*. P. 17.

⁵ *Dutens L. Mémoires d'un voyageur qui se repose: contenant des anecdotes historiques, politiques et littéraires*. 3 vol. Vol. 2. P.: Bossange, Masson et Besson, 1806. P. 331–332.

армия¹, а генерал Клинтон не был надежным источником информации, поскольку он приехал в Россию через три года после битвы. На самом деле, Клинтон побывал на Русско-турецкой войне в 1774 г. со своим другом Генри Ллойдом, военным историком, служившим генерал-майором в русской армии. Возможно, генерал Клинтон узнал о подвигах Воронцова от своего друга.

Даже если роль Воронцова не была решающей, она была достаточно яркой, чтобы привести к наградам и повышению: за Ларгу он получил орден Св. Георгия четвертого класса, а за Кагул — орден Св. Георгия третьего класса. Он также заслужил полное доверие Румянцева, который произвел его в полковники и назначил командиром Первого гренадерского полка, составленного из закаленных в боях ветеранов, отличившихся еще в Семилетнюю войну². Полк Воронцова был одним из самых отличившихся соединений первой Русско-турецкой войны. Военные годы, проведенные полком за границами России, потери, болезни, изнурительные походы — «все это вызвало необходимость серьезных мер для приведения в порядок всех отделов полковой организации. Граф Воронцов со свойственной ему энергией и заботливостью» в периоды отдыха между боевыми действиями

¹ Военный историк так описывает действия Воронцова: «...гренадерский батальон Воронцова, из отряда Баура, воспользовался ложиною, пробрался вперед, наткнулся ... на необеспеченный левый фланг турецкой укрепленной линии и открыл продольный огонь, что всецело облегчило фронтальный удар Племянникова, а за ним Олища. Баур поддержал Воронцова, а Брюс атаковал правый фланг турок. Репнин, видя успех в центре, свернул влево, открыл огонь в тыл турок и тем увеличил панику, обыкновенно охватывающую их в подобном положении. В 10-м часу утра позиция была уже взята, и неприятель обращен в решительное бегство. Потери турок были огромны ... Охват батальона Воронцова, Баура и движение в тыл Репнина — есть результат частной инициативы и стремления частей к взаимной выручке» (*Масловский Д. О.* Записки по истории военного искусства в России. С. 192, 196).

² АКВ. VIII. С. 10–11; Автобиография графа Семена Романовича Воронцова. С. 40; АКВ. XXVIII. С. 61–63; АКВ. XXXII. С. 143; *Судравский В. К.* История лейб-гвардии Гренадерского полка. С. 168.

пользовался «наступившею мирною обстановкою. Особенное внимание он обратил на обучение рекрут, составивших, вследствие громадной убыли нижних чинов, главный контингент полка»¹. Воронцов перевозил заслуги своих гренадеров в сражении за Силистрию 12 июня 1773 г.² В автобиографии он детально описывает, как в ряде случаев его люди сдерживали превосходящие силы противника, выручая таким образом истощенные войска Г. А. Потемкина и даже спасая жизнь Румянцеву, только что ставшему фельдмаршалом³.

Румянцев скупно упоминал эти события в своих рапортах, но рекомендовал Воронцова к продвижению по службе. Воронцов, однако, считал, что уже ко времени событий при Силистрии его заслуги несправедливо игнорировались. Несмотря на его достижения и усилия фельдмаршала, он впал в немилость⁴. Чернышев, не забывший воронцовскую дерзость, задерживал и подрывал его карьерный рост. Граф Захар Григорьевич предупредил императрицу, что несколько полковников могут уйти в отставку в знак протеста, и в конце концов она не подписала указ о следующем чине. Однако Воронцов через несколько месяцев узнал, что ряд более молодых офицеров получили чин бригадира. Гнев и возмущение, которые Воронцов чувствовал во время переворота 1762 г. и при отставке в 1766 г., всплыли вновь, и только отвращение осталось от его прежней мечты о военной славе. Он твердо решил уйти в отставку по окончании войны.

¹ Судравский В. К. История лейб-гвардии Гренадерского полка. С. 186; Половинкина М. Л., Шляпникова Е. А. Семен Романович Воронцов // Вопросы истории. № 1. 2003. С. 63.

² Воронцов был окружен с 600 солдатами под Силистрией, храбро отбивался и был спасен подоспевшим Потемкиным (Военный энциклопедический лексикон. Издание второе. Т. III. СПб.: Типография штаба военно-учебных заведений, 1853. С. 571; Obituary — Count Woronzow // The Gentleman's Magazine, 1832. P. 78).

³ АКВ. VIII. С. 11–12; Автобиография графа Семена Романовича Воронцова. С. 40–41.

⁴ АКВ. VIII. С. 11; Автобиография графа Семена Романовича Воронцова. С. 42.

10 июля 1774 г. мирный договор между Россией (представленной фельдмаршалом Румянцевым) и Османской империей (представленной Мусун Заде Мегмет Пашой) был подписан в Кючук-Кайнарджи — маленькой болгарской деревне южнее Силистрии. Для Порты это был позорный конец войны. Наиболее важным следствием договора было то, что Османская империя уступала регион между Днепром и Южным Бугом, включавший незамерзающий порт Херсон, и Россия, тем самым, впервые получала прямой доступ к Черному морю и проливам¹. Воронцов вместе с князем Николаем Васильевичем Репниным, Александром Андреевичем Безбородко и Петром Васильевичем Завадовским принял участие в подготовке и подписании договора. Переговоры в ставке Румянцева

происходили в конференц-зале и вел их Репнин, но время от времени он выходил в кабинет к Румянцеву — один или с турецким переводчиком. Переговоры длились по шести часов и более с перерывами для отдыха ... Посредине конференц-зала стоял стол, покрытый красным сукном. За столом центральное место занимал Репнин, по обеим сторонам от него сидели турецкие уполномоченные, а далее — русские военные и штатские чины, в частности, С. Р. Воронцов...²

Итальянский был основным дипломатическим языком Османской империи, поскольку исторически большинство торговцев в портовых городах восточного Средиземноморья говорили по-итальянски. Так как Воронцов знал этот язык, он вел протоколы переговоров,

¹ Трактат вечного мира и дружбы, заключенный между Империею Всероссийскою и Османскою Портою в ставке главнокомандующего генерала фельдмаршала графа Румянцева, при деревне Кючук Кайнарже на правом берегу реки Дуная, чрез уполномоченных от него и от верховнаго визиря в 10 день июля и ими обоими в 15 день тогож июля утвержденный, а с стороны его султанова величества подтвержденный и ратификованный в Константинополе в 13 день генваря 1775 года. М.: Печ. при Сенате, 1775.

² *Дружина Е. И. Кючук-Кайнарджийский мир 1774 года (его подготовка и заключение)*. М.: Издательство АН СССР, 1955. С. 270 и прим. 2.

приготовил итальянский перевод соглашения¹ и затем доставил подписанный документ в Петербург². За службу Воронцов был, наконец, произведен в бригадиры³, но, с его точки зрения, было сделано слишком мало и слишком поздно. Он демонстративно уйдет в отставку через год — после целой серии оскорбительных для него событий.

К 1774 г. отношения Григория Александровича Потемкина и императрицы приняли более личный и интимный характер. Он стал ее любовником и почти двадцать лет будет самым могущественным человеком в России. По мнению Воронцова, после Силистрии Потемкин был добр к нему, но все равно не любил его. Старая враждебность, начавшаяся еще в 1762 г., все еще имела значение, а кроме того, Воронцовы терпеть не могли всех фаворитов Екатерины от Григория Орлова до Григория Потемкина и Платона Зубова, за исключением Петра Завадовского. Потемкин как-то намекнул, что возвращение в Преображенский полк продвинуло бы значительно карьеру Воронцова. Тот решительно отказался и, сделав это, повторил с Потемкиным в конце войны те ошибки, которые он сделал с Чернышевым в ее начале. Как и Чернышев, Потемкин обиделся и увидел в Воронцове лишь «высокомерие и надменность» и человека, «ни на что ему не пригодного». В результате Воронцов заключил, что с этих пор Потемкин, «сохраняя относительно меня наружные приемы вежливости и даже внимания,

¹ «Прелиминарии мира писаны по-итальянски графом С. Р. Воронцовым, который был мастером выражаться ясно и точно» (Архив князя Ф. А. Куракина. Книга седьмая. Саратов: Печатня С. П. Яковлева, 1898. Книга седьмая. С. 465). П. И. Бартенеv описывает изображающую этот момент картину маслом («с портретами князя Репнина и участников мирного договора, графов Безбородко, Завадовского и С. Р. Воронцова») (Русский архив. Книга 3. Тетрадь 11. 1903. С. 514). После празднования победы она хранилась в Румянцевском музее (АКВ. XXVII. С. 38).

² *Судравский В. К.* История лейб-гвардии Гренадерского полка. С. 199.

³ Указ Ея Императорского Величества Самодержицы Всероссийской. 4 августа 1774 г. № 8021 (АКВ. XXVIII. С. 64).

поставил себе за правило унижать меня при всяком удобном случае»¹.

Императрица Екатерина II решила с большой торжественностью отпраздновать в Москве победу в войне с Турцией. По ее приказанию из армии для участия в празднике были вызваны наиболее отличившиеся полки — Первый гренадерский и Сумской гусарский. К ним Румянцев добавил еще два полка. Всем им было приказано явиться в Москву под общим командованием Воронцова. По дороге полки пришлось спешным образом приводить в порядок — их обмундирование, вооружение, дисциплину. Принятые меры принесли плоды — армейские подтянулись, прекратились побеги нижних чинов, местных жителей по дороге не обворовывали. В Туле получили больше тысячи новых ружей.

Потемкин уведомил Воронцова, что императрица пожелала осмотреть гренадерские полки перед их вступлением в Москву. 5 июля 1775 г. полки прибыли в Царицыно и построились для встречи государыни. В 11 часов утра Воронцов отдал рапорт императрице и ее сыну, подъехавшим в открытом экипаже и со свитой к полкам. Затем полки прошли церемониальным маршем перед стоявшей на холме Екатериной. По окончании смотра Воронцов был приглашен к царскому столу. Вечером полки вступили в Москву. На следующий день Воронцов узнал от Потемкина, что Екатерине полки понравились.

10 июля, в годовщину подписания Кючук-Кайнарджийского мира состоялось торжественное празднование окончания войны с Турцией². В шесть часов утра полк Воронцова и другие соединения выстроились в Кремле, по Неглинной и Большой Моховой улицам. Екатерина и Павел сначала прошли из Кремлевского дворца на

¹ АКВ. VIII. С. 13–14; Автобиография графа Семена Романовича Воронцова. С. 43.

² Описание всерадостного торжествования мира с Оттоманскою Портою, бывшего в Москве 1775 года июля 10 и в последовавшая по том числа. М.: Печ. при Сенате, [1775].

службу в Успенский собор, затем в Грановитой палате было устроено торжественное представление тех, кто отличился в сражениях и получил награды, а потом императрица проехала вместе с пышной свитой мимо всех полков. В этот день она наградила Первый гренадерский полк следующим указом:

Сего числа объявлен Коллегией Высочайший Ея Императорского Величества указ, что в честь и уважение к пехоте армии Российской, 1-й Гренадерский полк, как первый по его степени, так и всегда отличавшийся воинскою дисциплиною и храбростью, повелевает Ея Императорское Величество именовать Своим Лейб-Гренадерским полком и звание полковника приемлет на Себя. А как нынешний оного полковой командир, бригадир граф Воронцов к приобретению таковой сему полку репутации, предводя оным во многих минувшей войны случаях, ревностно соучаствовал, то повелевает Ея Императорское Величество остаться ему в оном со званием вице-полковника¹.

21 июля Лейб-Гренадерский полк участвовал в праздновании на Ходынском поле. Накануне полк отправился туда из своего лагеря в Коломенском. При следовании полка через Кремль императрица вышла на крыльцо дворца и приветствовала своих гренадер.

Уже после окончания официальных торжеств в Москве Екатерина выразила внезапное желание вновь произвести подробный смотр полку. Желание это застало врасплох и полк, и его командира. Воронцов счел, что Потемкин специально устроил так, чтобы полк не успел как следует подготовиться к этому смотру, ведь ранее он обещал, что в течение трех месяцев подобного смотра не будет. Хотя все прошло относительно хорошо, императрица «засвидетельствовала графу Воронцову свое Высочайшее удовольствие и, пожаловав вице-полковника к ручке, отбыла из

¹ Судравский В. К. История лейб-гвардии Гренадерского полка. С. 206. Между страницами 208 и 209 приведена копия указа из архива полка, подписанная «Вице-полковник граф Воронцов».

с. Коломенского»¹, так случилось только потому, что и Екатерина, и Потемкин плохо разбирались в том, что касалось пехоты. Уступая своему «чувствительному и пылкому нраву», Воронцов на другой день отправился к Потемкину выяснять отношения. Один обвинял, другой оправдывался. Понято, кого Воронцов видел причиной того, что, как он считал, был обойден наградами и повышениями по службе. Обиду он помнил долго, и в автобиографии спустя много лет довольно несправедливо написал следующее:

Мое же имя вовсе не было упомянуто; а что еще более странно, мой полк удостоен чрезвычайной похвалы, как отличившийся перед всеми прочими во всех делах минувшей войны, вследствие чего, в награду полку, объявлено было в указе, что Императрица именует его лейб-гренадерским и сама принимает звание его полковника. Потомство, читая этот указ, подумает, что командир этого полка, либо умер накануне, либо был подлым трусом, который бегал каждый раз, когда сражался его храбрый полк: почему, достойно наказанный и отставленный от службы, он и не назван в числе лиц, награжденных за эту войну².

В письме же отцу 2 августа 1775 г. он оценивал ситуацию несколько иначе. Отмечая обиду от того, что он «не произведен», добавляет:

Государыня ко мне милостива ... приметя, что я раз, будучи по утру в Черной грязи³, уехал пред обедом, изволила мне на другой день сказать, для чего я не остался обедать и что я раз и на всегда зван, так что без особенного приглашения могу всегда остаться. Я никогда не бываю во дворце, чтоб она со мной говорить не изволила. Одним словом, я имею причину быть очень доволен⁴.

¹ Судравский В. К. История лейб-гвардии Гренадерского полка. С. 208.

² Автобиография графа Семена Романовича Воронцова. С. 44.

³ Усадьба Царицыно, где тогда пребывала императрица и Г. А. Потемкин.

⁴ АКВ. XVI. С. 134.

Даже если видеть в этих словах скрытый сарказм, нельзя не признать, что Екатерина старалась наладить с Семеном Романовичем хорошие отношения. Видимо, сравнение с теми, кто имел значительно меньше заслуг, но получил значительно больше наград, подняло такую бурю эмоций в душе Воронцова.

Не желая переносить дальнейшие несправедливости, Воронцов взял отпуск и вернулся в Петербург. К тому же он был серьезно болен, поскольку вернулось воспаление в груди, от которого он страдал еще десять лет назад, в 1766 г., когда первый раз покинул армию¹. Он подал прошение об отставке в феврале 1776 г. Императрица («которая, — как пишет Воронцов, — знала нанесенные мне обиды, но чрезмерно щадила самолюбие князя Потемкина»²) дважды послала Петра Завадовского, своего секретаря, любовника и близкого друга Воронцова, чтобы тот отговорил Семена Романовича от такого решения и предложил ему взять длительный отпуск по болезни. Воронцов, однако, остался непоколебим и через шесть месяцев, когда его отставка была принята, «бросил кокарду и мундир и даже, если б мог, охотно отдал бы мой [Георгиевский] крест 3-й степени, чтобы не иметь у себя ничего, напоминающего службу»³. При увольнении ему присвоили звание генерал-майора. Он был преисполнен горечи. Последнее повышение в звании мало его утешило, поскольку не было связано с особыми заслугами, а было частью процедуры. С самого детства он чувствовал призвание к военной карьере и надеялся, может быть наивно, получить удовлетворение и действительно заслуженные им награды и продвижения по службе. Он был прекрасным, храбрым офицером и относился к своим обязанностям очень серьезно.

¹ АКВ. VIII. С. 14–16.

² Автобиография графа Семена Романовича Воронцова. С. 45.

³ Там же; АКВ. VIII. С. 17.

Семен Романович сочинил «Записку о воинской тактике»¹, которая являлась чем-то вроде учебника для армейских командиров по поддержанию дисциплины и подготовке к боевым действиям. «Записка» показывает, что Воронцов изучал военную науку, и отражает иерархические и патриархальные взгляды XVIII в. Автор доказывает, что возвращение к классическим видам тренировок и обучения может определить военные успехи. Поскольку солдат часто вынужден выживать в почти невыносимых условиях и рисковать жизнью, защищая других людей, Воронцов требует заботливого и внимательного отношения к рядовому составу. Командир должен быть отцом своим солдатам, направлять их и внушать им чувство собственного достоинства, награждая достойных и наказывая недостойных. Офицеры должны не только обучать своих людей пользоваться оружием и правильно следить за собой, но и обсуждать с ними правила субординации, воинские инструкции и славные традиции их полка. Самое главное — офицеры показывают пример; они должны придерживаться строгой, но не жестокой дисциплины.

В 1774 г. Воронцов составил «Инструкцию ротным командирам». В ней он перевел свои теоретические изыскания в более конкретную инструкцию младшему командному составу. Она содержит семнадцать пунктов, среди которых «субординация действительно есть душа службы», «чистота и опрятность суть вещи кои неотменно от солдат требовать», солдаты должны проявлять «сколь можно более честолубия», «необходимы нужны строй и порядок», «все с ласкою и без наималейшей суровости», «каждый должен знать свою должность», «один только ленивый и незнающий офицер дерется», ротный командир «должен вести себя как отец с

¹ Записка о воинской тактике. Сочинение графа С. Р. Воронцова // АКВ. XVI. С. 409–437. Подлинник на французском языке написан рукой С. Р. Воронцова и не имеет заглавия.

детьми» и т. д.¹ Как предполагает П. И. Бартенев, Воронцову принадлежит и записка «Об одежде и вооружении войск»².

Воронцов был уверен в своей теории и энергично воплощал ее в практике, одновременно совершенствуя. Он командовал и вступал в диалог, требовал и заботился. Как он объяснял брату, он был строг по необходимости и «никого не наказывал из каприза или предвзятого отношения»³. Воронцов неустанно трудился для своих подчиненных и, несмотря на несколько приступов «гнилой горячки»⁴, которой он был подвержен, отказывался взять отпуск во время войны. Все назначенные деньги были им потрачены исключительно на полковые нужды⁵, что не всегда происходило в российской армии. Он даже поддерживал беднейших солдат из своих личных денег, иногда входя в долг до 6000 рублей⁶. Но важнее всего то, что среди опасностей его солдаты чувствовали себя готовыми к битве, и вел их храбрый и полный железной решимости человек. Много лет спустя сержант-ветеран, опрошенный о Воронцове, ответил: «Мы все молим за его сиятельство Бога; он нам был отец, а не командир»⁷.

¹ Инструкция ротным командирам за подписанием полковника графа Воронцова, 1774 г. января 17 дня, в 17 пунктах состоящая, на 13 листах // Военный сборник. № 11, ноябрь. 1871. С. 33–46. Нам известны также издания: Инструкция ротным командирам, составленная Полковником 1-го Гренадерского полка Графом С. Р. Воронцовым // *Судравский В. К.* История лейб-гвардии Гренадерского полка. 1756–1906 гг. Т. 1. Приложение № III. С. 13–20; Инструкция ротным командирам за подписанием полковника графа Воронцова, 1774 г. января 17 дня, в 17 пунктах состоящая, на 13 листах // О долге и чести воинской в российской армии: Собрание материалов, документов и статей / Сост. Ю. А. Галушко, А. А. Колесников; под ред. В. Н. Лобова. М.: Воениздат, 1991. С. 38–40 [фрагменты].

² Об одежде и вооружении войск // АКВ. XVI. С. 439–445.

³ АКВ. XXXII. С. 135.

⁴ Автобиография графа Семена Романовича Воронцова. С. 57; АКВ. VIII. С. 34.

⁵ АКВ. XVI. С. 243–44.

⁶ АКВ. XXXII. С. 178.

⁷ АКВ. VIII. С. 95–96.

Не все разделяли мнение старого гренадера, а некоторые подчиненные Воронцову офицеры, привыкшие к привилегированной жизни в Петербурге, были возмущены его решительными мерами. Уверенный, что секунд-майор Василий Стакельберг пренебрегал своими обязанностями, Воронцов не дал ему рекомендации на продвижение по службе, на что тот обиделся и стал груб и дерзок. Взаимная враждебность постепенно увеличивалась, чувство обиды переросло в нарушение субординации, когда Стакельберг, решивший перейти в другой полк, отказался подчиниться прямому приказу Воронцова сдать эполеты. Стакельберг почувствовал, что этот инцидент опозорил его имя, и вызвал Воронцова на дуэль. В 1772 г. в молдавских Яссах Воронцов был слегка ранен, а Стакельберг почти убит. Хотя военные власти определили, что Воронцов действовал согласно правилам, они не одобряли дуэли, и на суде многие обвиняли Воронцова. Не удивительно поэтому, что после дуэли Воронцов не был награжден за свои действия при Силистрии: императрица терпеть не могла дуэли, а сестра Стакельберга Елизавета была одной из ее любимых фрейлин. Еще хуже было то, что Елизавета была женой Владимира Орлова, одного из врагов Воронцова при дворе и самого младшего из четырех братьев, возведших Екатерину на трон¹.

Без сомнения, политические события 1762 г. и нежелание Воронцова смириться с правлением Екатерины продолжали его преследовать и затруднять его военную карьеру. Гордый человек, которого часто считали высокомерным, он твердо верил, что награды должны быть основаны на заслугах. Разочарованный и разуверившийся, он не мог не видеть, как интриги способствовали успеху мало компетентных карьеристов. С решимостью,

¹ АКВ. XXXII. С. 133–135, 151–160, 162–163; *Вишняков А. Г.* Письмо графа С. Р. Воронцова к Ляффермьеру (русский перевод) // *Воронцовы — два века в истории России. Труды Воронцовского общества.* Выпуск 21 / Редактор В. Н. Алексеев. Орехово-Зуево, 2018. С. 77–84.

граничившей с неразумным упрямством, он отказывался льстить влиятельным особам. Его независимость была следствием его положения в обществе, которое позволяло прервать карьеру в любое время. Теперь ему было тридцать два, и годы, проведенные в армии, не были потрачены напрасно. Он вырос как личность и обрел на службе у Румянцева друзей на всю жизнь. Среди них были Александр Безбородко, будущий российский канцлер¹, и Петр Завадовский, секретарь Екатерины. Они будут поддерживать его и играть важную роль в его гражданской жизни.

¹ Воронцов, видимо, познакомился с Безбородко, «когда он, в первую Турецкую войну, командовал гренадерским полком, а Безбородко заведывал одною из экспедиций походной канцелярии графа Румянцева» (*Григорович Н. И.* Канцлер князь Безбородко (опыт разработки материалов для его биографии) // *Русский архив.* 1874. Тетради 9-12. Стлб. 901). Воронцов подробно описывает характер Безбородко в письме к Гренвиллю от 6 июля 1798 г. (Report on the Manuscripts of J. V. Fortescue, Esq., Presented at Dromore. Vol. IV. L.: Mackie & Co., 1905. P. 247), а в письме от 17 мая 1799 г. пишет по поводу смерти Безбородко: «Я потерял друга, с которым дружил 31 год, а моя родина потеряла самого умного министра, какого когда-либо имела» (*Ibid.* Vol. V. 1906. P. 55).

Глава IV

Путешествие в Италию и жизнь в Петербурге, 1776–1782

*Возвращение в Италию. «Уединенная жизнь» в Петербурге.
Знакомства с британцами. Имущественные отношения с отцом.
Женитьба. Рождение сына. Назначение в Венецию.*

Подавленный и серьезно больной, Воронцов боялся начала чахотки. Он решил вернуться в Италию, где он продолжил бы лечиться¹ и где ничего не напоминало бы ему годы военной службы. Он мог, скорее, оживить то более счастливое время, когда путешествовал по этой стране с Анной. Однако сначала его внимания требовали финансовые проблемы. За время службы он накопил много долгов и, чтобы уехать за границу, должен был заложить свой петербургский дом и продать некоторые ценности. Наконец, он покинул Петербург вместе с Николаем Румянцевым, сыном своего бывшего благодетеля, и прибыл в Ригу 16 октября 1776 г. Оттуда они поехали в Вену, а затем Воронцов продолжил свой путь в Венецию и Пизу². Его здоровье ухудшилось в Пизе, и граф Деметриус (Дмитрий) Моцениго ухаживал за ним, «как за родным»³.

¹ «...граф Семен Романович Воронцов отставлен генерал-майором и собирается ехать в Италию для поправления своего здоровья, которое крайне расстроилось» (И. В. Страхов — князю А. Куракину, 19.07.1776 // Архив князя Ф. А. Куракина / Под ред. В. Н. Смольянинова. Саратов: Печатня С. П. Яковлева, 1899. Книга восьмая. С. 225).

² АКВ. VIII. С. 33; Автобиография графа Семена Романовича Воронцова. С. 57; АКВ. XVI. С. 243; АКВ. XXXII. С. 190–191. П. И. Бартнев почему-то предполагает в примечании, что Воронцова сопровождал Сергей Румянцев, хотя в автобиографии Воронцов указывает, что это был брат Сергея Николай.

³ АКВ. X. С. 129; Граф Моцениго. Эпизод из первой Турецкой войны при Екатерине II-й // Русский архив. Книга 3. Выпуск 12. 1878. С. 425.

Моцениго, венецианский дворянин и, вероятно, православный, помог российскому флоту в снабжении его продуктами и информацией во время Русско-турецкой войны. За службу Алексей Орлов представил его к званию полковника. Турецкое правительство высказало протест, и нейтральная Венеция арестовала Моцениго и конфисковала его собственность, в том числе в Греции. Россия вступилась за него, он был освобожден, но собственность ему не вернули. Позднее он станет российским посланником во Флоренции (1787) и Турине (1787), а Воронцову еще раз придется воспользоваться его помощью¹.

Воронцов провел две зимы в Пизе, обнаружив, что средиземноморский климат и ласковые бризы Лигурийского моря стали лучшими средствами для улучшения его состояния. Он хвалил не только климат, но и медицинскую школу местного университета². Он совершенствовал свой итальянский³, посещал концерты и оперные спектакли. Его любовь к итальянской музыке помогла привлечь итальянского композитора Джованни Паизиелло в Петербург в 1776 г.⁴ Вскоре Пиза ему наскучила, и он стал разъезжать по Италии⁵. Ему особенно нравилось побережье близ Генуи, которое он считал прекраснейшим в мире. Он посетил

¹ АКВ. XVI. С. 149–168; Граф Моцениго. Эпизод из первой Турецкой войны при Екатерине II-й. С. 413–425. О деятельности Моцениго (Мочениго) в 1802–1805 гг. см.: Станиславская А. М. Русско-английские отношения и проблемы Средиземноморья (1798–1807). М.: Издательство АН СССР, 1962. С. 281–312, 324–326.

² АКВ. VIII. С. 560.

³ АКВ. XXXII. С. 192.

⁴ Письма Императрицы Екатерины II к Гримму (1774–1796) / Изд. Я. К. Грот // Сборник Императорского Русского Исторического общества. Том XXIII. СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1878. С. 135. Письма Паизиелло к Воронцову см. АКВ. XXX. С. 307–326 (к этому тому приложены также образцы нот Паизиелло). «Почти во всех письмах Паэзиелло постоянно что-нибудь подносит из своих сочинений графу Воронцову» (АКВ. XXX. С. 324, пояснение П. И. Бартенева).

⁵ АКВ. VIII. С. 17; Автобиография графа Семена Романовича Воронцова. С. 45.

Леричи со знаменитым замком, контролирующим вход в залив Ла Специа. Красота этого «Залива поэтов» воспета Данте и Петраркой. Но Воронцов думал не только о поэзии и живописности. Ему была особенно интересна военно-морская база Ла Специа, и он сообщал брату: «этот залив, думаю, — один из превосходнейших портов мира, где пять эскадр, каждая из пятидесяти линейных кораблей, могут войти в ее изгибы, не видя друг друга и защищенные от ветра»¹.

Флоренцию, Рим и северную Италию необходимо было посетить с образовательными целями каждому культурному человеку во время гран-тура. В Риме Воронцов изучал руины Вечного города, а также шедевры живописи, скульптуры и архитектуры раннего христианства, Ренессанса и Барокко. На собранные перед поездкой деньги он покупал брату и себе архитектурные фрагменты, скульптуры, картины, книги, рисунки и другие предметы культуры. Основное внимание он уделял эстампам, а также заказывал копии понравившихся ему полотен. В результате он познакомился с ведущими знатоками искусства и комиссионерами, такими как И. Ф. Рейфенштейн, а также работавшими в это время в Италии художниками — Я.-Ф. Хаккертом, И.-Г. Тишбейном, Л. Гуттенбрунном. Видимо, вкусы Семена Романовича были достаточно традиционны². Возвращаясь в Тоскану, а затем в Венецию, Воронцов проследовал через Виченцу, Верону, Брешию и Бергамо по пути на озера Комо и Маджоре, где любовался великолепием захватывающих дух пейзажей, богатых вилл и экзотических садов. Он покинул Италию в конце лета 1778 г., проехал через Саксонию в Варшаву, Киев и Чернигов с очевидной целью посетить Завадовского, который только что перестал быть

¹ АКВ. XXXII. С. 193.

² Шлыкова М. Э. Итальянское путешествие графа С. Р. Воронцова (1777–1778) // Воронцовы — два века в истории России. Выпуск 2, 1996. С. 168–175. Аккуратный Воронцов составил список расходов по посещению различных памятников и галерей, сохранившийся в архиве (РГАДА. Ф. 1261. Оп. 2. Ед. хр. 1605. Л. 58–59).

фаворитом Екатерины¹. Из Чернигова Воронцов вернулся в Петербург.

Придя в себя от болезней, которые, кажется, настигали его в сложные и трагические моменты жизни, Воронцов был теперь свободен первый раз за почти десятилетие. Он мог выбрать новое поприще. С другой стороны, его положение позволяло ему не делать ничего, поскольку для тридцатичетырехлетнего ушедшего в отставку нонконформиста, который отказывался служить при дворе и в армии, выбор был невелик. Сначала он ушел в чтение и коллекционирование книг — длительную страсть, результатом которой будет одна из важнейших частных коллекций в России XVIII в. Хотя Воронцов и утверждал, что провел эти годы «очень уединенно» («*vivant très retiré*»)², на самом деле он не мог посвятить себя исключительно философским раздумьям и созерцательной жизни. Его внутренняя энергия, напористость и армейский опыт не позволяли ему жить спокойно, не реагируя на актуальные политические события. В 1779 г. у него была возможность получить назначение российским министром в Лондон, но оно не состоялось из-за интриг его врагов при дворе. А. А. Безбородко писал: «Я помню, когда ваше сиятельство в 1779 году однажды находили сходным место в Англии, то в то же время встречали те препятствия со стороны министерства, кои теперь не настоят»³. Он также поддерживал сердечные отношения с иностранными министрами и посланниками в Петербурге — Джеймсом Гаррисом (Британия), который учился в Лейденском университете и познакомился с Александром Романовичем в Гааге⁴, Людвигом Кобенцлем

¹ АКВ. XXXII. С. 194.

² Автобиография графа Семена Романовича Воронцова. С. 45; АКВ. VIII. С. 17.

³ АКВ. XIII. С. 29; *Григорович Н. И.* Канцлер князь Александр Андреевич Безбородко в связи с событиями его времени (годы с 1747 по 1787). Т. 1 // Сборник Императорского Русского Исторического Общества. Т. 26. СПб.: Тип. В. С. Балашева, 1879. С. 396.

⁴ «С Гаррисом (лордом Мальмесбюри) молодая семья Воронцовых находилась в Петербурге в большой дружбе» (АКВ. XXVII. С. 87, прим. П. И. Бартенева).

(Австрия), М. Д. Б. Корбероном (Франция) и Иоганном Евстахом фон Гортцом (Пруссия). В оценке российского двора в 1780 г., написанной для своего монарха, прусский министр описывает влиятельных братьев Воронцовых в весьма лестных выражениях:

Граф Александр Воронцов, председатель коммерц-коллегии, был посланником в Лондоне и Гааге и даже с поручениями у короля. Это человек заслуженный и достойный внимания. Его система вероятно такова, что Россия должна заботиться только о себе и не вмешиваться в дела других государств. Он стоит, так сказать, во главе партии, состоящей из кровных русских патриотов, самых почтенных ... Его брат, генерал-майор Семен Воронцов, который по несправедливостям к нему Потемкина оставил службу, может быть, — самый достойный человек во всей России. Это человек добродетельный, дорожащий честью, правдивый, талантливый, высокий дипломат, и притом самый любезный в обществе. Его личная дружба для меня была весьма полезна, как вообще дружба людей с надежным характером. Он осветил мне путь в делах самых важных, и за это, равно как и за свой личный характер, он заслуживает особого отличия со стороны такого принца, как его королевское высочество. Это отличие будет вполне заслужено и полезно, так как граф Семен имеет сильное влияние на многих важных особ. Кроме того, что он искренний друг князя Орлова и его братьев, он также друг действительного статского советника Бакунина, первого и самого искусного поверенного графа Панина. Его положение и заслуги делают его достойным отличия со стороны принца, и будет весьма полезно расположить его к себе¹.

Великий князь Павел Петрович также в 1782 г. придавал большое значение братьям Воронцовым при дворе. Однажды, разгорячившись, Павел стал говорить, кто из петербургских придворных, по его мнению, «куплены Венским двором ... это

¹ Герц А. фон. Русский двор в 1780 году. Памятная записка, врученная прусскому принцу 23 августа 1780 г. в Нарве // Потемкин. От вахмистра до фельдмаршала. М.: Пушкинский фонд, 2002. С. 182–183. См. также *Görtz J. E. von. Mémoire sur la Russie. 1786. Wiesbaden: Harrassowitz, 1969.*

князь Потемкин, секретарь императрицы Безбородко, Бакунин, оба графа Воронцовы, Семен и Александр, и Морков...»¹ Таким образом, Семен Романович, будучи в отставке, проведя два года за границей и живя очень уединенно, с точки зрения иностранного дипломата попал в дюжину самых влиятельных людей при российском дворе.

В это время он стал частым гостем британской колонии в Петербурге. С 1776 по 1783 г. британским послом в Петербурге был сэр Джеймс Гаррис (впоследствии лорд Мальмсбери). Воронцов обедал у него два-три раза в неделю. Сэр Джеймс держал у себя в посольстве открытый стол, и на его обедах часто присутствовали видные члены британского торгового сообщества в России. Среди них были главы торгового дома «Томсон и Бонар» и другие купцы, банкиры и бизнесмены, державшие под контролем довольно интенсивную и доходную торговлю между двумя странами — а к концу XVIII в. между Лондоном и Петербургом ежегодно курсировали до 500 судов. Позднее Воронцов называл Т. Бонара своим дорогим другом, которому он бесконечно обязан, а фирма «Томсон и Бонар» вела все его финансовые дела до самой его смерти. В 1779 г. Семен Романович познакомился с путешествовавшим по России лордом Гербертом (впоследствии лордом Пемброком)². В 1783 г. в Петербург прибыл новый посол Британии Аллейн Фитцгерберт (впоследствии лорд Сейнт-Хеленс), с которым у Воронцова установились дружеские связи до конца жизни³.

¹ Григорович Н. И. Канцлер князь Безбородко (опыт разработки материалов для его биографии). Стлб. 919.

² Twist A. F. Widening Circles in Finance, Philanthropy and the Arts: A Study of the Life of John Julius Angerstein (1735–1823). Doctoral dissertation. University of Amsterdam, 2002. P. 5–6.; Микешин М. И. Дворянство: от истории к метафизике. СПб., 2015. С. 138.

³ Аллейн Фитцгерберт (Alleyn FitzHerbert, впоследствии 1st Baron St. Helens, 1753–1839) по смерти Воронцова получил от него черепаховую табакерку с римской мозаикой. Он был послом в Петербурге в 1783–1787 и 1801–1802 гг.

Разумеется, частые встречи Воронцова с британскими аристократами и деловыми людьми не были простым развлечением. В эти годы брат Александр, бывший посол в Лондоне, был президентом Коммерц-коллегии (1773–1794) и сенатором (1779–1793) и отвечал не только за торговлю, но и за тарифы. Братья Воронцовы, видимо, эффективно «курировали» с российской стороны торговлю с Британией. Кроме того, Воронцов устанавливал близкие связи с дипломатическими и торговыми агентами других стран. Переписка между Иосифом II Австрийским и его министром в России демонстрирует их понимание, что Воронцов был истинным другом венского двора и надежным источником информации¹.

Воронцов, следовательно, помогал брату и проавстрийской группе при дворе, включавшей среди прочих А. А. Безбородко и П. В. Завадовского. В 1781–1782 гг. им удалось сконструировать союз с Веней, в которой они видели естественного союзника. Несмотря на попытки партии Н. И. Панина сохранить более тесные связи с Пруссией, коалиция Санкт-Петербурга и Берлина распалась, в основном, из-за вдохновленного Потемкиным «Греческого проекта». Мечта Екатерины о разделе Оттоманской империи требовала помощи Австрии, и австрийско-российское соглашение 1781 г. продемонстрировало серьезный отход от «Северной системы» Панина, которую поддерживал Великий князь Павел. Усилия проавстрийской группы привели к смещению Панина, подрыву влияния прусского двора на Павла и даже к отправке Павла за границу в 1782 г. Эта группа также склонялась к русско-британскому альянсу и расширению экономических и торговых связей между двумя странами. Воронцов был полностью вовлечен в

Выйдя в отставку с дипломатической службы был назначен постельничим короля Георга III. См.: *The Collections of a Diplomat and a Courtier* (http://www.christies.com/LotFinder/lot_details.aspx?intObjectID=5170825).

¹ Joseph II. und Graf Ludwig Cobenzl: *Ihr Briefwechsel*. 2 vols. / Ed. by A. Beer and J. R. von Fiedler. Vol. 1. Vienna: Carl Gerold's Sohn, 1901. P. 90, et passim; обсуждение этого см. в: *Marcum J. W. Semen R. Vorontsov*. P. 28–29.

эту интригу, а вся группа, согласно некоторым источникам, финансово поддерживалась австрийцами¹.

В 1779–1780 г., конечно же, по поручению императрицы, Александр помогал секретарю покойного Вольтера Ваньеру перевезти купленную Екатериной библиотеку Вольтера в Петербург, а затем благополучно уехать обратно с пенсией в полторы тысячи ливров в год. Уже вернувшись в Ферней, Ваньер написал своему «защитнику» благодарственные письма, в которых просит передать особые благодарности «господину графу Семену, вашему брату, и господину Безбородко»².

Воронцов постоянно думал о деньгах. Он принадлежал к одному из богатейших семей в России, но постоянно нуждался в средствах, требуемых для поддержания его положения в обществе. Даже будучи офицером высокого звания в армии, он в письме за письмом обращался к отцу за финансовой помощью. Он не играл и не швырял деньгами, но не мог купить самого необходимого для своего полка и для себя, например, продуктов и лошадей. В результате он влез в долги, которые не мог выплатить³. Когда отец не отвечал, он впадал в отчаяние. 7 сентября 1773 г. он написал гневное письмо Александру, возмущаясь тем, что отец игнорирует своих законных наследников и растрчивает семейное состояние — в том числе деньги их матери — на Ронцовых, детей своей любовницы. В такой ситуации он не мог позволить себе продолжать служить в армии, в отчаянии он даже предлагает брату обратиться к императрице⁴.

¹ Григорович Н. И. Канцлер князь Александр Андреевич Безбородко в связи с событиями его времени (годы с 1747 по 1787). С. 83; Joseph II und Graf Ludwig Cobenzl. I. P. 313; *Marcum J. W. Semen R. Vorontsov*. P. 29–30.

² АКВ. V. С. 458–465.

³ АКВ. XVI. С. 113–114, 121, 125, 127–129.

⁴ АКВ. XXXII. С. 166–170.

В ответ Роман Ларионович предпринял некоторые предварительные шаги, обратился в сентябре 1774 г. к императрице за одобрением и получил от нее разрешение завещать владения семьи своим сыновьям¹. Дочери Мария, Елизавета и Екатерина получали, главным образом, драгоценности и дорогие предметы домашнего быта как части их приданого². «Дело о разделении имений Воронцова Р. Л.» показывает, что он намеревался разделить свою собственность поровну между сыновьями. Сначала Семен Романович был доволен: «Мой брат и я получили, что по здравому разумению и по праву принадлежит нам. Мы считаем знаком его [отца] любви и привязанности то, что он не только не оставил себе некоторую свою собственность, но и наградил нас собственностью, которую он приобрел и которая, конечно, принадлежит ему»³. Радость Воронцова была кратковременной, поскольку вскоре он понял, что отец его еще не готов раздать свои имения⁴.

В результате финансовое положение Воронцова только ухудшилось в этой его «уединенной» жизни. В 1781 г. он женился на Екатерине Сенявиной, младшей из дочерей адмирала Алексея Наумовича Сенявина, которая в свои двадцать лет была почти в два раза моложе, чем Воронцов. Она была фрейлиной Екатерины, и при дворе ее и сестер называли «les nymphes»⁵ за их яркую красоту. Она получила хорошее музыкальное образование, сочинила несколько

¹ СПбИИ РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 901. Бумаги по имениям Р. Л. Воронцова. Л. 220.; СПбИИ РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1152. Бумаги А. Р. Воронцова (14 томов). Т. 4. Л. 149–153.

² СПбИИ РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 901. Л. 79.

³ РГАДА. Ф. 1261. Оп. 2. Д. 62. «Дело о разделении имений Воронцова Р. Л. между сыновьями».

⁴ *Серебрякова Н. Я.* Мурино: хроника трех столетий. СПб.: ООО «Галлея-Принт», 2009. С. 38–40. Серебрякова ошибочно считает, что братья получили в это время свое наследство.

⁵ Нимфы (франц.). Сплетник Корберон передает с чужих слов про фрейлин: «Были между ними две кузины, Синявина и Зиновьева, обе никуда не годные, по отзыву кн. Гагарина и других» (Интимный дневник шевалье де Корберона, французского дипломата при дворе Екатерины II. С. 94).

полонезов и менуэтов для клавесина и играла вместе с Джованни Паизиелло, который посвятил ей ряд своих произведений¹. «Нимфы» были двоюродными сестрами княгини Орловой, молодой супруги князя Орлова². «Здравствуй, брат Семен. Куда как ты умен! Радуюсь сердцем и радуюсь искренно, что намерение, о коем вы ко мне пишете, вами предпринято. Даруй, Боже, чтоб оное к вашему общему счастью свершилось и к удовольствию тех людей, кои вас любят»³, — написал Орлов, узнав о предстоявшей свадьбе. Брат же его А. Г. Орлов-Чесменский рекомендовал невесту так: «скажу только то, что все время, с которого я ее знаю, то не только от меня одного, но и от всех честных людей она заслуживала своим поведением и нравом всякое уважение и почтение...»⁴

Радость Семена Романовича была подпорчена тем обстоятельством, что при подготовке к свадьбе герой войны средних лет был вынужден забыть про гордость и просить отца помочь ему устроить супружескую жизнь. 27 апреля 1781 г. он писал:

В надежде вашей милости и как вы печетесь о моем устройении, я осмеливаюсь теперь прибегнуть еще к вам, прося помощи. Мне по причине женитьбы должно теперь завестись не токмо бельем,

¹ Екатерина Сенявина — одна из тех фрейлин из окружения Екатерины II, которые «были талантливыми исполнителями и принимали участие в любительских концертах и спектаклях, о чем свидетельствуют многочисленные записи в Камер-фурберских журналах» (*Пряшников М. П.* Композитор и клавесинист Екатерининской эпохи Эрнст Ванжуа // Е. Р. Дашкова: Портрет в контексте истории. М.: МГИ им. Е. Р. Дашковой, 2004. С. 157). Краткую биографию Е. А. Сенявиной см.: *Пряшников М. П.* Из истории нотного собрания Воронцовых: музыка в жизни Е. А. Снявиной, в замужестве Воронцовой // Е. Р. Дашкова и российское общество XVIII столетия. М.: МГИ им. Е. Р. Дашковой, 2001. С. 169–184.

² АКВ. XXIV. С. 166, прим. 4. Княгиня Екатерина Николаевна Орлова (в девичестве Зиновьева) вышла замуж за светлейшего князя Григория Григорьевича Орлова в 1777 г., Воронцов и Г. Г. Орлов перешли на «ты» в 1780 г. (АКВ. XXVII. С. 3–4).

³ АКВ. XXVII. С. 6–7.

⁴ АКВ. XXVII. С. 11.

когого у меня совсем нет, ибо все ветхо и износилось, но надо еще иметь двойную кровать со всеми принадлежностями ... сверх же того надо мне сделать четыре или пять пар платья, в том числе венчалное, а в доме у нас нет ни рубля: ибо что было и что занято, идет все на переделки оно, кои неотменно нужны. Для всего, что мне потребно, довольно будет от девяти сот рублей до тысячи. Если милость ваша будет мне оные перевести в начале июня, я успею все исправить к началу августа, а в половине оного будет и свадьба¹.

Хотя Роман Ларионович сам не устраивал женитьбу сына, он одобрил выбор и был щедр. 16 мая 1781 г. он написал Александру, благодаря его за помощь брату и обещая помогать свои сыновьям в будущем:

Сей час получил я приятнейшее письмо ваше о намерении графа Семена Романовича исполнить давнишнее мое желание и соединить судьбу свою с толь достойною партиєю, каковою я нахожу Катерину Алексеевну. Я весьма рад его выбору, что он предпочел взаимную склонность всему другому. И тем охотнее буду я стараться оказывать вам всякую помощь, а теперь уступаю вам мой дом, приморские дачи и Муринскую фабрику со всеми их доходами ... Впрочем, как я уверен, что вы графу Семену Романовичу вспомоществовали в сем случае, дабы сделать мне удовольствие, вашими советами, то и не могу я довольно изъявить вам о сем всего моего удовольствия².

Братья унаследовали семейное имение в Мурино, расположенное к северо-востоку от Петербурга на реке Охте, с водочным производством и торговлей, которые контролировал Александр, когда Семен жил за границей. В конце XVIII в. спиртоводочные заводы в дворянских усадьбах одобрялись государством и были очень доходными.

¹ АКВ. XVI. С. 138.

² АКВ. XXXI. С. 70; *Алексеев В. Н.* Графы Воронцовы и Воронцовы-Дашковы в истории России. С. 157.

Свадьба состоялась 18 августа 1781 г. в Петербурге при дворе.

На церемонии в дворцовой церкви присутствовали императрица, великий князь Павел Петрович с Марией Федоровной и другие приближенные лица, причем со стороны Воронцовых был только Артемий Иванович Воронцов. После этого состоялся торжественный обед, во время которого звучала духовная музыка, а позднее состоялся еще один, более камерный прием у императрицы, во время которого присутствовали только самые близкие люди. Свадебный ужин проходил в Мурино¹.

Примерно через год после свадьбы Александр заказывает у Д. Г. Левицкого парные портреты молодых супругов Воронцовых, которые в августе 1783 г. оплачивает через Н. А. Львова. Эти портреты сначала появляются во владимирском доме отца Романа Ларионовича (для которого, видимо, и был сделан заказ), а по его смерти переезжают в 1784 г. в имение Александра Андреевское².

Про жизнь и занятия Воронцова ходили разные слухи. Его замечают то на одном, то на другом светском мероприятии. Например, Пикар (бывший гувернер князя А. Б. Куракина) пишет 16 ноября 1781 г.: «С некоторых пор идет говор, будто граф Семен Воронцов хлопочет получить место воспитателя маленьких великих

¹ *Серебрякова Н. Я.* История создания церкви Святой Великомученицы Екатерины в Мурино // Воронцовы — два века в истории России. Труды Воронцовского общества. Выпуск 7. СПб., 2002. С. 48.

² *Чупров Е.* Портрет графа Семена Воронцова в нарядном рединготе // Художественный вестник. Вып. 2. СПб.: Центр искусств «Русский ампир», 2015. С. 133–134; *Шаталина Л. В.* О своеобразии портретной галереи в Андреевском // Воронцовы — два века в истории России. Материалы научной конференции. Владимир: РИО, 1992. С. 175; *Шлыкова М. Э.* История создания портретной галереи из имения Воронцовых Андреевское // Воронцовы — два века в истории России. Труды Воронцовского общества. Выпуск 7. СПб., 2002. С. 54–61; *Меркулова Т. Н.* Семейные портреты Воронцовых из имения Андреевское в собрании Владимиро-Суздальского музея-заповедника // Воронцовы — два века в истории России. Труды Воронцовского общества. Выпуск 13. СПб.: Санкт-Петербургский центр истории идей, 2010. С. 97–109.

князей...» 22 ноября еще запись: «На днях схоронили в Александро-Невской лавре, возле гробницы герцогини Курляндской, привезенное сюда тело скончавшейся в Лозанне княгини Орловой. Большая часть ее родных в Москве, а потому из знатных лиц явились на похороны только гофмаршал Орлов, фрейлина Протасова, князь и княгиня Воронцовы [т.е. Семен Воронцов и с супругой] и г. Завадовский»¹.

Семейная жизнь при всем счастье первых месяцев не была безоблачной. Тот же Пикар сообщает нам в письме от 5 марта 1782 г.: «Капитан гвардии Синявин (Sinawin), брат графини Воронцовой, удалившийся из службы, хотел зарезаться несколько дней тому назад, в припадке меланхолии, но был спасен своими слугами чрез минуту после нанесенного себе удара, который, говорят, не был опасен»².

Хотя Воронцов был теперь финансово обеспечен, он, тем не менее, заколебался, когда получил предложение занять дипломатический пост в Венецианской республике, поскольку не был уверен в достаточности своих финансовых возможностей. В XVIII в. дипломатическая работа считалась ориентированными на карьеру российскими дворянами очень трудоемкой, низкооплачиваемой и слишком удаленной от центра монаршей власти³.

¹ Петербург в 1781–1782 гг. Письма Пикара к князю А. Б. Куракину // Русская старина. Том 1. 1870. С. 139, 142.

² Письма Пикара к князю А. Б. Куракину / Сообщ. М. Н. Сердобин, примеч. П. Н. Петров // Русская старина. Т. 22. № 5. 1878. С. 52. В примечании к публикации поясняется: «Брат графини Воронцовой (Екатерины Алексеевны, супруги Семена Романовича Воронцова) — Иван Алексеевич Сенявин, был не капитан гвардии, а капитан (1-го ранга) бригадирского ранга, пожалованный в этот чин при увольнении от должности советника счетной экспедиции государственной адмиралтейств-коллегии, указом 1-го января 1782 г., с пенсиою».

³ *Александренко В. Н.* Русские дипломатические агенты в Лондоне в XVIII в. Т. I. С. 107–109.

Это назначение было результатом тех изменений, которых братья хотели добиться при дворе. Н. И. Панин, не любивший братьев Воронцовых и ответственный за резкое окончание дипломатической карьеры Александра Романовича, постепенно терял власть и влияние в пользу Потемкина. В сентябре 1781 г. Екатерина сняла Панина с поста президента Коллегии иностранных дел. За два года до смерти Панин был вынужден уйти в отставку. В следующем месяце Великий князь Павел отправился с супругой в Европу, окруженный шпионами Екатерины, которые докладывали о каждом его шаге и перехватывали переписку между Павлом и членами оппозиционной группы. За двадцать лет с 1762 по 1782 г. Екатерина стала более уверенной в себе, поскольку упрочила свое положение на троне Российской империи, и ее авторитет распространился от Балтийского до Черного морей и даже шире. В ранние годы своего царствования она обращалась исключительно к небольшому кругу преданных ей лиц, как, например, клан Орловых. Со временем она стала все больше опираться на выдающихся личностей, которым не очень доверяла или лично не любила. Как раз такими были члены влиятельной семьи Воронцовых. В 1778 г. Роман Ларионович был назначен наместником во Владимир, а Александр Романович — президентом Коммерц-коллегии, а теперь, летом 1782 г. Семен Романович и его сестра также почувствуют монаршее благоволение. Дашкова, выпавшая ранее из фавора, вернулась из поездки-ссылки в Европу и была назначена директором Академии наук. Семен Романович также чувствовал, как ветер политических перемен поворачивается к нему.

Судя по письмам Екатерины Гримму и по письмам самого Воронцова, императрица со времени окончания Турецкой войны не теряла Семена Романовича из виду. Она собственноручно вписывает 16 марта 1777 г. фразу «И я прошу, возвратитесь скарея» в письмо бывшего в тот момент «в случае» П. В. Завадовского Воронцову в Италию¹. Он единственный из Воронцовых, которого

¹ АКВ. XXIV. С. 154.

она упоминает в переписке с Гриммом — три раза, когда тот еще в Италии, один раз сразу по возвращении и при сообщении Гримму о назначении Воронцова в Венецию¹. Она ласково принимала его в Москве и Царицыно в дни празднования победы над турками, так же ласково она встречала его и позже в Петербурге, например, 27 апреля 1781 г. Воронцов пишет отцу: «Третьего дни был в Сарском Селе, где и обедал ... был принят весьма милостиво от ее величества»².

Серьезный намек пришел вслед за рождением сына Михаила 19 мая 1782 г. Роды были тяжелые³, но событие было очень радостное, поскольку мальчик, названный в честь бывшего канцлера, которого Воронцов любил и уважал, был единственным продолжателем мужской линии старшей ветви семьи⁴. 1 июня 1782 г. в Царском Селе

Ее Величество изволила быть восприемницею при крещении младенца урожденного от Генерала-Майора графа Семена Романовича Воронцова. Пред полуднем, в 12-м часу, Ее Императорское Величество изволила шествовать в Придворную церковь на хоры и благоволила быть восприемницею при Святом крещении младенца, урожденного от Его Сиятельства Графа Семена Романовича Воронцова; по возвращении из церкви изволила иметь обеденное кушанье в зале с обретающимися в Свите и с приезжими обоого пола знатными персонами, на 20 кувертах, при продолжении во время стола духовной музыки ... За обеденным столом сверх Свиты находились следующие персоны:

¹ Письма Императрицы Екатерины II к Гримму. С. 97, 106, 115, 135, 257.

² АКВ. XVI. С. 138.

³ АКВ. XII. С. 22.

⁴ Она оборвется на сыне Михаила Семене, и продлится только младшая ветвь Воронцовых, принявших фамилию Воронцовых-Дашковых.

1. Графиня Прасковья Федоровна Воронцова, 2. Граф Семен Романович Воронцов...¹

Сам Воронцов отметил, что «как до обеда и за оным, ее величество отменно изволила быть со мною милостива». Чтобы отметить это событие, императрица подарила Воронцову великолепную табакерку, украшенную бриллиантами, «и когда ездил благодарить, то был принят с отличною милостию»².

Менее чем через две недели, 12 июня 1782 г. Екатерина, вероятно, с подачи Потемкина, обсудила с Безбородко возможность назначения Воронцова полномочным министром в только что организованной миссии в Венецианской республике, а Безбородко уговаривал своего друга принять назначение³. До этого момента Паул Маруцци, венецианский банкир, служил российским посланником в Венеции. Воронцов будет называться министром. Согласно списку штата зарубежных учреждений Коллегии иностранных дел, только представитель в Варшаве был обозначен как посол. Все остальные были министры (в том числе, в Венеции и Британии), генеральные консулы или резиденты⁴.

Выбор Екатерины был хорошо продуманным и политически дальновидным. Воронцов не был чужд политике российского двора начала 1780-х годов. Герой войны, он познакомился с мировой дипломатией в Вене, при разработке и подписании Ключук-

¹ Камер-фурьерский церемониальный журнал за 1782 год. СПб., 1882. С. 242–243. Цит. по: *Алексеев В. Н.* Графы Воронцовы и Воронцовы-Дашковы в истории России. С. 264.

² АКВ. XVI. С. 140–141; АКВ. XIII. С. 26.

³ *Распощин А.* Биографическая заметка о графе С. Р. Воронцове // Русский архив. Книга 3. Выпуск 11. 1872. Стлб. 2175; АКВ. XIII. С. 28–30; *Александренко В. Н.* Русские дипломатические агенты в Лондоне в XVIII в. Т. I. С. 116.

⁴ *Marcum J. W. Semen R. Vorontsov.* P. 40, n. 84; *Григорович Н. И.* Канцлер князь Александр Андреевич Безбородко в связи с событиями его времени (годы с 1747 по 1787). С. 395–396; *Половинкина М. Л., Шляпникова Е. А.* Семен Романович Воронцов. С. 66.

Кайнарджийского мирного договора и обучен своим дядей-канцлером. Кроме того, он хорошо знал итальянский и жил в Италии, где установил множество дружеских связей и политических контактов. Самое же главное, однако, заключалось в том, что, снабдив его обязательствами и четко определенными обязанностями, Екатерина могла управлять беспокойным и гордым оппозиционером. В перспективе она могла политически его нейтрализовать, исключить его из списка возможных лидеров оппозиции и отвлечь его от участия в подрывной деятельности. Она имела целью направить его энергию на продуктивную работу в области дипломатии вдали от центров власти и политического влияния в Петербурге. Если Воронцов принимал назначение, он становился членом лагеря Екатерины, ослабляя силы придворной оппозиции.

Воронцов колебался и не мог принять решение. Поскольку он любил Италию, назначение в Венецию было привлекательным, хотя он понимал, что этот пост был также небольшим и незначительным первым шагом в дипломатической карьере. Иосиф II согласился с этим и был удивлен тем, что Воронцову, чья служба принесла большую пользу венскому двору, был предложено такое второстепенное место. Его канцлер князь Кауниц прямо заявил, что Венеция — самый жалкий двор во всей Европе¹. Воронцов также чувствовал, что не сможет себе позволить согласиться на дипломатический пост, на котором расходы далеко превзойдут его жалование в 7000 рублей. Он писал Безбородко: «мне тут представились бы две трудности: первая, что я совсем нов в делах политических ... другая: разорительное состояние нашего дома...»² Но Безбородко был убедителен, 14 июля он писал:

¹ Joseph II. und Graf Ludwig Cobenzl. S. 404; *Marcum J. W. Semen R. Vorontsov*. P. 32–33.

² АКВ. XXXIV. С. 435–436.

Прилагаю при сем копии указов об вас в Коллегию и к князю Дмитрию Михайловичу [Голицыну]. Хотя и написано в первом семь тысяч рублей на проезд и заведение дома, но государыня приказала сверх того назначить из Кабинета еще три тысячи рублей, а для того только их не вносить в указ, чтоб впредь от других то в пример не было приводимо¹.

С дополнительным стимулом в 3000 рублей на расходы и уступая настойчивости брата и Завадовского, Воронцов в конце концов согласился принять предложение Екатерины². Все-таки в нем было очень сильно чувство долга, которое не позволило ему отказать монарху. Незамедлительно он погрузился в геополитические реалии Венеции и восточного Средиземноморья: «Читаю теперь, — писал он своему отцу, — все бумаги, кои есть в Коллегии [иностранных дел] касательно до Венеции и около лежащих мест и сношения, что сие место имеет с Россией, Веною и Царем-градом, так что отдохновения не имею»³.

Воронцов опять беспокоился о деньгах и 15 июля 1782 г. признавался отцу, что не сможет жить на всего лишь 8000 рублей в год в Венеции. Где он найдет жилье и как он будет содержать семью?⁴ Тем не менее, Воронцов начал все необходимые приготовления к отъезду: заказал экипажи, отправил семейное имущество в Венецию морем, сделал трехмесячному сыну Михаилу прививку от оспы и отклонил предложение отца оставить мальчика с ним⁵. В августе 1783 г. Воронцов, пожилой военный, каким он себя считал, вместе с младенцем сыном и молодой беременной

¹ АКВ. XIII. С. 30; АКВ. XVI. С. 141–142.

² *Александренко В. Н.* Русские дипломатические агенты в Лондоне в XVIII в. Т. I. С. 190; *Григорович Н. И.* Канцлер князь Александр Андреевич Безбородко в связи с событиями его времени (годы с 1747 по 1787). С. 396; АКВ. VIII. С. 17; Автобиография графа Семена Романовича Воронцова. С. 45.

³ АКВ. XVI. С. 144; *Александренко В. Н.* Русские дипломатические агенты в Лондоне в XVIII в. Т. I. С. 138.

⁴ АКВ. XVI. С. 141–142.

⁵ АКВ. XVI. С. 143, 144.

женой отправился из дома вдаль по новому карьерному пути. Сознавая все свои проблемы, он описал себя с большой иронией, как «отставного солдата, человека, брошенного помимо воли его и очень поздно, уже на закате дней, без всякой предварительной подготовки, на поприще, совершенно чуждое его вкусам и привычкам; короче, политического новобранца, который приступал к изучению своего дела на 44-м году жизни, и старался прилежным исполнением своих обязанностей и усердием к службе Отечеству вознаградить недостаток природных и приобретаемых способностей»¹. Отправляясь в путь, Воронцов не мог знать, что он уже никогда не будет постоянно жить в России, и что в Венеции его ожидают самые мрачные годы его жизни.

¹ Автобиография графа Семена Романовича Воронцова. С. 34; АКВ. VIII. С. 2. В несколько другом переводе цитируется в: *Кросс Э. У Темзских берегов. Россияне в Британии в XVIII веке.* СПб.: Академический проект, 1996. С. 37.

Глава V Венеция, 1783–1785

Значение Венеции. Обустройство семьи и посольства. Рождение дочери. Смерть отца. «Дел здесь нет». Назначение в Лондон. Смерть жены. Переезд в Англию.

В XVIII в. Венецианская республика находилась в упадке как центр торговли и серьезная морская держава. Ее политический статус, морская мощь и важность как торговой империи были подорваны и перехвачены другими странами. Венеция постепенно теряла свои восточные владения под натиском Османской Турции, с которой периодически воевала с XV до XVIII века, сдав свой последний оплот на Эгейском море в 1715 г. Экономика республики разваливалась, промышленность оказалась в кризисе. Население все больше нищало, а богатое архитектурное наследие города — его оставленные в небрежении храмы и дворцы — постепенно разрушалось. И все же Венеция оставалась центром элегантности и изящества в Европе, она продолжала жить воспоминаниями о своей ушедшей славе. «Она поддерживала свой образ изысканного, свободного общества, которому присуще умение сорить деньгами с элегантностью и тонкий вкусом, — общества, за которым при всем том незримо стоит монолитная структура, возведенная серьезными и опытными людьми, чья мудрость безгранична, а действия уверенны»¹. Бесподобная красота этого уникального города — дворцы, церкви, мосты и каналы — вместе с богатством его музыки, архитектуры, скульптуры и декоративного искусства привлекали бесчисленных иностранных гостей. Венеция была важнейшим пунктом назначения для участников гран-тура

¹ Норвич Д. История Венецианской республики. М.: АСТ МОСКВА, 2010. С. 803.

благодаря ее атмосфере культуры, веселья и праздника. Специальные ярмарки и выставки устраивались здесь для того, чтобы привлечь покупателей предметов искусства, книг, стекла, кружев и всяческих местного изготовления и импортных изделий. Проводились официальные церемонии под председательством дожа и других сановников, регаты на Большом канале, религиозные праздники и особенно Карнавал. Маскарады, гуляния, игры в казино и прочие развлечения провоцировали знатных туристов оставлять свои состояния увядающей «королеве Адриатики».

В январе 1782 г. Венецию посетили наследник российского престола великий князь Павел с супругой, совершавшие свой тур по Европе под именами графа и графини Северных. Их ожидали здесь роскошные празднества. Князя поразила спокойствие и управляемость народной толпы¹.

Путешествие семьи Воронцовых в Венецию было долгим и тяжелым. Они проехали из Петербурга в Ригу и Варшаву, затем через Саксонию в Вену. В Вене Воронцов имел длительную беседу с князем А. Кауницем о совместных действиях России и Австрии против Порты². Семья прибыла в Венецию 20 сентября 1783 г. Въехав в город, Воронцов обнаружил, что дом его для жизни непригоден и требует полного ремонта, включая обновление стен и потолков, установку двойных рам и дымоходов в бельэтаже, где семья собиралась жить. Нужно было обустроить и кухню, и погреб. Комнаты были совершенно пусты, и Воронцов купил низкого качества мебель по цене, превышавшей цену лучшей

¹ *Норвич Д.* История Венецианской республики. С. 803; *Фадеева Т. М.* Отношения России и Венеции в конце XVIII века и маркиз П. Маруцци, венецианский «грек» на службе России: материалы к биографии // Е. Р. Дашкова и русская культура: от эпохи Просвещения к современности. М.: МГИ им. Е. Р. Дашковой, 2014. С. 142–144.

² *Прияшников М. П.* С. Р. Воронцов в Венеции: начало дипломатической карьеры // Воронцовы — два века в истории России. Труды Воронцовского общества. Выпуск 15. Петушки, 2012. С. 126.

инкрустированной мебели в Париже. Его беспокойство возросло, когда он потратил 2500 рублей на работы, которые необходимо было закончить к началу зимы. Его жена собиралась скоро родить, а венецианцы работали исключительно раздумчиво¹.

Что же касалось дипломатической миссии, тут Воронцов занялся оттачиванием своих умений. Начав, как наблюдатель, он изучил венецианский двор, страну, ее население, существенные черты политической и культурной жизни республики. Он учился искусству сбора информации через своих агентов. Иногда он просто покупал конфиденциальные сведения и государственные секреты. При дворе и в венецианском обществе он сформировал сеть, состоявшую из верных друзей и сторонников, и создал, таким образом, собственную политическую группу.

Вручив верительные грамоты венецианским сановникам, Воронцов приступил к своим обязанностям, которые летом и осенью 1783 г. определялись, в первую очередь, присоединением Крыма к России. В 1774 г. в статье 3 Кючук-Кайнарджийского договора — того самого, в составлении и переводе которого участвовал Воронцов, — Россия и Османская империя согласились признать Крым

¹ АКВ. IX. С. 1–2. Русское посольство было упразднено «в 1797 году в связи с упразднением самой Республики Святого Марка. Сохранившееся здание русской дипломатической миссии в наши дни занимает пансион-гостиница "Академия"» (*Ястребов А.* Православие в Венеции // Церковь и время. № 4. 2009. С. 218). Именно в этом пансионе поселился два века спустя И. А. Бродский, впервые приехав в Венецию: «Мы высадились на пристани Академиа, попав в плен твердой топографии и соответствующего морального кодекса. После недолгих блужданий по узким переулкам меня доставили в вестибюль одноименного, удалившегося от мира пансиона ... моя Ариадна удалилась, оставив за собой благовонную нить дорогих ... духов, быстро растаявшую в затхлой атмосфере пансиона, пропитанной слабым, но вездесущим запахом мочи. Пару минут я разглядывал мебель. Потом завалился спать» (*Бродский И. А.* Набережная неисцелимых // Сочинения Иосифа Бродского. Том VII. СПб.: Пушкинский фонд, 2001. С. 12). В Pensione Accademia помнят свою историю, начиная с построенной в XVII в. Villa Maravege, которую занял Воронцов с русским посольством в 1783 г. (<https://www.pensioneaccademia.it/en/about-us/>).

независимым государством, а крымского хана — независимым правителем¹. Российская экспансия на юге и в Крыму во многом определялась тем, что часто называется «Греческим проектом». Расплывчатый и нереалистичный план Екатерины и Потемкина, которому они следовали в альянсе с Австрией, предполагал полное изгнание Турции из Европы, разделение европейской части Оттоманской империи между Россией и Австрией и восстановление Византийской православной империи с центром в Константинополе. Внук Екатерины Константин воспитывался для предназначавшейся ему роли главы этой империи². Турки так и не смогли примириться с потерей территорий, которые они так долго контролировали и которые считали жизненно важными для защиты Константинополя. Русские порты и военно-морские базы, теперь прочно обосновавшиеся на Черном море, угрожали их столице и северным берегам атаками с моря. Сама же Оттоманская империя перестала быть серьезной угрозой для России и поэтому вынуждена была терпеть всевозрастающее российской влияние в регионе Черного моря и на Балканах.

Екатерина больше всего опасалась ответных мер европейских держав и возможности войны, это же сильно беспокоило Безбородко, о чем он писал Воронцову с апреля по август 1783 г. Он также держал друга в курсе многочисленных неудачных дипломатических переговоров и неэффективных маневров, которые давали слишком мало результатов³. Но и в этом случае Венецианская республика могла потенциально стать центральной фигурой в попытке России распространить контроль и влияние за свои расширившиеся южные границы. От Воронцова ожидали

¹ Кючук-Кайнарджийский мирный договор (https://www.runivers.ru/doc/d2.php?CENTER_ELEMENT_ID=147025); Век Екатерины II. Дела балканские. М.: Наука, 2000. С. 118.

² Век Екатерины II. Дела балканские. С. 209–215.

³ АКВ. XIII. С. 34–39. См. *Anderson M. S. The Great Power and the Russian Annexation of the Crimea, 1783–4 // The Slavonic and East European Review. Vol. 37. No. 88. Dec., 1958. P. 17–41.*

включения Венеции как ценного союзника в борьбу за достижение целей России и Австрии¹. Действительно, проект Екатерины держался на российском альянсе с Австрией, и не было сомнения, что императору Иосифу II нравилась идея расширить свои южные и юго-восточные границы и что в 1783 г. он надеялся в конце концов получить все Балканы. Активное сотрудничество с Россией обещало очень желательные выигрыши в виде морских портов на Адриатике и в восточном Средиземноморье, а также завоевание стратегически важных территорий — Боснии, Сербии, берега Далмации и княжеств Оттоманской империи.

Австрия, однако, колебалась, поскольку такая быстрая экспансия ее державы неизбежно встретила бы сильную оппозицию со стороны других стран Европы. До исчезновения угрозы одновременного франко-прусского нападения на Богемию, Рейнскую область, Нидерланды и Италию Австрия не могла проводить определенную политику на Балканах. Никакие возможные приобретения Австрии на юге не стоили всеобщей войны в Европе. Усилия России и Австрии разделить и затем подчинить себе всю европейскую часть Турции были, таким образом, остановлены, и война была предотвращена, по крайней мере, на время. 19 сентября 1783 г. Завадовский написал Воронцову: «Крым занят; турки крепко молчат; неприязненные нам дворы не находят своего счету вмешиваться в сии дела прямым лицом»². К ноябрю Австрия совершенно потеряла интерес к проекту, переключив свое внимание на возможный обмен Нидерландов на Баварию³.

В это время Воронцов был занят делами домашними. 24 октября 1783 г., как раз через месяц после их приезда в Венецию, его жена родила дочь, названную Екатериной в честь матери⁴. Счастье

¹ Joseph II und Graf Ludwig Cobenzl. S. 392–393.

² АКВ. XII. С. 23.

³ Joseph II und Graf Ludwig Cobenzl. S. 434–446.

⁴ Часто местом рождения Екатерины Семеновны ошибочно указывают Петербург. В сентябре 1783 г. Завадовский написал два письма Воронцову, в которых

Воронцова по поводу рождения здоровой девочки было испорчено ухудшающимся здоровьем его молодой жены. Она перенесла трудности долгого и трудного путешествия из Петербурга в Венецию по разрезанным почтовым дорогам Европы. Трудности родов измучили ее, а доктора боялись развития чахотки. В таком ослабленном состоянии ее нельзя было никуда перевозить. Зима же 1783–1784 гг. была одной из самых холодных, с резкими падениями температуры, снегопадами и сугробами. В Венеции завывал ледяной ветер и холодный морской туман заполнял скованные людом каналы и протоки. Сильное наводнение надвинулось на город и привело к разрушениям и жертвам. Той зимой Воронцов написал брату: «Здесь ужасно холодно. Уже два дня в Гранд Канале плавают льдины. Все каналы в Местре и Фузине замерзли»¹.

30 ноября 1783 г. во Владимире умер граф Роман Ларионович Воронцов. Семен Романович написал брату:

Я получил печальное известие о смерти отца, которой я не ожидал. Я всегда надеялся, что он поправится, и я буду иметь удовольствие опять увидеть его. Моя жена плакала, как будто она его дочь, потому что ценит его любовь к ней. Это известие ошеломило меня, до сих пор не могу прийти в себя. Я не верил, что лихорадка может свести его в могилу. Это вина этих убийц во Владимире, которые понятия не имели, как его лечить. Роджерсон знал бы, что делать, ведь он уже два раза с этим справлялся².

жалуется на одиночество в связи с отъездом своего старого друга в Венецию. Он извинился, что не ответил на два письма Семена Романовича из Риги и Варшавы, и добавил несколько слов жене Воронцова Екатерине. Ни слова не было написано о рождении дочери. Только 10 ноября 1783 г. Завадовский поздравляет их со счастливым событием (АКВ. XII. С. 26–27). В письме, датированном 1783 г., Лафермьер также посылает свои наилучшие пожелания прямо жене Воронцова в Венецию (АКВ. XXIX. С. 243–244).

¹ АКВ. IX. С. 2. Местре, Фузина — пригороды Венеции, расположенные на материке.

² Там же. Роджерсон (Рожерсон) — Джон Сэмюэль Роджерсон (Иоганн Самуил Роджерсон, Иван Самойлович Роджерсон, англ. John Samuel Rogerson, 1741–

Воронцов был бы значительно больше огорчен, если бы он знал своего отца лучше и не был бы постоянно озабочен ухудшившимся здоровьем жены. Смерть Романа Ларионовича, однако, значительно улучшила его финансовое положение, а Александр в письмах брату с декабря 1783 г. по май 1784 г. в основном обсуждал вопросы, касавшиеся управления значительным наследством отца¹.

К моменту кончины Романа Ларионовича его владения включали 119 поместий в тринадцати губерниях. Они состояли из пахотных земель, лесов и лугов. Крепостных душ мужского пола у него было 18522. Он завещал свое городское и сельское имущество, включая дома, деревни и предприятия, сыновьям Александру и Семену с условием не дробить их при делении между собой². Братья не стали этого делать, и Александр, у которого не было детей, после смерти в 1805 г. оставит свою долю наследства Семену и его сыну, Михаилу³. К этому времени Александр почти удвоил владения семьи — с 146000 до 271000 десятин земли⁴, приобрел еще 113 имений с 8063 душами мужского пола. По некоторым оценкам Воронцовы владели 54703 крепостными. Каковы бы ни были точные числа, семья Воронцовых была, бесспорно, одной из самых богатых и самых могущественных в России. Члены семьи умело управляли тем, чем владели, и значительно увеличили свои состояния во время службы на высоких государственных постах, когда, наряду с жалованиями и пенсиями, получали подарки и денежные суммы, земли и крепостных. Роман Ларионович был тоже

1823) — шотландец из Эдинбурга, где окончил университет в 1765 г., работал в Петербурге в 1766–1816 гг., лейб-медик Екатерины II, лечил Е. Р. Дашкову, ее сына, А. Р. Воронцова и других представителей высшего света, был другом С. Р. Воронцова. Его переписку с братьями см.: АКВ. XXX. С. 47–266.

¹ АКВ. XXXI. С. 430–435.

² СПбИИ РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 901. Бумаги по имениям Р. Л. Воронцова. Л. 9. Роман Ларионович также оставил имения мужским членам своей второй семьи Ронцовых.

³ СПбИИ РАН. Ф. 36. Оп. 2. Д. 166. Духовное завещание А. Р. Воронцова.

⁴ Казенная десятина была равна 2400 квадратным сажням (1,09 га).

вполне удачлив¹. Касаясь деловых отношений между братьями, Адам Чарторыйский писал, что Семен видел в Александре

самого великого и самого добродетельного человека в России; его слова были для него евангелием, его решения — пророчествами. Повиновение, уважение и преданность графа Семена брату были трогательны, потому что они вытекали из сердца, действовавшего без расчета. Отношения двух братьев были настолько хороши, что они не делили между собой полученного наследства. Граф Александр, взявший на себя заведывание всеми делами по имуществу, отдавал брату все, что приходилось на его долю; между ними не возникало на этой почве и тени какой бы ни было распри, и никогда никому и в голову не приходила мысль, что граф Александр может обидеть своего брата, проживавшего за границей².

Понадобилось более года, чтобы разрешить все юридические проблемы и получить отцовское наследство, а в это время Семен Романович боролся с собственными растущими долгами. 6 (17) января 1784 г. он написал Безбородко, что на его жалование невозможно сносно жить в Венеции с женой и детьми, не увеличивая долги, что в конце концов его ожидает финансовый крах³.

В начале нового 1784 г., когда угроза войны исчезла, Воронцов начал ворчать, утверждая, что австрийской влияние в Венеции очень велико и делает его присутствие в городе фактически ненужным. «Дел здесь нет, — писал он Безбородко, — и быть не может, поелику весь секрет сего правления, как оно его ни таит,

¹ Индова Е. И. Дворцовое хозяйство в России: первая половина XVIII века. С. 24–25, 186–187; Индова Е. И. Крестьянство центрально-промышленных вотчин Воронцовых в первой половине XIX века // Исторические записки. Т. 38. 1951. С. 176; Zimmerman J. S. Alexander Romanovich Vorontsov. P. 135–136, 144.

² Чарторыйский А. Мемуары. Глава IX. 1801–1802 гг. (<http://dugward.ru/library/chartorigsky.html>).

³ АКВ. XVI. С. 171.

состоит в том, чтоб делать все в угодность двору венскому и ни в чем не отказывать, чего бы оный ни потребовал. И так, на случай войны с турками и по другим каким-либо делам, будучи в союзе с императором [Иосифом II], мы посредством его во всех наших желаниях здесь всегда успеем»¹. Необходимость в переговорах уменьшилась, возможность представлять интересы России была крайне ограничена и затруднена скрытным и часто недружественным отношением венецианского двора². Поэтому Воронцов переключил внимание на повседневные, рутинные задачи в своей должности: «Я занимаюсь ныне собранием разных ведомостей, относящихся до числа жителей во владениях сей республики, до ее доходов, долгов, расходов, войска сухопутного и флота. Хотя сие трудно, однако ж не отчаиваюсь в оном преуспеть»³. Теперь письма и депеши Воронцова посвящены гораздо менее животрепещущим вопросам — таким как успех венецианской карантинной системы, торговля, местные мошенники и благосостояние российских подданных за рубежом⁴.

Кроме того, давней проблемой на Балканах было освобождение восточного православного населения от турецкого притеснения, поощрения его недовольства и подстрекательство к прямому восстанию. В защите религиозной свободы православных общин в Венецианской республике и восточном Средиземноморье Воронцов полагался на своих агентов и, среди них, на Георга Псаро, который затем был назначен российским посланником на Мальте. Псаро призывал греков действовать: «Потеря нескольких тысяч ничего не значит; пусть половина греков погибнет, лишь бы другая научилась, возмужала и прославилась, отброся иго турецкое. Петр Первый жертвовал несколько сот тысяч русских, дабы возвысить и

¹ Там же.

² *Marcum J. W. Semen R. Vorontsov*. P. 45.

³ АКВ. XVI. С. 171.

⁴ АКВ. IX. С. 6, 9–10, 32–34, 422.

просветить свое отечество»¹. Другим доверенным помощником был Деметриус Моцениго, друг Воронцова из Пизы, который несколько раз оказывал ему помощь. И Псаро, и Моцениго были глубоко вовлечены в греческие дела, а Моцениго, в частности, надеялся возвратить конфискованную у него в Греции собственность². Корберон писал, что Моцениго был на российской службе, и добавлял: «Я не знаю, как он на ней оказался, поскольку репутация его не блестящая»³. К теме религиозной терпимости относилась также забота Воронцова о законных правах и возможности сохранения культурных обычаев русской православной общины в Венеции. До своего отъезда он способствовал основанию и украшению здешней православной церкви⁴.

Не имея никаких важных дел в маленькой республике, славной искусством и архитектурой, но не обладавшей никаким политическим влиянием, Воронцов постоянно просил перевести его из Венеции. Уже 3 (14) января 1784 г. он писал брату: «Я умоляю вас еще раз вытащить меня отсюда. Императрица теряет деньги, растрачивая их на меня, а я теряю свое время, поскольку делать здесь нечего»⁵. Вследствие поддержки брата и своих влиятельных

¹ АКВ. XVI. С. 174.

² АКВ. XVI. С. 149–168.

³ Un Diplomate Français a La Cour De Catherine II 1775–1780. Journal Intime Du Chevalier De Corberon, Charge d'Affaires De France En Russie. 2 vols. / Ed. L. H. Labande. P.: Plot, 1901. Vol. 1. P. 113–114, 152 (цит. по *Marcum J. W. Semen R. Vorontsov*. P. 42, n. 92).

⁴ АКВ. IX. С. 402, 403; АКВ. XVI. С. 177. В 2018 г. исполнилось 235 лет со дня основания этой церкви — «первой русской церкви на Апеннинском полуострове» (Интервью настоятеля прихода святых жен-мироносиц в Венеции агентству «Interfax» 06.02.2017. <http://pravoslavie.it/intervyu-nastoyatelya-prihoda-svyatyx-zhen-mironosic-v-venecii-agentstvu-interfax>). «При посольстве была устроена домовая церковь во имя святых первоверховных апостолов Петра и Павла и назначен настоятель — иеромонах Иустин (Федоров). История первой русской церкви в Венеции оказалась, увы, недолгой. Она разделила судьбу посольства...» (*Ястребов А.* Православие в Венеции. С. 218).

⁵ АКВ. IX. С. 3.

друзей, имевших прямой доступ к императрице, Воронцов был уверен, что к нему отнесутся по-особому. Иван Барятинский собирался оставить пост в Париже, а Иван Симолин, который, как считал Воронцов, вел распутную жизнь, был заинтересован в переводе из Лондона в Париж¹. Воронцову позволили самому выбрать место дальнейшей службы, и из предоставленных Лондона и Парижа он выбрал Лондон. Брат его был там послом. Он сам чувствовал, что британские интересы были близки к российским. Франция же вряд ли простила России недавние неприятности в международной политике, например, занятие Россией Крыма, которое до предела накалило отношения между странами. Воронцова продолжало беспокоить его финансовое положение, и, сравнив жалования и расходы, он заключил, что Лондон будет подешевле².

Кроме того, пост в Британии был важен с точки зрения семейных интересов Воронцовых. Поскольку Александр возглавлял Коммерц-коллегию, братья могли в большой степени держать под контролем политические и экономические связи России и Британии. Альянс с Британией позволил бы России более успешно противостоять подъему революционной активности и последующей агрессивной политике наполеоновской Франции. В то же время, братья могли непосредственно и с выгодой для себя управлять расширявшейся торговлей между двумя странами. С потерей своих североамериканских колоний Британия стала значительно больше зависеть от торговли и коммерческих предприятий на Балтике³. Россия экспортировала сырье, которое было необходимо для поддержания мощного британского флота, а в обмен получала из Британии передовые технологии, вооружения и предметы роскоши.

¹ АКВ. IX. С. 92; *Александренко В. Н.* Русские дипломатические агенты в Лондоне в XVIII в. Т. I. С. 51, прим. 2.

² АКВ. IX. С. 4, 43, 44–50, 51–99.

³ *Kaplan H. H.* Russian Overseas Commerce with Great Britain During the Reign of Catherine II. Philadelphia: American Philosophical Society, 1995. P. 132–148 et passim.

Еще один аргумент подсказал брат:

Я радуюсь особенно для Мишеньки, что вы в Англию едете, и ему воспитание дать можно такое, какова трудно б было здесь иметь. И так все то, что вы для себя умерите теперь, может обращено быть на пользу впредь для воспитания детей¹.

15 марта 1784 г. Безбородко подтвердил в письме Воронцову его назначение в Лондон. Но Воронцов не мог выехать немедленно. Здоровье жены Екатерины Алексеевны вызывало теперь еще большее беспокойство — ее состояние ухудшалось, она опасно слабела. В июле 1784 г., однако, появились обнадеживавшие признаки, казалось, она выздоравливает. Воронцов перевез ее в Пизу, где однажды он сам поправился в результате воздействия, как он считал, оздоравливавшего климата. Но было слишком поздно, и через месяц, 25 августа / 6 сентября 1784 г. Екатерина Алексеевна, которой еще не исполнилось и двадцати четырех лет, умерла. Все женщины, важные в жизни Воронцова, умерли рано: он не знал своей матери, Анна, любовь его юности, умерла от чахотки, не дожив до тридцати, а теперь он хоронил молодую жену, с которой прожил самые счастливые три года своей жизни². В сентябре Семен Романович написал брату из Падуи: «Вы уже знаете о моем горе, но вы не можете представить себе, до какой степени я потрясен этим горем. Я был спокоен, счастлив; я ничего не желал, я не завидовал ничьей судьбе, а теперь я завидую всем. Моя жизнь ужасна. Эти три года счастья пронеслись с быстротой молнии, и теперь мое будущее обещает мне лишь вечные страдания ... Какой женщиной, каким другом, каким ангелом была моя Катерина Алексеевна!»³

Я все время держу в памяти слова жены, сказанные в первый месяц ее болезни, когда она считала и мы все были убеждены, что она вне опасности: *По истине, мой дорогой Сенюша, Бог был бы*

¹ АКВ. XXXI. С. 441.

² Автобиография графа Семена Романовича Воронцова. С. 45; АКВ. VIII. С. 17.

³ АКВ. IX. С. 8.

слишком жесток, если бы он нас разлучил. Она сказала мне эти слова, плача и обнимая меня. И вот, мы разлучены! Для меня больше нет Бога, и если есть какое-то существо, то оно может быть только очень злобным, бесчеловечно сокрушающим тех, кто наслаждается своим счастьем с чистотой и невинностью¹.

«Презлополучное состояние»² Воронцова было страшным, он совершенно отчаялся и даже подумывал о самоубийстве. Совершенно подавленный, он обнаружил перед братом абсолютное пренебрежение собственным здоровьем. «Я бы сказал больше: чахотка в Италии заразна ... а я до сих пор сплю на том же матрасе [une peau], на котором она лежала три дня перед самой своей смертью»³. Он потерял всякий интерес к жизни, его карьера больше не имела значения, и он не желал более ничего, кроме как быть рядом со своей женой. Вместе с Александром он попросил их друга архитектора Николая Александровича Львова построить в память о жене церковь Св. Екатерины в усадьбе Мурино⁴. Законченная в 1790 г., небольшая неоклассическая церковь имела семейный склеп, в котором Воронцов собирался быть похороненным рядом с женой. Однако склеп остался пустым — ни Семен Романович, ни его жена не были похоронены в России. Екатерина Алексеевна обрела покой под мраморной плитой в полу перед алтарем греческого православного собора Св. Георгия в Венеции (San Giorgio dei Greci), окруженная великолепными фресками, иконами и мозаиками. Купольная базилика XVI в. с наклонившейся колокольней — собор заимствовал свои архитектурные формы у прекрасных венецианских церквей Ренессанса. Для безутешного Воронцова, однако, Венеция теперь всегда ассоциировалась с несчастьем и смертями жены и отца. Он положил капитал на вечное поминовение

¹ АКВ. XXXII. С. 199.

² Слова П. В. Завадовского в письме Воронцову на смерть жены (АКВ. XII. С. 29).

³ АКВ. IX. С. 11–12.

⁴ АКВ. IX. С. 10. О дружбе Н. А. Львова с братьями Воронцовыми см.:

Никитина А. Б. Воронцовы и Н. А. Львов // Воронцовы — два века в истории России. Материалы научной конференции. Владимир: РИО, 1992. С. 107–116.

«рабы Божией Екатерины», и в день ее смерти в церкви ежегодно служится панихида¹.

Убитый горем и подавленный, он тоже опасно заболел и изменился психологически и физически: «моя живость исчезла, и тело мое с тех пор не может переносить ни зноя, ни холода»². Александр был встревожен состоянием брата и в каждом письме убеждал его вернуться к работе и заняться проблемами своего нового назначения в Лондон. «Поэтому я умоляю вас заботиться о своем здоровье и не поддаваться горю. Я думаю, что для вас было бы лучше, если только здоровье позволяет, отправиться к месту вашего назначения: работа, которая ожидает вас в Лондоне, заполнит, возможно, ту пустоту, которую вы сейчас чувствуете»³.

Завадовский настаивал на том, чтобы Воронцов не поддавался зряшной и всепоглощающей печали: «тебе надобно тотчас оставить место, напоминающее о твоём несчастье, и переехать в Англию или же ехать в С.-Петербург ... может быть, здешнее свидание и родственники пуще будут напаятованием углублять твою рану. В таком разе лучше будет переехать прямо в Англию»⁴. Очень сочувствующее письмо написал ему и давний друг Лафермьер⁵.

И все же Воронцов медлил, замыкался в себе, стремился остаться в одиночестве и видаться только с некоторыми членами семьи и друзьями — с кузеном Ларионом Воронцовым, двоюродным братом жены В. Н. Зиновьевым⁶ и драматургом Денисом Ивановичем

¹ *Серебрякова Н. Я.* История создания церкви Святой Великомученицы Екатерины в Мурино. С. 51; *Серебрякова Н. Я.* О захоронениях Екатерины Алексеевны и Семена Романовича Воронцовых // Е. Р. Дашкова: Великое наследие и современность. М.: МГИ им. Е. Р. Дашковой, 2009. С. 233–234.

² Автобиография графа Семена Романовича Воронцова. С. 45; АКВ. VIII. С. 17.

³ АКВ. XXXI. С. 450.

⁴ АКВ. XII. С. 30.

⁵ АКВ. XXIX. С. 255–256.

⁶ Василий Николаевич Зиновьев (1755–1827) – сенатор, тайный советник и камергер. Сын петербургского обер-коменданта, генерал-майора Н. И. Зиновьева, и

Фонвизиним. Граф Моцениго еще раз приезжал в Пизу, чтобы помочь Семену Романовичу и его детям¹.

В. Н. Зиновьев, склонный к духовным поискам, так описывал состояние Воронцова и причину длительности этого состояния:

13-го² поутру приехал в Пизу, нашел Семена Романовича в жалчайшем положении и печали неутешительной о потери покойной сестры, Екатерины Алексеевны. Здесь увидел я на опыте, как самый честнейший человек, каков мой друг, без настоящей веры недостаточен. Он, как хорошо состроенный корабль, не имевший руля: благополучный ветер доводит его до настоящей гавани, бурей от оной отводит, а часто и разбивается. И так, любезный друг, не копи богатства для детей своих, не беспокойся украшать их ум познаниями, но прежде всего старайся дать им настоящее и твердое понятие о вере: утвердив их в сем, уже тогда прочие выгоды им приобретать старайся. Без веры нет настоящего и твердого благополучия на сем свете, а кто оную имеет – в добродетели навсегда непоколебим. Никакое несчастье, никакая страшная угроза его в хороших правилах поколебать не может. Он может иногда отдаться чувствам телесным, но когда душа его опять над ним верх возьмет, то он ясно свои прегрешения и преступления видит, об оных соболезнует, прибегает к Творцу, прося Его со смирением и кротостию о прощении своем, и испрашивает Его помощи в утверждении на пути истины³.

По дальнейшим поступкам Воронцова можно судить, внял ли он этой проповеди своего друга. Он был принципиален и упрям и, скорее, как ранее, так и в последующей жизни, полагался на свою совесть и душевную стойкость, чем на горячее личное религиозное

Евдокии Наумовны, дочери вице-адмирала Н. А. Сенявина. С 1766 по 1773 г. обучался в Лейпцигском университете вместе с А. Н. Радищевым.

¹ АКВ Х. С. 129.

² 13 ноября 1784 г.

³ Журнал путешествия В. Н. Зиновьева по Германии, Италии, Франции и Англии в 1784–1788 гг. // Русская старина. Том 23. Выпуск 9–12. 1878. С. 228–229, 403.

чувство. Он носил тогда перстень с изображением лошади без узды как символ вольности. Во время второго приезда Зиновьева в Пизу в феврале 1785 г. Воронцов уже с увлечением днями и ночами читал сочинение артиллериста Тотта¹. В ноябре 1784 г. Воронцов озабочился поисками себе секретаря, которого через четыре года мог бы сделать гувернером сына Мишеньки². Он просил брата найти через знакомых «эльзасца около 30 лет честного и с мягким характером. Помимо аккуратности и мягкости, которые необходимы, я бы хотел, чтобы он был лютеранином, потому что протестантские эльзасцы менее французы, чем все другие»³.

Через полтора года, уже будучи в Англии, Зиновьев сделал еще одну попытку

обратить его [Воронцова] на истинный путь и, так как он был одного со мной вероисповедания, то, причащаясь однажды вместе с ним, мне показалось, что он отнесся к этому таинству не с достаточно приличным настроением духа. Я позабыл должное ему почтение и уважение, его года, и напал на него с запальчивостью, выговаривая, что он сделал большой грех. Не помню, что я ему еще говорил в течение дня, но я несколько раз возвращался к тому же предмету, — но все напрасно⁴.

¹ Журнал путешествия В. Н. Зиновьева по Германии, Италии, Франции и Англии в 1784–1788 гг. С. 404–406. Зиновьев в конце 1785 – первой половине 1786 г. посетил Воронцова в Лондоне, а потом отправился в путешествие по стране, рассказывая о своих впечатлениях другу. В конце сентября Зиновьев вернулся в Лондон.

² О важности подбора гувернера в аристократической семье см., например: *Фреде В.* Как в Россию пришла идея, что гувернер может быть другом: Строгановы и Жильбер Ромм, 1779–1790 годы // *Идеал воспитания дворянства в Европе: XVII–XIX века.* М.: НЛЮ, 2018. С. 149–170.

³ АКВ. IX. С. 12.

⁴ Журнал путешествия В. Н. Зиновьева по Германии, Италии, Франции и Англии в 1784–1788 гг. С. 624. Похоже, наоборот, Воронцову удалось ограничить интерес Зиновьева к пиетизму и заставить его заниматься в Англии самообразованием (Там же. С. 629).

Он спасался не молитвами, а заботами и трудом.

Наконец, Воронцов был готов жить дальше, но в марте 1785 г. узнал, что многие дороги в Европе все еще покрыты снегом. Вследствие этого он покинул Италию лишь в конце апреля. Воронцов, новоназначенный министр при британском дворе, а теперь и вдовец, отправился с детьми на север во Франкфурт, а затем далее через Бельгию в Гаагу. Такой не прямой путь был спланирован специально. Джеймс Гаррис, с которым Семен Романович приятельствовал, в 1784 г. был назначен министром в Гаагу. Надо было с ним повидаться. Затем Воронцов проехал через Остенде, Дюнкерк и Кале, пересек Ламанш и высадился в Англии¹ — с этого момента и на сорок восемь лет ставшей его второй родиной и постоянным домом.

¹ Как писал приятель братьев Воронцовых еще в ноябре 1762 г. Семену Романовичу, с которым вместе когда-то путешествовал по России, «скоро выйду из Лондона и буду вас дожидать в Гаге, откуда нам, которые и по Каспийскому морю в шлюпке плавали, в Англию переехать на пакетботе безделицею покажется» (АКВ. XXXIV. С. 283).

Глава VI Лондон, 1785–1791

Дипломатические отношения с Великобританией. Опора на опыт брата. Манера создавать контакты. Промышленник Боултон. Промышленные и культурные обмены. Обучение морских офицеров. Беспокойные комиссии. Сочинение Адама Смита. Маленькое посольское сообщество. Отец Смирнов. Джон Парадайз. Отношения посла с Петербургом. Познание Британии. Знакомство с Питтом и его правительством. Основы отношений с Британией. Одобрение Екатерины. Крымские каторжники. Контакты с американцами. Шахматная партия европейской политики.

Англо-русские дипломатические отношения были установлены еще в XVI в., они никогда не были длительно дружескими и стабильными. Российских послов и посланников в Лондоне было мало, и приезжали они редко. Они имели вполне определенные задачи и возвращались домой после их выполнения. Правление Петра Великого было отмечено расширением дипломатического представительства, поскольку Петр стремился закрепить «естественные» границы своей империи и роль России в европейской политике. Согласно Александренко, агрессивная политика Петра не только привела к необходимости более интенсивных контактов с Западом, но и задала тон российского дипломатического диалога, в котором мирное разрешение проблем и культурные связи отнюдь не были самым главным¹. Первым постоянно находившимся в Лондоне российским дипломатом был Андрей Матвеев, которого Петр отправил туда в 1707 г. с целью

¹ Александренко В. Н. Русские дипломатические агенты в Лондоне в XVIII в. Т. I. С. 16.

заключить соглашение, превосходившее все существовавшие тогда торговые договоры¹.

Хотя Россия имела большое влияние в Европе во время Петра Великого, она не достигла еще статуса одной из главных европейских держав. Это произошло только во второй половине царствования Екатерины Великой, и как раз в это время Воронцов исполнял должность посла². В XVIII в. дипломатические отношения между двумя странами часто были сложными, а в 1719–1730 гг. почти прекратились вследствие Северной войны. Они были восстановлены в 1731 г. с приходом Антиоха Кантемира, дипломата и писателя. Он «стоит первым во впечатляющем ряду русских дипломатов, которые были явными англофилами и своим сердечным расположением ко многому в Англии, несомненно, способствовали довольно гладкому ходу дипломатических отношений»³. Александренко добавляет: «Несмотря на кратковременное пребывание в чужой стране, на князя Кантемира, как и на его великих современников (Монтескье, Бюффона, Вольтера), Англия имела огромное культурно-воспитательное влияние, и в этом отношении он является предшественником гр. А. С. Мусин-Пушкина и гр. С. Р. Воронцова»⁴. Тем не менее, Британия в общем относилась с большой настороженностью к растущей политической и военной мощи России, делая главный дипломатический акцент на установлении выгодных торговых отношений с Россией. Эта цель была достигнута при помощи первого коммерческого соглашения, подписанного в Петербурге 2 декабря 1734 г.

¹ Более подробное обсуждение см. *Кросс Э. У Темзских берегов. Россияне в Британии в XVIII веке. С. 17–21.*

² *Александренко В. Н. Русские дипломатические агенты в Лондоне в XVIII в. Т. I. С. 17.*

³ *Кросс Э. У Темзских берегов. Россияне в Британии в XVIII веке. С. 23.*

⁴ *Александренко В. Н. Русские дипломатические агенты в Лондоне в XVIII в. Т. I. С. 25.*

В 1770–1780-х годах разразился острый международный кризис. «Кризис мирового хозяйства продолжался в различных странах неодинаковое время. Общую его длительность можно оценить примерно в 20–25 лет». Он до сих пор еще мало изучен. Великобритания и другие европейские страны сталкиваются с проблемами сбыта продукции. Лига вооруженного нейтралитета (Австрия, Россия, Швеция, Пруссия, Голландия, Дания и ряд других стран, 1780–1783) требует от Британии свободной торговли. На развитие кризиса указывает и статистика импорта. В 1784–1785 г. начинается быстрый подъем экономики Британии и рост ее экспорта, в ней разворачивается промышленный переворот, позволяющий сократить потребность в некоторых видах сырья и снизить себестоимость товаров, английские товары вновь разворачивают наступление на рынки. «В Англии полоса проблем завершается промышленной революцией: новая техника оказывается необходимой, а ее внедрение — объективно возможным в самой развитой капиталистической стране ... английская промышленность быстрее переходила на новые технологические рельсы, а торговое доминирование Британии подкреплялось военно-морской мощью»¹. Экономический кризис отражался в остром политическом кризисе.

Политика партии вигов², в частности, Хораса Уолпола, главным образом, стремилась к миру и сосуществованию, была ориентирована

¹ Колташов В. Великие кризисы. Кризис 1770–1780-х годов (http://www.finansy.ru/st/post_1275029846.html).

² Между концом 1750-х и началом 1780-х гг. в британском парламенте не было организованных политических партий — после восхождений на престол Георга III (1760) старые политические различия прекратили свое существование. В рассматриваемый нами период вигами (Whigs) назвали либералов и созданную ими в 1780-е гг. политическую партию. Виги поддерживали конституционную монархию в противовес монархии абсолютной. В это время «тори» (Tory) был не более, чем недружественным эпитетом для политиков, принадлежавших к кругу короля Георга III. Термин «тори» применялся оппонентами к сторонникам Уильяма Питта Младшего. Сам Питт отвергал лейбл «тори».

на внутренние дела и на экономические нужды страны. Британия не вмешивалась в российскую политику по отношению к Польше и Турции, но и не поддерживала ее сколь-нибудь активно. Союз с Россией вовлек бы Британию в далекие от нее конфликты, которые приносили мало прибыли, но требовали больших жертв. Торговое же соглашение, с другой стороны, должно было привести к существенным прибылям и сделать Британию еще более конкурентоспособной на рынках Западной Европы¹. Дружественные отношения поддерживались торговыми связями и взаимным пониманием того, что торговля зависела от свободного и безопасного пути по Балтике и северным морям. Британия в большой степени зависела от экспорта из России сырья и материалов для постройки кораблей своего флота — основы ее влияния и мощи. Британская дипломатия также характеризовалась определенными особенностями и традициями по отношению к России².

При восхождении на престол Екатерина хотела поддерживать мирные и дружественные отношения с Британией. В результате положение российских дипломатических агентов уже в первую половину царствования Екатерины повысилось, а их обязанности были расширены и лучше определены. Императрица продолжила линию Петра, подчеркивала их роль посредников между Россией и Европой в областях, связанных с культурным преобразованием и политической экспансией России, и указывала, что надо вести переговоры для заключения соглашений с помощью ее министров в соответствующих странах, а не через иностранных министров в Петербурге. Например, в 1789 г. она написала в Коллегию иностранных дел: «делают ли и собирают ли для гр. Воронцова в Лондон все бумаги касательно между Англии и России от времени нынешней войны. Требуоу ответа»³.

¹ *Александренко В. Н.* Русские дипломатические агенты в Лондоне в XVIII в. Т. I. С. 24–25.

² *Fremont-Barnes G. B.* The British Diplomatic Service under Pitt the Younger // *Modern Times (Jr.)*. Vol. 82. No. 12. 1997. P. 1–32.

³ *Александренко В. Н.* Русские дипломатические агенты в Лондоне в XVIII в. Т. I. С. 45, п. 2.

Однако, Екатерина не сумела затянуть Британию непосредственно в сферу своей международной политики и заставить служить ее интересам. Отсутствие политического альянса или хотя бы лучшего взаимопонимания между Россией и Британией было также следствием различия интересов во внешней политике и явного несходства их политических систем. Британия в царствование Екатерины Великой была обеспокоена большой вовлеченностью России в европейские дела и чувствовала себя преданной Екатериной, которая была автором российской декларации о вооруженном нейтралитете во время войны с североамериканскими колониями и Францией. Существовала также растущая конкуренция между двумя странами на Востоке.

Но даже в периоды большой политической и дипломатической напряженности английское влияние в России достигало апогея. По большому счету, тогда никто не чувствовал противоречия между англomанией и российским патриотизмом. Пришпоренная интересом и любовью императрицы ко всему английскому, особенно в областях технологических и культурных обменов, англomания стала дворянской страстью. В 1770 г. модный Английский клуб и первая регулярная масонская ложа по английской системе «Совершенное Согласие» были основаны в Петербурге¹.

Во второй половине века императрицу представляли в Лондоне семь министров или послов. Это были Иван Григорьевич Чернышев, Александр Михайлович Голицын, Генрих Иванович Гросс, Алексей Семенович Мусин-Пушкин, Иван Матвеевич Симолин, Александр Романович Воронцов и Семен Романович Воронцов. Хотя братья Воронцовы часто имели схожие взгляды по политическим и экономическим вопросам, обстоятельства их службы в Лондоне резко различались. Александр в двадцать один год был самым молодым из этой группы и служил здесь менее двух лет, тогда как Семену было за сорок, и он оставался на посту более двадцати лет.

¹ *Кросс Э.* Британцы в Петербурге: XVIII век. СПб.: Дмитрий Буланин, 2005. С. 41.

Завершив свое обучение, Александр был послан императрицей Елизаветой с миссией в Испанию и Италию, а потом был назначен поверенным в делах (*chargé d'affaires*) в Вену. Петр III незадолго до его свержения назначил Александра полномочным министром в Лондон, а Екатерина после переворота 1762 г. не стала его сразу отзывать. Во время исполнения обязанностей министра, Александр, «скорее, добился успеха в лондонском обществе, а не на дипломатическом поприще», но широкий круг его влиятельных друзей и знакомств в будущем сослужат хорошую службу его брату¹. В письмах Александру Семен полностью признал эту оказанную ему братом услугу. «Я встретил многих людей, которые говорили мне о вас. Мистер Питт сказал мне, что знает, в каких близких отношениях вы были с его отцом [Питтом Старшим, эрлом Чатамом], и помнит, что тот всегда отзывался о вас с величайшим уважением». Семен Романович продолжает и дальше, упоминая лорда Сиднея, маркиза Лэндсдауна и других². Пребывание Александра в Лондоне было коротким, в конце 1763 г. он был переведен в Гаагу. Тем не менее, как и его брат, он оставался признанным англофилом и как президент Коммерц-коллегии продолжал развивать коммерческие и политические связи с Британией. В письме к герцогу Ньюкаслу от 9 апреля 1764 г. Александр писал: «Я смотрю на себя как на гражданина этой земли в силу общности интересов двух держав [России и Британии]»³. В конце концов, когда Александр стал более опытным, он переменил мнение об их общих интересах. Из-за частых изменений британского кабинета он считал невозможным заключить сколько-нибудь длительное соглашение с Британией (а для его брата это станет самой заветной мечтой). Государственную систему Британии он, однако, считал образцовой, уникальной, но очень уж специфической:

¹ Кросс Э. У Темзских берегов. Россияне в Британии в XVIII веке. С. 30; Полевщикова Е. В. А. Р. Воронцов в Лондоне: штрихи к портрету «русского джентльмена» // Е. Р. Дашкова в кругу современников: Исторические личности и эпоха. М.: МГИ им. Е. Р. Дашковой, 2013. С. 173–185.

² АКВ. IX. С. 40.

³ *Александренко В. Н.* Русские дипломатические агенты в Лондоне в XVIII в. Т. I. С. 386–387.

«Правление их, конечно, беспримерное, но действительно только, что на их остров и сделано»¹.

Семен Романович будет опираться на мнения Александра и во многих смыслах продолжит дело брата там, где тот его оставил. Как российский министр в Лондоне, он представлял свою страну и императрицу, обеспечивая их политические и коммерческие интересы при иностранном дворе. От него ожидали соответствия тем правилам поведения в обществе, которые были характерны для его брата, он должен был содействовать установлению контактов и связей, посещать официальные церемонии, принимать влиятельных визитеров.

Интересно, что Воронцов не был совершенно неизвестной персоной для британского светского общества. Знали о его поведении во время «революции» Екатерины, знали и о доблестной службе на недавно окончившейся Русско-турецкой войне. Источниками информации были не только газеты и журналы, но и вышедшие к приезду Воронцова в Лондон мемуары и травелоги. Например, стали уже широко известны трехтомные «Путешествия» Уильяма Кокса, как раз вышедшие в 1784 г., в которых описан гран-тур Джорджа Герберта (будущего эрла Пемброка и зятя Воронцова) и самого Кокса, его тьютора, в Польшу, Россию, Швецию и Данию. В этих «Путешествиях» содержалось много серьезной информации о России исторической и современной и, в частности, рассказывалось о том, как Воронцов был арестован, а затем освобожден².

Одной из первейших особенностей светской и дипломатической жизни в Лондоне были частные обеды и приемы, которые по очереди устраивали члены правительственной элиты и иностранные дипломаты. На них можно было в неформальной обстановке

¹ АКВ. XXXI. С. 139.

² *Coxe W. Travels into Poland, Russia, Sweden, and Denmark, Interspersed with Historical Relations and Political Inquiries. Vol. 2. Dublin: S. Price &al, 1784. P. 241.*

обсуждать все злободневные вопросы, разбирать существовавшие отношения между различными странами, приобретать друзей или заводить интриги против врагов. Русский писатель Марк Алданов так представлял себе манеру Воронцова создавать свою сеть контактов:

У графа Воронцова собиралось самое лучшее общество Лондона, но почти всегда в таком сочетании, какого не мог себе позволить ни один другой салон. Английские гостиные, из-за разгара страстей, отвечавшего грозному ходу французской революции, становились все замкнутее и нетерпимее. Виги перестали бывать у тори, тори больше не ходили в гости к вигам. Жены, разумеется, разделяли политические страсти мужей. Только в нейтральных салонах иностранных послов еще считали возможным встречаться люди противоположных взглядов. В дипломатическом же корпусе граф Воронцов занимал первое место — благодаря счастливому сочетанию высокого личного авторитета с огромным военно-политическим престижем России. Попасть к нему на прием считалось большой честью¹.

Содержание соответствующего дома и необходимость поддерживать впечатление, достойное представителя Российской империи, были делом затратным. Воронцову требовалась резиденция в престижном районе Лондона недалеко от королевского дворца и парламента, а также лошади, экипаж, сарай для карет, кучер. Ливреи и прочая одежда для по крайней мере семерых слуг, пяти официантов, двух русских камердинеров, одного русского лакея и трех местных официантов, нанимавшихся в особых случаях, обновлялись ежегодно. Едой и питьем, включая сахар и вино², обеспечивался весь персонал, в том числе владевший английским партикулярный секретарь, метрдотель, французский парикмахер, кухмистр, кухарка, швея, домохозяйка и горничная. В дополнительные повседневные

¹ Алданов М. А. Девятое Термидора // Алданов М. А. Собрание сочинений в шести томах. Том 1. М.: Издательство «Пресса», 1993. Гл. XIII.

² Воронцов даже просил своего приятеля В. С. Тамару купить на Кипре две бочки местного вина, хотя, судя по переписке, не очень в нем разбирался. В ответ приятель попросил купить ему крепкую двухместную карету (АКВ. XX. С. 252–254, 256).

расходы могли входить, например, затраты на иностранные и местные газеты, свечи, фонари, факелы, лампы, уголь, дрова для каминов, стирку рубашек и чулок, скатертей, простыней, стирку и ремонт кружев, уборку дома и многое другое¹.

Дом Воронцова, так же, как и посольство в Лондоне с его маленькой православной церковью, был центром российско-британских культурных обменов и местом встречи британских, российских и иностранных гостей. Например, 5 декабря 1786 г. «был днем св. Екатерины по нашему календарю, и после обедни я [В. Н. Зиновьев] обедал у графа Воронцова, где говорили, что один ирландский епископ Берклей написал книгу в доказательство того, что тела не существует ... При прениях перешли к мнениям, которые, постоянно приближаясь друг к другу, никогда не совпадают...»² Воронцов любезно принимал в июле 1790 г. писателя и историка Николая Михайловича Карамзина, записавшего: «Но чаще всего обедаю у нашего Посла, Г. С. Р. В. ... На лето нанимает он прекрасный сельский дом в Ричмонде (верстах в 10 от Лондона), где я также у него был и ночевал»³. Среди других гостей были испано-американский креол Франсиско де Миранда⁴, архитектор Чарльз Камерон, врач императрицы Джон Роджерсон, Василий Федорович Малиновский, будущий директор Царскосельского лицея, который написал в Лондоне первую часть своего сочинения «Рассуждения о войне и мире»⁵, а также члены

¹ См.: Роспись «домашнего состояния и ежегодных расходов в Лондоне» Гр. А. Р. Воронцова. Черновая (1763 г.) // РГАДА. Ф. 1261 Оп. 1. Д. 3054. Л. 1–2 об. Цит. по: *Полевицкова Е. В.* А. Р. Воронцов в Лондоне: штрихи к портрету русского дипломата. С. 181–183.

² Журнал путешествия В. Н. Зиновьева по Германии, Италии, Франции и Англии в 1784–1788 гг. С. 595.

³ *Карамзин Н. М.* Письма русского путешественника / Подг. изд. Ю. М. Лотмана, Н. А. Марченко, Б. А. Успенского. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1987. С. 337.

⁴ *Миранда Ф. де.* Путешествие по Российской империи. М.: МАИК «Наука/Интерпериодика», 2001. С. 10–11, 322–323.

⁵ *Ferretti P.* A Russian Advocate of Peace: Vasilii Malinovskii (1765–1814). Dordrecht: Kluwer, 1998. P. 27–35.

клана, например, шурин Воронцова Григорий Алексеевич Сенявин, проходивший обучение в Королевском флоте. Он провел семь лет в Британии, ходил в Америку и в Средиземное море, изучал геометрию¹.

Часто развлечения и личные связи были существенными двигателями для продвижения выгодных коммерческих предприятий. Хорошим примером здесь служит дружба Воронцова с английским промышленником и деловым партнером шотландского инженера Джеймса Уатта Мэттью Боултоном, который установил множество паровых машин Боултона-Уатта и применил современные методы чеканки монет, а также серебрения и золочения на своей фабрике в Сохо². Поскольку Боултон работал во многих странах мира и выполнял множество заказов, у него была особая политика по отношению к визитерам оттуда³. Переписка Воронцова и Боултона сохранилась и состоит примерно из 150 писем за 1786–1807 гг. Боултон собирался контролировать установку своего монетного двора в Петербурге. В это же время Воронцов вел переговоры с британским правительством с целью получить разрешение на экспорт в Россию машин и технических знаний⁴. Хотя переговоры и были прерваны со смертью Екатерины,

¹ *Кросс Э.* У Темзских берегов. Россияне в Британии в XVIII веке. С. 46, 186–187.

² См.: АКВ. XI. С. 299 (об официальных отношениях российского двора и Боултона по поводу проекта улучшения монетного дела); *Baird O.* His Excellency Count Woronzow the Russian Ambassador and the Hardware Man: the history of a friendship. Studley: Brevin books, 2009. P. 92–106 (русский вариант статьи см.: *Байрд О. А.* Российский посол С. Р. Воронцов и английский механик М. Боултон: история дружбы // Е. Р. Дашкова и XVIII век: От Российской империи к современной цивилизации. М.: МГИ им. Е. Р. Дашковой, 2010. С. 135–150); *Байрд О. А.* «Позвольте рекомендовать Вашему дружескому вниманию...»: М. Боултон и его русские гости // Е. Р. Дашкова и екатерининская эпоха: культурный фундамент современности. М.: МГИ им. Е. Р. Дашковой, 2011. С. 82–100.

³ *Robinson E.* Eighteenth-Century Commerce and Fashion: Matthew Boulton's Marketing Techniques // *The Economic History Review*. New Series. Vol. 16. No. 1. 1963. P. 41–42.

⁴ АКВ. XXX. С. 503–504.

к концу января 1797 г. группа из пяти российских мастеров по чеканке монет прибыли в Сохо. Все еще надеясь заключить соглашение, Боултон описывает свои особые приготовления к визиту Воронцова с семьей в 1799 г.:

В понедельник Его Превосходительство граф де Воронцов и прочая, и прочая прибыл в Сохо со своей дочерью и сыном, а также с мадемуазель Жардин, преподобным отцом Смирновым, своим камердинером и двумя слугами. Вся компания, включавшая также двух моих дочерей и меня, отправилась в театр и смотрела, как Кембл играл Гамлета. Во вторник они посетили монетный двор, наблюдали прокатку и резку металла, а также работу гидравлического пресса и так далее, а затем переоделись для элегантного обеда (у меня были хорошие блюда и повар на всю неделю), который закончился музыкой. В среду они посмотрели различные мануфактуры в Бирмингеме и вернулись переодеться и пообедать. Граф смотрел пьесу, в которой Том Кинг играл лорда Огльби, а потом Синюю бороду в прекрасно устроенных декорациях. Мы с Мак-Креди придумали секретный план. Все мы вошли в ложу точно в семь, и весь оркестр вместе с военным оркестром заиграли «Боже, храни короля», поскольку граф очень короля любит. По окончании пьесы 40 певцов и весь оркестр исполнили песню «Британцы достигают цели» вместе с добавленными строками, и когда дошло до имен Суворова и Павла, граф был без ума от удовольствия; он повернулся ко мне, стал трясти мою руку, будучи уверен, что это мои проделки. Публика прокричала бис и присоединилась к хору, граф и его сверкающий орден доставили ей большое удовольствие. После пьесы граф проводил к своему украшенному короной экипажу мисс де Люк, а Мак-Креди шел впереди, как Шеридан, с двумя свечами. В четверг мы смотрели на последнего из бирмингемских львов.

Проезд на барже к литейному заводу в Сохо по старому Бирмингемскому каналу был еще более необычным, а музыкальные номера сопровождали изучение машин и технологий, которые двигали вперед промышленную революцию.

В пятницу утром я предложил поездку до литейного цеха в Сохо, и в 10 часов граф со своими дамами и я со своими собрались у дока Уинсон Грин, от которого я заранее спланировал и организовал секретную экспедицию; я снарядил две баржи с крытыми кабинами по шесть окон в каждой: одну я послал вперед, чтобы ее не было видно; в ней было две трубы, два французских рога, два кларнета, две немецких флейты, два фагота, два гобоя и большой двойной барабан. Как только граф сел в свою кабину, он вскричал: «Чу! Я слышу музыку». Окна были открыты, и звуки нарастали, в то время как мы подплывали ближе. Мы доплыли до литейного цеха, обошли его и вновь сели в баржу, причем оркестр все время играл перед нами. Примерно через два часа мы прибыли в Брейдс и осмотрели одну из наших обрабатывающих машин, которая шлифовала стальные листы, сверлила стволы пушек и полировала стекла для очков. Мы сделали паузу в доме мистера Ханта, где обнаружился большой стол с холодной жареной телятиной, языками, пирогами, разнообразными гарнирами и фруктами. Оркестр играл в доме пока мы закусывали, а после пира исполнялись верноподданнические песни о Павле и Суворове¹. Мы вновь сели в лодки и с помощью музыки привлекли огромное количество собравшегося вокруг народа. После остановки для осмотра угольных шахт, сталеплавильных печей, паровых машин и различных цехов, мы въехали в темноту, которую я приказал рассеивать сотней факелов. Огромные пещеры открывались перед нами, оркестр играл все время, и музыка отзывалась эхом в чертогах Эреба. Мы отобедали в Сохо в девять часов и пели до часу ночи².

¹ См. русский текст (возможно, сделанный Михаилом перевод) одной из этих песен на мотив «God Save the King»: «Храни, Господь, храни / Монарха Росссов дни, / Господь, храни! / Победями венчай / И славой украшай, / Твой образ на земли, / Господь, продли!» и т. д. (АКВ. XXX. С. 507–508).

² M. Boulton's letter to Mrs. Charlotte Matthews, 7 August 1799, Soho. Процитировано в: Industrial Revolution. A Documentary History. Ser. 1, The Boulton and Watt archive and the Matthew Boulton papers from the Birmingham Central Library. Marlborough, 1993. Pt. 7. P. 75–76. См. также: *Микешин М. И.* Последние годы жизни С. Р. Воронцова (некоторые подробности) // Воронцовы — два века в истории России. Труды Воронцовского общества. Выпуск 6. Петушки, 2001. С. 65–72.

Боултон старался не зря, Воронцов писал о нем в Россию. В августе 1799 г. на рассказ Воронцова отвечает его друг П. В. Завадовский:

Рассуждение твое весьма право о Болтоновых машинах. Содержащее за содержимое — полагают риторы. При Ассигнационном Банке, на Монетном дворе имеем уже паровую машину, состроенную мастерами Аглинскими по чертежам Гаскони. Сила оной так пространна, что могла бы перебить всю монету Европы годового стемпеля. В нашем механизме, яко первом, обретаются и недостатки. Совершенство в том Болтона поправит, понятия и здешних механиков. Все то, что в образ лучший приводит художество, хотя не вдруг от предположения, способы однако ж дает для пользы государства, и издержки в таковых случаях не бесплодны¹.

Когда Воронцов в 1802 г. поехал в Россию, он взял с собой несколько гравированных портретов Боултона, специально предназначенных для подарков императору и его приближенным. Так Боултон хотел с помощью друга напомнить о себе и ускорить продвижение своего российского проекта². Изготавливали на мануфактуре Боултона и медали по русской тематике, посвященные Екатерине, Александру I и Суворову.

Индустрия в Сохо была в моде, многие представители русской аристократии, приезжавшие в Британию, посещали ее,

но Воронцовы были единственными русскими, которые оказали сильное и длительное эмоциональное воздействие на личную жизнь и бизнес Болтона. Только граф Воронцов — один из всех его русских гостей — приезжал в Сохо не просто как посетитель, любопытный турист или партнер по бизнесу, но как высоко ценимый друг. Побуждая русских съездить в Сохо, Воронцов

¹ АКВ. XII. С. 234.

² *Loggie V. A. Soho Depicted: Prints, Drawings and Watercolours of Matthew Boulton, His Manufactory and Estate, 1760–1809. A thesis submitted to the University of Birmingham for the degree of PhD. Birmingham, 2011. P. 223–224.*

предлагал им увидеть не только современную промышленность, но, что гораздо более важно, пример полезной жизни, достоинства и лучших человеческих качеств¹.

Еще одним приоритетом для Воронцова была его вовлеченность в сферу образовательных и культурных обменов, а также рекрутирование талантливых военных, мастеров и ученых на российскую службу.

Благодаря его поддержке, например, Роберт Холмс, оксфордский профессор, получил доступ к рукописям в Москве, нужным для его издания Библии. «Английские пытливые богословы через полномочного министра при дворе Великобритании С. М. Воронцова отнеслись с вопросами к митрополиту Московскому [Платону] о разделении и разности Восточной Церкви от Западной, о святом крещении и поклонении святым иконам ... Митрополит, сообщив английским богословам замечания свои об этом важном и любопытном предмете, послал им и сочинение свое о Христианской Богословии в латинском переводе...»²

Воронцов информировал Петербургскую академию наук о последних гуманитарных и естественнонаучных достижениях в Европе, включая дебаты между англичанами и французами касательно определения первого меридиана на основе Гринвичского или Парижского меридианов. Он отдал распоряжение перевезти и оказывал всяческую организационную помощь в перемещении семифутового телескопа Уильяма Гершеля сначала из

¹ *Baird O.* His Excellency Count Woronzow the Russian Ambassador and the Hardware Man. P. 104.

² *Снегирев Н. М.* Жизнь Московского митрополита Платона. Ч. I. М., 1890. С. 101–102.

Виндзора в Лондон, а потом в Россию¹. Он помогал российским студентам, учившимся в университетах Оксфорда и Кембриджа².

В 1786 г. в Англию из России были посланы доктора для обозрения больниц, «дабы употребить все лучшее по намерению здесь подобным образом устроить ... все, что к устройению знать им должно и о том усветуют с людьми известными в их ремесле»³. В 1804 г. туда же посылается врач профессор Виленского университета Бекю, а у Воронцова просят покровительства, «дабы, под влиянием оногo, мог он [Бекю] получить свободный вход во все места, относящиеся к предметам его наук и удобнее вступить в связь с учеными в незнакомой ему стране»⁴.

Лондон как центр мировой торговли и мореплавания привлекал множество исследователей и путешественников, отправлявшихся в экспедиции в самые разные части света. Многим из них оказывало помощь российское посольство. Оно опекало как путешественников российских, так и тех, кто ехал изучать Россию.

Первый русский исследователь, совершивший длительную научную поездку в Индию, Г. С. Лебедев уехал в Индию из Лондона в 1785 г. и вернулся обратно в 1799 или 1800 г. В 1801 г. в Лондоне же вышло из печати его сочинение о восточных диалектах. Лебедев предлагал Воронцову — и через него императору Павлу — предпринять конкретные шаги для установления прямого пути

¹ *Александренко В. Н.* Русские дипломатические агенты в Лондоне в XVIII в. Т. I. С. 274–275; АКВ. XXII. С. 120.

² Племянник Семена Романовича, сын княгини Дашковой Павел Михайлович Дашков был первым русским студентом, получившим магистерскую степень в Эдинбургском университете, однако, это произошло еще в 1779 г., до приезда Воронцова в Британию. См.: *Воронцов-Дашков А. И.* Екатерина Дашкова: Жизнь во власти и опале. С. 143.

³ АКВ. XII. С. 33.

⁴ АКВ. XXIV. С. 167.

морской торговли между Россией и Индией. Однако в то время это оказалось политически невозможно¹.

Если Воронцов и его посольские и не принимали участия лично в судьбе путешественников, то они получали и передавали информацию об экспедициях, отправлявшихся в самые разные регионы. Например, в связи с путешествием Джеймса Кука многие державы обеспокоились установлением сфер влияния в различных частях Тихого океана. В апреле 1785 г. британские купцы из Кантона организовали весьма успешную годовичную экспедицию на бриге «Морская выдра» к северо-западному американскому берегу. Воронцов передал эту информацию в Петербург. Вместе с рассказом об успешной экспедиции Воронцов послал предложение лейтенанта Джеймса Тревенена, участника последней экспедиции Кука, по организации российской экспедиции в северную часть Тихого океана².

Из России приходили заказы на мастеров, а иногда для их поиска, а также изучения состояния дел в той или иной отрасли промышленности присылали специальных людей. Опекать их в незнакомой стране также было обязанностью работников посольства. Часто такие миссии очень походили на промышленный шпионаж и требовали больших усилий, профессионализма и

¹ Лебедев, Герасим Степанович (1749–1817). Его сочинение — *Lebedeff H. A Grammar of the Pure and Mixed Dialects, Spoken in All the Eastern Countries. Methodically Arranged at Calcutta, According to the Brahmenian System, of the Schamscrit Language.* L., 1801. Подробнее о Г. С. Лебедеве см.: АКВ. XXIV. С. 174–178; *Куликова А. М.* Автобиография первого русского индианиста Г. С. Лебедева (к 230-летию со дня рождения) // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. XV годичная научная сессия ЛО ИВ АН СССР (доклады и сообщения) декабрь 1979 г. Часть I (1). М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1981. С. 26–30; *Васильков Я. В.* Новое о первом русском индологе: письма Герасима Лебедева И. Ф. Крузенштерну // Письменные памятники Востока. № 1 (16). 2012. С. 188–206.

² *King R. J.* The Mulovsky Expedition and Catherine II's North Pacific Empire // *Australian Slavonic and East European Studies.* Vol. 21. No. 1–2. 2007. P. 100.

аккуратности, чтобы не нарушать многочисленные охранительные запреты, принятые британским парламентом. Отец Смирнов снабжал приехавших необходимой информацией и рекомендательными письмами. У российского посольства были обширные связи с промышленниками и предпринимателями тогдашней Британии¹.

В 1785 г. по предложению Потемкина были «отправлены в Англию для усовершенствования в своем мастерстве два оружейника: Алексей Михайлов Сурнин и Яков Леонтьев». В 1791 г. Воронцов пишет Потемкину:

Отправляя отсели обратно в Россию тульского мастерового Алексея Сурнина, за справедливое почитаю рекомендовать его в высокое и милостивое ваше покровительство. Честное его поведение с самого прибытия в Англию, трезвость и ревностное старание в приобретении своего мастерства, заслуживают всякую похвалу и одобрение ... Нередко посылал я Сурнина в разные здешние города и заводы для примечания машин, разных инструментов и всего к заводам принадлежащего, и нашел, что в сих местах сделал он таковые приобретения, которых от неусыпного старания и усерднейшей токмо ревности ожидать можно. При сем честь имею приложить реестр машин, приобретенных г. Сурниным в Англии. Посредством сих машин и инструментов он может делать все разные части замков с такою точностью, что сколько бы тысяч оных ни заказано было, то все

¹ См. об этом: *Mikeshin M. I. Scottish-Russian Science and Technology Transfer: Some Problems in the Eighteenth-Century History of Ideas // The Philosophical Age. Almanac. 15th issue. Scotland and Russia in the Enlightenment. St. Petersburg, 2001. P. 72–81; Микешин М. И. Путешествия знаний и технологий: Шотландия — Россия, век Просвещения // Философский век. Альманах 17. История идей как методология гуманитарных исследований. Часть 1. СПб.: СПб Центр Истории Идей, 2001. С. 342–353; Микешин М. И. Российско-шотландские научно-технические связи и совершенствование технологии горного дела в России в XVIII в. // История горного дела в России: XVIII–XX вв.: Выпуск 2: История горного образования / Под общ. ред. В. Г. Афанасьева, В. Н. Шайдурова. СПб.: Изд-во Невского ин-та языка и культуры, 2012. С. 111–119.*

разные части годны будут ко всякому замку. Выучился также он делать новоизобретенный здесь замок, коего все разные части скрепляются одним токмо винтом, так что солдат может оной разобрать, вычистить и опять собрать без трудности и в неприметное время.

Воронцов постарался, чтобы судьба Сурнина сложилась хорошо и по возвращении мастера на родину. В январе 1792 г. он пишет тульскому генерал-губернатору М. Н. Кречетникову:

Жизнь же Алексея Сурнина с самого его прибытия в Англию заслуживает всякого одобрения, всегда трезв, честен и неутомим в приобретении успехов для пользы России ... Одним словом, я не могу довольно нарекомендовать Сурнина милости Вашего превосходительства, а прошу токмо, как вы любите отечество и неусыпно стараетесь в пользу оногo не упустить сего случая доставить Сурнину способ привести в действие его знания, чем и ваше патриотическое расположение прославлено будет навсегда и отечество приобретет несказанную пользу. Прошу покорно определить Сурнину несколько мастеров и помощников, поручить их ему в команду и дать ему способы и волю привести в достоинство свое знание, из чего и плоды его вам видны будут. Прошу также взять его в особливое ваше покровительство, дать ему награждение таковое, которое могло бы послужить примером для тех, кто, будучи посланы вне отечества, ведут себя порядочно, стараются о приобретении успеха и охотно возвращаются в отечество¹.

Как способный и подающий надежды горный инженер, Андрей Федорович Дерябин был послан по рекомендации начальника Нерчинских заводов за границу для обозрения английских, французских и немецких² горных предприятий и для изучения там горного дела. Отец Смирнов опекал Дерябина, а тот в ответ писал

¹ *Овчинников Д.* Был ли прототип у Левши? Отчет о командировке в Англию тульского оружейника Алексея Сурнина // *Родина*. № 618. 2018. С. 75–79.

² Дерябин получил в Гамбурге в августе 1797 г. рекомендательное письмо к Воронцову от знаменитого барона Гримма (АКВ. XX. С. 327–328).

Смирнову письма с отчетами и вопросами, по их датам и местам отправления легко определить маршрут путешествия мастера по стране¹. Дерябин посетил с июня 1798 по апрель 1799 г. Ливерпуль и его окрестности, Глазго, Эдинбург, Йорк, Дерем, Бирмингем, Плимут, Бристоль, Бат и другие города и промышленные регионы Британии. Видимо, по рекомендации Воронцова Дерябин приехал на передовую для того времени фабрику в Сохо и был принят М. Боултоном. Дерябин написал также «Замечания в Англии» в 250 страниц, которые приложил к письму от 13/24 апреля 1799 г., адресованному Воронцову, — фактически это был подробный отчет послу о поездке. Дерябин высоко оценил достижения британской промышленности, многие идеи он в дальнейшем, скорее всего, пытался применить на родине. Воронцов же написал Соймонову о мастере: «Не сомневаюсь, что Вы найдете в Андрее Федоровиче Дерябине человека, исполненного ревности, важных познаний и приобретшего таковые успехи в горном искусстве. Он в состоянии будет показать Обществу ту пользу, которая от него ожидается и для которой знание им сей науки и крайнее усердие к службе делают совершенно способным»².

В начале 1800 г. с инструкциями Н. А. Львова в Лондон прибыл Адам Менелас с целью найти мастеров «для руководства машин»³. Воронцов затем пишет барону Николаи, рекомендуя Менеласа как архитектора⁴.

¹ Библиотека Горного университета в Санкт-Петербурге. В.11998. *Дерябин А. Ф.* Письма Смирнову из путешествия по Англии и записки об Англии.

² Цит. по: *Шумилов Е. Ф.* «Для пользы ближних...» Очерк жизни гениального человека пушкинской эпохи. Андрей Федорович Дерябин. Ижевск: Удмуртский университет, 2004. С. 36–37. О А. Ф. Дерябине подробнее см.: *Афанасьев В. Г. и др.* Во главе Горного института. Директора учебного заведения (1773–1918). СПб.: Санкт-Петербургский горный университет, 2017. С. 76–87.

³ *Никитина А. Б.* Н. А. Львов и Воронцовы: «Дружба — дружбой, а служба — службой» // Воронцовы — два века в истории России. Труды Воронцовского общества. Выпуск 7. СПб., 2002. С. 99–111.

⁴ АКВ. XXII. С. 529.

В 1785 г. Воронцов застаёт в Англии русского механика Льва Собакина, которого, возможно, знал еще в России, когда жил в 1765 г. у своего дяди в Кимрах. Семен Романович, видя старания и успехи механика, сам оказывает ему поддержку и пишет соответствующее письмо в Петербург:

Сей механик, не смотря на то, что ему уже за сорок лет, с неуспынным рачением прилежит к изучению Аглицкаго языка и начальных частей математики, нужных к чтению механических книг, кои все писаны здесь математическим порядком ... неумолимое его старание и ревностная охота к приобретению знаний в механике, кажется, уверяют, что он со временем в состоянии будет изобрести что ни на есть весьма полезное: ибо все его изобретения ... доказывают, что он более склонен к изобретению вещей полезных, нежели забавных ... прошу покорнейше ... исходатайствовать высокомонаршее благоволение и некоторую помочь; поелику он, для лучшего изучения механики, поедет в Единбург, что его, как на дорогу, так и на платеж учителей, заведет в лишние издержки; ему же, возвращаясь на будущий год в Россию, надо будет завестись разными инструментами.

Письмо возымело действие — Собакину выделили еще £100¹.

В большинстве случаев общие социальные и культурные задачи были далеко не самыми важными для начальников Воронцова в России. Например, материалы и брошюры Воронцова о работорговле и деятельности таких реформаторов, как Уильям Уилберфорс, посланные в Петербург, были положены в архив непрочитанными и даже нераспечатанными². Посему Воронцов сосредотачивал свою активность на более практических делах — военных, административных и коммерческих. Он считал Британию

¹ АКВ. XVI. С. 196–197.

² *Александренко В. Н.* Русские дипломатические агенты в Лондоне в XVIII в. Т. I. С. 327–328. Уильям Уилберфорс (1759–1833) — британский политик и филантроп, член парламента, активный борец против рабства и работорговли.

самой выдающейся военно-морской школой в мире. Ни одна другая страна не могла лучше научить Россию, как реформировать и модернизировать флот¹. Он внимательно следил за обучением российских морских офицеров, служивших в британском флоте (среди них были, например, в 1793 г. лейтенанты И. Ф. Крузенштерн и Ю. Ф. Лисянский), а в 1788 г. ему было поручено принимать британских морских офицеров (в том числе и из американских колоний) на службу в российский флот². Воронцов часто писал рекомендательные письма британцам, отправляющимся в Россию³. Российская военно-морская история XVIII в. включает долгую традицию отличной службы иностранных моряков. В этот же год контр-адмирал Джон Пол Джонс успешно отразил атаку турецких сил во время военно-морской кампании в Днепро-Бугском лимане⁴, а адмирал Самуил Грейг ушел из жизни в результате лихорадки, которой он внезапно заболел после выигранного им Гогландского сражения против шведов⁵. С. К. Грейг поступил в

¹ См. *Кросс Э. У Темзских берегов. Россияне в Британии в XVIII веке*. С. 186–189; *Серебрякова Н. Я.* Пример служения отечеству: письма С. Р. Воронцова в Адмиралтейств-коллегию // Е. Р. Дашкова в кругу современников: Исторические личности и эпоха / Под ред. Л. В. Тычиной. М.: МГИ им. Е. Р. Дашковой, 2013. С. 186–208.

² АКВ. X. С. 325; *Александренко В. Н.* Русские дипломатические агенты в Лондоне в XVIII в. Т. I. С. 272, прим. 3, 326–327, 266–267. Имеются многочисленные примеры рескриптов и писем Екатерины и Павла Воронцову на эту тему. См., например: АКВ. XXVIII. С. 73, 74, 89–90, 105–106, 159, 161, 184, 203, 204; *Barratt G.* A Russian View of Philadelphia, 1795–96: From the Journal of Lieutenant Iurii Lisianskii // *Pennsylvania History*. Vol. 65. No. 1. 1998. P. 62–86.

³ См., например: Report on the Manuscripts of J. V. Fortescue, Esq., Presented at Dromore. Vol. II. P. 103, 134.

⁴ Джон Пол Джонс (1747–1792) — шотландский моряк, служивший в Британии, США и России. Наиболее известен участием в Войне за независимость США. См.: *С-въ К.* Панагиоти Алексиано // Библиотека для чтения, журнал словесности, наук, художеств, промышленности, новостей и мод. Т. XCIV. Отд. III. СПб.: Тип. Карла Крайя, 1849. С. 61–66.

⁵ Самуил Карлович Грейг (1735–1788) — шотландец, на русской службе с 1764 г., российский адмирал, отличившийся в Чесменском (1770) и Гогландском (1788) сражениях. Отец адмирала Алексея Грейга.

российский флот не без помощи Александра Романовича и всю жизнь дружил и переписывался с обоими братьями¹. Можно сказать, это была семейная дружба, продолженная и в следующем поколении. Воронцов назначил четвертого сына Грейга, также Самуила, генеральным консулом в Лондоне, и тот был так благодарен Семену Романовичу, что назвал своего сына Воронцовым (Woronzow Greig²). Как правило, российский министр особо заботился о том, чтобы британские моряки и их семьи получали соответствующие компенсации за годы службы в российском флоте³.

В следующем году Воронцов предложил Безбородко, чтобы каждые семь лет тридцать молодых лейтенантов из Морского кадетского корпуса посылались служить и учиться на британские военные корабли, и чтобы их учение происходило исключительно в море⁴. Однако в 1797 г. он жаловался Безбородко:

Одна Адмиралтейская Коллегия довольно меня и моих подчиненных занимает, ибо я здесь аки опекун всем ученикам, кои сюда для кораблестроения присылаются. Полезное заведение иметь здесь в Аглицком флоте некоторое число наших молодых

¹ См. об этом подробнее: *Жиркова А. А.* Адмирал С. К. Грейг — друг Е. Р. Дашковой и Воронцовых // Е. Р. Дашкова и русская культура: от эпохи Просвещения к современности. М.: МГИ им. Е. Р. Дашковой, 2014. С. 81–91; *Жиркова А. А.* Адмирал Самуил Карлович Грейг и графы Воронцовы // Воронцовы — два века в истории России. Труды Воронцовского общества. Выпуск 18. Орехово-Зуево, 2015. С. 16–29.

² О нем см., например: *Appleby J. H.* Woronzow Greig (1805–1865), F. R. S., and His Scientific Interests // Notes and Records of the Royal Society of London. Vol. 53 (1). 1999. P. 95–106.

³ *Александренко В. Н.* Русские дипломатические агенты в Лондоне в XVIII в. Т. I. С. 267.

⁴ АКВ. XVI. С. 220–221.

офицеров для приобретения практической службы заставляет меня еще иметь разные сношения с здешним Адмиралтейством...¹

Хотя построение российского флота было высоким приоритетом, другие области повышения российской мощи и престижа в Европе тоже требовали полного его внимания. Воронцов рекомендовал молодых офицеров для службы в российской армии, среди них — двоих сыновей лорда Портланда, выразивших желание служить под начальством фельдмаршала Суворова, которого Воронцов считал «славнейшим в наши времена полководцем»². Армии и флоту нужно было и современное вооружение. Одним из способов решения этой проблемы была организация в России литейного артиллерийского производства европейского уровня. Для этого необходимо было найти хорошего иностранного специалиста. С помощью С. К. Грейга и Воронцова такой специалист был найден. Это был шотландский инженер, оружейник, изобретатель, директор Карронского завода под Эдинбургом Чарльз Гаскойн. Пришлось предпринять огромные усилия для преодоления множества препятствий политического, технического и финансового характера, чтобы Гаскойн обосновался, наконец, в России и стал там плодотворно работать³.

Помимо занятий большими проблемами с далеко идущими экономическими и политическими последствиями, Воронцов был обременен повседневными административными и финансовыми нуждами посольства, а также большим количеством приказов и

¹ АКВ. XVI. С. 247; *Александренко В. Н.* Русские дипломатические агенты в Лондоне в XVIII в. Т. I. С. 268, прим. 2.

² *Александренко В. Н.* Русские дипломатические агенты в Лондоне в XVIII в. Т. I. С. 268.

³ АКВ. XIX. С. 373–377, 391–394. *Жиркова А. А.* Адмирал Самуил Карлович Грейг и графы Воронцовы. С. 22–24. Интересно, что на территорию дачи Гаскойна под Петербургом было переведено основанное сначала в Кронштадте чугунолитейное производство, ставшее в дальнейшем основой того, что выросло в Путиловский — Кировский завод.

просьб начальников, друзей и родственников. Письма к лондонским банкирам Томсону, Бонару, Петерсу и Ко и Томасу Райксу с Лондон Уолл, 79¹ демонстрируют некоторые расходы по поддержанию посольства. Недельные расходы составляли от £100 до £800, а годовые затраты доходили до £12000 и включали, среди прочего, оплату импортных вин, фарфора, таможенных сборов, счетов и займов французских эмигрантов. Счета пополнялись из Петербурга, а деньги снимались сотрудниками посольства, включая некоего мистера Джентри, уволенного потом за растрату.

В январе 1788 г. Воронцову был поручен присмотр за бывшим тогда в Лондоне графом Алексеем Бобринским, внебрачным сыном императрицы и Григория Орлова. Молодой человек связался с беспутной компанией и наделал множество долгов. Воронцову приказали оплатить его финансовые обязательства и отправить его немедленно обратно в Россию². Другие менее беспокойные комиссии включали, например, просьбу великой княгини Марии Федоровны в мае 1787 г. купить английскую лошадь для мужа Павла³, помочь купить лошадей для А. Г. Орлова⁴ или передать английскому королю и его приближенным несколько экземпляров перевода на русский язык книги знаменитого мореплавателя Дж. Кука «Путешествие в южной половине земного шара и вокруг него»⁵. Последнее поручение оказалось не таким простым,

¹ Письма Воронцова своим банкирам сегодня разбросаны по многим архивам разных стран, например, они находятся в коллекциях National Library of Ireland, De Vesci Papers, MS 38,989; Lilly Library, Indiana University, Vorontsov Mss.; Public Record Office of Northern Ireland, Clanwilliam/Meade Papers. D3044 и др.

² АКВ. XII. С. 52–58; АКВ. XXVIII. С. 76, 567.

³ АКВ. XXVIII. С. 333. Заказчица осталась довольна (АКВ. XXIX. С. 269).

⁴ АКВ. XXVII. С. 13–19.

⁵ Что это было за издание, можно судить из описания в каталоге: «Кук И. Путешествие в южной половине Земного шара и вокруг него под начальством капитана Иакова Кука. С франц. пер. Л. Голищев-Кутузов. Ч. I–V + атлас. В Санктпетербурге, 1796–1800 гг. Всего 6 т.т., in 4°. Великолепный экземпляр на большой веленовой бумаге, поднесенный графу Семену Романовичу Воронцову (1744–1832), посланнику в Венеции и Лондоне. Красный сафьян, широкое обрамление вокруг крышек, состоящее

поскольку подношения королю требовало особого ритуала, до которого иностранные посланники не допускались. Выполнение этой задачи вызвало целую переписку в 1799 г. Из этой переписки мы узнаем также, что Воронцов посылал в Россию «хорошие иностранные карты», которые очень пригодились для составления морских атласов¹. Ушедшему же в отставку и живущему теперь в своей деревне другу Ф. В. Ростопчину в сентябре 1802 г. вдруг понадобился хороший английский фермер для ведения хозяйства². В 1797 г. опять же Марии Федоровне, но теперь уже императрице, понадобилось вот что:

Скажите господину графу Воронцову, что он должен помочь мне одеть самого симпатичного маленького полковника, которого когда-либо видели, в которого он будет влюблен, когда придет сюда, и от которого его дочь должна будет беречь свое сердце, когда она его увидит. Этого маленького полковника зовут Николай, и он должен носить только цвета своего полка. Вот образец материала, который мне нужен: нельзя ли сделать такой же хороший, как в Англии, чтобы качество его было как можно ближе, чтобы он был такой же живости и оттенка цвета. Мне нужен один такой кусок.

из различных штампиков в виде звезд, урн, снопов ржи, попугаев, амуров, пускающих фонтан, и пейзажных медальонов, повторенных с некоторой вариацией также и на гладком корешке; обрез золотой. На лицевой крышке каждого тома в середине, помещена тисненая посвятельная надпись: "Его Сиятельству Графу Семену Романовичу Воронцову". Исключительный по художественной композиции, декоративный русский переплет времени Павла I. Этот экземпляр был на выставке Кружка Любителей Русских Изящных Изданий — "Русская и Иностранная Книга XV–XIX века" (СПб., 1914) и описан менее подробно в ее каталоге под №18» (Собрание редких и ценных изданий из библиотеки Максима Якимовича Синецина. Антикварный каталог Акционерного о-ва «Международная книга». Л., 1930).

¹ *Фоменко И. Ю.* Книжный подарок как дипломатический жест: переписка С. Р. Воронцова и Л. И. Голенищева-Кутузова // XVIII век. Сборник 29.

Литературная жизнь России XVIII века. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2017. С. 416–433.

² АКВ. VIII. С. 303.

Заказывала она и муслин для платьев дочерей¹. Через год она озадачила посла покупкой 12 дюжин свинцовых карандашей².

Иногда Воронцову приходилось отказывать в очень уж одиозных просьбах. Так, известный покровитель российского театра обер-камергер граф Н. П. Шереметев в 1799 г. поручил послу «призвать к себе танцовщиков и танцовщиц, переговорить с ними о найме их для театра». Воронцову пришлось отговориться полным непониманием балета, его правил и людей: «Я должен был бы с ними жить, проводить мою жизнь в кабачках и кофейнях, которые посещают эти люди. Мои лета, рождение, звание, положение, которое я занимаю, и личные свойства не позволяют мне вести подобный образ жизни»³.

Воронцов также приобретал такие подарки, как живописные полотна, антики и редкие книги для царской семьи, своих друзей и особенно для брата Александра, которому он посылал из Лондона все последние труды и полные издания по финансам, промышленности, истории, политике и т. д.⁴

В конце 1786 г. Воронцов послал брату только что напечатанную и уже очень влиятельную работу Адама Смита «Богатство народов», попросив, чтобы Александр отнесся к ней критически. Александр же, в свою очередь, поделился этой книгой со своим протеже, писателем и социальным мыслителем Александром Николаевичем

¹ АКВ. XXII. С. 56, 57, 74–75.

² АКВ. XXII. С. 93.

³ Переписка между графами Н. П. Шереметевым и С. Р. Воронцовым, 1799 г. // Русский архив. Выпуск 2. 1897. С. 181–186. Комментарии к этой переписке см.: Захарова О. Ю. Граф А. Р. Воронцов и граф Н. П. Шереметев // Воронцовы — два века в истории России. Материалы научной конференции. Владимир: РИО, 1992. С. 65.

⁴ Александренко В. Н. Русские дипломатические агенты в Лондоне в XVIII в. Т. I. С. 386–387, 275, прим. 1.

Радищевым, который тогда находился в ссылке в Сибири¹. Трактат Адама Смита оказал глубокое и длительное влияние на понимание Воронцовым политической экономии, он упоминал в своих письмах «бессмертного Адама Смита» и его «бессмертный труд»². В 1801 г. он написал брату, узнав из французской газеты, что Петербург собирается ввести новый тариф. Настроенный резко против, Воронцов выразил желание, чтобы император повелел тем, кто этот тариф разрабатывал, «прочитать, перечитать и выучить наизусть сочинение Адама Смита о богатстве народов»³. Годом позже он категорически не одобрил ограничительные меры и протекционизм, как бессмысленные и вредные. Он опирался в своих идеях на прочитанное у Адама Смита, который, согласно Воронцову, «установил для науки о торговле столь же бесспорные начала, как Евклид для геометрии»⁴.

К этому времени Воронцов уже был знаком с другим выдающимся шотландцем – лордом Монбоддо, философом и лингвистом, который переслал свои сочинения императрице Екатерине через российского посла⁵.

¹ АКВ. IX. С. 86; *Александренко В. Н.* Русские дипломатические агенты в Лондоне в XVIII в. Т. I. С. 387, прим. 1.

² АКВ. X. С. 179, 360–361; *Александренко В. Н.* Русские дипломатические агенты в Лондоне в XVIII в. Т. I. С. 391–392, прим. 3.

³ АКВ. X, р. 88; *Александренко В. Н.* Русские дипломатические агенты в Лондоне в XVIII в. Т. I. С. 391, прим. 3.

⁴ *Александренко В. Н.* Русские дипломатические агенты в Лондоне в XVIII в. Т. I. С. 392, прим. 3. Об отношении братьев Воронцовых к труду Адама Смита см.: *Alekseev M. P.* Adam Smith and His Russian Admirers of the Eighteenth Century // *Scott W. R.* Adam Smith as Student and Professor. Glasgow: Jackson, Son, and Co., 1937. Appendix. P. 424–431 (перепечатана в *Econ Journal Watch*. Vol. 15. No. 3. 2018. P. 351–364). См. также: *Artemyeva T. V.* Adam Smith in Russian Translation // *A Critical Bibliography of Adam Smith* / Ed. by K. Tribe, H. Mizuta. L.: Pickering & Chatto, 2002. P. 153–167.

⁵ Журнал путешествия В. Н. Зиновьева по Германии, Италии, Франции и Англии в 1784–1788 гг. С. 434–435. Вероятно, сочинения Монбоддо были нужны Екатерине при составлении ею «Сравнительных словарей всех языков и наречий».

Воронцов, таким образом, был в курсе основных идей передового тогда шотландского Просвещения. Он использовал их в своих рассуждениях об обществе и изменениях в нем. Одной из самых широко распространенных и дискутируемых тогда идей было понятие «improvement»¹ (исправление, улучшение, совершенствование, по-французски — *amélioration*). Обсуждая позже роль Библейского общества, перевод Библии и роль «славянского языка» для языка русского, он пишет сыну:

Но мы живем в эпоху, когда всё хотят улучшить [*améliorer*] и когда всякое изменение считают улучшением [*amélioration*], хотя почти всегда получается наоборот. Без сомнения, некоторые изменения необходимо производить, улучшая законы, делая их более ясными и не подверженными различным влияниям. Нужно искать улучшений в науках, таких как физика, химия, механика. Нужны улучшения в области политической экономии, которая рассматривает торговлю, мануфактуры, деньги. Но инновации в языке, не только не являются необходимыми, но и могут привести к очень плохим последствиям, как это библейское общество, которое увеличит количество и разнообразие раскольников. Что касается языка, он лишится всей своей красоты, если будет забыт славянский, такой величественный и такой энергичный².

Существующие документы указывают, что по приезду в Лондон Воронцов работал вместе с шестью имевшимися в наличии сотрудниками посольства, и имели они несчетное число дел и обязанностей. Когда в начале XVIII в. «посол московитов» Андрей Матвеев был публично унижен тем, что его насильно вытащили из экипажа и арестовали, британский парламент принял «Билль о соблюдении привилегий послов» — первое такое решение, гарантировавшее дипломатическую неприкосновенность. Билль утверждал, что «никто не должен преследоваться за то, что

¹ Подробнее об этом см.: *Микешин М. И.* Социальная философия шотландского Просвещения. СПб.: Санкт-Петербургский Центр истории идей, 2005.

² АКВ. XVII. С. 548–549.

арестовал сотрудника посла или общественного министра, согласно этому акту, если имя этого сотрудника не было до того зарегистрировано в офисе одного из главных государственных секретарей и передано шерифам Лондона и Миддлсекса, которые должны вывесить список таких имен на видных местах в своих офисах»¹. Регистр за 1779 г. включает одного советника посольства, двух титулярных советников, одного переводчика и двух студентов или актуариусов, которые вели, регистрировали и составляли документы посольства. Когда Воронцов приступил к делам, он не был доволен ситуацией в посольстве, поскольку эти шесть сотрудников с трудом могли выжить на их мизерные жалования. Дипломатические агенты, как Воронцов, могли опираться на семейные доходы или богатых покровителей, посольские же служащие низших чинов не могли рассчитывать на такую поддержку, а в России о них часто и совсем забывали².

Ядром коллектива посольства была тесно сплоченная вокруг Воронцова группа людей, чьи отношения характеризовались взаимопомощью и обоюдной поддержкой³. Воронцов был убежден,

¹ The Bill for Preserving the Privileges of Ambassadors, 1709 // Cobbett's Parliamentary History of England, from the Norman Conquest, in 1066, to the Year 1803. Vol. 6. L.: T. C. Hansard, 1810. Col. 793.

² *Александренко В. Н.* Русские дипломатические агенты в Лондоне в XVIII в. Т. I. С. 398–399, 402.

³ В каком-то смысле это можно назвать своеобразной клиентелой, поскольку Воронцов постоянно выступал покровителем и заступником своих подчиненных (о патрон-клиентских отношениях см.: *Лавринович М. Б.* Как поссорились Николай Петрович с Алексеем Фёдоровичем: патрон-клиентские отношения в русском обществе рубежа XVIII–XIX вв. // *Российская история.* № 3. 2016. С. 92–93, 110). Однако, это не очень проясняет ситуацию, поскольку впоследствии его сотрудники «подрастали» и сами становились влиятельными персонами в России, «с которыми решение политических вопросов оказывалось частью *дружеского разговора*» (*Киселев М. А., Лазарев Я. А.* «Поелику де в Малой России нет дворян»? Статус украинского «шляхетства» в Российской империи середины XVIII в. и роль неформальных связей К.Г. Разумовского // *Новое прошлое.* № 2. 2019. С. 127). Воронцов полагался на их информацию и помощь, продолжая поддерживать с ними хорошие отношения. Манеру отца опираться на небольшую сплоченную

что три компетентных сотрудника могли легко справиться с имевшейся работой¹. Он неоднократно писал об этом и в конце концов попросил ликвидировать три должности, чтобы разделить высвобожденные деньги среди оставшихся надежных сотрудников. Этими сотрудниками, «кои потребны для порядочного исправления дел»², были: Василий Григорьевич Лизакевич, направленный в посольство в 1765 г. и во время смены министров возглавлявший посольство как поверенный в делах (*chargé d'affaires*); Андрей Васильевич Назаревский, украинец, служивший курьером, переводчиком, а затем и учителем русского языка маленького сына Воронцова³; месье Жоли, личный секретарь Воронцова, швейцарец, который тоже обучал детей Воронцова и вносил посильный вклад в работу посольства⁴.

Священник русской православной церкви отец Яков Иванович Смирнов стал еще одним ценным и очень уважаемым членом группы Воронцова. С течением времени Воронцов обращался к его помощи все чаще и чаще, даже в такой важной сфере, как зашифрованная переписка. Отец Яков служил в посольской церкви в Лондоне, которую содержала Коллегия иностранных дел (поэтому посол заботился еще и об обновлении в церкви богослужебных книг⁵). В XVIII в. она была известна как православная греко-русская церковь Успения. Смирнов «стал одной из самых замечательных, но наименее прославленных фигур в англо-русских отношениях на рубеже XVIII–XIX столетий»⁶. Эрудированный и энергичный, он выполнял многочисленные обязанности в посольстве, сфера его деятельности была обширна. Он не только нес обязанности

группу близких сотрудников перенял впоследствии сын Воронцова Михаил, который управлял и Новороссией, и Кавказом с помощью своей «хунты».

¹ АКВ. IX. С. 106.

² АКВ. XVI. С. 245–247; АКВ. XX. С. 8.

³ АКВ. IX. С. 58–60, 166, 341, 405–406.

⁴ АКВ. IX. С. 85, 488; АКВ. XXXIV. С. 473.

⁵ АКВ. XXX. С. 482.

⁶ Кросс Э. У Темзских берегов. Россияне в Британии в XVIII веке. С. 59.

священника, но также служил секретарем, выполнял особые поручения и опекал множество британских и российских чиновников, путешественников и визитеров¹. Евграф Комаровский написал, что «при нашей миссии в Лондоне из всех чиновников один только был человек замечательный: это священник нашей церкви Яков Иванович Смирнов; он был употребляем и по дипломатической части»². Очень бедный, содержавший жену и пятерых детей на жалкое содержание в 600 рублей в год, он стараниями Воронцова получил еще должность переводчика при посольстве³. Но отец Яков был бóльшим, чем всего лишь переводчиком. Он был вовлечен в административную деятельность посольства и в сбор информации. В 1794 г., установив более систематическое и близкое наблюдение за польскими и французскими агитаторами, Воронцов доложил Екатерине о намерениях группы поляков, которые планировали послать оружие из Бирмингема в Россию, чтобы спровоцировать восстание в Смоленске и в Белоруссии. Он получил эту информацию от отца Якова, которого наградил за это одноразовой выплатой в £50 и повышением годовичного жалования на £60⁴.

¹ О Я. И. Смирнове подробнее см.: *Cross A. G. Yakov Smirnov: A Russian Priest of Many Parts // Oxford Slavonic Papers. New Series. VIII. 1975. P. 37–52*; *Лоевская О. Ю. Служение Отечеству: православный священник в Лондоне Яков Смирнов (1780–1840) // Imagines mundi: альманах исследований всеобщей истории XVI–XX вв. № 6. Сер. Альбионика. Выпуск 3. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2008. С. 321–329*; *Орлов А. А. Священник Яков Иванович Смирнов: 60 лет служения в Лондоне // Вестник ПСТГУ. Серия II. История. История Русской Православной Церкви. Вып. II. № 3 (28), 2008. С. 18–34*; *Сарни М. Русская церковь в Лондоне. От Петра Великого до наших дней. М.: Арфеа, 2012. С. 23–29.*

² Из записок графа Е. Ф. Комаровского // *Оснадцатый век: исторический сборник / Изд. П. И. Бартевев. Кн. 1. М.: Тип. Т. Рис, 1868. С. 328.*

³ АКВ. IX. С. 465–466.

⁴ АКВ. IX. С. 379–395.

Воронцов покровительствовал этим трудолюбивым и надежным людям и сильно зависел от их усердия¹. Он также полагался на старания Джона Парадайза, своего друга и агента. Парадайз родился в 1743 г. в Салониках, где его отец был британским консулом. Его мать была наполовину гречанкой, и Парадайз был крещен в православную веру. Прекрасно образованный полиглот, он учился в университете Падуи и в Оксфорде, где получил степень доктора права. Тем не менее, его описывали как «ученого, не написавшего ни одной книги, члена Королевского общества, не описавшего ни одного эксперимента»². В самом деле, его величайшим талантом, видимо, было умение заводить влиятельных друзей. Он был близок к Сэмюэлю Джонсону, а Джеймс Босуэлл писал, что Парадайз был «выдающимся по своим знаниям и самым общим знакомством с образованными людьми почти всех наций»³.

В Лондоне Парадайз встретил свою жену Люси Ладвелл из Вильямсбурга, штат Вирджиния, США. Она тоже была православной, и поскольку тогда в Лондоне не было греческой церкви, семьи Ладвелл и Парадайз были прихожанами русской православной церкви. Отцы Андрей Самборский⁴ и Яков Смирнов

¹ Воронцов писал о них, как о семье: «вся моя семья, состоящая из двух Смирновых [отца и сына], доброго Лизакевича, Назаревского, Сиверса, м-ль Жардин и моих детей» (АКВ. XXII. С. 518). Отец Смирнов выпендренно-шутливо называл служащих посольства «почтенным собором Всероссийским» (АКВ. XX. С. 464).

² *Shepperson A B. John Paradise and Lucy Ludwell of London and Williamsburg. Richmond, Va: Dietz Press, 1942. P. 5; АКВ. XXXIV. С. 469–470, 472; Struve G. John Paradise — Friend of Doctor Johnson, American Citizen and Russian «Agent»: An Episode in Anglo-Russian Relations // The Virginia Magazine of History and Biography. Vol. 57. No. 4. October, 1949. P. 356.*

³ *Boswell J. Life of Johnson L.L.D. Edinburgh: William P. Nimmo, 1873. P. 534, n. 1; Chapman N. Orthodoxy in Colonial Virginia. Сэмюэл Джонсон (1709–1784) — знаменитый английский литературный критик, лексикограф и поэт эпохи Просвещения. Джеймс Босуэлл (1740–1795) — шотландский писатель и мемуарист.*

⁴ Андрей Афанасьевич Самборский (1732–1815) — служил в посольской церкви в Лондоне (1765–1780), впоследствии протоиерей, законоучитель и духовник

стали их духовными наставниками в посольской церкви. Они также познакомились с Воронцовым, который написал брату: «По какой-то необычной причуде англичанин [Филип Ладвелл], друг его [Парадайза] отца, у которого была некоторая собственность в Вирджинии, взял себе в голову прочесть в оригинале всех Отцов церкви, и он уверился, что наша религия единственно истинная; он оставил свою, чтобы изучать нашу и так воспитал свою единственную дочь, которая впоследствии вышла замуж за моего друга Парадайза»¹. Благодаря положению Ладвелла в колониальной Вирджинии, Парадайз познакомился с некоторыми Отцами-основателями и выдающимися личностями той эпохи, среди них были Джордж Вашингтон, Джон Адамс и Томас Джефферсон. Парадайз установил близкие отношения с Бенджамином Франклином в Париже и тот помог ему стать одним из первых натурализовавшихся американских граждан². Парадайз был, согласно его биографу, «человеком, считавшим среди своих ближайших друзей многих величайших государственных деятелей Англии и Америки, он, возможно, имел более широкий круг знакомств среди интеллектуалов континентальной Европы, чем любой другой англичанин его времени»³.

Успехи этой небольшой, но весьма профессиональной группы людей позволило исследователям сделать вывод о результатах их деятельности: «российская агентурная сеть в Англии к концу XVIII столетия была широкой, и действовала весьма эффективно. Создается впечатление, что невыполнимых задач для русской миссии не было и всегда, и везде среди англичан имелись люди, на которых можно было опереться при решении любого вопроса —

императора Александра I. О нем см.: *Кросс Э.* У Темзских берегов. Россияне в Британии в XVIII веке. С. 53–59.

¹ АКВ. XXXIV. С. 469–470; *Struve G.* John Paradise. P. 363. Воронцов ошибся — дочь была не единственная, но ошибся только потому, что к тому времени, как он встретил Люси Ладвелл, две ее сестры уже умерли.

² *Struve G.* John Paradise. P. 356–357.

³ *Shepperson A B.* John Paradise and Lucy Ludwell. P. 5; *Struve G.* John Paradise. P. 356.

будь то копирование секретной карты, знакомство с техническими новинками или передача в Россию дипломатической переписки»¹.

Как министр при британском дворе, Воронцов подчинялся вице-канцлеру. Во время правления Елизаветы Петровны дядя Воронцова канцлер Михаил Ларионович Воронцов возглавлял Коллегию иностранных дел. Поскольку Екатерина не назначила канцлера, Воронцов должен был посылать свои депеши и официальную корреспонденцию вице-канцлеру Ивану Андреевичу Остерману. Остерман не проявлял особого интереса к иностранным делам и не отвечал. В ноябре 1784 г. Воронцов писал брату из Пизы: «Я должен вам сказать, что граф Остерман взял привычку графа [Н. И.] Панина никогда не отвечать на письма, которые ему пишут; ибо он ответил мне только лишь два раза на более чем пятьдесят моих писем»². Его беспокоили неэффективность бюрократии и недостаток уважения к дипломатам. Незадолго до того, как покинуть Пизу, Воронцов пишет брату:

Одним словом, манера обращаться у нас с дипломатическими агентами за границей с тех пор, как ушел дядя [Михаил Ларионович], унижительная; и я вас уверяю, что если бы у меня было достаточно средств, чтобы жить в Англии, не состоя на государственной службе (что мне необходимо для воспитания детей), я вышел бы в отставку, предпочитая жить частным человеком, чем быть министром без министерства»³.

По большей части Остерман не вступал в переписку с Воронцовым, посылал только указы и распоряжения, опубликованные в России и уже не представлявшие интереса, не отвечал на вопросы и не

¹ Боленко К. Г. К вопросу о вкладе русской миссии в Лондоне в развитие русского флота на рубеже XVIII и XIX вв. // Россия и реформы: Сб. статей. Выпуск 4 / Сост. Н. В. Самовер. М., 1997. С. 7 (цит. по: Орлов А. А. Священник Яков Иванович Смирнов: 60 лет служения в Лондоне. С. 22).

² АКВ. IX. С. 13.

³ АКВ. XXXII. С. 201–202; Александренко В. Н. Русские дипломатические агенты в Лондоне в XVIII в. Т. I. С. 531.

подтверждал получения депеш. В полном недоумении и негодовании Воронцов удивлялся, зачем тогда вообще держать миссию в Лондоне, и предположил, что значительно дешевле было бы просто назначать агентов¹.

Воронцов разуверился в том, что порядок в Коллегии мог быть восстановлен, поскольку у «графа Александра Андреевича [Безбородко] нет времени, у вице-канцлера не достаёт средств [т. е. ума, энергии, инициативы], у г. Бакунина — воли и потому этот департамент — самый беспорядочный во всем государстве»². Он поклялся, что теперь будет писать только Екатерине и ее умелому секретарю Безбородко. Фактически, реальная власть в Коллегии с 1783 г. находилась в руках заместителя Остермана и доброго друга Воронцова Александра Безбородко. Так сложилось, что и брат Александр был тесным союзником Безбородко и в своем качестве президента Коммерц-коллегии работал непосредственно с Коллегией иностранных дел, курируя торговые дела. Они представляли собой ядро могущественной группировки при дворе с прямым доступом к императрице. В результате, Воронцову часто предоставлялась большая свобода в исполнении его обязанностей. Когда возникала проблема, ее решение предоставлялось его инициативе. Он никогда не ограничивался более пассивной ролью дипломата XVIII в. Тогда как российские дипломаты в прошлом не стремились или не имели возможности (т. е. мощных политических связей в России) влиять на внешнюю политику, Воронцов, не колеблясь, делал это, стремясь улучшить российско-британские отношения. Для него были характерны редкие для дипломатов того времени независимость и уверенность в себе.

¹ АКВ. IX. С. 20; *Александренко В. Н.* Русские дипломатические агенты в Лондоне в XVIII в. Т. I. С. 532.

² *Александренко В. Н.* Русские дипломатические агенты в Лондоне в XVIII в. Т. I. С. 529, прим. 4; АКВ. IX. С. 21.

Воронцов формально не был образован или даже соответствующим образом подготовлен к выполнению обязанностей министра в Британии. Имея ограниченный дипломатический опыт, он принял пост в Британии и оказался в центре финансовой и военной власти. Ему следовало научиться многому. Британия была местом рождения современной банковской системы и новой экономики, и, когда шла речь об экономическом развитии, о «торговле, мануфактурах, сельском хозяйстве, науках, таких как физика и механика», Воронцов не считал, «что какая-нибудь другая страна на земле могла бы сравниться с Англией»¹. Рост технологий и международная экспансия новых рынков характеризовали процесс, известный ныне как промышленная революция. К середине XVIII в. увеличившийся темп развития индустриальной жизни страны глубоко и бесповоротно повлиял на население. Было очевидно, что в стране сосуществовали два мира: один, определявшийся технологическими изменениями и инновациями, и другой, укорененный в традиции и наследственном богатстве.

В то время, как большая часть страны занималась производством, богатство Лондона было результатом торговли и коммерции. Могущественные семьи из партии вигов, такие, например, как Кавендиши, Расселы, Бентиксы и Маннеры, контролировали огромные политические империи. Но аристократия с ее обостренным классовым сознанием и экстравагантной жизнью не оставалась в стороне от новых веяний. Хотя путешественники из элиты во время гран-туров продолжали собирать ценные произведения искусства для украшения своих домов и дворцов, они также изучали чужие культуры и политические системы с целью улучшить свои посредством модернизации методов ведения сельского хозяйства, совершенствования предприятий и развития ремесел.

¹ АКВ. IX. С. 99.

Воронцову, видимо, понравились относительная чистота и упорядоченность жизни в Лондоне с его приятными парками, кофейнями, тавернами и театрами. И в Лондоне, и в английских провинциальных городах были достигнуты большие успехи в борьбе с антисанитарией и заразными болезнями. Легкость и эффективность транспорта в Англии — дорог, каналов и судов — создала высоко интегрированное коммерческое и индустриальное общество, превосходившее все, что он видел в Европе или дома. На Темзе располагался самый большой и самый загруженный порт в мире. Но вокруг имелось еще очень много проблем, и город определялся не только своими парками и развлечениями, но и тюрьмой в Ньюгейте. Эксплуатация детского труда бросалась в глаза, и Воронцов не мог не видеть на улицах возвращавшихся домой покрытых сажей и копотью детей. С 1760 г. Джонас Ханвей и Дэвид Портер проводили активную кампанию за улучшение труда трубочистов, которая привела к особому парламентскому акту 1788 г. Индустриальная революция имела глубокие социальные последствия, поскольку рабочие становились все более привязаны финансово к фабрике или шахте. Работавшая беднота полностью зависела от фабрикантов и хозяев во всем, что касалось пропитания, жилья, магазинов, школ и т. д. Хотя «Бунт лорда Гордона» в 1780 г. был направлен против некоторого усилия парламента облегчить политику дискриминации, направленную против католиков, его свирепость указывала на глубокое недовольство трудящихся. В течение недели демонстранты жгли и грабили город, атаковали даже Банк Англии. Интересно, что единокровный брат Воронцова Иван Ронцов участвовал в этом бунте и был арестован 2 июня 1780 г.

Вторая половина века была отмечена быстрым темпом экономических и социальных изменений вместе с ускорением развития радикальных движений, возможно, наилучшим образом выраженного в публикациях Джона Уилкса. В общем, усилиями и активностью Уилкса общественное мнение набрало силу и стало важным фактором в политике. Воронцов в свое время воспользовался в полной мере возможностями открытой оппозиции

правительственной политике. В самом деле, откровенная критика всех аспектов английской жизни определила писания и политическую активность таких влиятельных фигур, как Адам Смит, Джереми Бентам, Джон Уэсли, Чарльз Фокс и Эдмунд Берк. К 1785 г. стало ясно, что катастрофическая американская война за независимость, тянувшаяся около семи лет, на столько же повредила репутации Британии, на сколько окончание Семилетней войны усилила ее мощь и престиж.

Воронцов прекрасно осознавал труднейшую задачу, которая ждала его в Лондоне, и свою профессиональную ограниченность. В конце жизни в письме к сыну он вспоминал:

Сегодня 40 лет, как я прибыл в Лондон. Вам было только три года, мой дорогой Мишель, поэтому вы не можете помнить это событие, каким оно было для меня, когда я прибыл в страну, совершенно не похожую ни на Россию, ни на Польшу, ни на Германию, ни на Голландию, ни на Францию и Италию, которые я посещал много раз и где я жил до того, как приехать сюда. Сам вид этой страны, ее дороги, жители, культура, одежда обитателей — все отличается от того, что есть в других странах. Здесь ничего не напоминает того, что встречается за Ламаншем, — вот что бросается в глаза приезжему. Что же касается особенностей моральных и политических, которые отличают эту страну от других, то необходимо время, последовательные и решительные усилия, чтобы понять, в чем же существенное различие¹.

Ко времени его прибытия возросшее напряжение между Британией и Россией грозило взорваться открытым военным конфликтом. По его словам, «я прибыл сюда при обстоятельствах самых трудных даже для человека искусного и опытного в делах, а тем более для меня, политического новобранца, имевшего от роду за 40 лет»². Правительственная система казалась неэффективной и лишённой

¹ АКВ. XVII. С. 559–560.

² Автобиография графа Семена Романовича Воронцова. С. 45; АКВ. VIII. С. 18.

порядка: «Двор и министерство не могут ничего сделать без обеих камор [т. е. палат] Парламента, в которых всегда бывают разные фракции, а и Парламент не так независим в своих действиях, как то думают те, кои не знают совершенно Англию: ибо Парламент сам весьма зависим от расположения мыслей нации, которая во всех важных делах весьма действует над поведением обоих камор»¹. Через некоторое время ему начнет очень нравиться британская форма правления, поскольку она основана «на не имеющем себе равных государственном строе»². Через двадцать лет он напишет:

Чем более присматриваешься к внутреннему быту этого острова, тем более поражаешься его богатством и промышленностью, которые постоянно возрастают, и невозможно определить, до какой степени благосостояния может еще подняться эта страна. Таковы должны быть следствия государственного строя [constitution], в котором личная безопасность и собственность покоятся на прочных основаниях, где промышленность ничем не сдерживается и где человек сохраняет за собою все свое достоинство³.

Однако пройдут еще годы изучения страны, прежде чем, по его собственному признанию, он почувствует себя достаточно компетентным, чтобы разбираться в хитросплетениях политического процесса министерского и парламентского управления и чтобы поставить это понимание на службу своей стране в время Очаковского кризиса 1791 г. Гораздо позже он признается в автобиографии:

...мне вовсе незнакомо было это сложное правительственное устройство, без глубокого знания которого здесь приходится действовать в потемках. Надлежало изучать характеры лиц,

¹ АКВ. XVI. С. 246.

² АКВ. XVII. С. 5.

³ *Александренко В. Н.* Русские дипломатические агенты в Лондоне в XVIII в. Т. I. С. 391; АКВ. XVII. С. 115. Александренко добавляет, что «в этих словах слышится не только влияние Монтескье, но и идей Адама Смита».

стоявших во главе управления, а также и тех, кто мог занять их места вследствие частых перемен министерства; нужно было исследовать различные партии, которые, разделяя страну, имеют одна на другую взаимное воздействие. Несмотря на трудности, я приложил все старание к изучению этого кажущегося хаоса, в основе которого, однако же, кроется удивительный порядок. Я вменил себе в обязанность основательно ознакомиться с этою своеобразною странюю, дабы иметь, при случае, возможность принести пользу моему Отечеству, что и действительно сбылось через шесть лет после моего приезда¹.

Александра беспокоили неопытность брата и его пробританские взгляды. Как бывший дипломат, работавший и живший в Англии, он чувствовал себя обязанным посоветовать младшему брату, как в начале службы дипломатическим агентом в Лондоне лучше всего показать себя представителем своей страны при британском дворе. По-французски и по-русски он предупреждал брата в 1784 г.: «Эта страна, к которой вы всегда испытывали влечение и к которой невозможно не чувствовать все большей привязанности по мере знакомства с ней. Я желаю, чтоб оно не подействовало над вами и в делах, и для того считаю долгом вам изъяснить мои мысли». Александр превознес «беспримерное» правление в стране, добавив, что «нет народа, в котором в приватной жизни было более добродетели, праводушия и дружбы, как у них; хорошо жить и родиться там». Он высоко оценил Уильяма Питта Младшего, которого Георг III назначил в декабре 1782 г. главой правительства. С появлением Питта появилась и надежда, что страна находится, наконец, на пороге новой эпохи, реформ и свободной торговли. Питт был учеником Адама Смита и казался преданным сторонником политических перемен. Александр ожидал, что Питт останется премьер-министром в течение долгого времени, но несмотря на стабильность и последовательность, британская внешняя политика оставалась ненадежной, а от союзников легко отказывались. Более того, вопреки взглядам Воронцова, Россия

¹ Автобиография графа Семена Романовича Воронцова. С. 46; АКВ. VIII. С. 18.

состояла в союзе с венским двором, а любое сближение с Британией не нравилось французам и усложняло ситуацию для Австрии. Александр также предостерег брата об относительной открытости политического процесса в Лондоне и искушении включиться в него слишком сильно, чтобы влиять на него непосредственно¹. Воронцов по большей части придерживался советов брата в первые годы службы в Британии. Но он был гораздо более агрессивный и упорный, чтобы только следовать советам дипломатичного и сдержанного брата. С течением времени Воронцов становился все более уверенным в себе и даже бросил открытый вызов самому Уильяму Питту.

По прибытии в Лондон Воронцов поселился с семьей в резиденции посла на Харли-стрит (Harley Str.)² и в первую очередь запросил аудиенцию у короля Георга III. Король принял посла 15 июня 1785 г. в Сент-Джеймском дворце, где, как новый российский министр, тот вручил свои верительные грамоты³. В «Кредитивной грамоте» императрица написала, что «не медлили мы наполнить место Нашего при вашем величестве министра ... избрав к тому благородного Нам любезноверного графа Семена Воронцова, от армии нашей генерал-порутчика и военного ордена святого Георгия третьей степени кавалера, коего к сей должности способность нам известна». Воронцов был доволен аудиенцией и ее добрым и сердечным духом⁴. 23 июля он встретился с королевой, а впоследствии при каждой возможности присутствовал на приемах у короля по средам и на официальных «гостиных» у королевы по четвергам⁵.

¹ АКВ. XXXI. С. 438–441; *Александренко В. Н.* Русские дипломатические агенты в Лондоне в XVIII в. Т. I. С. 151–152.

² *Алексеев В. Н.* Графы Воронцовы и Воронцовы-Дашковы в истории России. С. 159.

³ The London Gazette. June 1785. Issue 12656. P. 293.

⁴ *Александренко В. Н.* Русские дипломатические агенты в Лондоне в XVIII в. Т. II. С. 224, 229.

⁵ The London Gazette. June 1785. Issue 12658. P. 305.

Воронцов посетил частный обед 5 июля в доме лорда Кармартена (впоследствии герцога Лидса), британского министра иностранных дел. Небольшая компания состояла из хозяина и трех приглашенных гостей: Воронцова, Джеймса Гарриса, с которым Семен Романович виделся в Гааге и который, возможно, настоял на этой встрече, и почетного гостя — Уильяма Питта. При первом знакомстве Воронцов был очарован Питтом и через две недели написал Безбородко:

Я не могу вам довольно описать мое удивление, видя первого министра управляющего Советом и Парламентом, коему еще 26 лет не минуло и который столько же прост в обхождении, столько же учтив и невероятно скромен в беседе, как строг и тверд в Нижней Камере [т. е. палате] которую водит как хочет¹.

Согласно Воронцову, Питт согласился прийти из-за дружбы с Гаррисом и сердечных отношений, которые существовали между его отцом Питтом-старшим и Александром во время пребывания последнего в Лондоне. Воронцов прекрасно понимал, что ему оказывают такой прием во многом благодаря тем знакомствам, которые сделал его брат. Он написал Александру: «мое большое преимущество в Лондоне быть министром наиболее уважаемой державы, союза с которой ищут больше, чем со всеми другими, быть вашим братом и другом [Джеймса] Гарриса — это дает мне положение, которого никто из моих коллег не имеет в этой стране»². Атмосфера обеда была доброжелательной, все были веселы и общительны, но скоро Воронцову стало очевидно, что никакое обсуждение примирения Британии и России невозможно. С самого начала Воронцов чувствовал неизменную враждебность Британии, как результат участия Екатерины в организации вооруженного нейтралитета в 1780 г. — союза для защиты суходождства нейтральных стран во время войны

¹ АКВ. IX. С. 423–424; *Александренко В. Н.* Русские дипломатические агенты в Лондоне в XVIII в. Т. I. С. 163–164.

² АКВ. IX. С. 40.

североамериканских колоний за независимость и для противодействия британской блокаде этих колоний¹.

Длительное недовольство действиями России продолжалось несмотря на то, что Британия неохотно, но почти признала этот альянс в 1782 г.² Воронцов понимал, что российская политика вооруженного нейтралитета была лишена какого-либо национального или международного значения для России и считал ее бесполезной. Главным образом, эта политика служила цели защиты интересов стран, чуждых России, и, сея семена антагонизма, была главным препятствием улучшению отношений с Британией³. В 1788 г. Воронцов жаловался брату, что «враждебность, которую Англия испытывает к нам, не имеет никакой другой причины, кроме вооруженного нейтралитета»⁴. Докладывая императрице 3/14 апреля 1789 г., Воронцов объясняет: «Я не могу при сем случае не повторить Вашему Императорскому Величеству, что причина всей злобы противу нас всей Лондонской нации единственно происходит от правил вооруженного нейтралитета...»⁵ Взаимная подозрительность и враждебность была определяющей чертой российско-британских отношений во второй половине XVIII в. Эти отношения постепенно смягчались с появлением общего врага — французской революции и Наполеона.

До памятного обеда Воронцов встретился с Кармартемом, чтобы прояснить слухи, дошедшие до него от Николая Петровича Румянцева, российского министра во Франкфурте, о возможном

¹ АКВ. VIII. С. 18; *Александренко В. Н.* Русские дипломатические агенты в Лондоне в XVIII в. Т. I. С. 46.

² *Madariaga I., de.* Britain, Russia, and the Armed Neutrality of 1780. New Haven: Yale University Press, 1962. P. 298–299, 422–424, et passim.

³ *Александренко В. Н.* Русские дипломатические агенты в Лондоне в XVIII в. Т. I. С. 323–324.

⁴ АКВ. IX. С. 133.

⁵ АКВ. XVI. С. 271, 278; *Александренко В. Н.* Русские дипломатические агенты в Лондоне в XVIII в. Т. II. С. 247.

соглашении между Ганновером¹ и Пруссией. В докладе вице-канцлеру Остерману он объяснял, что без явных инструкций из Петербурга об этом, он защищал российско-австрийский альянс, одновременно подчеркивая, что опасается, «дабы подвиг Ганноверский не простудил у нас дела Аглицкие»². Воронцов поддерживал альянс с Австрией и утверждал необходимость дружественных отношений с Британией, первой морской и торговой державой эпохи. Он видел врагов в Пруссии и Франции. Особую опасность представляли французы, о чем он предупреждал Безбородко 8/19 августа 1785 г.:

Не позволяйте, ради Бога, Французской нации вселиться в наших портах, а паче в Черноморских, где она со временем будет на пагубу нашу; да и во всей России она расплодится и так своими модными товарами (без коих мы можем и должны обойтись, когда разум имеем), не токмо высосет все наши деньги, но еще, что хуже, развратит наши нравы. Приуча нас к своим вздорным вещам, какую заведет контрабанду, обирая нас и обкрадывая корону! Наконец офранцузит нас так, что мы будем или дети наши все душою и телом в той же зависимости, в которой Португалия от Англии находится. Я знаю, что сие неизбежно и что поздно или рано мы будем в руках сей коварной нации. Но Государыня, сделав нам уже столько милостей, коими и мы и потомки наши пользоваться станем, да совершит свои благодеяния, удаля развращение наших нравов. Никто с Французами не был в связи, не потеряв свою непорочность, славу и независимость³.

Согласно Воронцову, Балтика, как путь торговли с Британией, была гораздо более важна для российских интересов, чем Черное море. «Одним словом, — писал он в 1790 г., — я бы отдал 30 Крымов за

¹ В Британии тогда правила Ганноверская династия.

² АКВ. IX. С. 405. Заметки Кармартена об этой встрече см.: The Political Memoranda of Francis Fifth Duke of Leeds / Ed. O. Browning. Westminster: Camden Society, 1884. P. 115. Цит. по: *Marcum J. W. Semen R. Vorontsov*. P. 55.

³ АКВ. IX. С. 437.

Гельсингфорс и Свеаборг...»¹ Но было также предельно ясно, что тесные связи России с Австрией служили помехой установлению более тесных отношений с Британией². Чего Воронцов, видимо, не знал во время того обеда, это что его друг Джеймс Гаррис был активно вовлечен в создание более тесного взаимодействия между Британией и Пруссией³. В свое время, Завадовский и Безбородко предостерегут Воронцова от «чрезвычайно коварной» натуры Джеймса Гарриса, а сам Воронцов выразит глубокое недоверие своему бывшему другу⁴.

Менее чем через год после приезда в Британию Воронцов записывает свои впечатления от министров Питта и от Георга III. Из тех, кто ему понравился, Питт был особенно замечательным. Его выдающиеся качества включали бескорыстие, твердость, неустранимость, спокойствие, красноречивость, трудолюбие, скромность, чистосердечие, простота, независимость. Он мог быть лидером, не опираясь на богатство или партию. Эдвард Тюрло (Thurlow), лорд-канцлер — человек большого ума и знания, с твердым пониманием принципов закона, на его советы регулярно полагался король. Лорд Камден (Camden) — честный и добродетельный человек, также влиятельный, а Ричард Гов (Howe), первый лорд Адмиралтейства — искусен в управлении флотом. Другие в этом кабинете министров, по мнению Воронцова, были заметно менее талантливы: герцог Ричмонд (Richmond) — хорошо информирован, но непредсказуем; маркиз Кармартен (Carmarthen, Duke of Leeds) и министр внутренних дел лорд Сидней (Sydney) — оба ничем не выдающиеся, причем первый просто глуп и невежественен, а второй вызывает уважение, но ему не хватает здравомыслия и проницательности. Суровая критика была

¹ АКВ. IX. С. 173.

² АКВ. IX. С. 424–425.

³ Diaries and Correspondence of James Harris, First Earl of Malmesbury // Ed. by the Third Earl of Malmesbury. In 4 vols. L.: Bentley, 1844. Vol. II. P. 48–63, 80, 118–119. Цит. по: *Marcum J. W. Semen R. Vorontsov*. P. 63.

⁴ АКВ. XII. С. 32; АКВ. XIII. С. 93; АКВ. IX. С. 439.

припасена и для короля: «Король останется знаменит несчастьями, кои навлек на свою землю. Все единогласно утверждают, что государь сей небогат разумом, имеет познания в механических ремеслах, ботанике, астрономии, но к управлению неспособен. Самолюбив, властолюбив, упрям до крайности, лицемерен и недоверчив»¹. Говоря о принце Уэльском, Воронцов выделяет его беспутный, склонный к излишествам образ жизни и то, что принц непопулярен. Кроме того, российский министр представил подробное донесение о секретном браке принца с миссис Фитцгерберт². Соперник Питта Чарльз Фокс охарактеризован, как талантливый советник принца.

23 июля 1785 г. Георг III, в качестве курфюрста Ганновера, присоединился к Княжескому союзу (Fürstenbund), который был основан королем Пруссии Фридрихом II. Представляя конечную фазу конфликта между Фридрихом и Габсбургами, союз был предназначен для сохранения статус-кво между несколькими германскими государствами и сдерживания амбиций Иосифа II. Соглашение было заключено несмотря на энергичное противостояние России и Австрии³. Рассерженный Воронцов прокомментировал германское влияние на британский двор. Георг III, писал Семен Романович, «заставляет меня верить в метемпсихоз; ибо, взирая на его страсть к королю Прусскому, кажется, что душа Петра Третьего переселилось в его тело». В другом письме он добавляет: «немцы короля затащили в сети, коих он не видит и в коих он теперь упрямуствует. Королева весьма набожна, окружена немецкими пасторами, кои выдают себя за ученых, а сих двух состояниев люди во всей немецкой земле

¹ Александренко В. Н. Русские дипломатические агенты в Лондоне в XVIII в. Т. II. С. 236–244; АКВ. IX. С. 56.

² АКВ. IX. С. 455–462.

³ См.: *Blanning T. C. W.* 'That Horrid Electorate' or 'Ma Patrie Germanique'? George III, Hanover, and the Fürstenbund of 1785 // *The Historical Journal*. Vol. 20. No. 2. June, 1977. P. 311–344.

фанатики суть хитрого Фредерика...»¹ Считая, что соглашение сильно повредит российско-британским отношениям, он убеждает Кармартена, Питта, Тюрло, лорда Сиднея и Аллейна Фицгерберта (посла Великобритании в России), помешать его ратификации.

Я окончил ее [записку для Кармартена] сильным выражением, дабы принудить Аглицкое министерство напасть на короля за его поспешность ГанOVERскую и изъявил именно, что сию-то ГанOVERскую с Берлином связь надо рушить: ибо они здесь думают оправдаться, говоря, что все сие не есть Аглицкое дело и что сия земля за курфирста не отвечает; а я, вопреки им, всегда доказывал, что пока курфирст и король нераздельно во единой особе находятся, то кто сердит на первого, досаду делит и на второго и не может быть дружен с землею, которою он управляет².

Британцы, однако, настаивали, что Георг III действовал, как курфюрст Ганновера, а не как король Великобритании.

На все эти возражения лорд Кармартен говорил и много говорил, но все путался. Тогда гр. Воронцов его наконец остановил и просил лорда диктовать ему, графу свой ответ. Английский министр согласился, и граф Воронцов стал записывать по диктовке ответ его. Когда лорд Кармартен «в большом смущении» кончил, русский посланник отдал ему записанное и сказал, что такого ответа он не принимает. Гр. Воронцов советовал английскому министру написать к вечеру другой ответ, более достойный «великой Императрицы»! Лорд Кармартен обещал исполнить желание посланника³.

18 августа 1785 г. Воронцов был уведомлен, что король все еще стремится к хорошим отношениям с Россией, что соглашение было оборонительным и что он подписал его исключительно в качестве

¹ АКВ. XVI. С. 201–202, 188.

² АКВ. XVI. С. 185.

³ Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами / По поручению Министерства Иностранных Дел составил Ф. Мартенс. Том IX (X). Трактаты с Англиею. 1710–1801. СПб.: Тип. А. Бенке, 1892. С. 331.

курфюрста Ганновера. Воронцов был разочарован результатом и писал, что в этом случае «судьба не увенчала мои труды успехом; но я конечно покоен тем, что не имею себя попрекнуть нерадением»¹.

В письме к Безбородко, написанном позже в августе 1785 г., он развернуто определил основания своей политики по отношению к Британии. «Я не вижу, что помешало бы двору нашему войти в обязательство с державою, которая нам никогда не вредила, может, напротив, помогать по разным случаям. Мы сильны на земле, она сильна на море»². Подробные аргументы в пользу своей точки зрения на необходимость и естественность союза двух держав — России и Британии он привел позже в письме вице-канцлеру князю А. Б. Куракину в 1798 г., говоря

о пользе весьма важной, происходящей от дружеской связи между Россией и сей землею [Англией]. Оне не могут иметь причины завидовать и подозревать одна другую. Англия имеет мануфактуры, колонии и пространную купеческую навигацию, первый флот в свете, а армию преслабую. Мы не имеем колониев, весьма мало мануфактур и совсем не имеем купеческой навигации, но богаты земными произведениями. Флот наш не велик и достаточен только чтобы защищать наши берега от наших соседей и сражаться с удачею противу оных; армия же наша есть наисильнейшая в свете. И так, нигде наши виды не могут устремляться противу Аглицких. ни Аглицкие противу наших. Когда обе нации хладнокровно будут взирать каждая на собственную свою пользу, Россия останется навсегда первая сухопутная держава, так как Англия первая морская в свете, и, разделя по себе сии две стихии, спора между ними быть не должно³.

¹ АКВ. IX. С. 431–433; *Black J.* British Foreign Policy in the Age of Revolution, 1783–1793. Cambridge: Cambridge University Press, 1994. P. 90–91; *Marcum J. W.* Semen R. Vorontsov. P. 61–67.

² АКВ. XVI. С. 190.

³ АКВ. XXX. С. 485–486.

Таким образом, Воронцов, сталкиваясь с различными идеями «сдерживания» и «противостояния» двух держав, развивает другую точку зрения: Россия и Британия должны сотрудничать именно потому, что они разные и естественно дополняют друг друга, причем не только в геополитическом смысле (как держава материковая и держава морская), но и смыслах экономическом и военном¹.

Несмотря на свои недавние разочарования, Воронцов не был готов прекратить кампанию против ганноверских дел короля. Будучи привержен союзу Екатерины и императора Австрии, он советовал Безбородко угрожать Британии разрывом торгового соглашения 1766 г. и возможностью заключить подобное с Францией. Тем самым, интересы могущественной Русской компании² будут в опасности, и она станет поддерживать Россию. Воронцов хорошо понимал неразрывную связь, существовавшую между британскими коммерческими и политическими интересами. Он объяснял Безбородко:

Надо знать, что здешняя нация ни на что так не уважает как на торговлю, для которой все прочие интересы жертвует и что даже и те сами, кои не участвуют в какой ни есть отрасли оной, кричат, когда она пресечется, как будто у них самих всю собственность отнимают. Аглицкая здесь в России торгующая компания в толь почтенном и цветущем состоянии находится, что есть первая изо всех после Ост-Индийской богатством, важностию и кредитом контор, ее составляющих. Многие члены из оной в Нижней Каморе [Палате общин] заседают³.

¹ Ср.: *LeDonne J. P. The Russian Empire and the World. The Geopolitics of Expansion and Containment.* N. Y.; Oxford: Oxford University Press, 1997; *LeDonne J. P. The Grand Strategy of the Russian Empire, 1650–1831.* Oxford: Oxford University Press, 2003).

² Русская компания, или Московская компания (the Russian Company, the Muscovy Trading Company) — английская торговая компания, основанная в 1551 г.

³ АКВ. IX. С. 435–436; АКВ. XVI. С. 190; *Александренко В. Н.* Русские дипломатические агенты в Лондоне в XVIII в. Т. I. С. 258.

В трактате, опубликованном в 1789 г., Энтони Бро высказывал во многом похожие идеи и подчеркивал значение торговли для могущества и славы Британии, в частности, центральную роль российско-британской торговли¹. Согласно его данным, торговля с Россией была наиболее важной и самой доходной. Британия импортировала около восьмидесяти двух миллионов пудов стали, более трех миллионов деревянных досок и шестьдесят пять миллионов фунтов пеньки². Всякое сокращение этого импорта привело бы к росту цен в строительстве домов и, что гораздо более болезненно, военных кораблей и торговых судов. Британия тогда лишилась бы и безопасности, и торговли, то есть сущности своей власти³. Бро доказывал, что сокращение американской торговли вследствие войны за независимость колоний не слишком значительно повлияло на Британию исключительно из-за развития торговли с Россией. Британские купцы обладали особыми привилегиями в Петербурге. Луи Филипп де Сегюр, французский полномочный министр в Петербурге в 1785–1789 гг., писал в «Мемуарах», что они имели свои организации, управление и структуры взаимопомощи⁴. В результате они могли устанавливать цены и даже контролировать биржевой курс, при этом их права и привилегии защищались такими влиятельными личностями, как граф Александр Романович Воронцов, президент Коммерц-коллегии⁵. Александр установил тарифы в 1782–1783 г. и в 1785 г., когда его брат прибыл в Лондон, Екатерина назначила его членом

¹ *Brough A. A View of the Importance of the Trade between Great Britain and Russia.* L.: G.G.J. and J. Robinson, 1789. P. 6.

² 1 пуд равен 16,38 кг или приблизительно 36 фунтам.

³ *Brough A. A View of the Importance of the Trade between Great Britain and Russia.* P. 11 et passim.

⁴ *Сегюр Л.-Ф., де.* Записки о пребывании в России в царствование Екатерины II // Россия XVIII в. глазами иностранцев. Л.: Лениздат, 1989. С. 351. Интересно, что Сегюр пишет о братьях Воронцовых, как будто они оба находятся при дворе, хотя один из них все время живет в Англии.

⁵ *Александренко В. Н.* Русские дипломатические агенты в Лондоне в XVIII в. Т. I. С. 260–262.

комитета, сочинявшего новое торговое соглашение с Британией, которое ратифицировано не было.

Со своей стороны, Воронцов выразил неудовольствие тем, «что русские в Англии не пользуются никакими существенными привилегиями, тогда как англичане записываются [в России] даже в гильдии, оставаясь, конечно, английскими подданными, и затем, разбогатевши, увозят нажитые капиталы в свое отечество»¹. Он также понимал, что политика России в отношении британской торговли была средством экономического давления для реализации политических целей. Тем не менее, ничего не вышло из его попытки принудить Британию изменить поведение на основании существующих торговых соглашений, но его глаза теперь открылись на многое. Он больше уже не доверял Кармартену и особенно Гаррису, убежденный, что последний находился под контролем Берлина и водил Кармартена за нос. Согласно Воронцову, Питт не понимал до конца их действий и все еще надеялся, что «упрямое» поведение короля не подорвет дружественные отношения Британии с Россией. Таким образом, по мнению Воронцова, Питт был единственной надеждой России в противостоянии растущему прусскому влиянию при лондонском дворе². Со своей стороны, Франция с помощью лорда Шелберна замыслила создать франко-прусскую коалицию при дворе с целью добиться сближения позиций Франции и Британии. Питт, согласно Воронцову, был чрезвычайно недоволен и угрожал заменить Кармартена на лорда Стормонта и даже просил дядю последнего, лорда Мансфилда, повлиять на решение племянника³.

Екатерина, с другой стороны, была так довольна усилиями Воронцова, что 22 сентября 1785 г. наградила его орденом Св.

¹ *Александренко В. Н.* Русские дипломатические агенты в Лондоне в XVIII в. Т. I. С. 262; АКВ. IX. С. 103–104.

² АКВ. IX. С. 438–440, 442–445.

³ АКВ. XVI. С. 444–453.

Владимира большого креста второй степени¹. В конце этого года Воронцов в депеше Екатерине от 19/30 декабря суммировал свои взгляды, которые в большой степени определили российскую политику в отношении Великобритании на следующие несколько десятилетий. Они подогрели хорошо известную антипатию Екатерины к Георгу III, ведь годом раньше она уверяла, что ее кровь закипает, как только она слышит его имя². Они также подтвердили убежденность Екатерины в расколе между королем и его министрами и в необходимости российской поддержки оппозиционной партии. Воронцов проинформировал императрицу, что Пруссия манипулировала Георгом III, пользуясь тем, что тот привязан к Ганноверу, и еще раз подчеркнул, что Питт надеялся сохранить хорошие отношения с Петербургом. Влияние Питта было решающим, поскольку король не мог без его помощи контролировать оппозицию. Воронцов верил и доверял Питту, замечая, что премьер-министр «даже завистниками своими почитается аки человек правдивый и твердый в своих правилах, то и можно положиться на то, что он утверждает»³. Воронцов написал Екатерине, что в течение двухчасовой беседы Питт подтвердил, что Британия не может полагаться на Пруссию и, следовательно, не войдет с ней в альянс. Он также говорил о слепоте голландцев, видимо, намекая на последствия четвертой англо-голландской войны (1780–1784) и на события, приведшие впоследствии к подавлению голландского патриотического восстания в 1787 г. прусскими и британскими интервентами. Питт также настаивал на «коварности Франции»⁴.

Хотя 1785 г. был трудным для российско-британских отношений, он также дал Воронцову возможность достичь исключительной компетентности в делах дипломатических, а также развить свою

¹ АКВ. XXVIII. С. 66.

² Письма Императрицы Екатерины II к Гримму (1774–1796). С. 304.

³ АКВ. IX. С. 365.

⁴ АКВ. IX. С. 363–365.

непреклонную индивидуальность и волю. В конце года он получил письмо от Безбородко касательно желания императрицы и Потемкина принять британских преступников для выполнения каторжных работ в Крыму, предложив, чтобы этот проект был осуществлен вне обычных официальных каналов¹. Ответы Воронцова Безбородко и Остерману были тверды и недвусмысленны. Он немедленно написал Безбородко:

...прилично ли, чтобы в свете думали, что в счастливое и славное царствие Великой Екатерины Россия служит ссылкой Англии и что ничем не славный, а еще менее великий Георгий Третий осуждает своих преступников наказанием ссылки равномерно в Россию, как и на Африканские берега? Имя России будет в Европе, как в жестокое царство императрицы Анны было у нас имя Сибири².

Его письмо к Остерману было еще более бескомпромиссным:

...во всей Европе узнают, какими уродами селится Таврическое царство, где между тем надо будет с трудом охранять старых поселян от сих разбойников, кои, не зная никакого ремесла, ниже хлебопашества, должны будут по привычке и необходимости питаться старым своим ремеслом, то есть воровством и мошенничеством³.

Непреклонная оппозиция Воронцова не в малой степени способствовала тому, что проект этот был оставлен⁴.

В январе 1786 г. Воронцов смог доложить, что Кармартен теперь, и в гораздо более теплой манере, уверил его и Фредерика фон Каганека, австрийского посла, в намерении кабинета министров

¹ АКВ. XIII. С. 101–102.

² АКВ. IX. С. 454.

³ АКВ. IX. С. 407; АКВ. XVI. С. 199–200, 203–204.

⁴ См. об этом подробнее: *Третьяк А. И.* От основания. Исторические очерки. Одесса: Изд-во «Optimum», 2008. С. 37–47.

поддерживать хорошие отношения с обоими дворами¹. Кроме того, Воронцов смог доложить и об установлении более тесных связей с Америкой после того, как встретился в Лондоне с двумя будущими президентами Соединенных Штатов — Джоном Адамсом, первым американским министром при британском дворе, и Томасом Джефферсоном. Имя Воронцова появилось в списках их визитов. Адамс записал его так: «Граф Воронцов чрезв. посланник и п. м. императрицы России». Джефферсон же обозначил: «Граф Воронцов. Россия»². Они также участвовали в обеде вместе с Воронцовым в доме Джона и Люси Парадайз, перед балом во французском посольстве. В дневнике в четверг 30 марта 1786 г. Адамс записал, что он обедал у мистера Парадайза с «графом Варранзовым [Воронцовым] и его сотрудником и священником, венецианским министром Содорини, мистером Джефферсоном, доктором Банкрофтом, полковником Смитом и моей семьей»³. Его жена Эбигейл также была на обеде и в своих письмах упоминает «прусского министра», почти наверняка ошибочно называя так «русского министра»⁴.

В это время, предотвратив на время прусско-британский альянс, Воронцов продолжал противостоять «коварности Франции». Безбородко написал ему, что у Франции прочные позиции в берлинском дворе, и Воронцов без колебаний препятствовал любой попытке заключить торговое соглашение с Францией, считая, что

¹ АКВ. IX. С. 458–459.

² The Adams Papers Digital Edition. Charlottesville: University of Virginia Press, Rotunda, 2008 (<http://rotunda.upress.virginia.edu/founders/ADMS-01-03-02-0004-0004-0001>); The Papers of Thomas Jefferson Digital Edition. Charlottesville: University of Virginia Press, Rotunda, 2008 (<http://rotunda.upress.virginia.edu/founders/TSJN-01-09-02-0319>).

³ The Adams Papers (<http://rotunda.upress.virginia.edu/founders/ADMS-01-03-02-0005-0001-0003>).

⁴ Letters of Mrs. Adams, the Wife of John Adams / Ed. by Charles Francis Adams. 4th ed. Boston: Wilkins, Carter, and Co., 1848. P. 280 & ff.; *Struve G.* John Paradise. P. 359, n. 18.

эта страна активно ненавидит Россию и сохраняет невыгодный его родине торговый дисбаланс, экспортируя гораздо больше, чем ввозит¹. Обычно Франция поддерживала Оттоманскую империю в ее соперничестве с Россией. Тем не менее, отношение Петербурга к Франции заметно менялось благодаря усилиям Сегюра, который делал максимум возможного, чтобы заключить торговое соглашение с Россией. Александр Романович энергично противостоял этому чрезвычайно невыгодному для России соглашению, а Безбородко не принимал эти переговоры всерьез, уверенный, что французы не согласятся с российскими предложениями². Для Воронцова подписание договора 31 декабря 1786 / 11 января 1787 г. неизмеримо усложнило коммерческие переговоры с Британией и вело к тому, чего он больше всего боялся — к ухудшению российско-британских отношений.

В марте 1787 г. Завадовский и Аркадий Иванович Морков, только что назначенный член Коллегии иностранных дел, пожаловались на усиление британской активности в Порте³. Летом 1787 г. началась война с Турцией, и в Петербурге считали, что Роберт Айнсли, британский посол в Порте, подстрекал турок и разжигал антироссийские настроения. В гневном письме к Воронцову от 22 октября 1787 г. Екатерина выразила свое раздражение «полусумасшедшим» поведением Айнсли в Константинополе. В этот же день Безбородко подтвердил неудовольствие Екатерины и убежденность, что Британии нельзя доверять, поскольку она действует в тесной связи с Пруссией⁴. В России разгорелись военные страсти. В Британии теперь видели враждебную державу и, казалось, война с Пруссией была неизбежна.

¹ АКВ. XVI. С. 201; АКВ. XIII. С. 94–96, 98–99.

² АКВ. XIII. С. 108–110; *Fox F. Negotiating with the Russians: Ambassador Segur's Mission to Saint-Petersburg // French Historical Studies. Vol. 7. No. 1. Spring, 1971. P. 47–71.*

³ АКВ. XII. С. 39; АКВ. XX. С. 4–5.

⁴ АКВ. XIII. С. 139.

В самом деле, Пруссия, так же, как и Великобритания и Голландия, были сильно обеспокоены российскими победами в войнах с турками и провоцировали войну на севере, чтобы отвлечь Екатерину от ее агрессивного натиска на юге. Шведский король Густав III, в надежде сплотить свою страну, объявил войну России. Воронцов предпринял все возможное, чтобы разрядить обстановку и представить Британию в позитивном ключе. Он докладывал, что король смеялся над шведами и хвастался победами адмирала Самуила Грейга. Когда Питта спросили, будет ли Британия поддерживать шведского короля, Питт, согласно Воронцову, бросил в ответ: «Пусть за него вступается Франция»¹. Российско-шведская война (1788–1790) не имела желаемого эффекта, а в 1792 г. Густав III был убит. Но в результате опасения Воронцова касательно российской политики в отношении Британии осуществились в августе 1788 г., когда в попытке сдержать Россию и Францию Великобритания составила тройственный союз с Пруссией и Голландией.

Положение дел для Воронцова стало еще более сложным, особенно когда Георг III направился к дубу и обратился к нему, как к королю Пруссии. Этот инцидент предшествовал физическому и умственному коллапсу короля летом 1788 г., который привел к кризису регентства 1788–1789 годов. Ранее Воронцов тщательно фиксировал состояние короля и, например, 21 июля / 2 августа 1786 г. писал в Петербург, что какая-то

женщина под видом подать прошение, когда король приехал во дворец, ударила его ножиком в живот, но по счастью ножик был туп, мал и тонок и вреда не причинил ... Как во всех здешних церквах в будущее воскресенье будут петь благодарной молебн о счастливом спасении его в—а, я почитаю благопристойным то же и в то же время учинить и в нашей [посольской] церкви.

¹ Памятные записки А. В. Храповицкого, статс-секретаря Императрицы Екатерины Второй. М.: В/О Союзтеатр, Главная редакция театральной литературы, 1990. С. 112.

Теперь его депеши принимали все более срочный характер, и 1/12 ноября 1788 г. его рассказ о сумасшествии короля вызвал в Петербурге большое возбуждение и обсуждение перспективы регентства принца Уэльского с ожиданием его дальнейшего восхождение на престол¹.

Джеймс Фокс был известен, как советник принца Уэльского, и считался другом России. Он был лидером молодых вигов — буйной компании людей, пропивавших и проигрывавших свои наследства в клубе «Брукс» на Сент-Джеймс-стрит. Тем не менее, он был человеком великодушным и сострадательным — красноречивый и остроумный, он искренне поддерживал свободу и защищал притесняемых и обездоленных. Он приветствовал взятие Бастилии в июле 1789 г., поддерживал Французскую революцию, несмотря на ее ошибки и эксцессы, и все время настаивал на мире с революционной Францией. Фокс надеялся, что после того, как ненавидевший его Георг III будет признан недееспособным или умрет, он станет премьер-министром. Его политические амбиции выросли еще более, когда виги начали планировать состав своего будущего кабинета министров.

28 ноября 1788 г. императрица, пока ее причесывали, набросала записку графу Безбородко, в которой велела, чтобы Воронцов объяснил новому британскому кабинету, «сколько не полезно» будет для Британии следовать линии прусского министра иностранных дел Эвальда Фридриха фон Герцберга. Через два дня Екатериной была «получена депеша Графа Воронцова, где точно настоящее сумасшествие [британского короля] утверждается, и что два раза Королеву ударил, а в бешенстве четыре человека с трудом его удерживать могли». Менее, чем через неделю, Воронцов опять написал о короле: ему, кажется, легче, он стал узнавать людей, но в

¹ *Александренко В. Н.* Русские дипломатические агенты в Лондоне в XVIII в. Т. I. С. 252.

том, что он говорит, трудно уловить смысл, поэтому ожидается, что созыв парламента для утверждения регента будет отложен¹.

Рескрипт графу Воронцову был подписан 6 декабря 1788 г., в нем кратко были изложены все условия установления более тесных связей с Британией, от торговых соглашений до того соображения, что позорно для такой великой державы быть зависимой от прусского двора². В этих директивах Екатерина объяснила свое понимание изменявшегося политического ландшафта. По ее мнению, Фридрих II Прусский научился во время Семилетней войны относиться к России с подобающим уважением. Однако его преемник Фридрих Вильгельм позволил Герцбергу втащить британский двор и ганноверское регентство в свой лагерь посредством Княжеского союза и интервенции в Голландии. И все же отношения России с Британией всегда были дружественными, несмотря на усилия «врагов» в Лондоне, заставлявших британцев отвернуться от России и присоединиться к туркам. Такая политика шла вразрез с истинными интересами Британии, была выгодна только Франции и могла в конце концов привести к войне. Болезнь короля дала Воронцову уникальную возможность направить Британию на более благоприятный курс. Он должен был информировать истинных британских патриотов, таких, как Фокс, и представителей влиятельных британских семей, таких, как Уильям Генри Кавендиш-Бентинк, Третий герцог Портландский, о желании императрицы забыть все прошлые обиды, нанесенные России, и установить естественные и выгодные связи между двумя странами. Она закончила пожеланием Воронцову всех возможных успехов в этом предприятии³.

Екатерина совершенно ясно выразила требование, что должны были быть предприняты все усилия для подрыва прусской

¹ Памятные записки А. В. Храповицкого. С. 140–142.

² Памятные записки А. В. Храповицкого. С. 144.

³ АКВ. XVI. С. 255–257.

антироссийской северной системы отделением от нее Британии¹. В то время как Екатерина подчеркивала важность поставленной задачи, Безбородко требовал секретности и осторожности. В письме, отправленном в тот же день, он отметил, что ее инструкции были приготовлены вне обычных каналов и не были известны членам Государственного совета. Он сомневался, что ее интриги будут успешными, и предупредил, что взаимодействие с оппозицией потенциально опасно². В случае, если оно обнаружится, он может быть отозван. В январе Воронцов доложил, что королева при обсуждениях с министрами проблемы регентства выступила против партии сына принца Уэльского и что они надеются ограничить его власть так, чтобы он отказался от регентства в пользу королевы. Он также написал про «гнусный нрав» королевы, поскольку «деньги есть первое ее божество». Используя ложную информацию от врачей о выздоровлении короля, она усилила позицию кабинета министров, и теперь стало ясно, что она специально создала такие условия, чтобы ее сын отказался от регентства. Воронцов сообщил императрице, что разговаривал с важнейшими представителями оппозиции и что Фокс ожидает назначения государственным секретарем. Семен Романович, однако, был гораздо менее оптимистичен во взгляде на возможность каких-либо существенных изменений в британской политике, разъяря, что кабинет предпринимает все усилия, чтобы ограничить власть принца Уэльского как регента. Кроме того, Воронцов считал, что хотя Фокс, войдя в кабинет, не отступит от союза с Пруссией, он также не сделает ничего «лишнего»³.

Воронцов встретился с Фоксом и написал о своей надежде, что с новым ожидаемым всеми кабинетом министров проблема альянса с Пруссией разрешена не будет, он не пойдет дальше соглашения, которое улучшит отношения с Россией. Екатерина, тем не менее,

¹ АКВ. XVI. С. 258.

² АКВ. XIII. С. 157–158.

³ Памятные записки А. В. Храповицкого. С. 158–159, 166.

написала 26 февраля 1789 г., что ожидает нового соглашения после установления регентства. В секретной депеше Воронцов процитировал откровенное высказывание Фокса о недовольстве народа вооруженным нейтралитетом, как главном препятствии в развитии отношений двух стран, поскольку он направлен исключительно на Британию, а Россия от него ничего не выигрывает, лишь только усиливает Голландию, Данию, Швецию и Пруссию¹.

В марте этого же года Екатерина написала три письма Воронцову, еще раз напомнив о важности работы с оппозицией, даже если кабинет Фокса недолговечен. Первым шагом этого дела должно быть обращение к Фоксу за помощью в освобождении Якова Ивановича Булгакова, российского министра в Константинополе, которого в начале русско-турецкой войны в 1787 г. заключили в тюрьму — Семибашенный замок. В общем, Екатерина обозначила свое стремление к компромиссу и одобрила возобновление торгового соглашения 1766 г. с тем, чтобы точные условия его были выработаны позже. Она, в основном, советовала Воронцову остерегаться двуличности Питта и интриг берлинского двора². Безбородко был даже более настойчив: «Бога ради, старайтесь связать нас с Англией и по торгу, и по политике. Великое вам спасибо и слава будут за столь важную услугу»³. Узнав о горячих дебатах в парламенте и о потере Питтом поддержки даже со стороны его друзей, Безбородко послал 17 апреля 1791 г. Воронцову все документы, касавшиеся отношений последнего времени с Британией, чтобы тот познакомил с ними Фокса, Порта и Девонширскую партию для усиления оппозиции⁴.

¹ Памятные записки А. В. Храповицкого. С. 171, 173–174; *Брикнер А. Г.* Война России со Швецией в 1788–1790 годах. СПб.: Печатня В. Головина, 1869. С. 164.

² АКВ. XVI. С. 262–269.

³ *Александренко В. Н.* Русские дипломатические агенты в Лондоне в XVIII в. Т. I. С. 63.

⁴ Памятные записки А. В. Храповицкого. С. 241.

Планы Екатерины превратились в ничто, когда внезапно в начале 1789 г. король начал демонстрировать определенные признаки улучшения здоровья, а в апреле исцеление короля отпраздновали и соборе св. Павла в Лондоне. Но даже с выздоровлением короля и окончанием кризиса регентства указания Екатерины Воронцову фактически остались без изменений. В целом ряде писем, написанных в 1789 и 1790 гг., она обозначила свою нелюбовь к Питту, который, как она считала, находился под контролем прусского двора. При каждом удобном случае Воронцов должен был демонстрировать прусские интриги Фоксу, Портланду и другим представителям оппозиции, поскольку Британию надо было обезвредить и освободить от влияния Берлина¹.

Опять заболевший воспалением легких Семен Романович был вынужден идти по тонкой грани между подчинением своей монархине и опасностью, что более тесные связи с оппозицией повредят выполнению его обязанностей российского представительства перед королем и кабинетом министров Питта². Он действовал, как считал нужным, и признавался брату 21 апреля 1790 г.:

Но у меня нет никаких близких и особых отношений ни с м-ром Фоксом, ни с какими-либо другими лидерами оппозиции. Я встречался с премьер-министром только по срочному указанию императрицы во время болезни короля, и несмотря на повторяющиеся распоряжения, которые она мне дает в письме, только что доставленном курьером Гросманном, я считаю необходимым для продолжения моей службы не исполнять то, что она предписывает, то есть не искать тесных связей с оппозицией. Я никогда не посещал ни мадам Фитцгерберт, ни герцогиню

¹ Письма от 7 июля 1789 г., 6 октября 1789 г., 8 февраля 1790 г. АКВ. XXVIII. С. 102–104, 107–108, 111–112.

² Автобиография графа Семена Романовича Воронцова. С. 58; АКВ. VIII. С. 34.

Камберлендскую, в домах у которых собираются те, кто находится в оппозиции двору...¹

Воронцов далее объясняет, что очень часто различные светские общества не различаются четко по политическим взглядам и пристрастиям. Многие места собраний, среди них дом леди Пейн на Графтон-стрит, посещались всеми придворными политическими фракциями. Но леди Пейн была старым другом, Воронцов встретил ее еще в родной для нее Вене в 1762 г.² В ряде случаев он также обедал дома у знаменитой Джорджианы Кавендиш, герцогини Девонширской³, чтобы посетить романистку леди Фостер, которая жила с герцогиней и ее мужем в *ménage à trois*. Леди Фостер была дочерью близкого друга Воронцова графини Бристоль, которую он встретил в Италии тринадцать лет назад. В результате, из всех лидеров оппозиции он был лучше всего знаком с герцогом Девонширским⁴. Следовательно, Воронцов совсем не стремился встретиться с Фоксом и Портландом, как велела Екатерина, предпочитая поддерживать уважительные и корректные отношения как с оппозицией, так и со сторонниками кабинета Питта. Кажется, он даже предпочитал компанию последнего — до марта 1791 г., когда стало очевидно, что Питт приступил к враждебным действиям против России.

Воронцов не был, однако, наивен и распознал возрастающую враждебность кабинета министров по отношению к России. Еще в августе 1788 г. он предупредил брата о британском

¹ АКВ. IX. С. 171.

² *Waldie A. Select Circulation Library. Vol. II. Philadelphia: Adam Waldie, 1836. P. 258. Col. 2.*

³ Джорджиана Кавендиш, герцогиня Девонширская (*Georgiana Cavendish, Duchess of Devonshire, 1757–1806*) — светская красавица, законодательница моды, собравшая большой круг литературного и политического бомонда, была активным политическим деятелем партии вигов.

⁴ АКВ. IX. С. 170–172.

«подспудном» противостоянии возраставшим российским мощи и влиянию. И несмотря на это, он предпочитал Британию Франции — стране, быстро скатывавшейся в анархию. В 1789 г. Воронцов уверял Безбородко, что кабинет, «делая все, что может быть в угодность Пруссии ... не осмелится никогда втащить сию землю в войну, где видимо будет, что союзник Англии нападает, а не обороняется». Он повторяет свой тезис о британской, по сути, неагрессивной и оборонительной пропрусской политике в докладе Екатерине¹. Все равно, Воронцов был не в силах воспрепятствовать ухудшению отношений России с Британией. Высказанные им инициативы Лидсу, с которым он встречался несколько раз, не привели ни к чему².

Воронцов теперь потерял надежду, что возобновление торгового соглашения между двумя странами приблизит их друг к другу и, возможно, ослабит британские связи с Пруссией³. В апреле 1790 г. Россия получила от Британии и Пруссии требование заключить мир с турками. Поведение российской делегации во время переговоров о мире привело Воронцова в ярость: «Мы были запуганы, увиливали, отвечали уклончиво и не могли взять тон, достойный одной из великих мировых держав»⁴. Такое поведение, считал он, только поощряет противников и делает более трудным для него сохранение твердой политической линии перед лицом постоянно возрастающего в Лондоне стремления к войне. Но Екатерина не желала отказываться от столь тяжело доставшихся российских завоеваний, в частности, от Очакова и территории вокруг него. Она приготовилась к худшему, подписав 14 августа 1790 г. Верельский мирный договор со шведами, да и Австрия была готова закончить свою непопулярную войну с

¹ АКВ. XVI. С. 217, 278–280.

² Из международных отношений в первые годы Французской революции (1789–1790 гг.) // Красный архив. № 4 (95). 1939. С. 125–129; *Marcum J. W. Semen R. Vorontsov*. С. 166–172.

³ АКВ. IX. С. 175–177; АКВ. XVI. С. 233–234.

⁴ АКВ. VIII. С. 19.

турками. Россия осталась без союзников в войне с Портой. К концу года Питт разрешил спор Британии с Испанией по поводу залива Нутка¹ и был готов двинуться на Россию.

¹ Спор за залив Нутка — территориальный спор в конце XVIII в. между Великобританией и Испанией по поводу залива Нутка на острове Ванкувер у западного побережья современной Канады. Подписанная в 1790 г. «Конвенция о заливе Нутка» определила общее разрешение спора.

Глава VII

Предотвращение войны Британии с Россией, 1791

Очаковский кризис. Дипломатические действия посла. Дебаты в палате общин. Оппозиция Фокса. Агенты Воронцова. Воздействие на общественное мнение. Война остановлена. Награждения работников посольства. Осложнение отношений с Питтом.

Дипломатический кризис весны 1791 г., часто называемый Очаковским¹, был вызван категорическим отказом России удовлетворить требования Тройственного союза, выдвинутые в апреле 1790 г., согласно которым она должна была закончить вторую турецкую войну и вернуть туркам город и крепость Очаков, захваченные в декабре 1788 г., еще ряд крепостей, а также территорию между реками Буг и Днестр. Россия отказалась заключить соглашение на основании *status quo ante bellum*². В интересах Екатерины было следовать враждебной и агрессивной политике по отношению к Турции. Для нее не было пока причин устанавливать мир, поскольку чем больше территории она захватывала, тем более выгодные условия мира она могла затем выдвинуть.

Питт, с другой стороны, был связан существовавшими обязательствами дипломатических союзов. Он опасался, что

¹ См.: *Станиславская А. М.* Англо-русские отношения в конце XVIII в. // Доклады и сообщения Института истории АН СССР. Вып. 12. М., 1957. С. 104–120; *Лопатин В. С.* Светлейший князь Потемкин. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2005. С. 444–459; *Woronzoff-Dashkoff A.* Simon Vorontsov and the Ochakov Crisis of 1791 // COLLeGIUM: Studies across Disciplines in the Humanities and Social Sciences. Vol. 16. Helsinki: Helsinki Collegium for Advanced Studies, 2014. P. 170–183.

² *Status quo ante bellum* (лат.) — положение, бывшее до войны. Термин международного права.

российская экспансия на юг, поражение Османской империи и захват русскими Константинополя опасно изменят баланс сил на Востоке¹. Если бы Россия стала слишком могущественной в восточном Средиземноморье, это могло бы сильно навредить британским торговым интересам в этом районе и иметь неблагоприятное влияние на существовавшие торговые пути. Он считал, что Очаков входил в главные интересы Британской империи. Очаковский кризис, таким образом, можно рассматривать, как важнейшее событие, сосредоточившее внимание Британии на «восточном вопросе», расширившее ее дипломатический горизонт за пределы Восточной Европы и вызвавшее страх перед российским экспансионизмом². Этот кризис едва не привел к полномасштабному вооруженному конфликту. И именно энергичные действия Воронцова, взаимодействия с парламентской оппозицией и манипуляции общественным мнением во время Очаковского кризиса упрочили его репутацию одного из величайших и наиболее новаторских дипломатов XVIII в.³

В декабре 1790 г. прусско-британский альянс повторил свои требования реституций за все потери Турции, но опять Екатерина отказалась сдаваться. Чтобы заставить Россию заключить мир с Портой, в марте 1791 г. Питт послал Екатерине свой последний ультиматум, который был отозван менее чем через месяц. Тем не менее, он вооружил флот для действий против России на Балтике и в Черном море. На самом деле, он отдал приказ военно-морским силам приготовиться гораздо серьезнее, чем Нельсон при Трафальгаре: согласно Воронцову, было собрано тридцать шесть линейных кораблей, из них восемь трехпалубных, двенадцать фрегатов и столько же бригов и катеров⁴. Британский кабинет,

¹ *Ayling S. E. The Georgian Century 1714–1837. L.: George G. Harrap, 1966. С. 358.*

² *Ehrman J. The Younger Pitt: The Reluctant Transition. Stanford: Stanford University Press, 1983. С. 28.*

³ *Marcum J. W. Semen R. Vorontsov. P. 180.*

⁴ Автобиография графа Семена Романовича Воронцова. С. 47; АКВ. VIII. С. 19.

однако, разделился. С самого начала лорд Гренвиль — министр внутренних дел, вскоре назначенный министром иностранных дел, выступал против вооружения флота и любых обязательств по вмешательству в события в регионе. К нему присоединились лорд Стаффорд, лорд-хранитель Малой печати, и герцог Ричмонд, начальник артиллерийского управления, считавшие, что не будет никакой пользы от войны за городок на Черном море, о котором мало кто слышал.

Поскольку Воронцов видел вероятный конец своих усилий по нормализации российско-британских отношений, он не мог поверить, что Питт перейдет к такой экстремальной политике. В конце концов, Питт уже признал «совершенную нейтральность» Британии, но вместо действий согласно своим уверениям, он теперь готовил флот к борьбе с Россией¹. 7/18 марта Воронцов писал: «Одним словом, я совершенно убежден, что, имея мудрость и чувство справедливости, король Англии не позволит прибегнуть к таким мерам». Четыре дня спустя он восклицает в совершенном неверии: «Как министерство посмеет на такую убыточную и неоправдаемую пред народом меру?»² Политика Питта шла вразрез с важнейшими британскими и его собственными интересами, подвергала опасности его правительство и вредила его популярности. Воронцов был теперь глубоко разочарован в человеке, которого когда-то высоко ценил как прозорливого и искусного политика. Несколько раз Воронцов встречался с Питтом и убеждал пересмотреть действия, которые, как он считал, вели к войне, равно губительной для обеих сторон. Но, как рассказывает Воронцов в автобиографии, Питт был уклончив, отвечал пустыми фразами и «при всем своем искусстве в диалектике»³ не мог выдвинуть серьезных аргументов в пользу своих действий.

¹ *Cunningham A. The Oczakov Debate // Middle Eastern Studies. No 1. April, 1965. P. 212–213.*

² АКВ. IX. С. 184, 186.

³ Автобиография графа Семена Романовича Воронцова. С. 47; АКВ. VIII. С. 20.

Воронцов затем обратился к герцогу Лидсу, министру иностранных дел, но только убедился, что тот на стороне Питта и выступает за жесткие отношения с Россией. Ответ Семена Романовича был в характерном для него стиле недвусмысленным и точным:

Коль скоро министерство на столько ослеплено, что готово настаивать (под предлогом сохранения Очакова для Турции, что для Англии не имеет никакого значения) на продолжении бедственной войны, вредной для обеих сторон, то моя обязанность — устранить это зло. Вы, конечно, можете рассчитывать на большинство в обеих палатах; но я настолько уже ознакомился с здешнею странюю, чтобы знать, что министерство и самый парламент не имеют никакой силы без поддержки графств и независимых собственников, в сущности, управляющих странюю. Поэтому я вам объявляю, господин герцог, что я всеми мерами буду стараться, чтобы нация узнала о ваших намерениях, столь противных ее интересам, и я слишком убежден в здравомыслии Английского народа, чтобы надеяться, что громкий голос общественного мнения заставит вас отказаться от несправедливого предприятия»¹.

Воронцов следовал обещанию и сохранял свое бескомпромиссное отношение к этому делу. Позже он «известился из верного источника», что его позиция противоречила отношению Потемкина и соответствовала позиции Екатерины, которая сказала: «только он один мыслит так же, как и я»².

29 марта в обеих палатах прошли серьезные продолжительные дебаты, во время которых многие члены парламента откровенно обвиняли кабинет в недостатке информации и упрямом умалчивании дела исключительной важности. Хотя была проведена предложенная правительством резолюция, сила и размеры оппозиции поразили Питта. Даже Уильям Уилберфорс не смог

¹ Там же.

² Автобиография графа Семена Романовича Воронцова. С. 48; АКВ. VIII. С. 22.

поддержать своего хорошего друга и воздержался. Воронцов писал, что Питт,

хотя и добился большинства в палате, но увидел с удивлением, что оппозиция его министерству вдруг усилилась на сто членов против прежнего числа, и он подвергся сильнейшим нападкам многих ораторов. Он заметил, что некоторые друзья его вышли из палаты, чтобы не подавать голоса против него и не высказаться в его пользу. Это его весьма смутило, а на другой день он пришел еще в дальнейшее замешательство, когда увидел, что число оппонентов возросло, и что он хотя сохранил еще большинство в палате, но может его лишиться¹.

На самом деле, лорд Фитцвильям заявил в палате лордов, что мотивация выдвинутой резолюции была неясна, поскольку действия России не представляли очевидной опасности для Британии, даже если императрица оставила за собой контроль над Очаковым и крепостью Аккерман. Лорд Порчестер предупредил о финансовых последствиях, предлагая выступить против резолюции, в какой бы форме она не появилась в палате, а лорд Карлайл выделил дипломатический и исторический факторы в задуманных враждебных акциях против естественного союзника. Саркастически глядя в будущее, лорд Лафборо поинтересовался, каких военных целей хотят достичь. После того, как британский флот войдет в Балтику, пойдет ли прусская армия на Петербург, а потом на Москву?²

Дебаты в палате общин воспроизвели многие опасения и аргументы, выраженные в верхней палате. Питт открыл сессию призывом принять резолюцию, поскольку все усилия достичь мирного согласия между Россией и Турцией провалились. Чтобы

¹ Автобиография графа Семена Романовича Воронцова. С. 48; АКВ. VIII. С. 21.

² Cobbett's Parliamentary History of England, from the Norman Conquest, in 1066, to the Year 1803. Vol. 29. L.: T. C. Hansard, 1817. Cols. 34–43; *Соколов А. Б.* Очаковское дело. Англо-российский конфликт 1791 года // Отечественная история. № 4. 2002. С. 13.

поддержать баланс сил на Востоке и защитить жизненные интересы Британии в этом регионе, вооружение флота было необходимо. Члены палаты, однако, были настроены критически в отношении предложенных Питтом мер. Лорд Уикомб подчеркнул разрушительное воздействие, которое эта война окажет на Великобританию. По мнению м-ра Кока из Норфолка, премьер-министр не представил аргументов или документов в поддержку мер, которые теперь добавят тяжелое налоговое бремя на его избирателей. М-р Лэмбтон же заявил, что Россия никаким образом не обижала и не провоцировала Британию: «Но чем нас оскорбила Россия? Чем она запятнала нашу честь? Захватила ли она наши территории или замышляет провести акции против нашей торговли и собственности подданных британской короны? Ничего подобного, и все же мы готовимся воевать против нее»¹. Эдмунд Берк также выступил, «чтобы поделиться несколькими наблюдениями о том, что он считал самым необычным событием, произошедшим в палате с тех пор, как он имеет честь в ней заседать». Турция, по его мнению, не имела никакого отношения к европейскому балансу сил, и он целиком отверг резолюцию².

Самым красноречивым оратором от оппозиции был Фокс. Он полностью проявил свои ораторские способности и ум, использовал энергичную риторику, а также прекрасное знание политических и экономических проблем. Можно с полной уверенностью сказать, что он смог так ярко проявить себя во время дебатов во многом благодаря информации, полученной от Воронцова. В качестве введения он прямо заявил, что «предлагаемые меры, если это вообще возможно, выше всякого осуждения» и что выступление Питта напомнило ему пьесу, объявленную хорошо сделанной, поскольку она была «прекрасно запутанной и очень волнующей»³.

¹ Соколов А. Б. Очаковское дело. С. 14; Cobbett's Parliamentary History of England. Vol. 29. Cols. 52–57.

² Cobbett's Parliamentary History of England. Vol. 29. Cols. 75–76.

³ Cobbett's Parliamentary History of England. Vol. 29. Col. 62.

Затем он долго критиковал кабинет за превышение своих возможностей и за намерение вторгнуться в отдаленный район мира, который не сможет удержать из-за нехватки военных ресурсов. Он утверждал, что было бы опрометчиво отважиться на войну за один далекий стратегически незначительный город, и подчеркнул, что Россия сражается с Турцией уже по крайней мере двадцать лет, никак не беспокоя британское правительство какими-либо своими успехами в районе Черного моря. Фокс особенно выделил мысль о том, что интервенция без обоснования и без хорошо понятых угроз британским интересам была бы неблагоразумной. В конце своей речи он объяснил, что «в системе альянсов, которую он продумал, он всегда рассчитывал на Россию ... Если бы такая система была практически осуществлена, она на самом деле обеспечила бы мир для нашей страны и не сделала бы эту державу нашим врагом, поскольку в наших интересах особенно развивать с ней дружбу»¹.

В этот же день в письме брату Воронцов выразил большое удовольствие тем, как выступил Фокс:

Господин Фокс говорил, как ангел; он подтвердил, что этот проклятый вооруженный нейтралитет, который так долго ставят России в вину, был делом берлинского двора ... Он продемонстрировал справедливость позиции императрицы в этой войне, важность наших [российских] связей с Англией и, под конец, он убедил многих друзей Питта высказаться в поддержку идей г-на Фокса. Правительство получило большинство, но галереи, на которых, в основном, сидела публика, оказались в оппозиции к мерам правительства. Это дело очень непопулярно; г-н Питт был вынужден сказать, что оно не приведет к войне, и он не сказал ни единого слова о Балтике².

¹ Cobbett's Parliamentary History of England. Vol. 29. Col. 67.

² АКВ. IX. С. 190.

Воронцов уверил Лидса, что предупредит нацию об опасности этого несправедливого дела, и сдержал свое слово. «Я посетил вождей оппозиции, — написал он в автобиографии, — и, что было еще действительнее, несколько членов нижней палаты, которых независимый и честный характер пользуется уважением и министерства, и оппозиции, и которые внушают всей стране такое доверие, что по их голосам судят о правоте и полезности всякого дела. Я объяснил им несправедливость предположенных мер, огромные расходы, которые они повлекут за собою, и вред от прекращения торговли с нами, столь необходимой для Англии. Они обещали мне свою поддержку»¹.

Во время противостояния Питту и правительству Воронцов полностью использовал свои контакты в парламенте, среди оппозиции и прессы. Он убедил многих друзей и недавно обретенных союзников привлечь на свою сторону других членов парламента и объяснить им безрассудство правительственного решения. Хотя Воронцов избегал Фокса в прошлом, теперь он консультировался с ним несколько раз. Фокс уверил его, что война непопулярна и что Питт скорее покинет свой пост, чем утратит власть². К этому времени уже состоялись митинги и были написаны петиции в Норидже, Манчестере, Лидсе и Уэйкфилде, а за ними должны были последовать и другие города³.

Среди наиболее горячих сторонников Воронцов выделял троих своих агентов: Натаниеля Димсдейла, мистера Джексона и Джона Парадайза. Первый, Натаниель Димсдейл, был сыном Томаса

¹ Автобиография графа Семена Романовича Воронцова. С. 47–48; АКВ. VIII. С. 20–21.

² АКВ. XXXIV. С. 466–468.

³ АКВ. IX. С. 192; Автобиография графа Семена Романовича Воронцова. С. 49; АКВ. VIII. С. 22.

Димсдейла, врача, привившего императрицу от оспы¹. Как и отец, он тоже ездил в Россию и делал прививки внукам Екатерины Александру и Константину. В 1790 г. его избрали в парламент от округа Херфорд². Преданный Питту, во время Очаковского кризиса он, тем не менее, принял сторону Воронцова, уговаривал других сделать то же и был особенно обеспокоен потерей торговли и введением новых налогов³. Второй, мистер Джексон, был английский купец, помогавший противопоставить торговые интересы политике Питта. Воронцов был многим обязан его искренней преданности:

Я бесконечно признателен этому человеку [Джексону], который отстаивал наши интересы с таким усердием, что именно он заставил вялую Российскую компанию пойти и обсудить наше дело с герцогом Лидсом и мистером Питтом; именно он расшевелил фондовую биржу, именно он распространял новые газетные статьи и каждый день привлекал новых сторонников к нашему делу⁴.

Третьим был друг Воронцова Джон Парадайз, видимо, самый необычный и яркий деятель в эклектичном воронцовском кружке его сотрудников в посольстве. Посол высоко ценил его за «энергичный» письменный стиль и за пестрое множество друзей и знакомых в мирах искусства, литературы, политики и в вихрях света⁵. Воронцов поставил себе на службу все его таланты.

¹ См. об этом: *An English Lady at the Court of Catherine the Great. The Journal of Baroness Elizabeth Dimsdale, 1781* / Ed. by A. G. Cross. Cambridge: Cress Publications, 1989.

² АКВ. VIII. С. 21; Автобиография графа Семена Романовича Воронцова. С. 48; АКВ. XXXIV. С. 468–469; *Thorne R. G. The House of Commons: 1790–1820. 5 vols. L.: Secker & Warburg, 1986. Vol. I. P. 204–205.*

³ АКВ. XXXIV. С. 468.

⁴ АКВ. XXXIV. С. 468.

⁵ АКВ. XXXIV. С. 470.

Совершенно не собиравшийся сидеть и смотреть на активные усилия других, Воронцов с марта до июня специально направлял свою компанию на людей за стенами парламента. Российская компания распространяла идею, что война разрушительна для британских торговых интересов. В Лондоне антивоенные граффити появились на стенах домов — и они могли быть ручной работой сотрудников российского посольства¹. Воронцов приказал сотрудникам приготовить пресс-релизы, указывающие на недомыслие политики Питта, и опубликовать брошюры, разъясняющие вред правительственной политики. Персонал посольства неустанно работал круглые сутки, сочиняя и распространяя брошюры и анонимные статьи, ежедневно появлявшиеся более чем в двадцати газетах².

Среди наиболее интересных рекламных материалов, распространявших точку зрения посольства, была брошюра «Серьезное изучение причин и последствий нашего сегодняшнего вооружения против России»³. Жоли сочинил это эссе по-французски, основываясь на материалах, приготовленных Воронцовым, а Джон Парадайз умело перевел его на английский⁴. Оно защищало Россию от обвинений в экспансионизме во время русско-турецкой войны и заявляло, что Турция, подстрекаемая Берлином и Лондоном, являлась агрессором. Заявление Питта о поддержании баланса сил в Европе отменялось, как бессодержательное. На самом деле, в течение всего XVIII в. российско-британские отношения характеризовались духом сотрудничества, основанного на вере в то, что они были естественными союзниками. А если возникало непонимание, то оно

¹ Автобиография графа Семена Романовича Воронцова. С. 49; АКВ. VIII. С. 22; *Александренко В. Н.* Русские дипломатические агенты в Лондоне в XVIII в. Т. I. С. 67, прим. 1.

² Автобиография графа Семена Романовича Воронцова. С. 49; АКВ. VIII. С. 22–23.

³ *Joly M.* Serious Enquiries into the Motives and Consequences of our Present Armament Against Russia / Trans. by John Paradise. L.: J. Debrett, 1791.

⁴ АКВ. XXXIV. С. 470.

было спровоцировано вмешательством и злой волей других держав. В своем переводе Парадайз попытался исключить всякие намеки на то, что брошюра вышла из российской миссии. Он сделал так, объяснил Воронцову брату, будто брошюра написана англичанином, который «не одобряет вооруженного нейтралитета, но как-то все равно его оправдывает. Торговые отношения России и Англии изложены совершенно ясно; расширение торговли с Польшей оказывается несбыточным. Что же касается Пруссии, она оценивается, как того заслуживает, но без излишней язвительности»¹. Брошюра получила широкое распространение, и 10 апреля 1792 г. губернатор Моррис послал экземпляр Томасу Джефферсону. Моррис был другом Воронцова, одним из отцов-основателей США, американским дипломатическим агентом в Лондоне (1790–1791) и министром во Франции (1792–1794). Он посетил Воронцова в Лондоне в 1792 и в 1795–1796 годах. В сопроводительном письме Моррис, по-видимому, имеет в виду Воронцова: «В приложении вы найдете брошюру, которая была напечатана здесь по случаю недавнего вооружения против России. Она написана под контролем человека, которому все факты были хорошо известны»².

Мнения, изложенные в брошюре, были перечислены Уильямом Огастесом Майлсом в «Исследовании справедливости и целесообразности предписанных пределов Российской империи»³. Автор, близкий к Питту политический писатель, заявлял, что из-за вероломных действий России никакой альянс с ней сейчас невозможен. Россия заняла агрессивную позицию, и только полное завоевание Константинополя и Черного моря удовлетворит ее ненасытные амбиции. В конце концов, Россия намеревается

¹ АКВ. XXXIV. С. 472–473; *Struve G.* John Paradise: Friend of Doctor Johnson, American Citizen and Russian Agent. P. 369.

² The Papers of Thomas Jefferson Digital Edition.

³ *Miles W. A.* An Enquiry into the Justice and Expediency of Prescribing Bounds to the Russian Empire. L.: R. Faulder, 1791.

расширить свое влияние до Индии и Египта и нанесет несравнимо больший вред британской торговле, чем те потери, которые Британия может понести в войне с Россией¹.

Тем не менее, масштабы неодобрения и сопротивления военным усилиям Питта были таковы, что к концу марта стало ясно: от Питта потребуются смягчение его позиции². Дебаты в парламенте продолжились, но к середине апреля большинство уже было убеждено, что Фокс был прав, а Питт совершил большую ошибку. Ультиматум России был отозван. Лидс в знак протеста оставил должность в министерстве иностранных дел и был заменен Гренвилем. В мае Уильям Фокенер был отправлен в Петербург в поисках мирного решения. Воронцов снабдил его рекомендательным письмом к брату, но Фокенер считал, что приняли его плохо. Воронцов также рекомендовал друга Фокса Роберта Адэра своему брату, Безбородко и Потемкину. Адэр был автором брошюры против политики Питта «Исследование перспектив войны и поведения министров его величества»³, которую Воронцов отправил в Петербург. Согласно Воронцову, Фокс продиктовал ее содержание своему молодому другу. Екатерина приветствовала прибытие Адэра, и кажется вполне вероятным, что он замыслил подорвать официальную миссию Фокенера. Его зашифрованная переписка с Фоксом вызвала

¹ *Александренко В. Н.* Русские дипломатические агенты в Лондоне в XVIII в. Т. I. С. 64, прим. 3.

² Воронцов стал известной английской публике фигурой, про него стали распространять самые фантастические слухи: то его обвиняли в причастности к «восстанию гардемаринов» в Плимутской эскадре (<https://george-rooke.livejournal.com/650250.html>), то приписывали ему лихое пьянство (*Кросс Э.* У Темзских берегов. Россияне в Британии в XVIII веке. С. 273).

³ Воронцов передал ее название по-французски как «Recherches sur l'approche de la guerre et sur la conduit des ministres de S. M.»

подозрения в его двуличности, в недостаточной лояльности своей стране и в действиях в пользу Екатерины¹.

Пытаясь запугать Россию, Питт продолжил вооружение флота до июля 1791 г. Но Воронцов не собирался отступить, и в письмах брату в 1791 г. он ясно давал понять, что кризис будет преодолен, только когда британский флот получит приказ разоружаться². 2/13 июля он мог похвастаться: «Я слишком высоко оценивал здравый смысл и проницательность мистера Питта; но я считаю, что хорошо понял характер английской нации: когда он пожелал вопреки всякой справедливости и вопреки истинным интересам своей родины вовлечь ее в неуместную и дорогостоящую войну, добился ли он успеха?»³

Таким образом, Воронцов вошел в историю российской и мировой дипломатии как человек, остановивший неизбежную войну⁴.

Питт пережил этот кризис и сохранил свою должность; тем не менее, это, возможно, был момент его величайшего политического унижения. Очаковское дело подвергло первой серьезной проверке международную политику Питта, и ему не удалось настоять на своем в решительной и убедительной манере. Репутация Фокса сильно выросла среди его коллег во время этого сложного противостояния. Он добился одной из самых своих ярких побед, и Очаковский кризис представил ему возможность показать несостоятельность правительства и унижить Питта. Екатерина осталась очень довольна триумфаторами из оппозиции,

¹ АКВ. IX. С. 192–193, 196–197; АКВ. XXXIV. С. 471; *Ehrman J. The Younger Pitt and the Ochakov Affair // History Today. July, 1959. P. 468–469; Marcum J. W. Semen R. Vorontsov. P. 190, n. 88.*

² АКВ. IX. С. 188, 190 *et passim*.

³ АКВ. IX. С. 201.

⁴ *Kochkin N. Great Diplomats of the Era of Catherine the Great // International Affairs. No. 48. 2002. P. 159; Мадаруага II. de. Россия в эпоху Екатерины Великой. М.: Новое литературное обозрение, 2002. С. 667–668.*

победившими правительство, и особенно Фоксом, чье красноречие предотвратило войну Британии с Россией¹. «Я поручаю вам, — писала она Воронцову, — сказать моим старым друзьям в Англии, в особенности герцогам Портланду и Девонширу и мистеру Фоксу, что с огромным удовольствием я наблюдала, как они сражались с силой и энергией за дело разума и справедливости. Мои прошлые добрые чувства к английской нации возродились...»² Фокс был особенно польщен, когда узнал, что российская императрица почтила его ораторские способности, поместив его бюст работы Джозефа Нолленкса, который Воронцов приобрел у лорда Фитцвильяма, в Камероновой галерее в Царском селе между двумя величайшими государственными деятелями и ораторами древнего мира — Демосфеном и Цицероном³. Воронцов не мог не позлорадствовать после выполнения своей важной задачи и 8/19

¹ АКВ. XXXIV. С. 464; Памятные записки А. В. Храповицкого. С. 243.

² АКВ. XXVIII. С. 116.

³ Памятные записки А. В. Храповицкого. С. 243; АКВ. XVI. С. 236–237; АКВ. XXVIII. С. 117; *Александренко В. Н.* Русские дипломатические агенты в Лондоне в XVIII в. Т. I. С. 66, прим. 3; *Ettinger P.* Portraits of Charles Fox at the Hermitage // *The Burlington Magazine for Connoisseurs*. XLV. August, 1924. P. 88. В британской прессе появился анекдот о том, как Екатерина отдала распоряжение о доставке бюста: «Это было так: императрица, будучи в одном из загородных дворцов, на обратной стороне какого-то письма набросала записку по-французски карандашом и послала ее своему государственному секретарю в Петербург, чтобы тот немедленно написал Воронцову ... просьбу купить ей хороший белого мрамора бюст Карла Фокса ... секретарь ... представил ей свое соображение в том смысле, что не будет ли самым лучшим повелеть ему обвести чернилами написанные ею слова и послать эту записку графу Воронцову в Лондон. Ее величество разрешила секретарю поступить так, как он найдет нужным. Написанное карандашом было обведено чернилами, и первоначальная записка императрицы была послана графу Воронцову, тот переслал ее, как только получил, мистеру Фоксу, у которого она сейчас и находится. Содержание записки удивительно изящно» (*Universal Magazine and Review; or Repository of Literature*. For August, 1791. Dublin, 1791. Vol. VI. No. 32. P. 182–183). История с бюстом Фокса стала сюжетом множества британских карикатур того времени (см.: *Cross A.* Catherine in British Caricature // *Cross A.* Catherine the Great and the British: A Pot-Pourri of Essays. Nottingham: Astra Press, 2001. P. 29–44).

августа 1791 г. написал Безбородко: «Письмо вашего сиятельства, при коем приложена была записка к вам от Государыни касательно до бюста господина Фокса, я получил по почте тому уже более двух недель. Оно было открыто и читано министерством, прежде нежели дошло до моих рук и воспламенило оное неописанною злостию...»¹

Екатерина диктовала свои условия в феврале 1792 г. при подписании договора в Яссах, который подтверждал российский контроль над Крымом и заставлял Турцию уступить Очаков и берег Черного моря между Бугом и Днестром. Таким образом, Россия получила плацдарм на Черном море, стабилизировала свою южную границу и стала доминирующей державой в регионе. Воронцов сыграл центральную роль в дипломатической победе России². Самый главный его вклад состоял в умении влиять на общественное мнение и использовать его в пользу России. Тем самым он продемонстрировал, чего представитель иностранного правительства может достичь, настраивая публику против внутренней политики руководства страны. «Впоследствии никому из дипломатических представителей России при С.-Джемском дворе не удавалось одерживать подобную победу или иметь такое влияние на общественное мнение страны, какое приобрел С. Р. Воронцов»³.

Екатерина была довольна достижениями своего министра в Лондоне, а Завадовский подтвердил ее одобрение: «В коротких словах скажу тебе, милый мой друг. По делам твоего места

¹ АКВ. XVI. С. 235; *Александренко В. Н.* Русские дипломатические агенты в Лондоне в XVIII в. Т. I. С. 375.

² *Брикнер А. Г.* Россия, Англия и Пруссия 1787–1791 // *Русский вестник.* Октябрь, 1887. С. 471–537; Ноябрь, 1887. С. 1–65; *Соколов А. Б.* Очаковское дело. Англо-русский конфликт 1791 года. С. 4.

³ *Александренко В. Н.* Английская печать и отношение к ней русских дипломатических агентов в XVIII столетии // *Русская старина.* Том 84. Выпуск 10. 1895. С. 159.

Г[осударыня] весьма довольна твоею службою»¹. В императорском рескрипте она осыпала его похвалами и щедро наградила — она сама знала толк в использовании общественного мнения. Он получил орден Св. Владимира первой степени, а его жалование увеличилось на 6000 рублей в год. Однако Воронцов был твердо уверен, что ее щедрость должна была также распространяться на персонал посольства — Василия Лизакевича, отца Якова Смирнова, секретаря Жоли и Джона Парадайза. Преуменьшая свой собственный вклад, он писал, что ему было легче отдавать приказы своим сотрудникам, чем им эти приказы выполнять. В течение пяти месяцев они лихорадочно трудились, распространяя и «сочиняя разные параграфы в газетах и журналах, сочиняя памфлеты, переводя много с Аглицкого на Французский и с Французского на Аглицкий»².

Его сотрудники были награждены единоразовыми суммами — £600 Лизакевичу и по £200 Смирнову и Жоли — порядочными деньгами для того времени³. Для имевшего финансовые проблемы Парадайза, чья собственность в Вирджинии была «опустошена дружественными и враждебными армиями» во время Американской революции, Воронцов запросил ежегодную пенсию в £150–£200, ввиду его безусловной полезности на службе Ее Императорскому Величеству и потому что императрица «не могла бы иметь ни лучшего пера, ни более усердного человека»⁴. 2/13 июля 1791 г. Воронцов сообщил брату, что намеревается через месяц перевести £150 Парадайзу, «когда все возможные подозрения о его роли в написании нашей брошюры будут забыты»⁵. Можно думать, что Парадайз получал пенсию в течение трех лет до своей смерти в 1794 г., поскольку он продолжал помогать Воронцову в

¹ АКВ. XII. С. 67.

² АКВ. IX. С. 487–488.

³ АКВ. XIII. С. 210.

⁴ АКВ. XXXIV. С. 465, 469, 472.

⁵ АКВ. IX. С. 200–201.

наблюдении за французскими революционерами¹. Парадайз был глубоко благодарен Воронцову и в своем завещании упомянул его, наряду с Томасом Джефферсоном и другими, среди тех наследников, каждый из которых получают £16 для покупки траурных колец².

Воронцов послал официальные письма благодарности Екатерине за те блага, которые она пожаловала ему и его подчиненным³. В возвышенном стиле и надлежащих чувствах он превозносил ее, как самую великодушную, снисходительную, милосердную, необычайно скромную, мудрую и твердую монархиню⁴. В последнем случае, когда он писал о ее твердости, его чувства были очевидно искренними. Воронцов редко бывал неискренним, а в переписке он был почти всегда жесткий, но вежливый, колкий, но любезный. В письме Безбородко от 8/19 августа 1791 г. Воронцов объяснял: «Твердость есть наипервейшее качество человека; разум и знание без одного ничего не значат; напротив того, делают презренным того, который с проницанием и науками имеет дух ребячий ... Государыня, имея дух и твердость ... не имеет ... жестокости...»⁵.

Спустя многие годы, в автобиографических письмах Ростопчину Воронцов выразил свои глубокие, затаенные чувства. Опять, как и на военной службе, он не был доволен и считал, что Екатерина недостаточно его уважала. У него уже был орден Св. Александра

¹ *Struve G. John Paradise*. P. 370. Жоли же умер в 1795 г. (АКВ. IX. С. 335).

² *Struve G. John Paradise*. P. 375; *Historical and Genealogical Notes // William and Mary College Quarterly Historical Magazine*. Vol. 6. No. 1. July, 1897. P. 58. Траурное кольцо носили на пальце в память об умершем. На нем часто писали имя и дату смерти, иногда помещали портрет или девиз. Обычно за кольца платил умерший или его наследники, часто это отмечалось в завещании вместе со списком тех, кому предлагалось эти кольца носить.

³ АКВ. XIII. С. 210.

⁴ АКВ. IX. С. 367–369.

⁵ АКВ. IX. С. 486.

Невского, который был и выше, и почетнее ордена Св. Владимира, а Иван Симолин в Париже получил такую же денежную сумму, хотя он был богаче, не имел семьи, и жизнь в Париже была дешевле¹. В конце концов, несмотря на его личную неудовлетворенность, Воронцова справедливо прославляли и уважали, хотя совсем не обязательно любили, и при российском, и при британском дворах. Воронцов достиг вершины своей дипломатической карьеры. Он бросил вызов Питту и вышел победителем.

Питт в большой мере возлагал вину за свой политический провал на Воронцова, который теперь стал его оппонентом, и предпринял всяческие усилия, чтобы избавиться от этого назойливого дипломата². Воронцов прекрасно понимал и враждебность Питта, и стремление от него избавиться.

М-р Питт сказал нескольким людям — и некоторым, кажется, с намерением, чтобы я об этом узнал, — что он очень разочаровался во мне, потому что уверен, что я передал очень много информации м-ру Фоксу и другим членам оппозиции. Он говорил обо мне с большой горечью и закончил такими чрезвычайно дерзкими словами: «Однажды было возможно сделать так, что брата этого джентльмена отозвали отсюда, и мы точно знаем, как то же самое сделать с ним»³.

Воронцов часто обедал с губернатором Моррисом, который считал Воронцова «благоразумным, хорошо информированным человеком», и на одном из обедов он услышал от хозяина, что российскому министру «никогда не будет хорошо при этом дворе, потому что Питт не простит его за вмешательство в попытки

¹ АКВ. XXVIII. С. 118–119; АКВ. XVIII. С. 23.

² *Родина Т. А.* Русский дипломат в Лондоне (Дипломатическая деятельность С. Р. Воронцова) // Россия и Европа. Дипломатия и культура. М.: Наука, 1995. С. 25.

³ АКВ. XVI. С. 283.

вооружиться против русских»¹. В рапорте Джорджу Вашингтону от апреля 1792 г. Моррис описал министерские попытки воздействовать на Воронцова:

...все возможное искусство было приложено, чтобы заставить графа Вранцова [Воронцова] вести себя так, чтобы соответствовать взглядам м-ра Питта. Но непоколебимый русский был слишком умным и слишком честным, чтобы стать или животным, или дурнем. Они тогда попытались запугать его, а также его даму², а он отнесся к тому и другому с презрением. Следствием такого поведения был полный успех его суверена; а м-р Питт, обнаружив, что он очень хорошо держится при своем дворе, чтобы поддаться интригам, опять вынужден был прибегнуть к лестному и примирительному поведению³.

Наблюдения Морриса были точны, поскольку Екатерина была слишком довольна тем, как Воронцов разрешил Очаковский кризис, чтобы его отзывать.

Несмотря на попытки замаскировать внутреннее раздражение и неприятие, Воронцов был разгневан поведением Питта. Антироссийская позиция премьер-министра и личные оскорбления изменили, по крайней мере, на время мнение Воронцова о нем. Восхищение Питтом, как лидером и государственным человеком, которое он когда-то испытывал, превратилось в неприкрытое презрение к этому всего лишь политику. 2/13 июля 1791 г. Воронцов объяснял, что он «слишком хорошо думал о здравом смысле и проницательности м-ра Питта», а годом позже он написал: «Что же касается поведения м-ра Питта, этого великого регулировщика равновесия в Европе, линия, которую он ведет в

¹ The Diary and Letters of Gouverneur Morris, Minister of the United States to France; Member of the Constitutional Convention. 2 vols. / Ed. by Anne C. Morris. N. Y.: Charles Scribner's Sons, 1888. Vol. I. P. 515. Vol. II. P. 139.

² Вероятно, Мери Беклбек (см. Главу VIII).

³ The Papers of George Washington Digital Edition / Ed. by Theodore J. Crackel. Charlottesville: University of Virginia Press, Rotunda, 2007.

политике ради своей страны, — это абсолютный пример слабоумия и невежества. Существует огромная разница между производителем элегантных фраз и великим государственным деятелем»¹.

Теперь Питт был уже не оппонентом, а врагом, и Воронцов делал все возможное, чтобы подорвать его правительство. К концу 1791 г. Семен Романович воспротивился обновлению российско-британского торгового соглашения — и не потому, что оно было невыгодно России. Наоборот, он считал, что «дружба с Англией нам необходима». Тем не менее, он отказался «потворствовать им в их капризах или униженно страдать от их оскорблений и, тем самым, вызывать новые». Он подчеркивал, что это относится не к британскому народу, «поскольку они показали нам ясно, что поддерживают нас сердцем и душой ... но к министрам, особенно к [премьер-]министру». Воронцов надеялся, что промедление в несколько месяцев еще больше ослабит кабинет министров и, возможно, приведет к падению Питта². В итоге, только эксцессы революционной Франции приведут Воронцова к разрыву с Фоксом и примирению с Питтом.

¹ АКВ. IX. С. 201, 497.

² АКВ. IX. С. 226–227.

Глава VIII

Частная жизнь и образование детей

Воронцов в британском обществе. Незнание английского языка. Дружба с дипломатами. Отношения с Мирандой. Массонство Воронцова. Идеи Сен-Мартена. «Дворянский руссоизм». Резиденция посла. Финансовые проблемы. Дом в Ричмонде. Соседи в Ричмонде. Коллекционирование, увлечение архитектурой, музыкой, театром. Библиотека Воронцова. Воспитание детей. Побочный сын.

В большой степени успех Воронцова как дипломата можно приписать его способностью к адаптации и легким проникновением в британское общество. Его широкий круг друзей и знакомых включал, главным образом, богатую и влиятельную аристократическую элиту, которая была космополитичной, образованной, говорила по-французски и чувствовала себя как дома в европейских столицах. Брат Александр снабдил его множеством знакомств в Британии и среди европейского дипломатического корпуса. Он встречался со многими представителями наиболее могущественных семей Европы в Петербурге, Париже, Вене, Венеции и во время поездок по континенту.

Одной из странных особенностей Воронцова была та, что за многие годы жизни в Англии он так и не выучил английский язык. В это трудно поверить, тем более что он знал не только французский, но, в какой-то мере, и итальянский¹ (и в его письмах время от времени встречаются итальянские выражения). Однако современники из самых разных социальных слоев оставили достаточно свидетельств о том, что с Воронцовым невозможно было говорить по-английски

¹ См. Главу III.

как в начале его службы в Британии, так и в конце его жизни. В 1786 г. с ним не мог бы общаться ирландец, не знавший французского¹. Моррис описывает беседу с королем (в апреле 1796 г.), который говорил «на тему финансов очень здраво, но по-английски, так что Воронцов не получил свою долю смысла»². Сэр Эван Непин, который не говорил по-французски, мог вести дела с Воронцовым только через отца Смирнова (1805)³. Марта Вильмот оставила нам забавное описание жалкой попытки Воронцова обратиться к ней на английском (1803)⁴. Мемуарист Ч. Гревиль вспоминает: «Леди Пемброк и ее дочь ... и я, и Ливены обедали ... один раз. Леди Пемброк — это графиня Воронцова ... Старик Воронцов был здесь много лет послом и с тех пор жил здесь, и не знал ни слова по-английски»⁵ (1829). С другой стороны, Воронцов следил за дебатами в парламенте и узнавал новости из английских газет, его дети знали английский, а он оценивал их знания. Остается предположить, что ему помогали слуги и сотрудники посольства, а из английских газет он выбирал те, что были на французском. Видимо, в Лондоне его незнание (или недостаточное знание) английского языка не очень ему мешало, ведь по большей части Воронцов мог общаться на официальных приемах, со своими коллегами-министрами и в частной жизни по-французски.

Много раз у Воронцова тесные дружеские отношения были следствием профессиональных занятий и взаимодействия с

¹ Журнал путешествия В. Н. Зиновьева по Германии, Италии, Франции и Англии в 1784–1788 гг. С. 423.

² The Diary and Letters of Gouverneur Morris. Vol. II. P. 89.

³ Jeremy Bentham to Étienne Dumont, 16 July 1805 (http://www.e-enlightenment.com/item/bentjeOU0070306_1key001cor). Сэр Эван Непин (Evan Nepean, 1751–1822) – британский политик и колониальный администратор, в 1804–1805 гг. – главный секретарь Ирландии.

⁴ См. Главу XII.

⁵ The Greville Memoirs. A Journal of the Reigns of King George IV and King William IV. In 3 vols. Vol. 1. L., 1874. P. 250. Ливены — российский посол (заступивший на место Воронцова) с супругой.

коллегами по дипломатическому корпусу, которые мыслили так же, как он. По большей части, эти отношения зависели от изменчивой политической лояльности, но некоторые, тем не менее, стали многолетними связями. В течение многих лет, из-за союза Австрии с Россией и их общего противостояния революционной Франции Воронцов поддерживал тесные контакты с австрийскими министрами — графом Иоганном Филиппом фон Штадионом, одним из самых опытных австрийских дипломатов, и графом Людвигом фон Штарембергом¹. Он особенно любил последнего, тесно с ним сотрудничал и регулярно встречался с его семьей в свете. Воронцов с удовольствием описывает 15/26 июня 1795 г., как сын Михаил (Мишенька) и дочь Екатерина (Катенька) вместе с тремя детьми Штарембергов приготовили сюрприз на его день рождения:

Вчера граф и графиня Штаремберг, которых я очень люблю и которые со мной очень дружат, сделали мне очень приятный сюрприз. Они организовали в тайне от меня в своем загородном доме маленький праздник, во время которого трое их детей и мои сыграли комедию, чтобы отметить мой сегодняшний день рождения. Они устроили небольшой театр, мои дети выучили свои роли, и были две репетиции в загородном доме Штарембергов, о чем я не знал; они выходили как будто бы прогуляться в дни почты, когда, как им было известно, я не выхожу из дома. Пьеса была очень хорошо исполнена, после нее граф и графиня сыграли скетч, а их старшая дочь вместе с моей спели куплеты².

¹ Иоганн Филипп фон Штадион, граф Вартгаузен (Johann Philipp Karl Joseph Stadion, Graf von Warthausen, 1763–1824) — австрийский государственный деятель и дипломат, министр иностранных дел, позже министр финансов Австрийской империи. Людвиг Иосиф Максимилиан фон Штаремберг (Ludwig Joseph Maximilian von Starhemberg, 1762–1833) — австрийский дипломат, в 1793–1810 г. посол Австрии в Лондоне.

² АКВ. IX. С. 340–341. Дружба со Штарембергом оборвалась. В письме от 25 августа/8 сентября 1797 г. к графу Разумовскому Воронцов написал резкий неблагоприятный отзыв о Штаремберге (*Васильчиков А. А. Семейство Разумовских. Том V. СПб.: Тип. М. Стасюлевича, 1894. С. 234, 295 и прим. 2).*

Воронцов был в особенно хороших отношениях с дипломатами из итальянских государств, Дании и Португалии. Карамзин описывал дружеские суаре, на которых иностранные представители встречались в домах друг у друга, чтобы обсудить политику и жгучие проблемы дня:

Я заметил, что здешняя Министерская конференции бывают без всяких чинов. В назначенный час Министр к Министру идет пешком, в фраке. Хозяин, как сказывают, принимает в сертуке; подают чай — высылают слугу — и, сидя на диване, решат важное политическое дело. Здесь нужен ум, а не пышность¹.

Некоторые из самых длительных привязанностей Воронцова, тем не менее, оборвались по идеологическим причинам. Например, так происходило даже когда эти причины выходили за пределы исключительно профессиональных соображений и были, возможно, следствием масонских связей Воронцова. Одним таким случаем было его общение с Франсиско де Мирандой, предшественником Симона Боливара и центральной революционной фигурой в борьбе за независимость Венесуэлы и Латинской Америки. Он вдохновил основание «Достойнейшей Ложи Рациональных Рыцарей Лаутаро» в испанском Кадисе, среди членов которой были некоторые самые известные отцы-основатели будущих республик в Южной Америке². Как изгнанник, преследуемый испанскими властями, он жил за границей — в Соединенных Штатах, России и Европе.

Семен Романович посчитал Штаремберга предателем, когда тот написал австрийскому послу в России Кобенцлю, что Воронцов покорен британцами, что он — целиком и полностью англичанин, что этим он сослужил своему государю дурную службу. Письмо было прочитано императором Павлом (Report on the Manuscripts of J. V. Fortescue, Esq., Presented at Dropmore. Vol. VI. P. 229). О реакции Павла см. Главу X.

¹ Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. С. 338.

² Martinez C. A. Jr. General Francisco De Miranda: Father of Revolutionary Masonry in Latin America, His Masonic Life and Labors (<http://www.freemasonicmysteries.org/Paper3.html>).

Маркиз Лафайет¹ дал ему рекомендацию при вступлении в масонскую ложу. Во время своих путешествий он общался и даже дружил со многими выдающимися деятелями XVIII в., среди которых были Екатерина II, шведский король Густав III, Дж. Вашингтон, Т. Джефферсон, С. Адамс, А. Гамильтон, Т. Пейн, У. Питт, Г. А. Потемкин, П. А. Румянцев, А. В. Суворов и многие другие.

В России, где Миранда провел немного меньше года с 26 сентября 1786 г. до 7 сентября 1787 г., он был тепло принят императрицей, и, согласно некоторым источникам, она не осталась равнодушной к его чарам. Фактически, сам Потемкин поощрял его на этом пути. Накануне своего отъезда он был проинформирован, что императрица официально приказала российскому министерству иностранных дел снабдить его блестящими рекомендательными письмами всем ее министрам за границей, чтобы он получал защиту и поддержку². Преследовавшийся испанскими агентами, в июле 1789 г. он бежал в Лондон, где зарегистрировался помощником Питта, который, имея в виду испанские колонии в Америке, предложил ему некоторую поддержку. Миранда также обратился к Воронцову и тот, зная о желании Екатерины, в августе официально объявил министру иностранных дел герцогу Лидсу, что Миранда стал членом российской дипломатической миссии в Лондоне на службе российской императрицы Екатерины II. Как члену посольского штата, ему была гарантирована дипломатическая

¹ Жильбер дю Мотье, маркиз де Ла Файет (Gilbert du Motier, marquis de La Fayette, 1757–1834) — французский политический деятель, участник американской войны за независимость и Великой французской революции.

² *Baylen J. O., Woodward D. Francisco De Miranda in Russia // The Americas. Vol. 6. 1950. P. 437*). См. также: *Baylen J. O., Woodward D. Francisco de Miranda and Russian Diplomacy, 1787–88 // Historian. Vol. 13. September, 1950. P. 52–68; Madariaga I., de. The Travels of General Francisco De Miranda in Russia: Published on the Occasion of the Bicentenary of the Birth of General Francisco Miranda. Venezuela: Venezuelan Embassy, 1950; Миранда Ф., де. Путешествие по Российской Империи. М.: МАИК «Наука/Интерпериодика», 2001. С. 10–11, 322–323.*

неприкосновенность от посползновений со стороны испанского правительства¹.

Миранда стал больше, чем искатель защиты, и как друг и агент Воронцова охотно выполнял разнообразные обязанности сотрудника российского посольства, например, составлял доклады о дебатах в палате общин. В письме к Безбородко от 2/13 июля 1791 г. Воронцов рассказал, как во время Очаковского кризиса Миранда, споря с Питтом и его личным секретарем Джозефом Смитом, приводил аргументы против вооружения британского флота. Воронцов, безусловно, хвалил Миранду, как истинного друга России и пылкого приверженца императрицы. Опасаясь, что его письмо могло раскрыть кому-нибудь другому пророссийскую деятельность Миранды, Воронцов попросил Безбородко это письмо сжечь после прочтения Екатерине. В противном случае, он мог бы лишиться надежного агента и ценного источника информации².

Миранда был благодарен за предоставленное ему российской миссией убежище и часто обедал с Воронцовым и его семьей. На этих обедах он познакомился с Сэмюелем Бентамом³, В. П. Кочубеем и многими другими гостями⁴. В конце 1791 г. Миранда покинул Лондон, чтобы принять активное участие во Французской революции как генерал. 30 августа 1792 г. он написал Воронцову теплое и учтивое письмо, в котором благодарил

¹ АКВ. IX. С. 482–483. *Миранда Ф., де*. Путешествие по Российской Империи. С. 10–11, 322–323; *Лукин Б. В.* Связи Миранды с российской дипломатической миссией в Лондоне // Новая и новейшая история. № 4. 1966. С. 67–73.

² АКВ. IX. С. 483–485.

³ Сэмюель Бентам (Samuel Bentham, 1757–1831) — британский инженер-механик и корабельный инженер, брат известного философа Джереми (Иереми) Бентама, с 1780 по 1791 гг. работал в России на службе у Г. А. Потемкина. Подробнее о братьях Бентамах и их связях с Россией см.: *Философский век. Альманах*. Выпуск 9. Наука о морали: Дж. Бентам и Россия. СПб.: Санкт-Петербургский центр истории идей, 1999.

⁴ *Archivo del General Miranda. Viajes. Cartas a Miranda: 1789 a 1808. Tomo VI. Caracas: Parra León Hermanos — Editorial Sur-América, 1930. P. 16, 83, 121–122, 126–127, 164; Marcum J. W. Semen R. Vorontsov. P. 221–223.*

императрицу и его за поддержку и прощался с семьей Воронцова и друзьями в Лондоне¹. Воронцов признавал, что отступничество Миранды причинило ему боль, и сожалел, что человек такого «честного и благородного нрава» был сбит с пути революционными идеями, о которых они часто спорили. Однако, как министр Екатерины, он мог только недвусмысленно осуждать действия своего бывшего сотрудника². В 1815 г. он с сожалением узнал о смерти Миранды, «которую он навлек своим поведением»³.

Когда речь идет об активно действующем на международном уровне и обладающим большими связями русском аристократе конца XVIII в., нельзя обойти вопрос о его принадлежности к масонству. В 1774 г. Воронцов был 2-м надзирателем в ложе Марса в Яссах, которая существовала там в 1772–1774 гг. во время русско-турецкой войны. По окончании войны эта ложа соединилась с петербургской ложей Молчаливости (Скромности). В 1776 г. он вместе с братом «намечен в состав» елагинской Великой Английской (Провинциальной) ложи, получившей диплом на открытие от Великой Ложи Англии (в 1772 г.), в которой их отец Роман Ларионович был Великим провинциальным наместным мастером в 1772–1775 гг. В 1780 г. Воронцов упоминается как член ложи Екатерины северной звезды в Варшаве. В 1786 г. он отмечен как член 6-й степени (из семи) ложи Молчаливости (Скромности), которая работала в союзе Великой Провинциальной ложи (но работы прерывались в 1784–1786 гг.)⁴. Получается, что Воронцов

¹ АКВ. XXX. С. 499–501.

² АКВ. XXX. С. 501–502; АКВ. XIII. С. 457–458; АКВ. XVIII. С. 50.

³ АКВ. XVII. С. 405.

⁴ Серков А. И. Русское масонство. 1731–2000. Энциклопедический словарь. М.: РОССПЭН, 2001. С. 201, 959, 990, 991; Вернадский Г. В. Русское масонство в царствование Екатерины II. СПб.: Изд-во им. Н. И. Новикова, 1999. С. 41, 373–374. О масонской литературе в библиотеках семьи Воронцовых и, в частности, у Семена Романовича см.: Полевщикова Е. В. Масонская литература в библиотеках Воронцовых (книги и журналы на русском языке) // Е. Р. Дашкова и ее время в

мог быть более или менее активным членом российских лож во время войны, а также в недолгий период жизни в Петербурге в 1778–1783 гг.

Имя Воронцова отсутствует в записях Великой ложи в Лондоне и в указателях других биографических масонских списков Британии того времени¹. Видимо, Воронцов считал невозможным в своем положении вступать в тесные связи с местными масонами. Как указывает Ю. М. Лотман в связи с визитом Н. М. Карамзина в 1790 г., один из высших авторитетов у русских масонов Луи-Клод де Сен-Мартен называет «господина Воронцова, посла в Лондоне» одним из «главных русских», которых он знал лично. Сен-Мартен считал Воронцова «преданным учеником, обладающим всеми данными для того, чтобы стать в точном смысле взыскуемым человеком ("homme de désir" — по терминологии позднего Сен-Мартена, человек утопического будущего мира) ... При этом следует подчеркнуть, что Сен-Мартен именно в этот период переживает резкую смену взглядов: он отрекается от масонства ради идеи либерально-гуманной утопии, свободной от уз орденской организации ... революцию, сделанную людьми, следует дополнить революцией в сфере духа ... Такое движение мысли, видимо, было характерно и для окружавшего Сен-Мартена русского кружка, и для С. Р. Воронцова...»²

культурном пространстве России и Европы. Сборник научных статей. М.: МГИ им. Е. Р. Дашковой, 2014. С. 159–174.

¹ Авторы на свой запрос получили 15 апреля 2011 г. отрицательный ответ из Масонской библиотеки и музея (The Library and Museum of Freemasonry) в Лондоне. Некоторые авторы называют СРВ «английским франкмасоном» (см., например: *Hans N. François Pierre Pictet, Secretary to Catherine II // The Slavonic and East European Review. Vol. 36. No. 87. Jun., 1958. P. 483*; источник сведений не указан, а поскольку этот автор ошибается и в датах службы СРВ послом в Лондоне, то доверять ему в этом вопросе нет особых причин).

² *Лотман Ю. М., Успенский Б. А. «Письма русского путешественника» Карамзина и их место в развитии русской культуры // Карамзин Н. М. Письма русского*

Сен-Мартен приезжал в Лондон в 1787 г. «и однажды был у гр. Воронцова; но так как это был только церемонный визит и как Сен-Мартен был гораздо осторожнее ... то граф видел в нем человека, каким должны быть все люди»¹. Сам Воронцов позже отмечал большой вред от «опасной метафизики мартинистов»².

Отметим важные представления Сен-Мартена о мире и человеке:

- вселенная и человек оживотворяются одним общим принципом, из которого эмануруют спиритуальные силы;
- эти силы действуют и во внешней природе, и в человеке; низшие силы управляют материальной природой, высшие — умственной жизнью человека;
- человек выше природы и вообще ближе к этим высшим силам; величайшее усилие духовных способностей человека должно состоять в «великом деле» (*le grand oeuvre*), то есть в стремлении к непосредственному слиянию с высшими силами, чем и достигается тогда знание тайн создания и Божества;
- силы, управляющие материальной природой, не суть физические законы, но действующие спиритуальные существа;
- эти духи, объясняя материальную природу, вместе с тем получают отвлеченное и нравственное значение;
- спиритуальные силы имеют различные градации, существуют области различного спиритуального достоинства;
- истинное «просвещение» есть для человека трудный подвиг, эти усилия — не только усилия чувства и отвлеченной мысли, но и известные материальные способы;
- правила морали человек найдет в себе самом, потому что он есть отражение высшего Начала, и руководством должен служить

путешественника. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1987. С. 547–548 (прим. 30), 670. См. также: *Triomphe R. Joseph de Maistre*. Genève: Droz, 1968. P. 197–198.

¹ Журнал путешествия В. Н. Зиновьева по Германии, Италии, Франции и Англии в 1784–1788 гг. С. 624, 596; *Вернадский Г. В.* Русское масонство в царствование Екатерины II. С. 122; *Politics and culture in eighteenth-century Russia: collected essays for Isabel De Madariaga*. L.: Macmillan in association with the School of Slavonic and East European Studies, University of London, 1990. P. 156.

² АКВ. XVII. С. 240.

ему внутренний свет;

— человек не должен забывать своего высокого достоинства, должен стараться, чтобы другие также уважали его; любовь к ближнему является сохранением чистоты самого Начала¹;

— одни люди впадают в рабство, другие этого избегают; тот, кто избегает камней преткновения, тот менее изменяет, обезображивает идею своего Начала, менее удаляется от первоначального состояния; тот, кто мало старался, не имеет успехов и даров; тот, кто имеет преимущества, должен быть выше и управлять;

— тот, кто предохранил себя от мрака и разврата, должен стать владыкой не только по делу и необходимости, а и по долгу; он должен овладеть рабами, чтобы соблюсти свою власть и безопасность общества, он имеет все права, в данном случае праведные; это и есть происхождение временного владычества человека над себе подобными;

— это владычество не только не угнетение, но твердейшая опора естественного общества, самое лучшее средство его подкрепления против как внутренних, так и внешних врагов;

— владетель же должен строго придерживаться своих качеств, которыми приобрел владычество, и стараться для собственной пользы устроить блаженство своих подданных; он владеет Светом, при помощи которого может и должен все видеть, знать основания законов и правосудия, уставы воинского порядка, права людей и свои, пружины государственного управления².

К главным особенностям этих представлений можно отнести их акцент на индивидуальности, личности и то, что трудный подвиг истинного просвещения личности подразумевает и материальные способы его осуществления наряду с духовными усилиями, поскольку человек образует духовное единство с природой. У Сен-Мартена путь достижения «золотого века», рая на земле при усовершенствовании человека выглядит значительно более

¹ *Пытин А. И.* Русское масонство XVIII — первой четверти XIX в. Пг., 1916. С. 211–212, 216–217.

² *Сен-Мартен.* О заблуждениях и истине. М., 1785. С. 268–270, 277–278.

индивидуальным, внутриличностным, чем в иных масонских системах. Кроме того, акцент переносится с внешней, обрядовой стороны на морально-нравственные правила. Вплетенное Сен-Мартеном в мировую схематику понятие долга играет, как кажется, ведущую роль и в жизни Воронцова¹.

Ю. М. Лотман на основании, в основном, анализа текста «Писем русского путешественника» Н. М. Карамзина, упоминаемых в них литературных произведений и близких литературных имен попытался воссоздать социально-политические взгляды Воронцова. Они сводятся примерно к следующему, по определению Лотмана, «дворянскому руссоизму Воронцова»²:

— предыдущее поколение (отцов) принадлежало к «новой знати», которая вынырнула «из мутной воды дворцовых переворотов и интриг», его представители (Михаил и Роман) «отличались лишь невежеством и стяжательством. Государственных качеств они не обнаружили»;

— Воронцов, как и его брат и сестра Дашкова «люди совсем другого склада. Государственно одаренные, широко образованные, независимые во мнениях и суждениях, они привыкли считать себя не только первыми вельможами России, но и членами интеллектуальной элиты Европы», они не верили «в старые сказки о божественной природе власти монархов»;

— он учился на уроках европейского Просвещения;

— у него было чувство собственного достоинства, он высоко ценил права человека и дружбу;

— он был умен и опытен;

— революционные идеалы были ему глубоко чужды, но он не сомневался, «что старый мир стоит на грани разрушения»;

— он придерживался идеалов английской аристократии, сочетая

¹ Микешин М. И. Дворянство: от истории к метафизике. С. 345–347;

Микешин М. И. Воронцовская метафизика // Воронцовы — два века в истории России. Материалы научной конференции. Владимир: РИО, 1992. С. 101–102.

² Лотман Ю. М. Сотворение Карамзина. С. 185.

их с горячим патриотизмом и любовью к России¹;
— он считал самодержавие варварством и презирал его, он был «врагом деспотизма и считал, что между народом и властью всегда существуют взаимные обязательства», «никакая власть не имеет права быть безграничной»;
— он осуждал фаворитизм и считал, что тот ведет к беззакониям;
— он придерживался идеи «договора о взаимной пользе между самодержавным правителем и его подданными и права последних свергать нарушителя этого договора»;
— он считал, что народ «должен быть представлен просвещенным меньшинством», он был сторонником «умеренной парламентской монархии»².

Чтобы принимать и развлекать своих друзей и иностранных особ в лучшей обстановке, в 1792 г. Воронцов предпринял большую реновацию и расширение резиденции посла на Харли-стрит, 36 (дом Джона Дэшвудса³, сегодня Харли-стрит, 74), которая тогда располагалась во втором доме от угла левой стороны, если идти от Уеймут-стрит. Само российское посольство имело адрес Уэлбек-стрит, 35. Дом купил предшественник И. М. Симолин, который затем продал его в казну за £6000.⁴ Это была дорогая собственность для российского правительства, для ее содержания надо было платить ежегодный налог более £52 или приблизительно 525 рубля по ценам конца века⁵. Но Воронцову требовалось больше жилого пространства для семьи, и он добавил комнаты для детей и

¹ «Если современному нам читателю сочетание англоманства и русского патриотизма может показаться парадоксальным, то для XVIII века оно было вполне естественным. В то время как под знаменем галломании проповедовалось принятие французских норм жизни как единственно «европейских» и цивилизованных, знамена англофилов освящали требование национальной оригинальности» (*Лотман Ю. М. Сотворение Карамзина. С. 190*).

² См. *Лотман Ю. М. Сотворение Карамзина. С. 179–192*.

³ The John Dashwoods' house (*Pevsner N. The Architectural Setting of Jane Austen's Novels // Journal of the Warburg and Courtauld Institutes. Vol. 31. 1968. P. 412*).

⁴ АКВ. XIII. С. 58.

⁵ *Александренко В. Н. Русские дипломатические агенты в Лондоне в XVIII в. Т. I. С. 446–447*.

прислуги, уверив брата, что он заплатил за них сам¹. Воронцов не считал себя богатым, хотя его годовой доход, включавший жалование и деньги, поступавшие от его собственности, превышал £4000. Иногда к нему добавлялись одноразовые суммы, например, £2000, полученные им в дар от британского двора за участие в ратификации торговых конвенций в 1793 г.

Как можно заметить, Семен Романович всю жизнь очень внимательно относился к своим доходам и расходам, тщательно их пересчитывал, планировал и обсуждал в переписке. Эта привычка не говорит о его жадности, скорее, она свидетельствует о стремлении разумно вести жизнь и соответствовать своему положению в обществе.

Воронцов постоянно жаловался на дороговизну жизни в Лондоне. Так, за двенадцать лет, с 1785 по 1797 г., курс рубля оставался низким, а цены на все в Лондоне выросли на 45–48%. В царствование Елизаветы I британский фунт обменивался на 6 рублей, при Екатерине — на 8–8,5 рублей, а к 1799 г. обменный курс вырос до 10 рублей². В письме из Лондона в 1795 г. Воронцов расписывал Безбородко свои финансовые горести:

Естьли-б я был богат, как был граф Скавронский, князь Юсупов, граф Разумовский, граф Стакельберг и другие тому подобные, я бы никогда не трудил ваше сиятельство; но я из дому получаю 21 тысячу, которые составляют 2200 ф. стерл., и сия сумма с тем что от двора получаю, становилась до сих пор прямо в обрез моим издержкам; а по возрастающей ежегодно дороговизне и по

¹ АКВ. IX. С. 233–234, 305.

² АКВ. XXII. С. 523; *Александренко В. Н.* Русские дипломатические агенты в Лондоне в XVIII в. Т. I. С. 187.

умножению моего расхода, по причине возраста и воспитания моих детей, я принужден входить в долг¹.

Еще одной причиной постоянных забот и жалоб Воронцова было состояние его здоровья. Кроме «слабой груди» у него болели глаза и постоянно проявлялись разные недомогания. Он приехал в Англию в сорокалетнем возрасте, считал себя человеком уже пожилым и накопившим множество недугов. Поскольку он много работал, то и внимательно следил за своим состоянием: «Я вчера спал лучше после ванны для ног и рюмки абсента с лимоном, что меня освежило, избавило от головной боли и небольшой лихорадки, преследовавшей меня пару дней, и сегодня я чувствую себя хорошо»².

Воронцов, однако, был воспитан в доме своего дяди и, несмотря на свои жалобы, устраивал в Лондоне щедрые приемы, владел двумя домами в лучших районах, обучал своих детей на дому и ездил на самые престижные курорты Англии.

Многие из его друзей имели дома в районе Ричмонда (сегодня Ричмонд-на-Темзе, район внешнего Лондона), любимом месте отдыха членов королевской фамилии и людей богатых, расположенном в 15 милях на юго-запад от центра Лондона. В 1787 г. Воронцов приобрел там дом с садом и прекрасным видом. Там он отдыхал, скрываясь от неослабного шума и ритма жизни в Лондоне³ (а на зиму из экономии мог и сдавать⁴). Вне Лондона круг

¹ АКВ. XVI. С. 243; *Marcum J. W. Semen R. Vorontsov*. P. 237–38; *Александренко В. Н.* Русские дипломатические агенты в Лондоне в XVIII в. Т. I. С. 135, прим. 1, 184–187.

² АКВ. XVII. С. 16.

³ АКВ. IX. С. 98. Русский перевод письма см.: *Алексеев В. Н.* Некоторые подробности жизни графа С. В. Воронцова в Англии // *Воронцовы — два века в истории России. Труды Воронцовского общества. Выпуск 18. Орехово-Зуево, 2015.* С. 7.

⁴ В сентябре 1789 г. всезнающий Х. Уолпол отмечает в письме: «Мадам де Буффлер и графиня Эмилия, ее невестка, я слышал, должны приехать в Лондон; а

его знакомых не был так тесно связан с дипломатическими обязанностями, но все же невозможно провести четкую границу между его частной и публичной жизнью. Те, кто имел деньги и влияние, жили в Лондоне зимой, когда проводились сессии парламента, а летом отправлялись в сельские усадьбы, чтобы избежать городской духоты. Живя в Ричмонде, Воронцов мог посещать расположенные недалеко знаменитые поместья, такие как построенный в неоготическом стиле Стробиерри-Хилл Хораса Уолпола, в котором он был три раза в 1787–1789 гг.¹ Однако, сельские дома и величественные особняки с их прекрасными садами, скульптурой и бесценными коллекциями были гораздо большим, чем просто местами отдыха и развлечений. Они были центрами политической активности, где правящая элита встречалась, чтобы обсудить местные и национальные проблемы за стаканом послеобеденного портвейна.

Объясняя свое положение в британском обществе, Воронцов назвал своих самых близких друзей². Джеймс Стюарт-Макензи, с которым Семен Романович встретился в Риме и Неаполе, был Лордом-хранителем Малой печати Шотландии. Он познакомил Воронцова со своим братом лордом Бьютом и сопровождал его к лорду Норту, где Воронцов встретил герцога Ричмонда и герцога Дорсета. Среди друзей были также Томас Питт, двоюродный брат премьер-министра, знаток искусства и генерал Джозеф Йорк³, чья карьера

Воронцов, российский министр, у которого есть дом в Ричмонде, сдает его ей на зиму, поскольку ее состояние довольно сильно пострадало во время нынешних волнений» (The Letters of Horace Walpole, Fourth Earl of Orford / Ed. by Mrs. Пауэт Тоунбее. In Sixteen Volumes. Vol. XIV: 1787–1791. Oxford: At the Clarendon Press, 1905. P. 219).

¹ Кросс Э. У Темзских берегов. Россияне в Британии в XVIII веке. С. 272.

² АКВ. IX. С. 98, 99, 452, 466.

³ Джеймс Стюарт-Макензи (James Stuart-Mackenzie, 1717–1800) — шотландский политик, один из основателей Королевского общества Эдинбурга в 1783 г. Джон Стюарт, Третий эрл Бьют (John Stuart, 3rd Earl of Bute, 1713–1792) — первый премьер-министр Великобритании из шотландцев (1762–1763). Фредерик Норт (Frederick North, 2nd Earl of Guilford, 1732–1792) — премьер-министр

была очень похожа на карьеру Семена Романовича, поскольку он тоже был солдатом, потом дипломатом и политиком-вигом. Воронцов дружил с лордом и леди Спенсер¹, также был в прекрасных отношениях с двумя камер-фрау королевы Шарлотты: с Мери, графиней Холдернесс, тещей герцога Лидса, и с Элизабет Герберт, графиней Пемброк и Монтгомери, которую обожал король. Леди Пемброк и ее мать Элизабет Тревор были центром ричмондского светского общества. Разъехавшись с мужем Генри Гербертом, Десятым эрлом Пемброком, который остался в своем поместье в Уильтоне, она жила в Пемброк-Лодж — великолепном георгианском особняке в Ричмонд-Парке. Воронцов подружился с ее сыном Джорджем Огастесом Гербертом еще в Петербурге, а теперь возобновил дружбу, часто приглашая Герберта на обеды².

Воронцов извлекал все преимущества из участия в богатой социальной, культурной и интеллектуальной жизни Лондона и

Великобритании с 1770 по 1782 г. Герцог Дорсет (John Frederick Sackville, 3rd Duke of Dorset, 1745–1799) — британский посол во Франции с 1783 по 1789 г. Томас Питт (Thomas Pitt, 1st Baron Camelford, 1737–1793) — британский политик, член палаты общин с 1761 по 1784 г. Джозеф Йорк (Joseph Yorke, 1st Baron Dover, 1724–1792) — британский генерал, политик, полномочный министр (1751–1761) и посол (1761–1780) в Голландии.

¹ АКВ. XVII. С. 17.

² Мери Холдернесс (Mary Darcy, Countess of Holderness, 1721–1801) — жена Роберта Дарси, Четвертого эрла Холдернесса, камер-фрау (Lady of the Bedchamber) королевы Шарлотты с 1770 по 1801 г. Элизабет Герберт, графиня Пемброк и Монтгомери (Elizabeth Herbert, Countess of Pembroke and Montgomery, 1737–1831) — дочь Чарльза Спенсера, Третьего герцога Мальборо, камер-фрау (Lady of the Bedchamber) королевы Шарлотты с 1782 по 1818 г. Генри Герберт, Десятый эрл Пемброк (Henry Herbert, 10th Earl of Pembroke, 7th Earl of Montgomery, 1734–1794) — английский пэр и политик. Джордж Огастес Герберт (George Augustus Herbert, 11th Earl of Pembroke and 8th Earl of Montgomery, 1759–1827) — английский пэр, генерал и политик (будущий зять Воронцова — см. Главу XIII). См.: *Pembroke Papers (1780–1794). Letters and Diaries of Henry, Tenth Earl of Pembroke and His Circle* / Ed. by Lord Herbert. London: Jonathan Cape, 1950. P. 231, 321; *Lever T. The Herberts of Wilton. L.: John Murray, 1967. P. 167–203; АКВ. IX. С. 98, 172.*

Ричмонда. Как и многие его современники из британской элиты, Воронцов был увлеченным коллекционером, начинавшим еще в Италии¹, покупавшим книги, портреты, картины, гравюры² и другие *objects d'art* для себя, своей семьи и друзей и в Британии, и в России. Следы этого увлечения можно до сих пор найти на выставках в музеях и на страницах каталогов предметов искусств³. Живопись, особенно портретная живопись, в то время процветала. Сэр Джошуа Рейнольдс был гением эпохи, основавшим Королевскую академию в 1768 г. и повлиявшим на других художников — Томаса Гейнсборо, Джорджа Ромни, Аллана Рэмзи и Ангелику Кауфман. Воронцов и его агенты внимательно следили за распродажами в поместьях и за аукционами в Лондоне. Для императрицы он участвовал в заказе полотна Рейнольдса «Младенец Геркулес, удушающий змей»⁴, а на распродаже коллекции Ватсона Тейлора в 1823 г. он купил «Мученичество св. Аполлонии» Гвидо Рени и «Христос и самарянка» Аннибале Карраччи. Ему также удалось приобрести «Распятие» Петера Пауля Рубенса, но, к сожалению, оно было потеряно в море во время

¹ См., например: Журнал путешествия В. Н. Зиновьева по Германии, Италии, Франции и Англии в 1784–1788 гг. С. 409.

² См., например: *Трутенко Ю. Е.* Гравюры из коллекции С. Р. Воронцова в собрании Алушкинского музея-заповедника // Воронцовы — два века в истории России. Труды Воронцовского общества. Выпуск 18. Орехово-Зуево, 2015. С. 104–121.

³ Например: «Fortune. Cornelian. Intaglio. Count Woronzow. From a picture painted by Guido Reni, in the Capitoline Gallery of Pictures» (A Catalogue of One Hundred Impressions from Gems, Engraved by Nathaniel Marchant. L.: J. Edwards, 1792. P. 34).

⁴ «Вскоре после того, как картина прибыла в Петербург, граф Воронцов ... посетил сэра Джошуа Рейнольдса, чтобы сообщить, что картина, написанная им в прошлом году для российской императрицы, была принята в Петербурге вместе с двумя его речами, одной на английском, а другой на французском, присланными вместе с картиной по желанию императрицы. Одновременно граф Воронцов доставил сэру Джошуа Рейнольдсу золотую коробку, украшенную портретом императрицы и очень большими бриллиантами и т. п., в которой находилось очень милостивое собственноручное послание ее императорского величества» (*Felton S. Testimonies to the Genius and Memory of Sir Joshua Reynolds. L.: J. Walter, 1792. P. 29–30*). См. также: АКВ. XXVIII. С. 113.

транспортировки его в Россию¹. Еще в Италии Воронцов встречался с многими художниками, например, с А. Р. Менгсом и Л. Гуттенбрунном. Последний работал в Лондоне в 1795 г. и соби́рался в Петербург. Воронцов рекомендовал его А. А. Безбородко как превосходного портретиста и копииста². Гуттенбрунн, в свою очередь, сделал несколько портретов Воронцова и его детей, запечатлев момент вручения подарков, приготовленных Мишенькой и Катенькой к его дню рождения. Английский художник Томас Хифи выполнил портрет Воронцова, который имел большой успех, что позволило художнику получить место портретиста принцессы Уэльской³.

Интересовался Воронцов и архитектурой. Он обсуждал осуществление архитектурных проектов не только с братом, но и с занимавшим впоследствии важные государственные посты сыном. В Британии, а возможно, и в Италии он был лично знаком с архитекторами, которых иногда рекомендовал друзьям и сыну. Так, он восхищался лучшим творением своего ровесника Томаса Харрисона — Честерским замком и считал, что этому архитектору можно заказать проекты дворцов сына в Одессе и Алушке⁴.

¹ The Gentleman's Magazine, and Historical Chronicle. Vol. XCIII. Part I. L.: John Nichols and Son, 1823. P. 547; *Waagen G. F. Peter Paul Rubens. His Life and Genius / Ed. by Mrs Jameson, trans. by Robert R. Noel. L.: Saunders and Otley, 1840. P. 10.*

² Из бумаг Диканьского архива, кн. С. В. Кочубея. Письмо графа С. Р. Воронцова к графу А. А. Безбородке (1795) // Русский архив. Книга 2. Выпуск 9. 1873.

² Стлб. 1687–1693. Антон Рафаэль Менгс (1728–1779 — самый крупный немецкий живописец эпохи классицизма. Людвиг Гуттенбрунн (1750–1819) — австрийский художник-портретист, работавший в Риме, Лондоне, Санкт-Петербурге и Москве.

³ Томас Хифи (Thomas Heaphy, 1775-1835) — английский художник, особенно популярный в 1807–1811 гг. (<http://www.intofineart.com/usa/oil-painting-artist-Thomas%20Heaphy.html>).

⁴ *Письмак Ю. А. Воронцовский дворец в Одессе — шедевр архитектуры // World Science. Vol. 1. No. 10. October, 2017. P. 40–41. Возможно, как указывает Ю. А. Письмак, Т. Харрисон (1744–1829) был автором первоначальных проектов этих дворцов, но не смог их реализовать.*

В 1793 г. Чарльз Миддлтон выпустил в Англии книгу «Красочные и архитектурные виды коттеджей, ферм и сельских вилл»¹. Эта книга вполне могла быть доставлена Н. А. Львову одним из двух его племянников, которые ездили курьерами в Лондон в феврале и марте этого года. Воронцов же вполне мог содействовать покупке этой книги, поскольку в это время Львов проектировал дома крестьян в Андреевском — усадьбе Александра Романовича Воронцова².

Воронцов мог удовлетворять и свою страсть к музыке, поскольку Британия стала местом, в которое музыканты — Карл Фридрих Абель, Иоганн Христиан Бах, Франческо Джеминиани, Иоганн Кристоф Пепуш и др. — съезжались со всех углов континента в поисках патронажа. Пока Георг Фридрих Гендель продолжал доминировать в опере и мире ораторий, другие — среди которых были Томас Арн, Уильям Бойс, Морис Грин и Джон Стэнли — писали музыку для театра, церкви, двора и домашнего музицирования. Российского посла можно было часто видеть на концертах и в театральных ложах Лондона. Схема лож Королевского театра на Хеймаркете указывает его имя среди других любителей искусства: «Ложа N, леди Кларес: мисс Булл, мисс Дэй, граф Воронцов, лорд Сент-Асаф»³. Он часто посещал концерты старинной музыки, организованные под патронажем королевской семьи⁴, и продолжал потворствовать своей страсти к итальянской

¹ *Middleton Ch. Picturesque and Architectural views for Cottages, Farm Houses and Country Villas. Engraved and designed by C. Middleton, etc. L.: E. Jeffery, 1793.*

² *Makhrov A. Earth Construction in Russia: A Scottish Connexion // Architectural History. Vol. 40. 1997. pp. 171-183 P. 171; АКВ. IX. С. 297; АКВ. XXXII. С. 516.*

³ *Lee W. The Plan of the Boxes at the King's Theatre, Hay-Market, with an Alphabetical List of the Subscribers. L.: 1797. P. 5.*

⁴ *Concerts of Antient Music, under the Patronage of Their Majesties, as Performed at the New Rooms, Tottenham-Street. L., 1794. P. X; Concerts of Antient Music, under the Patronage of Their Majesties, as Performed at the New Room, King's Theatre, Hay-Market. L., 1795. P. XII; Concerts of Antient Music, under the Patronage of Their Majesties, as Performed at the New Room, King's Theatre, Hay-Market. L., 1796. P.*

опере. Сохранившийся жетон с гравировкой его имени подтверждает, что он абонировал ложу номер 16 в итальянской опере «Пантеон» на Оксфорд-стрит в 1790–1791 гг.¹ О любви к итальянской опере «свидетельствуют сохранившиеся в библиотеке Воронцовых многочисленные оперные либретто и ноты с отдельными номерами шедших там [в Лондоне] опер, имеющие указания на популярных певцов-исполнителей, а иногда и на даты постановок». Воронцов был членом общества любителей английской духовной музыки².

Не пропускал Семен Романович и другие массовые зрелища. Например, он посещал громкие судебные процессы. Видимо, это было связано с его интересом к тому, как работает британское правосудие. Так, в апреле 1806 г. в Суррее он, вместе со своим секретарем, был среди других представителей знати — герцогов Сассекского, Камберленда, Орлеанского, лордов Портсмута, Грантли, Монтфорда, Сеймура, сэров Фредерика, Шелли, Клейтона

XII; Concerts of Antient Music, under the Patronage of Their Majesties, as Performed at the New Room, King's Theatre, Hay-Market. L., 1798. P. 16.

¹ Timothy Millett Limited. Historic Medals and Works of Art. Pantheon, Italian Opera, Oxford Street, 1790 (<http://www.historicmedals.com/viewItem.php?no=480>). Кстати, описание этого жетона включает очень краткую (и с небольшими неточностями) биографию Семена Романовича, которая содержит следующие слова: «В 1790 г. корреспондент "Таймс" написал, что "граф Воронцов, российский министр при здешнем дворе, — один из самых просвещенных людей, родившихся в его стране"».

² *Пряшников* М. П. Английские музыкальные связи М. С. Воронцова // Воронцовы — два века в истории России. Труды Воронцовского общества. Выпуск 9. Петушки, 2004. С. 79–80; *Пряшников* М. П. Английские музыкальные связи Воронцовых и Дашковых (по материалам нотно-музейного архива и библиотеки Воронцовых) // Е. Р. Дашкова: Великое наследие и современность. М.: МГИ им. Е. Р. Дашковой, 2009. С. 221; *Полевщикова* Е. В. Театральные сочинения в изданиях гражданской печати XVIII века в библиотеках Воронцовых // Е. Р. Дашкова и XVIII век: От Российской империи к современной цивилизации. М.: МГИ им. Е. Р. Дашковой, 2010. С. 315–326.

и др. — на процессе Ричарда Патча, обвиненного в убийстве мистера Блайта¹.

Воронцов был, как и в юности, жадным читателем с широким кругом интересов. Его имя часто появляется в списках подписчиков книг по музыке, искусству, истории, науки, а также учебников и справочников². Воронцов часто писал брату, запрашивая русские книги на разнообразные темы³, и Александр регулярно посылал ему недавно вышедшие русские книги. Сохранившиеся каталоги его библиотеки демонстрируют его интересы и предпочтения. Многие книги непосредственно относятся к профессиональным интересам военного и дипломата, например, уставы кавалерии и пехоты, военные календари, коммерческие тарифы, законы, постановления и статуты⁴. Большой интерес к истории и практическому знанию, а также литературный вкус отражались в тех книгах, которые Воронцов приобретал. Среди них были важнейшие сочинения по русской истории (М. М. Щербатова, М. Д. Чулкова, И. И. Голикова,

¹ Richard Patch. Executed on the Top of the New Prison, in the Borough of Southwark, 8th of April, 1806, for Murder, after a Trial at which Accommodation was Provided for the Royal Family // *The Newgate Calender*. 1806; *The Trial of Richard Patch for the Wilful Murder of Isaac Blight, taken in short hand by Joseph Gurney and W. B. Gurney*. M. Gurney, 1806; *The Weekly Entertainer; Or, Agreeable and Instructive Repository, Containing a Collection of Select Pieces, both in Prose and Verse; Curious Anecdotes, Instructive Tales, and Ingenious Essays on Different Subjects*. Vol. XLVI. Sherborn, 1806. P. 293.

² Например, имя Воронцовы есть в списках подписчиков следующих изданий: *Mortimer G. Observations and Remarks Made during a Voyage to the Islands of Teneriffe*. L., 1791; *Mudge T. A Description, with Plates, of the Time-Keeper Invented by the Late Mr. Thomas Mudge*. L., 1799; *Swift J. The Works of Dr Jonathan Swift, Collected and Revised by D. Swift*. Vols. VIII, XV. L., 1765; *Delavergne L.-E. Histoire de Robert, surnommé le Brave*. L., 1800; *Taylor M. Tables of Logarithms*. L., 1792; *Loyal volunteers of London & environs, infantry & cavalry, in their respective uniforms. Representing the whole of the manual, platoon, & funeral*. L., 1799.

³ АКВ. IX. С. 109, 160; АКВ. XXXII. С. 192.

⁴ *Cross A. G. Count Semen Vorontsov's Library of Russian Books in London* // Solanus: *Journal for Russian & East European Bibliographic, Library & Publishing Studies*. New Series. Vol. 3. 1989. P. 18.

Ф. И. Миллера и др.), а М. В. Ломоносов фигурировал как первейший из российских литераторов¹. Петербургские и московские каталоги книг и журналов собирал для Семена Романовича и пересылал ему Н. М. Лонгинов, он же пытался найти в России исторические альманахи и календари².

Особенно Воронцов любил собирать литературу о путешествиях, атласы и карты. В его библиотеке было около 400 сочинений о путешествиях по Азии, Африке, Америке, Европе. Выделяются путешествия по Британии (39 книг) и книги о России³.

Предположительно из его коллекции происходят сохранившиеся в семье старопечатные (XVI в.) книги о путешествиях на Восток, изданные в Венеции. Видимо, он мог купить их в Италии⁴. Он заказывал карты Италии⁵ и планы сражений, произошедших во время наполеоновских войн⁶.

В библиотеке Воронцова были и русские периодические издания — газеты, журналы, альманахи, календари или месяцесловы. Его «Роспись российским книгам» содержит 237 названий (409 томов), включая 13 периодических изданий, более 100 календарей. Воронцов очень любил месяцесловы. На некоторых из них на

¹ Cross A. G. Count Semen Vorontsov's Library of Russian Books in London. P. 18–20; Полевщикова Е. В. Библиофильство в семье Воронцовых: Роман Илларионович Воронцов и его сыновья. С. 362–365.

² АКВ. XXIII. С. 75, 375.

³ В. А. Сомов насчитывает в каталоге библиотеки Воронцова (СПБИБ РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 995) около 50 наименований только французской «Россики», изданной в XVIII в. См.: Сомов В. А. Французская «Россика» эпохи Просвещения и русский читатель // Французская книга в России в XVIII в. Очерки истории. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1986. С. 190 (см. также список в конце статьи); Фоменко И. Ю. Книжный подарок как дипломатический жест: переписка С. Р. Воронцова и Л. И. Голенищева-Кутузова. С. 416, 419, 423.

⁴ Полевщикова Е. В. Путешествия в библиотеке Воронцовых // Про книги: журнал библиофила. № 2. 2007. С. 84–85.

⁵ АКВ. XX. С. 266, 268.

⁶ См. главу XIII.

пустых листах можно обнаружить его записи — об отце, о рождении и первых событиях в жизни сына и т. д.¹

Воронцов передал по наследству сыну увлечение собирательством книг и даже принципы классификации и составления каталогов. Библиотекарь Михаила Семеновича указывает в 1835 г. в составленном им каталоге, что следовал «модели, воспринятой е. с-вом [графом Михаилом], которая восходит к е. с-ву графу Семену Воронцову»².

Воронцов наслаждался прелестями аристократической жизни среди британской элиты, путешествуя в Саутгемптон и объясняя брату, что собирается посетить Бат, Бристоль, Йоркшир и Дербишир. «Я хочу понемногу рассмотреть этот прекрасный остров», — писал он, и за годы объехал солидную его часть³. Хотя он очень любил Англию и никогда больше не возвращался в Россию на постоянное жительство, в глубине души он твердо оставался русским. Карамзин коротко охарактеризовал Воронцова как

...человека умного, достойного, приветливого, который живет совершенно по-Английски, любит Англичан и любим ими. Всегда нахожу у него человек пять или шесть, по большей части иностранных Министров. Обхождение Графа приятно и ласково без всякой излишней короткости. Он истинный патриот, знает хорошо Рускую Историю, Литтературу, и читал мне наизусть лучшие места из Од Ломоносова. Такой посол не уронит своего двора ... Наш Граф носит всегда синий фрак и маленькой

¹ Полевщикова Е. В. Русские периодические издания XVIII века в библиотеках Воронцовых // Е. Р. Дашкова: Великое наследие и современность. М.: МГИ им. Е. Р. Дашковой, 2009. С. 208–209, 213–214.

² Цит. по: Полевщикова Е. В. Рукописные каталоги библиотеки М. С. Воронцова (по материалам архивов) // Наукова бібліотека: пріоритети розвитку та перспективи. Одеса, 2005. С. 162.

³ АКВ. IX. С. 98; Штейнберг Е. С. Р. Воронцов и англо-русские отношения на рубеже XVIII и XIX веков. С. 36.

кошелек, который отличает его от всех Лондонских жителей: потому что здесь никто кошелеков не носит¹.

И в самом деле, то, как он относился к образованию своих детей, однозначно демонстрирует его настойчивое желание, чтоб они были русскими и не забывали свой родной язык и культуру². Возможно, он рассчитывал, что в свое время они вернутся служить родной стране, как это было принято в XVIII в.³: Михаил поступит на военную или государственную службу, а Екатерина станет образованной и просвещенной женой и матерью, поддерживающей мужа и управляющей образованием своих сыновей и дочерей.

Воронцов уделял необычно много внимания воспитанию и образованию своих детей. Он задумывался об этом и строил планы, когда они были еще совсем младенцами. Важнейшей проблемой было то, что он потерял жену, когда дети были еще совсем маленькими, и положиться в устройстве их воспитания и образования мог только на себя. Он часто обсуждал возможности воспитания детей в переписке с братом и друзьями. Сам выбор Британии как места жизни и службы часто связывался именно с воспитанием детей. Близкий его друг Завадовский писал в 1784 г. Воронцову в Италию: «... [воспитание] в свою пору ты сам им можешь дать в Англии, основавшись и приготовясь к тому...»⁴

Воронцов не последовал примеру своей сестры княгини Дашковой с ее манерой упорно и усиленно навязывать детям образование, постоянно приводя примеры из собственной жизни. Он обвинял Дашкову во внедрении в «доброе, милое, скромное и с большим

¹ Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. С. 337–338.

² Пример Воронцовых подтверждает тезис о том, что «западноевропейский идеал воспитания аристократа ... не противопоставлялся русской идентичности, скорее наоборот, он включал любовь к отечеству как неотъемлемую часть процесса воспитания» (Ржеуцкий В. Pro et contra: идеал воспитания высшего дворянства в России (вторая половина XVIII — начало XIX века). С. 173).

³ АКВ. IX. С. 242.

⁴ АКВ. XII. С. 30.

знанием» сына «семян амбиции»¹. Воронцов тщательно отбирал детям частных учителей², следил за процессом обучения и определял, на что надо обратить особое внимание. Их образование следовало классической модели XVIII в., основанной на «Мыслях о воспитании» Джона Локка (1693), которые Воронцов мог прочитать во французском или русском переводе, поскольку он был в его лондонской библиотеке³. Локк описывает правильное моральное воспитание сына джентльмена, делая акцент на физическом здоровье ребенка и развитии характера и интеллекта при анализе накопленных фактов. Воронцов был убежденным последователем английской системы воспитания, которая развивала силу характера и твердые убеждения, устанавливала надежную основу, опирающуюся на практические, деловые принципы. Он был против общего, широкого подхода, предпочитая специализацию, настроенную на определенные утилитарные цели. Французы, согласно Воронцову, могли сочинять и цитировать французскую поэзию, но не учились чему-либо существенному. В письме к брату он описывает французских эмигрантов в Лондоне не более как бесполезных хлыщей, у которых нет ни принципов, ни честности⁴.

Своих детей Воронцов постоянно хвалил. Они были веселые, ласковые, благовоспитанные и очаровывали всех, с кем встречались — короля, королеву, принцесс и всех воронцовских знакомых. День рождения Воронцова был главным семейным праздником. На обед в этот день собиралась вся семья — дети, а

¹ АКВ. XVI. С. 143; АКВ. IX. С. 26, 89.

² Так, о приеме одного из наставников сына Воронцов пишет: «Я взял его в дом, долго его экзаменовал и когда нашел его способным, тогда велел ему понемногу сопровождать Мишиньку, чтобы ребенок незаметно к нему привык» (АКВ. IX. С. 108).

³ Cross A. G. Count Semen Vorontsov's Library of Russian Books in London. P. 20.

⁴ АКВ. IX. С. 145, 160–161; *Александренко В. Н.* Русские дипломатические агенты в Лондоне в XVIII в. Т. I. С. 273–274, 274, прим. 2.

потом и внуки, приглашались старые друзья, устраивались спектакли и музыкальные вечера¹.

Для обучения дочери Воронцов определил шотландку мадемуазель Жардин, которая оставалась с Екатериной до самого замужества последней².

С самого раннего возраста дети начали болтать по-английски. Даже уже взрослому Михаилу, уезжавшему служить в Россию, отец напоминал о важности поддержания письменного английского языка: «Пишите, прошу вас, своей сестре по-английски вместо того, чтобы делать это по-французски. Ей больше нравятся ваши английские письма, потому что они более свободны и веселы, и

¹ См., например: Letter of Catherine Pembroke to M. Vorontsov, London, 27.07.1815. Clanwilliam/Meade Papers. D3044/C/5/3, Public Record Office of Northern Ireland.

² Воронцов рассказал о том, кто была мадемуазель Жардин (Jardine) и что она значила для его семьи, в конце своей жизни после ее смерти: «...прибыв сюда [в Англию] ... я познакомился с господином Парадайзом ... а через него с полковником Жардином, который потерял руку на службе своей стране и принадлежал к одной из старинных шотландских фамилий; у него было много детей и он был беден, и по дружбе с ним я добыл для одной из его дочерей, которой была мадмуазель Жардин, место в Петербурге посредством моего друга графа Завадовского, бывшего одним из инспекторов, избранных покойной императрицей, института для благородных и бедных девиц, которые там учились под руководством добродетельной дамы княгини Долгорукой; мадмуазель Жардин была принята в это заведение в качестве гувернантки. Но когда Катеньке исполнилось десять лет [1794], я понял, что она не может больше оставаться с Палагеей, которая была ее бонной, и попросил полковника Жардина позвать свою дочь из Петербурга вернуться сюда и принять на себя заботу о вашей [сына Михаила] сестре. Я больше не вмешивался в ее образование, а мадмуазель Жардин сформировала ее дух, ее рассудительность и возвышенную душу и сделала из своей ученицы личность самую уважаемую и respectable из возможных в этом мире. Сначала она была гувернанткой моей дочери, а потом осталась ее лучшей подругой после замужества Катеньки и стала помогать в воспитании ее детей. В нашей семье она стала моей дочерью, а вы и ваши дети считают ее родственницей, а я считал ее своим лучшим другом и родственницей» (АКВ. XVII. С. 594–595). См. также: *Алексеев В. Н.* Графы Воронцовы и Воронцовы-Дашковы в истории России. С. 175.

кроме того, это единственный способ для вас не забыть совсем, как писать по-английски»¹. Вырастая многоязычными, они также читали, занимались и говорили по-русски с отцом, Зиновьевым, Лизакевичем и Смирновым². В свое время, дети начали делать переводы с английского и французского на русский, чтобы лучше развить письменный вариант родного языка, читать труды Ломоносова и изучать тексты на церковнославянском, «где воистину находятся основы нашего языка»³. В одиннадцать лет Михаил подарил довольному отцу переплетенный том ин-фолио переводов с французского на русский, над которым он работал пятнадцать или шестнадцать месяцев. Он состоял из трактатов Цицерона о религии, о человеке, о совести, о мудрости, о неподкупности, о страстях, о дружбе, о старости, о красноречии, там был сон Сципиона и другие размышления. Екатерина сделала свой перевод религиозного текста «La mort d'Adam». Воронцов был особенно доволен тем, что с этими переводами дети не только изучали «наиболее возвышенную мораль, но, в то же самое время, осваивали синтаксис русского языка»⁴. Он также заметил, что из-за того, что сын говорит, по большей части, по-французски и по-английски, у него легкий акцент в русском, но, тем не менее, он гораздо более искусен в родном языке, чем в его возрасте был Семен Романович⁵. В 1800 г. Михаил вел записную книжку,

¹ АКВ. XVII. С. 15.

² АКВ. IX. С. 108; Журнал путешествия В. Н. Зиновьева по Германии, Италии, Франции и Англии в 1784–1788 гг. С. 625. В том же письме брату в 1787 г., где обсуждается образование детей, Воронцов просит Александра не писать ему по-русски, потому что не смог разобрать пару русских строк в последнем письме брата (АКВ. IX. С. 108). Из этого, конечно, ни в коем случае не следует, что Воронцов уже забыл русский язык.

³ АКВ. IX. С. 242.

⁴ АКВ. IX. С. 341.

⁵ АКВ. IX. С. 315. Александр переслал письмо одиннадцатилетнего племянника, вложенное в письмо брата, Дашковой. Та внимательно прочитала письмо племянника и заметила со свойственным ей тактом: «Это [письмо] Миши интересно, потому что, как мне кажется, оно рисует его доброе сердце и чувство к тебе. В остальном же — это худший русский жаргон, из тех, что я читала за долгое

заполняя ее отрывками и изречениям на русском, французском и итальянском языках таких авторов как Расин, Руссо, Вольтер, Флориан, Сумароков, Державин, Ломоносов, Княжнин, Херасков, Карамзин и др.¹

Воронцов не упускал случая познакомить сына с настоящими русскими и дать ему очередной урок патриотизма и чести. В июне 1793 г. в порт Халл пришел из Петербурга русский фрегат, на котором Александр Михайлович Римский-Корсаков привез претендента на французский престол герцога Артуа². «Мой сын, который не заботится ни о каком принце мира, занят только фрегатом: он изучил его сверху донизу и был рад видеть 350 своих соотечественников, собравшихся там же. Он выдержал волны ... на маленькой лодке, в тяжелую погоду, чтобы добраться до гавани, где находился фрегат». Одиннадцатилетний Михаил услышал в полуоткрытую дверь, как его отец объяснял герцогу: «Когда в жилах течет кровь Генриха IV-го, то нечего попрошайничать, а надо возвращать себе права свои со шпагою в руке»³.

Обучение детей французскому принял на себя Жоли. Они вместе читали «Илиаду» и «Энеиду», пьесы Расина и другие сочинения⁴. В тринадцать лет, читая вслух комедии Мольера больному отцу, Михаил вынужден был все время останавливаться, поскольку сам

время. Если бы я могла дать ему уроки русского языка в течение 15 дней, я думаю, что он знал бы язык лучше» (АКВ. V. 214).

¹ *Мисайлиди Л. Е.* Реликвии семьи Воронцовых в собрании Литературного музея Пушкинского Дома // Воронцовы — два века в истории России. Труды Воронцовского общества. Выпуск 7. СПб., 2002. С. 139–140.

² АКВ. XII. С. 84. Подробнее об этом см. Главу IX.

³ АКВ. XXX. С. 458–463; АКВ. IX. С. 312; АКВ. XIV. С. 9; Автобиография графа Семена Романовича Воронцова. С. 52, прим. 11; *Огарков В. В.* Воронцовы: их жизнь и общественная деятельность. СПб.: «Общественная польза», 1892. С. 52.

⁴ АКВ. IX. С. 242–243.

смеялся до слез¹. Дети изучали также немецкий, итальянский², латинский и греческий, а также литературу, историю, рисование и архитектуру. Их воспитание особенно концентрировалось на приличных манерах и умении себя держать, а в случае Екатерины — на музыке, танцах и искусстве пользоваться кистью и иглой. Екатерины унаследовала от матери способности к музыке (она сама писала музыку, ей посвящали свои произведения придворные композиторы). Воронцов также всю жизнь увлекался музыкой и передал это увлечение дочери. Друзья, особенно Лафермьер, присылали Воронцову из России и других стран издания и рукописи различных музыкальных произведений и либретто Моцарта, Метастазии, Д. Паизиелло³, Д. С. Бортнянского⁴ и других авторов. В семье собралась неплохая коллекция нот⁵.

¹ АКВ. IX. С. 337.

² Отец заказывал им «Альфабеты» еще в Италии (Журнал путешествия В. Н. Зиновьева по Германии, Италии, Франции и Англии в 1784–1788 гг. С. 401).

³ Воронцов передал в 1792 г. Паизиелло личную просьбу «иметь все дуэты, ноктурны и оперы, которые он сочинил после того, как» они последний раз виделись, что тот бросился исполнять заказ, наняв переписчика (АКВ. XX. С. 270). Паизиелло посылает Воронцову две оперы — «Venezia» и «Elfrida». Один из свертков с «музыкой Паизиелловой», подписанный на имя Воронцова, был однажды спасен в Италии с разбитого корабля и вновь отправлен адресату в Лондон (АКВ. XX. С. 266).

⁴ Даже в 1826 г., за шесть лет до смерти, Воронцов просит сына прислать церковные сочинения Бортнянского в переложении для клавирина, о которых ему рассказал отец Смирнов. Он хочет подарить один экземпляр Смирнову, а другой — внучке Лизе (Элизабет, впоследствии графиня Денмор) (АКВ. XVII. С. 583).

⁵ АКВ. XIX. С. 8; АКВ. XVIII. С. 18. См. также: Журнал путешествия В. Н. Зиновьева по Германии, Италии, Франции и Англии в 1784–1788 гг. С. 240, 411; *Прияшникова М. П.* Из истории нотного собрания Воронцовых: С. Р. Воронцов и Дж. Паизиелло // Воронцовы — два века в истории России. Труды Воронцовского общества. Выпуск 5. СПб.: Санкт-Петербургский Центр истории идей, 2000. С. 66–78; *Прияшникова М. П.* Сочинения Бортнянского в библиотечном собрании Воронцовых // Воронцовы — два века в истории России. Труды Воронцовского общества. Выпуск 7. СПб., 2002. С. 85–98.

Для здоровья дети регулярно катались верхом — Воронцов сам вернулся к этой практике в 1796 г., когда получил в качестве дара великолепного арабского жеребца от Алексея Орлова. «За двадцать лет, — признавался он, — «я не садился на лошадь и двадцати раз ... но теперь я часто езжу верхом, и это принесло большую пользу моему здоровью»¹.

Воронцов, в основном, не был доволен принятым в России воспитанием молодого дворянина с акцентом на «пышность и пустяки без всякой морали, глубины и логики; ищут только, как быть приятным в обществе, как наполнить голову романами, театральными пьесами и французскими стихами — и это все, и вы считаетесь совершенным и приличным во всех отношениях»². Его сын, однако, готовился к службе, обучаясь систематически политической, военной и естественной истории³. Воронцов сделал своего помощника Джона Парадайза — ученого и члена Королевского общества учителем своего сына. Парадайз оказался талантливым педагогом, и под его умелой опекой Михаил демонстрировал исключительные способности в математике, механике и естественных науках. После смерти Парадайза Воронцов написал: «Я имел несчастье потерять друга: это месье Парадайз, он был сильно ко мне привязан, любя моего сына, научил его геометрии и читал с ним книги, от которых Мишенька получил много пользы»⁴.

Образование Михаила в основе своей было прикладным и профессиональным. Будучи еще ребенком, он выполнял обязанности секретаря отца, когда у того сильно болели глаза⁵. Он

¹ АКВ. IX. С. 243, 359. Правда, ему об этой лошади пришлось долго переписываться с дарителем (АКВ. XXVII. С. 22–23).

² АКВ. XVII. С. 105–106.

³ АКВ. IX. С. 339–340.

⁴ АКВ. IX. С. 351.

⁵ АКВ. IX. С. 336. Возможно, что Воронцов познакомил сына с новоизобретенным в Англии методом «взаимного обучения» Э. Белла и Д. Ланкастера, который

читал и переводил английские газеты, писал под диктовку письма, копировал дипломатические депеши, был посвящен в политические дискуссии отца, а в двенадцать лет начал ходить на сессии парламента и слушать речи Питта, Фокса, Шеридана и других известных ораторов¹.

М. А. Алданов видит в доме посла одиннадцатилетнего «мальчика в костюме английского школьника». «Мой сын, — сказал Семен Романович, и по тому, как он это сказал и как смотрел на сына, можно было понять, что вся жизнь графа сосредоточена на мальчике ... Воронцов сидел на диване, нежно глядя сына рукой по волосам, и что-то рассказывал ему, тихо, задумчиво улыбаясь... Мишенька, спать пора, — сказал вдруг нежно мальчику Воронцов ... Я отлучусь всего на пять минут, уложу сына. Прошу меня извинить ... прибавил он добродушно, уводя засыпавшего на ходу мальчика»².

Отец использовал поездки к М. Боултону в Сохо в 1799–1800 гг. как образовательное путешествие для Михаила на современное промышленное производство. По совету Боултона молодой граф слушал специальные лекции для подготовки к визитам³. С помощью дяди Александра Романовича Михаил был записан в гвардейский полк, когда ему было всего четыре года. Воронцов был благодарен, но твердо решил, что сын сначала должен понять весь смысл этого назначения. Он писал брату:

Маленький офицер [Михаил] не понимает еще вполне привилегию, которую вы для него получили ... [Он] не будет

Михаил Семенович потом использовал для обучения солдат и крестьян (*Ильин П. В.* Страницы просветительной деятельности М. С. Воронцова // *Воронцовы — два века в истории России.* Выпуск 2. Петушки, 1996. С. 65–66).

¹ АКВ. IX. С. 312, 322, 325, 352. Ричард Бринсли Шеридан (Richard Brinsley Sheridan, 1751–1816) — британский поэт и общественный деятель.

² *Алданов М. А.* Девятое Термидора. Гл. XII.

³ *Baird O.* His Excellency Count Woronzow the Russian Ambassador and the Hardware Man. P. 94–95, 98.

носить форму до того дня, пока не приступит к активной службе. Я обязательно объясню ему, что, если он вступает в военную службу с таким преимуществом, то это только по исключительной доброте императрицы к его родителям. Только доказав, что способен к военной службе и предан ей, может он оправдать оказанную ему доброту. И только будучи мягким и любезным по отношению к своим товарищам и подчиненным может он стереть то чувство, которое может вызвать сравнение его судьбы с их судьбами¹.

Несомненно, под влиянием отцовского примера Михаил рано проявил интерес к военной жизни, но Воронцов не был полностью доволен. Хотя петербургская придворная жизнь была скучна и противна Воронцову, и он не выбрал бы ее для сына, мысль о военной службе мучила его. Михаил был его единственным сыном и последним мужским наследником старшей линии семьи Воронцовых. Более того, отец опасался, что Михаил, выросший и воспитанный в Англии, встретит недоверие и сопротивление как со стороны командиров, так и со стороны солдат. Воронцов признавался брату:

Хотя он наш единственный сын, ваш и мой, я позволю ему служить в армии, несмотря на опасности. Что же касается его страны, он любит ее и хочет ее увидеть. А когда он повзрослеет, я объясню ему, что английское правление, будучи совершенным для острова, не подошло бы для огромной страны на континенте, окруженной соседями, которые ослабили бы ее, если бы она не управлялась монархией исключительно энергичной в ведении дел².

Михаил был слишком похож на отца, чтобы чувствовать себя комфортно при дворе³. В девятнадцать лет он вернулся в Россию,

¹ АКВ. IX. С. 89–90.

² АКВ. IX. С. 357.

³ Воронцов отмечает впоследствии совпадение его оценки придворной жизни и отношения к ней Михаила: «Я не знаю, что я сделал, чтобы заслужить такую

где его радушно встретили родственники и друзья отца. Михаил всем чрезвычайно понравился. П. В. Завадовский написал счастливому отцу:

Не полагал я никак пережить судорги России и начать счастливую эпоху утешением, увидя твоего прेमилго сына. Не могу изобразить того, с коликим чувством зрю в нем образ и душу твою; капля с каплею воды не больше имеют сходства, как он к твоей молодости. Чем больше познаю его, больше удостоверяюсь в том, что ты отец пресчастливейший. Брат твой весьма любит им, и всяк, кто его видит, не обинуется сказать: вот образец воспитания! Кроме прочего и то приятно в нем, что, вывезен будучи грудным младенцем из России, говорит и чисто, и свободно Русским языком, как бы взрос на Руси ... Сердце доброе и нежное, скромность не по летам и рассудок здравый имеет, и о сих качествах предвдвряет всякого и наружный вид его¹.

На девятнадцатилетие, которое Михаил отметил по пути в Россию, отец, придавая важнейшее значение общению и выбору людей для общения, пожелал ему следующее:

Я поздравляю вас, мой дорогой Мишель, с сегодняшним вашим днем рождения; вы вошли в ваш двадцатый год; пусть вы сможете учетверить это число лет, я вам желаю, а вы проведите их все в активной добродетели, к которой у вас такая сильная врожденная и воспитанная склонность. Я не сомневаюсь, что вы ей последуете и что вы будете осторожны и не свяжетесь с людьми, которые могут сбить вас с этого правильного пути счастья как чистого, так и постоянного. Я надеюсь, что вы не только избежите общения с порочными людьми, но вы избежите также тех, которые не особенно порочны, но поверхностны и бесхарактерны, поскольку они склонны делать, не осознавая этого, нечестные поступки с

милость божественного Провидения, но оно дало мне брата, сына и дочь — людей совершенно несветских»(АКВ. XVII. С. 63–64).

¹ АКВ. XII. С. 265–266.

легкостью и небрежностью и поскольку они не имеют твердых принципов морали и достойного поведения¹.

Воронцов тщательно подобрал людей среди своих знакомых и друзей в России для первоначального общения Михаила, рассказал ему о них, снабдил его соответствующими наставлениями и рекомендательными письмами. Среди этих людей был, в первую очередь, брат Александр, «второй отец»² Михаила, но не в последнюю очередь — и его кормилица Палагея (Пелагея), которая жила в Мурино и «будет, конечно, вне себя от радости, увидев так выросшего младенца»³. Так что помощь отца сыну в образовании не закончилась с отъездом Михаила на родину. Отец давал ему в письмах советы, как разговаривать и вести себя с тем или иным человеком, рассказывал, чем, на его взгляд, отличается служба в гвардии от службы в полевых полках, стоит ли служить во французской армии, а также составил и обсудил с сыном список литературы по математике, военному делу и фортификации, которую, с его точки зрения, надо было проштудировать Михаилу в начале службы. Перед отъездом в действующую армию Михаил немного поработал и у дяди Александра секретарем и помощником, чтобы научиться разбираться в том, что происходит в России⁴.

Михаил героически служил на Кавказе, во время войны с Наполеоном и продолжил затем свою блестящую карьеру как генерал-губернатор Новороссии и Кавказа, получив в конце жизни и титул светлейшего князя, и чин фельдмаршала.

Воронцов справедливо гордился Михаилом, но у него был и другой сын⁵.

¹ АКВ. XVII. С. 21.

² АКВ. XVII. С. 8.

³ АКВ. XVII. С. 23.

⁴ АКВ. XVII. С. 24–57, 68–72.

⁵ См.: *Cross A. G. An Anglo-Russian Medley. P. 708–714; Foynes J. The Mystery of Lieutenant Beazeley. Isleworth, 2005; Микешина М. И. Архив семьи Бизли //*

Семен Романович представлял себя глубоко и на всю жизнь страдавшим от потери жены, однако через пять лет после ее смерти он вступил во внебрачную связь. Видимо, для него это были отношения совсем другого уровня. Через год или два после приезда в Англию Воронцов встретил женщину, которую звали Мери Бекльбек¹. Мы ничего практически о ней не знаем. Ее имя отсутствует в указателях лондонских фамилий того времени, в индексах записей рождений и смертей и т.д. Возможно, она была англичанкой, но фамилия ее не английская, не принадлежала эта фамилия и никому из жителей города иностранного происхождения. Воронцов не скрывал свою даму и брал ее с собой на званые обеды и в поездки, когда гостил в усадьбах своих самых высоких друзей. На уже упомянутом² обеде у Парадайза в марте 1786 г. присутствовали Адамс, Джефферсон и Воронцов со своей дамой [his mistress], ошибочно названной «графиней Воронцовой»³. 24 апреля 1799 г. Воронцов пишет Гренвилю: «Было бы большим удовольствием и возможностью для меня получить глубокое удовлетворение от проведенных с вами, с моей дамой [avec my lady] и с господином Питтом дня или двух в Дропморе, а также привести туда моего сына, благодарного за ваше доброе отношение к нему и

Воронцовы — два века в истории России: Труды Воронцовского общества. Выпуск 11. СПб.: Санкт-Петербургский Центр Истории Идей, 2007. С. 103–118; Микешин М. И. Лейтенант королевского флота // Воронцовы — два века в истории России. Труды Воронцовского общества. Выпуск 13. СПб.: Санкт-Петербургский центр истории идей, 2010. С. 123–137; Письма С. Р. Воронцова к Дж. Бизли, Pembroke House, 08.09.1827 и Brighton, 10.10.1829. Beazeley Family Archive. Статья профессора Кросса пересказана в публикации: *Третьяк А. И.* Семейная тайна Воронцовых (http://www.odessitclub.org/publications/almanac/alm_32/alm_32_6-10.pdf).

¹ Beckelbeck или Becklebeck — написание приблизительное.

² См. Главу VI.

³ The Adams Papers (<http://rotunda.upress.virginia.edu/founders/ADMS-01-03-02-0005-0001-0003>).

к его отцу...»¹ По семейному преданию Мери умерла после вторых родов вместе с младенцем-девочкой.

Второй сын Воронцова родился 29 декабря 1789 г. Потомки его утверждают, что местом крещения была церковь российского посольства, священником был Яков Смирнов, днем — 17 мая 1790 г., а родителями — граф Воронцов и Мери Бекльбек. Смирнов записал в регистрационной книге, что ребенка нарекли Василием, что он незаконнорожденный и что его родителями были «Г.С.Р.В.» (что можно прочесть как «граф Семен Романович Воронцов») и «мисс М.Б.»². Впоследствии Василий оказался Джорджем. Видимо, Джордж взял фамилию своих приемных родителей. То, что ребенка отдали в приличную семью, косвенно подтверждается тем, что в то время в районе Лондона вокруг русского посольства жили несколько семей «среднего класса» с фамилией Бизли (Beazeley или Beazley).

Джордж Бизли поступил на службу в королевский британский флот как «волонтер первого класса» 24 января 1804 г. Он участвовал в морских операциях против французов и их союзников и ходил вплоть до Южной Америки и мыса Доброй Надежды.

В детстве и во время службы на флоте Джордж ничего не знал о своем настоящем отце, хотя, видимо, знал о матери. Смирнов, который вел себя как добрый крестный, делал вид, что российское посольство взяло на себя заботу о мальчике после смерти матери (что дает право предполагать, что Мери работала у графа Воронцова). В 1814 г. Джордж во время отпусков часто жил в Лондоне и, вероятно, гостил у графа и у Смирнова. Ему понравилась младшая дочь Смирнова, причем так, что по

¹ Report on the Manuscripts of J. B. Fortescue, Esq., Presented at Dropmore. Vol. V. P. 19. Дропмор — усадьба Гренвиля с выстроенным в 1790-х годах домом, расположена недалеко от Виндзора. Нельзя быть даже уверенным, что в этих документах упоминается одна и та же дама.

² Cross A. G. An Anglo-Russian Medley. P. 709.

возвращении из последнего похода он написал последнему письмо с просьбой разрешить ему жениться на ней. Смирнову это предложение совершенно не понравилось, и он ответил вежливым отказом, сославшись на слишком юный возраст дочери (16 лет). Он также посоветовал лихому лейтенанту завершить его далеко не полное образование изучением математики и французского языка. Джордж внял его совету и по окончании войны отправился во Францию. Узнав, что Бизли собирается возвращаться домой, Смирнов описал Михаилу Семеновичу свои мрачные предчувствия. Он не может позволить свадьбе состояться, пока граф Семен Романович не признается сыну в своем отцовстве, и Джордж уже начал подозревать... Смирнов добавил, что эта тайна всегда была всем известна в посольстве. Очевидно, как только Джордж вернулся, граф Семен Романович принял его и во всем признался. Теперь они стали называть друг друга «отец» и «сын» даже перед слугами.

В августе 1815 г. Джордж Бизли вышел в отставку. Ему была назначена пожизненная пенсия, которая позволяла ему жить, как представителю «среднего класса», хотя и не «джентльменом», даже если бы он не получал больше никаких доходов. Возможно, еще будучи на службе, Джордж увлекся учением Сведенборга. В 1819 г. он женился на дочери одного из ярых последователей этого учения и поселился в небольшом прибрежном местечке Брайтлингси. У них родились три дочери. Видимо, Воронцов не очень доверял Джорджу и желал его отъезда из Лондона, быть может, они даже поссорились, и Бизли решил жить независимо. Судя по образу жизни молодых в деревне, вряд ли тогда граф помогал сыну деньгами.

Вскоре Джордж овдовел, умерла в младенчестве и его младшая дочь. Двойная трагедия в семье Бизли не оставила Семена Романовича равнодушным. Когда Джордж вернулся в Лондон, Воронцов принял его в своем доме, подарил несколько дорогих

вещей и свой портрет и даже сам посетил дом Бизли¹, где рожденные в деревне Эллиен и Симеона, наконец, встретили своего знаменитого деда. Джордж написал графу по-французски благодарственное письмо, начинавшееся словами «Mon cher et bon Père».

В 1827 г. Бизли, с двумя маленькими девочками на руках, женился в Лондоне на Элизе Никольсон, которая за несколько месяцев до этого обратилась в веру будущего мужа. В начале 1829 г. у супругов родился ребенок, опять дочка — Кэтрин Элиза. И вновь повторился ужас шестилетней давности: молодая мать умерла через десять дней от осложнений после родов. Через год Бизли нашел себе третью жену — Маргарет Ноулз. Возможно, она была подругой умершей Элизы. Воронцов одобрил обе женитьбы сына.

¹ 14 Burton Street. Дом до сих пор стоит рядом со станцией подземки Russel Square.

Глава IX

Французская революция и ее последствия, 1792–1796

Отношение к событиям во Франции. Аристократ-либерал и легитимист. Отношение Питта к Франции. Изменения при петербургском дворе. Дело Радищева. Власть Зубова. Критика разделов Польши. Подписание конвенций с Британией. Провал миссии Артуа. Два мемориала. Недовольство Воронцова и Екатерины. Смерть Екатерины.

За исключением, может быть, промышленной революции, ничто не оказало такого влияния на настроения, взгляды и развитие Европы конца XVIII и начала XIX в., как Французская революция. Насилие и террор революционеров, происходивших из низших и средних классов, стали реальностью, угрожавшей политическим структурам России и Британии. С глубоким отвращением Воронцов следил за событиями во Франции, и ему равно претили и поведение аристократов и монархии, и акции революционных сил.

Граф Семен Романович, высокий, красивый, преждевременно поседевший человек с усталым, болезненным, очень тонким лицом ... без следов гордости и барства ... Воронцов был такой настоящий аристократ и так это было само собой очевидно и для него самого, и для всех окружающих, что ему не приходило в голову выставлять или подчеркивать свое барство...¹

В сентябре 1788 г. он предвидел худшее:

Эта нация сегодня еще более глупа, чем всегда. Король — слабоумный, а королева — интриганка без таланта или решительности. Ее столь же ненавидят, как ее мужа презирают, а

¹ Алданов М. А. Девятое Термидора. Гл. XII.

аристократы интригуют друг против друга. Каждый говорит о свободе, конституции и о финансах, ничего в них не понимая. Это все кончится всеобщими беспорядками и даже, возможно, гражданской войной¹.

Воронцов опасался, что страна скатится к такой форме правления, которая будет еще более деспотичной, чем та, которую уничтожат. В своих взглядах он следовал вполне захватившему его труду Жана-Жозефа Мунье «Соображения относительно правительств и в основном о том, что подходит Франции»² и в конце 1789 г. писал брату:

Есть прекрасное сочинение месье Мунье, которое описывает причины, заставившие его покинуть Национальную ассамблею. Он выступает резко против произвола власти, но он показывает, что в сегодняшней ситуации не существует ничего, кроме анархии и преступных злоупотреблений, которыми пользуются безнравственные демагоги из-за слепоты народа, что король — пленник, что Ассамблея не свободна и что внутри ее доминируют фигляры, а снаружи — поддерживающая их публика³.

В свете своего понимания хаоса во Франции, Воронцов занимал позицию, резко отличавшуюся от взглядов Екатерины. Он не одобрял Бурбонов и дворян и не верил в их возможности восстановить монархию. В депеше от 10/21 октября 1790 г. он докладывал, что «сии дворяне те самые, кои не защищая престол и собственное бытие из малодушной робости отечество оставляли»⁴. Через семь лет, узнав их получше, Воронцов оценил их еще более пренебрежительно, когда охарактеризовал французских эмигрантов,

¹ АКВ. IX. С. 138.

² *Mounier J.-J.* Considérations sur les gouvernements et principalement sur celui qui convient à la France. Versailles, 1789.

³ АКВ. IX. С. 146–147, 153, 156–157; *Александренко В. Н.* Русские дипломатические агенты в Лондоне в XVIII в. Т. I. С. 69.

⁴ *Александренко В. Н.* Русские дипломатические агенты в Лондоне в XVIII в. Т. I. С. 68, прим. 1.

как людей, «которые навредили своей стране своими пороками, эгоизмом, интригами и трусостью»¹. Только сильная коалиция, включавшая Россию и Британию, могла бы остановить распространение революции в Европе.

По российским стандартам того времени Воронцов мог быть охарактеризован как аристократ-либерал и англофил, которому очень нравилась британская конституционная монархия с ее акцентом на парламентский суверенитет и власть закона.

Чарторыйский писал в своих мемуарах, что Воронцов

... приобрел себе друзей в Англии, прижился в этой стране и был влюблен в Англию, более влюблен, чем самый коренной тори...²

Однако, еще с юности, когда он пытался защитить Петра III от узурпации Екатериной российского трона, Воронцов был стойким и активным сторонником законности и законного порядка, основанного на наследственных правах монархов. Хотя те, кто его знал в Британии, считали, что он охотно поддерживал некоторые либеральные принципы — в классическом определении XVIII века слова «либеральный», основанном на трудах Джона Локка и Адама Смита, — от начала и до конца он был открытым и постоянным врагом Французской революции.

Воронцов был приверженцем аристократического правления и вслед за Монтескье считал, что без привилегированного и лояльного дворянства монархия не могла бы существовать. По этой причине, даже до большого террора 1793 г. «он ненавидел Французскую революцию и все, за что она стояла, как мало кто еще», а также тех из его класса, кто внес свой вклад в разрушение *ancient regime*³. Его энергичная защита наследственных прав дворянства была лучше всего выражена в «Записке о дворянстве»,

¹ АКВ. XXII. С. 505.

² Чарторыйский А. Мемуары. Глава IX. 1801–1802 гг.

³ Struve G. John Paradise. P. 359, n. 17.

написанной в царствование Екатерины¹. Его ярость была направлена преимущественно на тех, кто, как он считал, предали свои врожденные права, например, маркиз де Лафайет и Филипп Эгалите, герцог Орлеанский².

6 марта 1792 г. Моррис записал, как был поражен вспышкой Воронцова:

Граф де Воронцов яростно напал на маркиза де Лафайета в таких сильных выражениях, которые я вряд ли когда-нибудь слышал. Он сказал, что хотя и воспитан, как военный, и иногда должен был отдавать приказы о наказаниях, он никогда не мог наблюдать за экзекуцией, поскольку от природы не может видеть человеческое страдание; но если Лафайета и герцога Орлеанского приговорили бы к колесованию в Фалмуте³, и у него не было бы другого способа увидеть казнь, как только идти туда пешком, он бы отправился немедленно. Это сильно сказано⁴.

Рационально и эмоционально оценивая происходящее во Франции в письмах к брату, Семен Романович иногда поднимался до своего рода пророчеств:

Франция не перестанет действовать, пока ее гнусные принципы не пустят здесь [в Британии] корни, и, несмотря на прекрасное устройство этой страны, зараза захватит ее тоже. Это, как я уже

¹ Записка графа С. Р. Воронцова о дворянстве // АКВ. XVI. С. 296–304 (на французском языке); *Kolchin P.* In Defense of Servitude: American Proslavery and Russian Proserfdom Arguments, 1760–1860 // *The American Historical Review*. Vol. 85. No. 4. Oct., 1980. P. 819.

² Луи Филипп Жозеф, герцог Орлеанский (Louis-Philippe-Joseph d'Orléans, 1747–1793) — французский военный и политический деятель, представитель младшей линии Бурбонов, один из богатейших людей Франции, отличался либеральными взглядами, во время революции отказался от титула, стал «гражданином» и принял фамилию Эгалите (равенство), голосовал за казнь своего родственника Людовика XVI и погиб 6 ноября 1793 г.

³ Фалмут (Falmouth) — город в графстве Корнуолл на крайнем юго-западе Англии, почти в 450 км от Лондона.

⁴ *The Diary and Letters of Gouverneur Morris*. Vol. I. Chap. XXIII.

вам говорил, война насмерть между теми, у кого ничего нет, и теми, которые владеют всем, а поскольку этих последних меньше, в конце концов они погибнут. Зараза станет мировой. Наша [российская] удаленность гарантирует нам некоторую отсрочку; мы будем последними, но мы тоже станем жертвами этой мировой чумы. Мы с тобой этого не увидим; но увидит мой сын. Поэтому я решил научить его какому-нибудь ремеслу — слесарному или столярному, чтобы, когда его вассалы скажут ему, что они больше его не хотят и что они желают разделить между собой землю, он мог зарабатывать на хлеб своим трудом и иметь честь стать одним из членов будущего муниципалитета Пензы или Дмитрова. Эти специальности будут ему более нужны, чем греческий, латынь и математика. Нужно признать, что мы живем в очень необычное время и что так называемый век философии — это век парадоксов и всевозможных преступлений¹.

К концу 1791 г. Воронцов суммировал наблюдения и факты, касавшиеся революции во Франции, «этой позорной республики убийц»², и попросил брата доложить их императрице. Он писал, что прекрасно осознавал ее огромный интерес к трагической ситуации в этой стране, поскольку «французскую заразу» не остановить,

...потому что люди везде невежественны и глупы, и эти крики «никаких налогов» и «полного равенства» слишком привлекательны для тех, кто хочет восстать. Никогда не удастся объяснить им, что никакая масса людей, собравшихся в обществе, не может жить без магистратов, без судей, без полиции, без вооруженных людей для защиты и что для оплаты этих должностных лиц необходимы налоги. Все это бесполезно. Эти крики вышибут их из шарниров, и нам повсюду угрожает абсолютная и всеобщая подрывная деятельность. Наша очередь придет позже из-за расстояния; но это наступит, и все это из-за так

¹ АКВ. IX. С. 267–268. Письмо от 6 ноября 1792 г. (н. с.). Как видим, Семен Романович ошибся примерно на один век, на три поколения. Все потеряет и покинет Россию навсегда его правнучка.

² «Cete infâme République des assassins» (*фр.*) (Report on the Manuscripts of J. B. Fortescue, Esq., Presented at Dropmore. Vol. III. P. 78).

называемой философии Франции и преступной беззаботности ее соседей, которые будут раньше нас жертвами своего малодушия, своего неправильно понятого эгоизма и своей мелкой и еще более абсурдной ненависти¹.

Воронцов предпринял все усилия, чтобы узнать как можно больше о текущем положении дел и о том, как собирается ответить Лондон. Собрав всю недавно полученную информацию, он заключил, что британская нация осталась удивительно безразличной и не собиралась извлекать выгоду из французских проблем. Король, напротив, надеялся на территориальные приобретения в колониях, особенно на островах Вест-Индии. 19 февраля 1792 г. Моррис подтвердил мнение Воронцова в своем дневнике. «Я обедал с российским министром графом Воронцовым ... После обеда граф сказал мне, что он убежден, что Великобритания будет обхаживать Соединенные Штаты, чтобы лишить Францию островов в Вест-Индии»². Что же касается Питта, «коего главный талант есть лукавство», то он тайно взял все французские дела в свои руки, но «не может, однако ж, сколь ни старается скрыть желание свое продлить Французские замешательства и пользоваться оными сколь можно более». Обходя стороной официальные каналы и британского посла во Франции лорда Гоуэра, Питт поддерживал тесные контакты с французскими демократами, журналистами, Якобинским клубом и другими «предателями их отечества» — Жеромом Петионом де Вильневом, Максимилианом Робеспьером, Жаком-Пьером Бриссо и маркизом де Кондорсе. Чтобы достичь своих целей и извлечь выгоду из царящей в стране анархии, Питт насадил своих агентов в Париже и на всех французских островах³.

Главными среди агентов Питта Воронцов называет Джозефа Смита — личного секретаря Питта, Джона Освальда —

¹ АКВ. IX. 273–274.

² The Diary and Letters of Gouverneur Morris. Vol. I. Chapter XXIII.

³ АКВ. IX. С. 219–222. См. также письмо Воронцова графу Пинто (АКВ. XI. С. 296–297).

революционера и члена Якобинского клуба, и Томаса Кларксона — друга Уилберфорса (аболициониста и неустанного борца против работорговли в Британии). Кларксон приветствовал Французскую революцию, считая, что новое правительство отменит в стране работорговлю. Уилберфорс намеревался посетить Францию, но вместо этого попросил Кларксона представлять его от имени Общества отмены работорговли. Кларксон прибыл в Париж 7 августа 1789 г. и был с энтузиазмом встречен французскими аболиционистами. Но его визит окончился провалом, поскольку Кларксон не смог заставить французскую Национальную ассамблею обсудить отмену торговли рабами. Моррис, возможно, находился под влиянием Воронцова, когда он писал Джорджу Вашингтону 17 марта 1792 г.: «Меня уверили, что в намерения м-ра Питта входит осуществить, если возможно, независимость Санто-Доминго. М-р Кларксон, большой защитник негров, был назван мне, как его агент для дел в Париже, а поведение части Ассамблеи, выступившей против помощи этому острову, кажется, работает на эту идею»¹.

Питт был, в первую очередь, заинтересован в Вест-Индии, и сплетни, касавшиеся его тайных действий, продолжались. Как утверждали, хотя по видимости он конфликтовал с французскими революционерами, он посылал секретных агентов в Париж с деньгами для поддержки террористов². И все же Воронцов не мог понять малодушной робости Питта и его нежелания относиться более сурово к радикальным демократам и агитаторам и во Франции, и в Британии. А в это время Франция впадала во всеобщий политический и экономический беспорядок, а французский народ страдал от еще большего морального разложения, чем до революции. Существовала, однако, надежда, что население устанет от хаоса и порядок будет восстановлен.

¹ The Diary and Letters of Gouverneur Morris. Vol. I. Chapter XXIII.

² *Бартнев П. И.* Несколько слов о записках графа Фицгума // Русский архив. Книга 2. Тетрадь 5. 1887. С. 113, прим.

Однако, по мнению Воронцова, Людовик XVI и его братья граф Артуа (Карл X) и граф Прованс (Людовик XVIII), должны воздержаться от военной интервенции, которая бы только продлила и воспламенила кризис¹.

Имея в виду потенциальную революцию и крестьянское восстание в России, Воронцов признавался, что события во Франции привели его в ужас, когда он узнал про народ в хаосе, про казни дворян и про возможность такой же судьбы для королевской семьи. В то же самое время, революционные армии — недисциплинированные и меньшие по численности толпы бродяг — одерживали победы над некоторыми лучшими армиями Европы.

Этот бунт нельзя было сравнить с дворцовой революцией 1762 г., когда Воронцов поддерживал законного правителя Петра III против Екатерины, узурпировавшей трон. Само определение революции переписывалось², когда существовавший порядок опрокидывался — монархия, права дворянства, система законов и сама религия.

Одним словом, нация, у которой нет ни морали, ни религии, — это нация, которая более не держится в узде, и потребует чуда, чтобы восстановить порядок. Мы видели бунты в Каталонии, на Сицилии, в Неаполе и на Корсике, но во всех этих землях религия уважалась ... Но мы видим, что ... во Франции больше нет религии и, следовательно, больше нет сдерживающей народ узды³.

Дворянство и духовенство были, по мнению Воронцова, в первую очередь ответственны за вспышку анархии во Франции: «слабость и нерешительность двора, сумасбродства принцев, глупость

¹ АКВ. IX. С. 220–224.

² См. об этом: *Артемяева Т. В.* Понятие «революция» в общественно-политической лексике России эпохи Просвещения. Доклад на международной конференции *Philosophie der russischen Revolution. Ein Rückblick nach hundert Jahren. 27.–30.09.17.* Ruhr-Universität Bochum. Благодарим автора за предоставленный текст доклада.

³ АКВ. IX. С. 321.

парламентов, отвратительное поведение высших чинов духовенства, потеря нравственности и эгоизм вместе с невероятной трусостью дворянства — все это привело Францию к нынешнему ее состоянию»¹.

Воронцов не мог посвятить все свое внимание последствиям Французской революции и беспорядкам в Европе. Важные изменения происходили дома, где группа Безбородко — Александр Воронцов уступила политическое влияние партнерству Платон Зубов — Аркадий Морков, и Воронцов, тем самым, был лишен властной опоры при дворе и прямого доступа к императрице. Он оказался теперь вне игры, в двух тысячах верст от центра власти, а его брат был отправлен в отставку в череде репрессий, последовавших за началом Французской революции. Екатерина, когда-то называвшая себя просвещенной монархиней, теперь агрессивно преследовала либералов и масонов. В 1790 г. сотрудник Александра Романовича и масон Александр Николаевич Радищев был арестован за публикацию книги «Путешествие из Петербурга в Москву», в которой описывал свои впечатления от социально-экономических условий в России и повседневной жестокости крепостного права. Александр Романович энергично протестовал против осуждения Радищева и сделал все, что было в его силах, чтобы смертный приговор Радищеву заменили ссылкой. В конце концов, он ушел со службы в 1792 г. и не возвращался на нее до воцарения Александра I².

Александр Романович продолжал поддерживать своего протеже и в ссылке, снабжая его необходимыми средствами, одеждой, вещами и заботясь о его детях. Радищев, со своей стороны, был занят в Сибири тем, что собирал и снабжал своего патрона ценной информацией касательно торговли в Сибири, написал для него

¹ АКВ. IX. С. 317.

² АКВ. IX. С. 215, 297–299.

записку «О торговле с Китаем»¹. Александр, тем самым, мог основываться на знании этой территории и, возможно, получить дальнейшие финансовые пополнения семейных богатств, если бы восстановилась богатая торговля с Китаем². Воронцов также считал, что Радищев мог быть полезен в ссылке, особенно при том, что лорд Макартни отправился с посольством в Китай в 1792 г. для улучшения торговых отношений³. Семен Романович писал брату о возможной помощи ссыльного:

Мне кажется, что это хорошая возможность положить конец унижению бедного Радищева, соединив его с этим делом, которое относится к коммерции, ведь он — человек, прекрасно разбирающийся в таких вещах⁴.

Он разделял негодование брата и высказал свое сочувствие Радищеву:

Осуждение бедного Радищева причинило мне особенную боль. Что за приговор и что за смягчение за недомыслие! Что же тогда было бы за настоящее преступление или бунт? Десять лет в Сибири хуже, чем смерть, для человека, имеющего детей, поскольку он либо с ними разлучится, либо, если возьмет с собой, лишит их образования и службы. Это приводит меня в содрогание⁵.

В 1797 г. Воронцов был рад узнать, что среди прощенных при воцарении Павла был и Радищев: «я убежден, что он никогда не

¹ АКВ. V. 294–295, 311–312, 356–357, 390–393.

² *Zimmerman J. S. Alexander Romanovich Vorontsov*. P. 133–134; *Макогоненко Г. П.* Радищев и его время. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1956. С. 507. О торговле России с Китаем в это время см.: *Корсак А.* Историко-статистическое обозрение торговых сношений России с Китаем.

³ Посольство лорда Джона Макартни, 1792–1794 гг. — первое британское и вообще первое официальное иностранное посольство, допущенное в столицу Китая Пекин и принятое лично китайским императором.

⁴ АКВ. IX. С. 231.

⁵ АКВ. IX. С. 181.

был преступником намеренно, что поступок, который он совершил, происходил только от глупости и незнания последствий, которые могли возникнуть из-за его брошюры»¹.

Воронцову было необходимо посвящать свое время этим далеким, но от этого не менее опасным угрозам в Азии, особенно миссии лорда Макартни в Пекин с большой британской делегацией на борту 64-пушечного корабля «Лайон». Эта миссия угрожала подорвать надежду России восстановить очень прибыльную торговлю с Китаем, и в июне 1792 г. Семен Романович пишет брату: «я уже отмечал тот вред, который она [миссия в Китай] нанесет нам, если лорд Макартни будет успешен в Пекине, и я уверен, что ты знаешь об этом больше, чем я»². Воронцов рассказал Моррису о своем опасении, что дела в Китае испортятся, а в течение почти всего 1792 г. в одном письме Александру за другим он требовал активных действий со стороны России, включая и вовлечение Радищева. Вполне возможно организовать миссию во главе с самим Александром, чтобы экстравагантные дары Макартни императору Китая не привели к нечестным торговым преимуществам для Британии³. Кроме того, Воронцов был против любой попытки открыть торговлю с Японией, чтобы не вступить в противоречие с Китаем. В результате посольство Макартни успехом не увенчалось⁴. Все же рекомендация Воронцова Александру возглавить соперничающую миссию в Китай особенно любопытна в свете ссылки Радищева и того, что его брат был при дворе Екатерины в опале и под подозрением. Должно быть, юношеские впечатления о выгодной китайской торговле в Тобольске были в Семене Романовиче еще сильны.

¹ АКВ. X. С. 5–6.

² АКВ. IX. С. 238.

³ The Diary and Letters of Gouverneur Morris. Vol. I. Chapter XXIII. P. 526; АКВ. IX. С. 229–231, 238–239, 264.

⁴ *Marcum J. W. Semen R. Vorontsov*. P. 241.

Было ясно, что Воронцов знал, что «больше всего пострадает» от отставки Александра, поскольку «потеряет свою единственную поддержку». И при этом он написал брату, принял ли тот решение из соображений здоровья или чести, «в любом случае оно для меня одинаково дорого. Поэтому я первый советую вам поступить, как вы предполагаете»¹. Воронцов не был далек от истины, когда жаловался, что он один и без поддержки. Его влиятельный друг и преданный политический союзник Безбородко также выпал из фавора. Власть теперь принадлежала любовнику Екатерины молодому и капризному Платону Зубову. Несмотря на свою неопытность, он пользовался огромным влиянием после смерти Потемкина в 1791 г. Ростопчин сообщил Воронцову, что «граф Зубов здесь — это всё. Нет другой воли, кроме его. Ему доверяют больше, чем доверяли князю Потемкину. Он все еще так же ленив и некомпетентен, как и раньше, но императрица продолжает повторять каждому желающему слушать, что он величайший гений, какого знала история России»².

Отношения Воронцова с фаворитами Екатерины, за исключением друга Завадовского, всегда были напряженными и часто были отмечены открытой враждебностью. Еще будучи на военной службе, он вступил в конфликт с Потемкиным, а как посол, он был одним из тех, кто блокировал проект Потемкина поселить британских каторжников в Новороссии. Но Потемкин был достойным противником, а Зубов — ничтожеством. Плохо разбираясь в сфере международных отношений, он, тем не менее, принял дела у Безбородко и полностью надеялся на советы Моркова. 27 февраля 1792 г. Завадовский предупредил Воронцова, что Безбородко, «из трусости врожденной, поручил внутренний портфель Зубову, а иностранных дел — Маркову [Моркову]»³. Хотя

¹ АКВ. IX. С. 215.

² АКВ. VIII. С. 105–106.

³ АКВ. XII. С. 75.

Безбородко собирался уйти в отставку, в конце концов он смирился со своей менее значимой ролью и остался, хотя и без портфеля.

Не в характере Воронцова было отступить и хранить молчание перед лицом перемен, которые ослабляли его положение. Без всякой пощады и абсолютно уверенный в своей правоте, он продолжал действовать энергично и уверенно, невзирая на пожелания императрицы и на господствовавшую политику двора. Его бескомпромиссность приводила, в основном, к поощрению его врагов и к появлению новых недоброжелателей среди правящей элиты в Петербурге. Хотя официальными депешами его были довольны, но private письма с рассуждениями не нравились, как писал ему Завадовский, стремлением «от своего поста учить и наставлять ... возносить своих рассуждений на дела, о которых нет к тебе вопроса и кои далее твоей миссии». При дворе было отмечено, что Воронцов не желал служить в России в качестве генерал-губернатора, место которого, например, открывается в Москве, «а только быть в местах вне государства»¹. К тому же, весной 1792 г. императрица собиралась назначить Воронцова послом в Варшаву, но Александр, тогда еще не ушедший в отставку, сумел остановить это ее решение. Благодарность Воронцова брату была безгранична². Морков, однако, был недоволен и писал Воронцову 14 мая 1792 г.:

Я не знаю, прав ли я, укоряя вас впрямую, но я должен признать, что я сильно поддерживал идею Императрицы назначить вас в Польшу замирителем всех волнений, там возникших. Я все еще считаю, что никто другой не подходит лучше для этой задачи. Но ваш брат заставил меня закрыть рот об этом, сказав мне, что это абсолютно против ваших личных планов. Я очень обеспокоен разрешением этого дела, поскольку обстоятельства, безусловно, требуют управления высококвалифицированного человека³.

¹ АКВ. XII. С. 81.

² АКВ. IX. С. 235.

³ АКВ. XX. С. 29.

Воронцов критиковал раздел Польши, выступал твердо против него и не скрывал своего мнения, хотя оно и расходилось с политикой императрицы и ее любимцев. Он считал, что постоянные попытки России (и Пруссии) «использовать бедную Польшу» достойны порицания и политически ошибочны, поскольку производят только волнения и расходы¹. 6 июня 1792 г. Воронцов с трудом поверил, что Морков мог быть автором российского манифеста в Польше, который был ужасно написан, плохо продуман, тягуч, неубедителен, глуп и возмутительно нелеп². Российский акт войны — пересечение войсками границы Польши — только создаст враждебное отношение в Британии и поднимет общественное мнение против подчинения Польши. «Я скажу вам, — писал Воронцов брату, — что наше поведение в Польше всех здесь возмутило, и все выражают шумный протест против того, что называют насильственными действиями императрицы»³.

Слова осуждения добрались до Петербурга, и Морков написал Воронцову письмо, тщательно подбирая слова и подготавливая его к ожидаемому разделу:

Вы знаете, господин граф, что наши предприятия в Польше вполне успешны ... Мы, со своей стороны, разделены между желанием наилучшего приобретения эта Империя сделала или сделает, опасностью усилить соседа, который уже слишком силен, боязнью мнений и угрызениями совести. Мнения разделились, и в тот час, когда я имею честь писать вам, ничего еще не решено⁴.

Но Воронцов не смягчился и, когда соглашение о втором разделе Польши было подписано в Петербурге 12/23 января 1793 г., не смог сдержать свой гнев:

¹ *Struve G. A Chapter in Russo-Polish Relations // Russian Review. Vol. 6. No. 1. Autumn, 1946. P. 61.*

² АКВ. IX. С. 199, 214, 239.

³ АКВ. IX. С. 241.

⁴ АКВ. XX. С. 31–32.

Все, что вы [Александр], г-н Безбородко и Марков [Морков] написали, оправдывая новый раздел Польши, не убеждает меня и не изменяет мое мнение, что это соглашение — неоправданное предательство ... Это совершенно очевидная несправедливость, но предательская манера, в которой это было сделано, делает это еще более шокирующим ... После этого можем ли мы воображать, что какой-либо двор будет нам доверять? Наша страсть к экспансии заставила нас потерять из виду будущее и истинные интересы государства, поскольку, увеличивая количество наших врагов, мы безвозвратно потеряли единственного нашего естественного союзника, я имею в виду Австрийский дом¹.

Из этого видно, что Воронцов отнюдь не всегда и не во всем был согласен со своим братом, но мог расходиться с ним во мнениях по довольно важным вопросам.

Глеб Струве заключает, что оппозиция Воронцова

... политике Екатерины касательно Польши была продиктована равно его «либерализмом», его врожденным чувством справедливости и приличия и его пониманием интересов России и настоящего европейского баланса: он видел в Пруссии главного российского врага, он верил в необходимость англо-русского союза и, как до него его дядя (который был его учителем в дипломатии), он был твердо уверен в желательности сохранения дружбы с Австрией².

Воронцов также выступил и против третьего раздела Польши. Губернатор Моррис вспоминал: «После обеда Воронцов рассказал нам историю трех разделов Польши, в которой, в его интерпретации, императрицу вела некая необходимость. Он думает — и так же, на самом деле, думаю и я, — что неразумно в имперских дворах сводить вместе все владения»³. Почти через

¹ АКВ. IX. С. 302. См. также *Мадариага И., де.* Россия в эпоху Екатерины Великой. С. 697.

² *Struve G.* A Chapter in Russo-Polish Relations. P. 64.

³ *The Diary and Letters of Gouverneur Morris.* Vol. II. Chapter XXXIII.

десять лет после смерти Екатерины, Воронцов описал свою оппозицию по отношению к императрице и ее политике в Польше. В «Кратком историческом изложении политического и частного поведения м-ра Питта, сопровождаемом некоторыми наблюдениями за нашими отношениями с некоторыми из основных держав Европы» (1803–1804 гг.) он писал:

Если бы покойная императрица поняла лучше интересы своей империи и необходимость сохранять мир в Европе, она должна была — вместо того, чтобы заставлять поляков избрать ее друга королем страны, которую она мучила всю свою жизнь, — заключить постоянный союз с Великобританией в тот самый момент, когда стало известно о семейном пакте между Францией и Испанией. Она не осознала этой необходимости и, считая свою персону единственным источником интересов и благополучия огромной империи, которую она так преступно присвоила, думала только о том, как потешить свое тщеславие, пренебрегая всякими приличиями¹.

Интересно, что Воронцов также оказал помощь Тадеушу Костюшко, когда после смерти Екатерины этот польский патриот был освобожден из заключения в Петропавловской крепости и проезжал через Лондон на пути в Соединенные Штаты². Через некоторое время, однако, Воронцов разочаровался в польском национальном герое, когда тот отрекся от своей клятвы верности императору Павлу³.

Сразу после второго раздела Польши Россия стремилась успокоить британские протесты и отвлечь возможную интервенцию в Польшу. В результате, Россия была готова заключить соглашения о

¹ АКВ. XV. С. 478; *Struve G. A Chapter in Russo-Polish Relations*. P. 64–65 (Струве указал неверную ссылку).

² *Struve G. A Chapter in Russo-Polish Relations*. P. 65–67. *Александренко В. Н.* Император Павел I и англичане (Извлечение из донесений Витворта) // Русская старина. Том. 96. Выпуск 10. 1898. С. 97.

³ *Struve G. A Chapter in Russo-Polish Relations*. P. 67–68. АКВ. XI. С. 263.

торговле и взаимодействию с Британией. Мечта Воронцова о долгосрочном российско-британском союзе казалась теперь достижимой. «Но я предвидел по ходу Французских дел, — написал он в автобиографии, — что они неизбежно доведут до разрыва между Францией и Англией, и что в таком случае последняя сочтет за счастье иметь Россию союзницей»¹. Его собственный разрыв с Фоксом и восстановление сердечных отношений с Питтом также были следствием начавшегося сближения между Россией и Британией. Надежда Воронцова на большее экономическое и военное сотрудничество между двумя странами против революционной Франции была в центре его долговременной стратегии, поскольку он пытался отсоединить Британию от Франции и свести вместе Россию, Австрию и Британию в тройственный союз против Франции и Пруссии.

В 1792 г. во время переговоров о заключении торгового соглашения Воронцов оставался в стороне и высказывался пессимистически о их результате, поскольку Россия не желала отказываться от принципов вооруженного нейтралитета². Екатерина, тем не менее, была готова поменять свою позицию, чтобы развязать себе руки в Польше³. Война с Францией казалась неизбежной, поскольку враждебность к ней возрастала после казни Людовика XVI. Воронцов докладывал в депеше от 12/23 января 1793 г.: «сии проклятые злодеи и изверги вскоре получат достодолжное им наказание, ибо сильная туча собирается здесь на них, которая будет их карать без всякой пощады»⁴. Если Британия будет втянута в неизбежную войну с Францией, ей понадобится российская поддержка, и она не сможет противостоять подавлению Россией Польши.

¹ Автобиография графа Семена Романовича Воронцова. С. 50; АКВ. VIII. С. 24.

² АКВ. IX. С. 246.

³ АКВ. XX. С. 31–32.

⁴ *Александренко В. Н.* Русские дипломатические агенты в Лондоне в XVIII в. Т. II. С. 252.

Уже через несколько дней после объявления Францией войны Британии в Петербурге были возобновлены переговоры, законченные затем Семеном Романовичем в Лондоне. Торговая конвенция была подписана лордом Гренвилем и Воронцовым 14/25 марта 1793 г. вместе с другой конвенцией, соединившей две державы взаимным согласием помогать друг другу в войне против Франции¹. Ее условия включали закрытие российских и британских портов для французских судов, прекращение французской торговли с нейтральными государствами и согласие России содействовать в усилении британской морской блокады французского побережья². Воронцов был так доволен своим достижением, что художнику Джону Хопнеру³ был заказан портрет, на котором Воронцов гордо смотрит в будущее со свитком соглашения в руке.

Отмена вооруженного нейтралитета и условия нового коммерческого соглашения были встречены в Лондоне с энтузиазмом. Воронцов описывал его:

Была невероятная радость на бирже, а я получил гору писем с поздравлениями и благодарностями. Завтра управляющий и руководители [Русской] компании придут благодарить меня официально. Правительство, зная, как это приятно народу,

¹ Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами / По поручению Министерства Иностранных Дел составил Ф. Мартенс. Том IX (X). Трактаты с Англиею. 1710–1801. С. 354–362; *Мадариага И. де*. Россия в эпоху Екатерины Великой. С. 705–706; *Александренко В. Н.* Русские дипломатические агенты в Лондоне в XVIII в. Т. II. С. 252.

² Конвенция о торговле между ея величеством императрицею всероссийскою и его величеством королем великобританским. СПб.: Имп. тип., 1793; *The New Annual Register, Or General Repository of History, Politics, and Literature, for the Year 1792*. L.: G. G. J. and J. Robinson, 1793. P. 15–18; *Authentic Copies of Treaties ... L.*: J. Debrett, 1793. P. 7–21.

³ Джон Хопнер (John Hoppner, 1758–1810) — английский портретист немецкого происхождения, успешно работал при британском дворе.

напечатало в придворной газете, что шестилетнее соглашение о торговле подписано между Россией и Англией¹.

Довольный Питт сказал Воронцову, своему недавнему врагу: «Европа спасена, поскольку наши две страны теперь в согласии»². Детали военного соглашения, однако, не могли быть легко согласованы, и переговоры застопорились. Екатерина не желала идти дальше посылки эскадры военных кораблей, чтобы восстановить Бурбонов и закончить «все ужасы и мерзости», творившиеся во Франции³. Министр Гренвиль настаивал на совместной военной акции с использованием наземных сил и, соответственно, не был готов платить огромную сумму, которую Екатерина запросила для поддержки войск. Поскольку соглашение не удавалось достичь, всякая совместная военная операция против Франции была обречена на провал⁴. С точки зрения Воронцова сильный военный союз был необходим. Он был убежден, что только Британия при поддержке России и Австрии могла успешно противостоять революционной заразе в Европе. Он особенно опасался распространения якобинских политических догм в Лондоне и «малодушной робости» правительства в сопротивлении им⁵. Без участия Британии контрреволюционное дело будет проиграно. Екатерина, например, считала, что лучше всего было бы поддержать французских эмигрантов, которых возглавляли граф Артуа и граф Прованс. Воронцов был невысокого мнения о Бурбонах — будущих королях Франции и сомневался в их возможности завоевать трон, особенно с тех пор, как в Петербурге за их дело взялся некомпетентный Платон Зубов⁶.

¹ АКВ. IX. С. 299.

² АКВ. XV. С. 461.

³ АКВ. XX. С. 33.

⁴ АКВ. IX. С. 303–304; АКВ. XX. С. 39.

⁵ АКВ. IX. С. 272–273, 279.

⁶ Мнения Воронцова о графе Артуа см.: *Рябинин Д. Д.* Граф Семен Романович Воронцов // Русский архив. Книга 1. Выпуск 1–4. 1879. С. 181–183; Русский вестник. Сентябрь, 1893. С. 193.

Артуа был отправлен в Англию инкогнито, и по его прибытию Воронцов должен был оказывать ему помощь. Это подразумевало гарантию его переезда в Испанию через Лиссабон, организацию его защиты и формирование военных сил на островах Джерси или Гернси для приготовления вторжения во Францию, а также передачу ему средств для закупки оружия и снаряжения¹. К удивлению и великому неудовольствию Воронцова, Екатерина избрала его командующим российскими войсками, которые должны были быть отправлены во Францию:

... я очень хорошо помню, что вы продемонстрировали столько же таланта в вашей военной карьере, сколько вы проявили в карьере, какой следуете теперь. Я предсказываю, что, если все удачно устроится, вы будете назначены в этой операции главнокомандующим. Вам не надо будет покидать вашего теперешнего поста. Это будет только в случае, если станет абсолютно необходимым и если генерал, которого я назначу командовать этими войсками, окажется неспособным к выполнению плана операции, что вы составите согласно полученным от меня приказам².

Будучи генерал-лейтенантом с большим опытом службы в российской армии, Воронцов, тем не менее, уклонился от назначения и делал как можно меньше. Он был твердо уверен в беспомощности Зубова и Артуа в сферах международной политики и военной стратегии. Сразу же первая стадия операции закончилась провалом, когда Артуа прибыл в Халл 15 мая 1793 г. и оказался запертым на своем фрегате. Он боялся ареста в связи с теми долгами, которые наделал в Британии. После метаний многочисленных курьеров, Воронцов и представитель Артуа в Лондоне герцог д'Аркур появились в Халле на десять дней позже³. Семен Романович вскоре понял, что его скептицизм был

¹ АКВ. XXVIII. С. 125–130.

² АКВ. XXVIII. С. 136.

³ АКВ. XXX. С. 461–462.

совершенно обоснован. Когда он объяснил принцу тяжесть ситуации, Артуа вовсе не был удивлен, так как предвидел эти трудности. Он показал свой дневник с деталями разговора с Зубовым, которые записал в Петербурге. «Знаменитый временщик» отвечал на сомнения Артуа словами, которые только демонстрировали его «самонадеянность, непонимание различных форм правления и неумение вести дела». Зубов уверил Артуа, что все его возражения нереалистичны, поскольку Британия будет более чем счастлива принять его и выполнит все желания императрицы, а Воронцов «сумеет склонить министерство угождать вам во всем». Обращаясь к Ростопчину в письме-автобиографии, Воронцов добавляет: «Вот, мой друг, каким образом этот молодой любимец, не знавший в России никаких преград, думал управлять всюю Европою и считал все возможным, чего только захочет»¹.

Воронцов прямо высказался о графе Артуа, который

... воображает себя великим генералом, лидером партии, обожаемым во Франции, хотя в реальности он не командовал и батальоном, и он, скорее, не лидер, а человек, которого контролирует его неразумное окружение. Его и его брата вообще терпеть не могут во Франции².

Артуа уехал в Германию, но его окружение было уверено, что их миссия была бы успешной, если бы русский посол был более благожелательно настроен. «В этом смысле, — жаловался Воронцов, — написали они к Эстергази, а последний возбудил против меня негодование Зубова»³. Всякие дальнейшие разговоры о возможном военном союзе и совместной акции с Британией стали непродуктивными и скоро прекратились. После неудачного вторжения во Францию в бухте Киброн в 1795 г. Артуа вернулся и с

¹ Автобиография графа Семена Романовича Воронцова. С. 53; АКВ. VIII. С. 27–28.

² АКВ. IX. С. 314.

³ Автобиография графа Семена Романовича Воронцова. С. 53; АКВ. VIII. С. 28.

разрешения короля поселился в Эдинбурге, в Шотландии, где скрывался от кредиторов.

3/14 июня 1793 г. Воронцов вполне уверен, что российский двор гневается на него, потому что он «откровенно изобразил истинное состояние дел в Англии. Я не могу быть другим, — добавил он, — я всегда говорю правду, чего бы это ни стоило»¹. Екатерина была недовольна и через месяц упрекнула его, объяснив, что знала заранее о том, что ее проект очень сложный. Поэтому она совсем не удивилась его провалу². В длинном письме к Екатерине (с вложением копии своего ответа на письмо Артуа из Халла от 16 мая 1793 г.) Воронцов приложил все усилия, чтобы оправдать свои действия. Как всегда, свободный в выражениях и вооруженный разумными доводами, он был далек от раскаяния. Вместо этого он указал на ошибки самого задуманного проекта и раскритиковал французских контрреволюционеров³.

Лишившись фавора при дворе, Воронцов не отступил, а бросился вперед, выдвигая одно предложение за другим. Ему чрезвычайно не нравились произошедшие в Европе и Петербурге изменения: пагубное влияние Французской революции, уход в отставку брата, потеря власти Безбородко, раздел Польши и возвышение Платона Зубова. Он был особенно разгневан на Зубова, который потенциально компрометировал его позицию. Молодой фаворит послал незашифрованные письма по обычным каналам касательно чувствительного дела приглашения британских специалистов вместе с их инструментами для литья пушек в России⁴. Мир в глазах Воронцова сходил с ума, и надо было что-то делать. Он послал Безбородко два мемориала — об организации новоприобретенных польских земель и о состоянии дворянства в

¹ АКВ. IX. С. 304.

² АКВ. XXVIII. С. 140–141.

³ АКВ. IX. С. 369–379.

⁴ АКВ. VIII. С. 28; Автобиография графа Семена Романовича Воронцова. С. 53–54.

России и за границей¹. 24 июня 1793 г. изумленный и напуганный Завадовский, получивший мемориалы от Безбородко, сразу пишет Александру:

Гр. Семен Романович прислал Александру Андреевичу [Безбородко] два мемориала, настоя, чтобы подал оные во что бы то ни стало ... Не поверишь, мой друг, как сия суще нелепая горячка меня поразила. Я убедил Алекс. Андр. и клятвою, и просьбою, чтобы он обоих инструментов не подавал, ибо пользы никакой не было бы, а автора совершенно погубили бы. Я в изумлении в рассуждении последнего. Где его ум? Я просил, чтоб тебе послать их копии...

Затем он разъясняет ситуацию уже самому Воронцову:

Два твои мемориала, о коих ты писал, не были поданы ... Я не оспариваю твоего подвига со стороны усердия к Отечеству; но, мой друг, ты забываешь благоразумие сообразоваться времени, что всегда было свойством умных людей, и побуждаешься сущюю горячкою весьма не в пору².

Воронцов продолжал стремиться, главным образом, к более тесным военным связям между Британией и Россией и к подписанию постоянного соглашения, защищавшего их общие интересы. Условия такого соглашения, сформулированные Воронцовым, включали обязательство России снабжать Британию кораблями и войсками и обязательство Британии сделать то же самое, если на Россию будет совершено нападение. Некоторые войны вне Европы (в том числе в Америке, Африке, Персии и Китае) были исключены из соглашения. Союзники пообещали бы не снабжать оружием или людьми армии их врагов, но русские могли бы служить в британских вооруженных силах, а британцы — в российских³. Воронцов настаивал, что «Англия будет самым решительным

¹ АКВ. XI. С. 298; Записка графа С. Р. Воронцова о дворянстве. С. 296–304.

² АКВ. XII. С. 88–90; *Marcum J. W. Semen R. Vorontsov*. P. 312–313.

³ АКВ. IX. С. 306–307.

другом или врагом России, и это зависит от помощи, которую Ваше Императорское Величество окажет ей или нет»¹. Прямо написав Воронцову 27 июля 1793 г., Завадовский попытался успокоить своего упорного друга:

На тебя не сердятся; однакож, слышу, примечают, что ты здесь учить хочешь. Потому и советую тебе, мой друг, ограничивайся в донесениях тем единым, что до твоего поста и порученных тебе дел касается, а на прочие предметы не вызывайся с твоим рассуждением, когда от тебя оно не спрашивают².

Действительно, сконцентрированные на одном и том же директивы Воронцова были встречены с тревогой и раздражением в Коллегии иностранных дел, и 27 июля 1793 г. Морков перешел к угрозам:

Вы хотите, чтобы я сказал откровенно о впечатлении, произведенным вашими последними депешами. Императрица кое-что уже сказала вам в своем рескрипте. Я могу вас уверить, что она думает о вас хорошо во всех аспектах, какие только можно вообразить. Ваши умения, таланты, рвение, объективность, твердость — все эти качества она в вас признает; но я не буду от вас скрывать, что она несколько задета той горячностью, с которой вы защищаете интересы Англии, и что она была несколько обижена тем, что Англия не приняла план, предложенный ею для путешествия графа Артуа. Она совсем не винит Артуа; но она также желала бы, чтобы Англия отступила от своих требований, и более всего она не хочет быть принуждена выбирать между дружбой и враждой в зависимости от ее согласия с тем, что от нее требуют. Должно произойти нечто гораздо большее, чтобы встал вопрос о вашей замене; напротив, вы останетесь на месте столько, сколько пожелаете; но позвольте, ради той привязанности, которую я к вам испытываю, и ради того большого интереса, который вы возбуждаете в тех, кто вас знает и

¹ АКВ. IX. С. 372.

² АКВ. XII. С. 91.

цениг, как я, просить вас немного умерить тот пыл, с которым вы объявляете те истины, коих вы достигли¹.

Морков затем немного смягчил свою критику и написал: «действительно, ваши демарши поменяли настроение ... Впрочем, утешьтесь ... вас уважают и высоко ценят как за ваши идеи, так и за вашу честность и справедливость»². Дашковой же он сказал о Воронцове: «Давно здесь не были, так не знают или забыли здешний образ мыслей»³.

Реприманд не понравился Воронцову, и в течение некоторого времени он думал об отставке и писал об этом своим близким друзьям. В. П. Кочубей бросился его отговаривать:

Вы меня огорчаете, помышляя от дел удалиться. Что нужды, ежели немного более или менее довольны в П[етер]бурге. Ваши правила должны вас сверх всего поставить. Вы служите отечеству своему. Первая цель службы вашей состоит в том, чтоб ему быть полезным. А, конечно, полезнее вас никто не может быть в Англии. Я понимаю, что дворское неудовольствие должно быть чувствительно. Однако ж вас трогать оно, конечно, должно менее, нежели тех, кои, управляемы будучи беспримерною спесью, все концы приводят или стараются приводить к тому только, чтоб удовлетворить сколько можно сей спеси. Бога ради, не спешите оставлять службу. Мне все кажется, что в месте пребывания вашего будут еще дела, в которых вы полезны будете⁴.

¹ АКВ. XX. С. 52–53.

² АКВ. XX. С. 59; *Александренко В. Н.* Русские дипломатические агенты в Лондоне в XVIII в. Т. I. С. 61, прим. 4.

³ АКВ. V. С. 200.

⁴ АКВ. XIV. С. 24. См. также АКВ. XIV. С. 62–63. Интересно, что одно из писем В. П. Кочубея к Воронцову в январе 1794 г. привез из Вены в Лондон Й. Гайдн (АКВ. XVIII. С. 67, 70).

Вскоре Воронцов пришел в себя и продолжил досаждать Моркову до такой степени, что его лояльность была поставлена под вопрос. 4 апреля 1794 г. Завадовский написал Александру:

Брат твой в своих донесениях довольно скромнен; но в частных письмах к Маркову [Моркову] заступает за требования англичан, на что и сказано [Екатериной], что их землю, а не свою любит. Промолвлено и то, что и он пойдет в отставку: ибо родом нас [Екатерину] не взлюбили. Он довольно упрям, чтобы видеть вещи по своему, а не по советам дружеским¹.

Но обвинения Воронцова в нелояльности не имели оснований, не был он и экзальтированным англоманом. Эти обвинения, в основном, были следствием его пылкой и искренней натуры, которая осталась неизменной при выполнении им дипломатических обязанностей. Хотя ему нравилась Британия, он мог при случае быть очень критичным и даже враждебным правительству. Резкий и жесткий в своем убеждении, что базовые принципы, на которых основано британское правление, являются превосходными и работающими, он понимал, что на практике это правление было слабым, нерешительным, слишком часто ему не хватало предпосылок, необходимых для эффективного управления государственными делами. Временами он так открыто выражал недовольство, что британские коллеги считали его высказывания началом ухудшения российско-британских отношений².

Реагируя на обвинения, приходившие и за Британию, и из России, он подробно излагает в автобиографии разговор с Гренвилем, который заметил, что Воронцов говорил так, будто был членом оппозиционной партии. «Я возразил, что он меня не знает; что я не

¹ АКВ. XII. С. 108. См. также: *Grimsted P. K. The Foreign Ministers of Alexander I. Political Attitudes and the Conduct of Russian Diplomacy, 1801–1825.* Berkeley: University of California Press, 1969. P. 131; *Sherwig J. M. Guineas and Gunpowder. British Foreign Aid in the Wars with France, 1793–1815.* Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 1969.

² *Diaries and Correspondence of James Harris, First Earl of Malmesbury.* Vol. IV. P. 68–69.

придерживаюсь никакой партии, кроме партии моего Отечества; что я Русский, и только Русский...»¹ Сильно подозревая, что его непосредственные начальники некомпетентны в международных делах, он пытался проводить политику, которая, как он считал, была наилучшей для России. Фактически, он мог относиться с настоящим презрением к британским инициативам, например, к предложению назначить британских генералов командующими в войска союзников: «английские генералы не годятся для управления армиями; это их следует подчинить генералам немецким, поскольку самый малоспособный из последних знает больше о тактике, чем все английские вместе взятые. Их знаменитый Корнуоллис подходит только для войны с индийцами...»²

Все равно, Воронцов продолжал продвигать свои взгляды, состоявшие в том, что Россия обязана поддержать британские военные усилия, направленные против Франции. «Наш двор, — писал он в январе 1794 г., — все время предлагает Англии оборонительный союз без всякого обещания эффективной помощи в идущей войне»³. Усилия Воронцова были тщетны. Двор его не поддержал, и он решил отвечать на критику отсюда молчанием: «Я серьезно решил больше не отвечать ни на какие высказываемые мне претензии»⁴. В результате он и его сотрудники в посольстве не получили повышений по службе, и опять он стал задумываться об отставке. Он все-таки остался, согласно его объяснению, чтобы сын смог завершить образование, а также потому, что брат убедил его,

¹ Автобиография графа Семена Романовича Воронцова. С. 51; АКВ. VIII. С. 25.

² *Васильчиков А. А.* Семейство Разумовских. Том V. С. 246–247; Marcum. P. 356–357. Чарльз Корнуоллис (Корнваллис, Charles Cornwallis, 2nd Earl of Cornwallis, 1st Marquess Cornwallis, Viscount Brome, Baron Cornwallis of Eye; 1738–1805) — британский военный и государственный деятель.

³ АКВ. IX. С. 322.

⁴ АКВ. IX. С. 356.

что уход с должности будет использован его врагами, как доказательство его «отречения от своей родины»¹.

Текущие весьма важные дела тоже не давали передышки. Надо было помогать ориентироваться соединениям российского флота в международной обстановке. В августе 1794 г. Воронцов должен был собрать и передать движущейся через Британию в Кронштадт русской эскадре сведения о безопасном пути в Балтику. Эскадра перемещалась туда в связи с обострением отношений со Швецией². В конце концов, российско-британский альянс 1795 г. подготовил условия для военных действий против французов³. Летом 1795 г. Екатерина отправила соединение военных кораблей для блокирования побережья Голландии. «Вице-адмирал П. И. Ханьков собирался в сентябре 1795 г. со всей эскадрой покинуть Англию и вернуться в российские порты. Однако русский посланник в Англии граф С. Р. Воронцов задержал эскадру в Северном море. Он сообщил адмиралу, что английское правительство просило, чтобы эскадра осталась зимовать в Англии. При этом англичане обязались взять на себя содержание экипажей судов (почти 10 000 человек)»⁴.

Императрица выразила готовность выделить шестьдесят тысяч солдат для совместной военной операции против Франции, но Британия ответила отказом на ее просьбу оплатить эту операцию. В итоге, приготовления к отправке российских войск на Рейн были остановлены сразу после смерти Екатерины 6 ноября 1796 г.

Я был поражен ... неожиданным известием о кончине Государыни.
Лорд Гренвиль дал мне знать о том через нарочного курьера, и меня

¹ Автобиография графа Семена Романовича Воронцова. С. 56; АКВ. VIII. С. 28–29.

² *Чернышев А. А.* Русский флот в войнах с наполеоновской Францией. М.: Вече, 2012. С. 20–21.

³ Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами / По поручению Министерства Иностранных Дел составил Ф. Мартенс. Том IX (X). Трактаты с Англиею. 1710–1801. С. 368–383, 385–387.

⁴ *Чернышев А. А.* Русский флот в войнах с наполеоновской Францией. С. 26.

разбудили для того в три часа утра. Событие тем более для меня поразительное, что я не знал ничего о болезни Государыни. Правда, писали мне, что с некоторого времени она перестала выезжать и прогуливаться. Движение, которое она обыкновенно делала, предохраняло ее от припадков апоплексии, которым всегда подвержены бывают люди, как она, тучные, сангвинические и короткошеи. Мы лишились великой Монархини; но несомненно, что приемник ее будет великим и добрым Государем¹.

Екатерина же оставила слова, которые написала в конце 1793 г. при выходе в отставку брата Александра после двадцати лет его службы в должности президента Коммерц-коллегии. Кажется, они в полной мере характеризуют и ее отношение к Семену:

Не спору, что он вам дорог и что таланты имеет; всегда знала, а теперь наивяще ведаю, что его таланты не суть для службы моей и что он мне не слуга. Сердце принудить нельзя, права не имею принудить быть усердным ко мне; заставить же и меня нельзя почесть усердным ко мне кто не есть. Разведены и развязаны на веке будем. Ч. е. п. (черт его побори!)²

Российский историк обобщил отношения клана и императрицы: «Все семейство Воронцовых, за исключением княгини Е. Р. Дашковой, могло считаться преследуемым Екатериной II»³.

¹ Из писем графа С. Р. Воронцова к С. А. Колычову // Русский архив. 1876. Книга 3. С. 166.

² АКВ. XII. С. 103, прим. 58.

³ Хоруженко О. И. Дворянские дипломы XVIII века в России. М.: Наука, 1999. С. 117.

Глава X

В царствование Павла I, 1796–1801

Благоволения и дары Павла. Новые люди при дворе. Автобиографическое письмо Воронцова. Задержка российских кораблей. Внешняя политика Павла. Налаживание отношений с США. Ускользнуть из объятий. Отставка. Дом в Саутгемптоне. Связь с посольством. Заговор и смерть Павла.

Восхождение на трон Павла I, казалось, предвещало Воронцову прекрасное будущее. Зубов, чье влияние было так значительно, что могло привести карьере Воронцова к концу, был заменен на Безбородко. Румянцев-Задунайский был временно возвращен к власти, а друг и активный корреспондент Воронцова Федор Васильевич Ростопчин стал близким советником императора. Воронцов, разумеется, послал поздравления новому императору и выразил свою радость, хотя, вероятнее всего, испытывал по отношению к нему разноречивые чувства. В декабре 1796 г. Семен Романович писал:

Всемиловейший Государь! Позвольте вернейшему подданному Вашего императорского величества изъявить чувства своего сердца. Поздравляя Вас, Всемиловейший Государь, с восшествием на престол Ваших предков, я поздравляю вкупе и любезное мое отечество, что видит Государя, коего все внимание и подвиги означают великодушие, милость и родительское попечение о своих подданных...¹

Немедленно после воцарения Павел начал награждать сторонников и наказывать врагов. Сестра Воронцова княгиня Дашкова, которая

¹ АКВ. X. С. 319; *Александренко В. Н.* Русские дипломатические агенты в Лондоне в XVIII в. Т. I. С. 250.

была на стороне Екатерины со времени дворцовой революции 1762 г., была отправлена в ссылку в новгородскую деревню (правда, ненадолго). А в это время Воронцов, который поддерживал отца Павла Петра III, получал щедрые императорские дары. Он был повышен в звании до генерала от инфантерии, а в нотификации Павла британскому правительству подтвержден его пост и звание чрезвычайного посланника и полномочного министра в Лондоне¹. Во время коронации 5 апреля 1797 г. Павел пожаловал Воронцовым титулы графов Российской империи², а Семену Романовичу — земли в Финляндии³ и орден Св. Андрея Первозванного⁴, высший орден Российской империи, знаки которого — восьмиконечная серебряная звезда и голубая лента. Другие сотрудники российского посольства в Лондоне получили повышения по службе, а жалования их были увеличены⁵. Первоначальная эйфория, однако, продлилась недолго, и оппозиция Воронцова требованиям Павла приведет его к немилости и концу карьеры. Однако довольно многие поняли, что Воронцов находится в большом фаворе у Павла и попытались извлечь из этого свою выгоду, обращаясь в письмах к Семену Романовичу за советом и поддержкой⁶.

Воронцов был весьма озабочен будущим своих детей. Михаил, которому уже было шестнадцать, считался на военной службе, а в случае смерти Семена Романовича о нем позаботится его дядя Александр. Тот, однако, жил в своем поместье Андреевское во

¹ АКВ. XIII. С. 366; *Александренко В. Н.* Русские дипломатические агенты в Лондоне в XVIII в. Т. I. С. 172, прим. 5, 448–449, прим. 4.

² *Хоруженко О. И.* Дворянские дипломы XVIII века в России. С. 376.

³ На принадлежавшем тогда России северо-западном берегу Ладожского озера (АКВ. XXX. С. 477). Об их особенностях Воронцов переписывается с А. Л. Николаи (АКВ. XXII. С. 41–42, 49–50, 55, 135, 162, 498, 503–504) и Н. М. Лонгиновым (АКВ. XXIII. С. 91–94).

⁴ АКВ. XXX. С. 476.

⁵ АКВ. XIII. С. 372; АКВ. XXVIII. С. 165; *Александренко В. Н.* Русские дипломатические агенты в Лондоне в XVIII в. Т. I. С. 171, прим. 7.

⁶ Как это сделал, например, барон Гримм (АКВ. XX. С. 322 и далее).

Владимирской губернии и не мог обеспечить Екатерине надлежащее вступление в петербургское придворное общество¹.

Павел не игнорировал воронцовских детей. Екатерина в возрасте четырнадцати лет была назначена фрейлиной императрицы. В 1798 г. император присваивает сыну Воронцова придворный чин камергера. Таким образом, тот пропускает чин камер-юнкера и становится камергером в шестнадцать лет — «беспримерные у нас милость и отличие». По просьбе Воронцова сын получил отпуск для помощи отцу в посольстве².

Воронцов не мог долго зависеть от великодушия капризного и непредсказуемого императора, и Ростопчин посоветовал ему воспользоваться хорошим расположением монарха. Ростопчин, который был на двадцать один год моложе Воронцова, встретился с ним в Лондоне в 1787 г. во время своего первого гран-тура по Европе. Он появился с многочисленными рекомендательными письмами от таких могущественных персон, как А. А. Вяземский, И. А. Остерман и Н. П. Румянцев. На Воронцова произвели впечатление прекрасные манеры Ростопчина, его безукоризненное поведение, возвышенные идеалы, благожелательность и честность. Семен Романович писал брату:

Если бы наши молодые люди были более похожи на Ростопчина и Кочубея, у нас было бы больше надежды на будущее. Но эти суть исключения; те, кто не испорчен в сердцах своих, теперь испорчены в своем разуме. Их стремление к универсальности — заниматься всем, о чем они ничего не знают, делает их совершенно бесполезными³.

¹ Зато он выращивал в своем поместье отменные ананасы (АКВ. XXII. С. 77).

² АКВ. X. С. 35, 320–321; *Алексеев В. Н.* Графы Воронцовы и Воронцовы-Дашковы в истории России. С. 14, 164; *Александренко В. Н.* Русские дипломатические агенты в Лондоне в XVIII в. Т. I. С. 172, прим. 5.

³ АКВ. IX. С. 358, 145; *Мецзякова А. О.* История одной дружбы: многолетняя переписка С. Р. Воронцова и Ф. В. Ростопчина // Е. Р. Дашкова в кругу

Молодой человек искал патронажа, поскольку приготавливался к карьере в правительстве, и в Воронцове он нашел высокопоставленного и желающего его поддержать старшего товарища. Их дружба и длительная переписка длились около тридцати пяти лет, в течение которых Ростопчин писал о важнейших проблемах в России и о целом поколении знаменитых исторических личностей. Его письма рисуют нам широкую, хотя и субъективную картину эпохи, которая включает и войну 1812 г. К сожалению, из-за конфиденциальности их содержания, Ростопчин уничтожил большую часть писем Воронцова. Чтобы продвинуть своего протеже, Воронцов рекомендовал его Безбородко, который был тогда на пике своей власти, и Ростопчин поднялся по карьерной лестнице до президента Коллегии иностранных дел, а в 1799 г. он получил титул графа. В царствование Александра I он был военным губернатором Москвы.

С течением времени, энергичный и сообразительный Ростопчин добился большого влияния на Павла и делал все возможное, чтобы придавать мыслям императора выгодное направление. Воспользовавшись своим влиянием, он пришел на помощь бывшему благодетелю, который однажды рассказал молодому протеже о чувстве изолированности и дурном с ним обращении во время военной и дипломатической службы. В письме, датированном 10 ноября 1796 г., Ростопчин упоминает «всю несправедливость, что вам пришлось перенести». Он теперь постарается все устроить правильно и просит, чтобы Воронцов ответил «как можно скорее, представив ваши идеи детально. Расскажите мне о ваших намерениях и о том, чего вы хотите»¹. Собрав свои мысли и подробности жизни, 18/29 декабря 1796 г. в Ричмонде Воронцов взял перо и бумагу, чтобы написать автобиографическое письмо по-французски на целых тридцати

современников: исторические личности и эпоха. М.: МГИ им. Е. Р. Дашковой, 2013. С. 209–210.

¹ АКВ. VIII. С. 175.

шести страницах¹. Он завершил его через два месяца, 8 февраля 1797 г.² Ответ был гораздо длиннее, чем ожидал Ростопчин, но для Воронцова было важно описать в контексте все пережитые им несправедливости, которые он открыл своему другу: «Вам нужно знать все, что случилось со мною, мое прежнее и теперешнее положение; в противном случае вам непонятен будет образ действий, которого я должен держаться»³.

Так, объяснив свое нынешнее состояние в контексте прошлых событий, Воронцов приложил все усилия, чтобы предоставить Ростопчину последовательную, ясную самопрезентацию. Его стремление нарисовать автопортрет определенным образом было попыткой оправдать и защитить свой образ жизни⁴. С самого начала он изображает себя, как старого солдата, а не как опытного дипломата⁵. Затем он продолжает описывать свою оппозицию к дворцовой революции 1762 г., разочарование военной службой, счастье и горести семейной жизни, успехи и неудачи дипломатической деятельности в Венеции и Лондоне. Все это время он следует вполне видимому образу своей жизни — жизни, определявшейся личной стойкостью и стремлением к справедливости вопреки интригам других, особенно при дворе. Хотя на жизненном пути было много профессиональных триумфов, он по большей части не описывает свое прошлое, как историю

¹ АКВ. VIII. С. 1–36. Русский перевод: Автобиография графа Семена Романовича Воронцова / Публикация П. И. Бартенева // Русский архив. Книга 1. Выпуск 1–4. 1876. С. 33–59.

² АКВ. VIII. С. 176. Похоже, написание больших автобиографических отрывков с таким обоснованием не было редкостью среди писем к друзьям-профессионалам, занимавшимся общим делом. Так, В. П. Кочубей написал подобное письмо Воронцову в 1799 г., описав развитие своих отношений с Павлом за несколько лет (АКВ. XIV. С. 120–125).

³ Автобиография графа Семена Романовича Воронцова. С. 33; АКВ. VIII. С. 1.

⁴ Согласно Р. Паскалю (*Pascal R. Design and Truth in Autobiography*. Cambridge: Cambridge University Press, 1960. P. 15), защитная функция самоинтерпретации — это яркая черта историй жизни XVIII в.

⁵ Автобиография графа Семена Романовича Воронцова. С. 34; АКВ. VIII. С. 2.

успеха. Скорее, вся автобиография пропитана ощущением потерь и отчужденности¹.

Охарактеризовав хронологическое развертывание своей индивидуальной и политической борьбы, как всего лишь «послужной список»², Воронцов обращается к краткой истории своей семьи во время царствования Екатерины и того, как семья теряла богатство и власть. В результате он также сталкивается с финансовыми трудностями и может только выразить надежду, что его сын не будет иметь такой же тяжелой судьбы. Более того, Воронцов, хотя он дожил затем до 88 лет, усиливает в своем рассказе мотивы лишения и отчужденности, раз за разом упоминая о своей физической немощи, об ухудшении зрения, о слабом здоровье и старости. Перефразируя Вольтера, он говорит о себе: «Я теперь не что иное, как плохой лимон, из которого выжали небольшое количество сока, в нем бывшее, и который, от продолжительного трения, лишился тонкого слоя цедры, покрывавшей корку. Я гожусь только быть брошенным»³.

Воронцов описал свои горести в автобиографии в самое, казалось бы, успешное время в карьере — когда он был в большом фаворе и

¹ Иную интерпретацию автобиографии Воронцова см.: *Гузацров Т.* Автобиография, служба и болезнь дворянина: «образ действий» графа С. Р. Воронцова в царствование Павла I // Русско-французский разговорник, или/ou les causeries du 7 septembre. Сборник статей в честь Веры Аркадьевны Мильчиной. М.: НЛО, 2015. С. 129–147.

² В 1818 г. по официальному запросу генерала Закревского Воронцов составил свой послужной список, как он его помнил, и послал этот краткий список (на двух страницах) сыну (АКВ. XVII. С. 485–487).

³ АКВ. VIII. С. 34–35. Вольтер цитирует Фридриха II, сказавшего о нем: «Не беспокойтесь: мы выжмем апельсин, а затем, когда проглотим сок, выбросим его». Сестра Воронцова княгиня Дашкова также использовала этот образ в своих «Записках» (*Davidson I. Voltaire in Exile: The Last Years, 1753–78.* N. Y.: Grove Press, 2004. P. 7; *Дашкова Е. П.* Записки. Письма сестер М. и К. Вильмот из России / Под общ. ред. С. С. Дмитриева, сост. Г. А. Веселая. М.: Изд-во Московского университета, 1987. С. 47; *Воронцов-Дашков А. И.* Екатерина Дашкова: Жизнь во власти и опале. С. 51).

купался в великодушии императора. Пытаясь наладить отношения между Россией и Францией, Павел думает о созыве в Лейпциге конгресса для обсуждения условий мирного договора с Францией. 3 мая 1797 г. на встрече с дипломатическим корпусом в Москве Павел объявляет о желании назначить Воронцова главой российской делегации на предполагаемом конгрессе, который так и не состоялся¹.

И все же Воронцов сознательно провоцировал гнев Павла и сознательно игнорировал его приказы. В 1797 г. Павел отозвал соединение российских кораблей, состоявшее из трех линейных и четырех фрегатов под командованием контр-адмирала Михаила Кондратьевича Макарова. Это соединение было частью морских сил, посланных Екатериной в Северное море для совместных операций с британским военно-морским флотом против революционной Франции. В мае 1797 г. корабли находились в Норе, на якорной стоянке королевского флота в устье Темзы². Присутствие российских кораблей совпало с мятежом в Норе, когда 12 мая команда корабля «Сандвич» захватила корабль. Вскоре восстание перекинулось на соседние корабли, во главе его встал Ричард Паркер. Восстание грозило перерасти в революцию, поскольку моряки выдвинули политические требования и планировали отправиться во Францию.

¹ *Lee M. M.* Paul I and the Indian Expedition of 1801: Myth and Reality. Unpublished Master of Arts dissertation. Texas Tech University, 1984. P. 12.

² *Anderson M. S.* Naval Wars in the Baltic, 1522–1850. L.: Francis Edwards Ltd., 1969. P. 294–298; *The Great Mutinies of 1797 // Fleet Battle and Blockade. The French Revolutionary War 1793–1797 / Robert Gardiner, ed.* L.: Chatham Publishing, 1997. P. 165–167; *Чернышев А. А.* Русский флот в войнах с наполеоновской Францией. С. 41. Об общем ходе войны России с революционной Францией см.: *Михайловский-Данилевский А. И., Милютин Д. А.* История войны России с Францией в царствование Императора Павла I в 1799 году. В пяти томах. СПб.: Тип. штаба военно-учебных заведений, 1852–1853.

Воронцов видел в этих событиях коварный французский революционный дух. В письме брату с описанием бунта он замечал:

В каком ужасном веке мы живем, мой друг! Якобинские принципы посеяны и всходят повсюду. Европа в опасности, и мир больше не гарантирует ей спокойствия, поскольку скрытая война, которую французы начнут против всех правительств, чтобы заразить каждую нацию ядом своих принципов, будет даже более смертоносной, чем та, которую они вели с оружием в руках¹.

По просьбе Гренвиля Воронцов отложил отправление российского отряда, чтобы тот помог защите от возможного нападения и при подавлении бунта. Только через три недели, когда большинство восставших кораблей отказались от бегства во Францию, а Паркер был схвачен и повешен на рее, российские корабли отправились домой. Воронцов сознательно не подчинился императору и задержал российский отряд в британских водах, чтобы помочь королевскому флоту, но в этом случае Павел решил не придавать значения послушанию своего министра и одобрил его действия². Рассуждая об этом событии, Ростопчин писал 18 июня 1797 г.:

Совершенно точно, что за 32 года, то есть с тех пор, как я живу в этом мире, у меня не было более ужасной четверти часа, чем та, которую я провел позавчера, ожидая окончания чтения вашей депеши, в которой вы объявили о задержке прибытия нашей эскадры. Вы поступили великолепно, действуя в достойной вас манере. Ваши действия были одобрены. Англичане не зря ценят вас так высоко. Тем не менее, я не могу вам передать, как я дрожал от страха.

Далее Ростопчин описал, как британский посол Чарльз Уитворт «приехал сегодня, чтобы выразить благодарность за ту помощь, которую вы оказали Англии. Его искренняя благодарность была

¹ АКВ. X. С. 16, 18; *Александренко В. Н.* Русские дипломатические агенты в Лондоне в XVIII в. Т. I. С. 75.

² АКВ. XVI. С. 307–308; АКВ. XXVIII. С. 169; АКВ. XXX. С. 478.

очень хорошо принята, а я поздравляю себя и всех, кто вас любит, с тем, что наши страхи оказались необоснованными»¹.

Император выразил намерение сохранить существующие дружеские отношения с Великобританией. Как считает Александренко, внешняя политика Павла, если сравнивать ее с той, что вела его мать, отличалась несколькими существенными моментами. Несмотря на изменения лиц и обстоятельств, направление политики определялось исключительно самим монархом. Его политика была лишена тех экспансионистских стремлений и эгоистичных планов, которые определяли внешнюю политику других стран. Императорские указания пересылались непосредственно от монарха его дипломатическим агентам, часто в форме личного письма, написанного собственноручно. Подобным же образом, дипломаты должны были адресовать свои депеши государю². В остальном, политика Павла была тесно связана с событиями екатерининского правления и являлась выражением его реакции на политические группировки и разделы, которые привлекали внимание столь многих западноевропейских правительств. Таким образом, его политика ориентировалась на уже устаревшие принципы баланса сил³.

Павел вышел из Первой коалиции и отказался от обещания матери послать экспедиционный корпус в Европу. Однако, он нуждался в опыте Воронцова в переговорах о Второй коалиции с Британией для противостояния Наполеону после его побед на средиземноморском побережье и в Италии. Павел направил армию под командованием

¹ АКВ. VIII. С. 181.

² В АВПРИ сохранились депеши Воронцова Павлу, написанные, как было велено еще Екатериной, по-русски. Обзор их содержания за 1798 год был сделан А. А. Егоровым в сообщении «Граф С. Р. Воронцов в 1798 г.: год из жизни русского посла в Лондоне» на Международной конференции «Воронцовы и Англия» (4–6 сентября 2019 г., Алушка, Крым).

³ Александренко В. Н. Русские дипломатические агенты в Лондоне в XVIII в. Т. I. С. 73–74.

А. В. Суворова в северную Италию и в апреле 1798 г. две эскадры кораблей под командованием вице-адмиралов М. К. Макарова и Е. Е. Тета к берегам Англии для совместных действий с британским флотом. В июле они были дополнены еще одной эскадрой под командованием контр-адмирала П. К. Карцова. При переходе к Британии многие корабли этого соединения были серьезно повреждены штормами. Воронцов озаботился и этим и осенью 1799 г. писал:

И если мы желаем, чтобы наши корабли что-нибудь значили, то кроме употребления на строение хорошего сухого лесу, необходимо нужно, чтобы они были обшиты медью и чтобы их гораздо чаще вводили в доки для починок, для перекраски и осмотра дна, а не так как бывало прежде, когда и самые прекрасно строенные корабли, я разумею те, что взяли от шведов, от запущения и нерадения все перегнили, что чуть было не отправило норвежским рыбам на пищу бедного адмирала Карцова со всем его экипажем.

В то же время, Воронцов с удовольствием отметил, что посетивший его британский адмирал Митчелл, побывавший перед этим на эскадре М. К. Макарова, очень хвалил ее «и вообще отзывался, что российские офицеры вежливостью своею, искусством, порядком и усердием к службе заслужили превеликое у всех почтение»¹. По докладам Воронцова Павел наградил русских моряков, отличившихся при совместных действиях с британцами у берегов Голландии².

Воронцов продолжал играть активную роль в поддержании Второй коалиции, поскольку всякий союз с Британией был тогда хрупким и наталкивался на множество препятствий. В Британии были сильны антироссийские настроения, направленные против императора,

¹ Цит. по: *Чернышев А. А.* Русский флот в войнах с наполеоновской Францией. С. 60–61, 62.

² *Чернышев А. А.* Русский флот в войнах с наполеоновской Францией. С. 70–71.

особенно среди тех, кто симпатизировал французским республиканцам.

Британское правительство активно пресекало политические подстрекательства и в 1799 г. закрыло *Courier and Evening Gazette*, наказав ее владельца Джона Пэрри, издателя Джорджа Росса и печатника Джона Винта за публикацию статьи, направленной против императора Павла. Как записано в протоколах суда, статья утверждала, что «император России (имеется в виду его так называемое императорское величество) делает себя невыносимым для своих подданных разнообразными актами тирании и смешным в глазах Европы своей непоследовательностью». На суде столкнулись два юриста, политика и будущих лорда-канцлера. Джон Скотт (впоследствии эрл Элдон) выступал на стороне правительства, а лорд Эрскин, который заработал свою репутацию на защитах активистов и реформаторов, например, лорда Джорджа Гордона и Томаса Пейна, защищал газету. Джон Скотт победил.

Суд удалился и после почти часового отсутствия вернулся с вердиктом «виновны» в отношении ответчиков... Приговор в этот же день вступил в силу в отношении владельца, издателя и печатника газеты «Курьер» за их клевету на императора России. Издателя приговорили к заключению на шесть месяцев в тюрьме Королевского суда, выплате штрафа в £100 и залогов его беспорочного поведения в течение пяти лет — £500 им самим и по £250 каждым из двух поручителей. Издатель и печатник приговорены к заключению на месяц в той же тюрьме¹.

¹ Trial of John Vint, George Ross, and John Parry // William Corbett's Complete Collection of State Trials and Proceeding / Ed. by Thomas Bailey Howell. 30 vols. L.: T. C. Hansard, Peterborough-Court, Fleet-Street, 1820. Vol. XXVII. P. 629, 642.

Преследование «Курьера» было проведено по ходатайству посла Воронцова, который был обязан реагировать на подобные личные нападки на императора¹.

Далеко от европейских столиц, в диких просторах Северной Америки росла конкуренция за богатую меховую торговлю, и в течение многих лет Воронцов вынужден был внимательно следить за тем, что происходит в северной части Тихого океана. Его брат Александр, как президент Коммерц-коллегии, и Безбородко, как член Коллегии иностранных дел, сформулировали в докладе Екатерине II российские претензии на весь северо-западный берег Америки до 55° северной широты и на все Алеутские и Курильские острова по праву их открытия².

Интересно отметить, что исследователь тех мест капитан Джордж Ванкувер назвал мыс в нынешнем Анкоридже в честь Воронцова³. В своем журнале за воскресенье 4 мая 1794 г. Ванкувер записал: «этот отрог, который в честь Его Превосходительства российского посла при Британском дворе я назвал «мыс Воронцов», расположен на широте 60°8', долготе 210°36'; мыс на расстоянии двух миль я назвал мыс Маккензи в честь достопочтенного Джеймса Стюарта Маккензи»⁴. Ванкувер называл открываемые им места именами своих друзей и соратников, в том числе вулкан Сент-Хеленс в честь друга Воронцова и коллеги-дипломата Аллейна Фицгерберта, барона Сент-Хеленса. Последний провел успешные переговоры и

¹ *Александренко В. Н.* Английская печать и отношение к ней русских дипломатических агентов в XVIII столетии // Русская старина. Том 84. Выпуск 10. 1895. С. 122.

² *Grinev A. V.* The Plans for Russian Expansion in the New World and the North Pacific in the Eighteenth and Nineteenth Centuries // *Journal of American Studies*. Vol. 5. No. 2. 2010. Doc. 2. P. 7–8.

³ На современных картах — мыс Воронцоф (point Woronzof).

⁴ *Vancouver G.* A Voyage of Discovery to the North Pacific Ocean, and Round the World. In 3 vols. Vol. III. L.: G. G. and J. Robinson, Paternoster-Row, and J. Edwards, Pall-Mall, 1798. P. 116.

заклучил соглашение между Британией и Испанией во время кризиса в проливе Нутка, практически передав Северо-Запад Америки Британии. Джеймс Стюарт Маккензи был одним из ближайших друзей Воронцова¹.

В 1799 г. А. А. Баранов, правитель Русской Америки и Российско-Американской компании, жаловался на вторжения британцев и нелегальную торговлю около российских поселений. В марте этого года Воронцов принес официальный протест, упоминавший «заговоры английских магнатов», направленные против российских интересов в Америке².

Воронцов считал, что необходимо нормализовать отношения с Соединенными Штатами, он думал об этом еще в Венеции в 1784 г.³ Российские торговые и интеллектуальные контакты с Америкой быстро расширялись. В 1789 г. сестра Воронцова княгиня Дашкова была по рекомендации Бенджамина Франклина избрана членом Филадельфийского (сегодня — Американского) философского общества. Она стала первой женщиной — членом этого общества⁴. В том же году Бенджамин Смит Бартон, выдающийся врач и ученый, также был избран в члены общества, а в 1802–1825 гг. был его вице-президентом. Воронцов переписывался с доктором Бартоном и пересылал его письма и

¹ АКВ. X. С. 74–75.

² Половинкина М. Л., Шляпникова Е. А. Семен Романович Воронцов // Вопросы истории. № 1. 2003. С. 76; АВПРИ. Ф. «Сношения России с Англией». Оп. 35/6, д. 507, л. 4–5, 21, 13; *Kirchner W. Studies in Russian-American Commerce. 1820–1860.* Leiden: E. J. Brill, 1975. P. 15; *Альперович М. С. Россия и Новый Свет (последняя треть XVIII века).* М.: Наука, 1993. С. 240.

³ АКВ. IX. С. 6.

⁴ Дашкова же способствовала избранию Б. Франклина в Петербургскую академию наук. О связях Франклина с Россией см.: Философский век. Альманах. Выпуск 31. Бенджамин Франклин и Россия: к 300-летию со дня рождения. Часть 1. СПб.: Санкт-Петербургский Центр истории идей, 2006; Философский век. Альманах. Выпуск 32. Бенджамин Франклин и Россия: к 300-летию со дня рождения. Часть 2. СПб.: Санкт-Петербургский Центр истории идей, 2006.

статьи Иоганну-Альбрехту Эйлеру, секретарю Петербургской академии наук и сыну знаменитого математика Леонарда Эйлера. Труды Бартона показывали его постоянный интерес к коренным американцам и к проблеме их возможной миграции из Сибири на Аляску через Берингов перешеек¹.

Возрастающие связи между двумя странами привели к тому, что один из отцов-основателей США и американский посол в Великобритании Руфус Кинг предложил своему российскому коллеге заключить торговое соглашение. Воронцов был в дружеских отношениях с Кингом. Кинг был делегатом от Массачусетса на Континентальном конгрессе и на Конституционном конвенте. Он был также сенатором и кандидатом от федералистов на посты вице-президента и президента Соединенных Штатов. Он сообщил Воронцову, что Соединенные Штаты хотели бы начать прямую переписку с Россией и что он, вполне вероятно, будет уполномочен заключить с Россией соглашение о торговле между двумя странами. Кинг был уверен, что

мы не должны испытывать трудности в заключении торгового соглашения с Россией, и депеша об этом была послана графу Воронцову, российскому послу здесь, с просьбой обозначить мне мнение его двора по этому вопросу. Соответственно, граф Воронцов вчера сказал мне, что получил депешу от своего двора, в которой сообщается, что вследствие полученной от него информации об американском правительстве, которое, защищая дело порядка и религии, находится в дружественных отношениях с Англией и союзниками России и считает омерзительным поведение французов, Россия готова вступить в непосредственное взаимодействие с США и заключить торговое соглашение между двумя странами. Двор добавляет, что передавать эту информацию он должен по своему усмотрению и руководствоваться

¹ *Александренко В. Н.* Русские дипломатические агенты в Лондоне в XVIII в. Т. I. С. 275.

конкретными обстоятельствами; что он не имеет причин не заметить мне, что успех переговоров должен, по его мнению, по крайней мере, в настоящее время, зависеть от наших отношений с Францией. Если мы собираемся вести переговоры с Францией, то, по его мнению, нам следует приостановить дальнейшие дела с Россией; из-за недостатка информации по данному вопросу он не считает наше общение официальным, хотя и имеет для этого полномочия; он, тем не менее, полагает, что говорит все это лично и конфиденциально, но имеет в виду, что я могу, если найду нужным, сообщить все сказанное моему правительству. В этом случае, как и раньше, он уведомил меня, что переговоры, когда бы они ни состоялись, должны по неизменному обычаю их двора проходить либо в Петербурге, либо в Филадельфии¹.

Рекомендации Воронцова о назначении посла Соединенных Штатов в Петербург и об отправке Россией своего посла в США были встречены в Петербурге с энтузиазмом. 18 апреля 1799 г. Ростопчин написал: «Я забыл сказать вам, что вас благодарят за мысль послать уполномоченного в Америку и за готовность устроить это посольство. Узнайте, не желает ли г. Лизакевич принять это назначение. В случае его отказа можно послать Форсмана с чином статского советника и званием министра-резидента 3-го разряда»². Император Павел получил рекомендацию Воронцова в то же день 18 апреля 1799 г. и через несколько дней, 23 апреля отправил положительное решение: «Мы тем охотнее подадимся на установление взаимных миссий, что правительство тамошнее поведением своим в настоящих обстоятельствах приобрело со стороны нашей всякое уважение ... а потому, коль скоро назначен

¹ The Life and Correspondence of Rufus King; Comprising His Letters, Private and Official, His Public Documents, and His Speeches. In 6 vols. / Ed. by Charles R. King. Vol. III. N. Y.: G. P. Putman's Sons, 1896. P. 30.

² АКВ. VIII. С. 209; Вести из России в Англию в царствование императора Павла Петровича: Письма Ф. В. Ростопчина к графу С. Р. Воронцову. 1799 год // Русский архив. Книга 3. 1876. С. 70.

будет министр упомянутыми Штатами, то и мы к тому приступим»¹.

Желая вступить в более тесные отношения с Францией, президент США Джон Адамс отклонил предложение Воронцова². Но, возможно, здесь были и личные причины. В 1781 г. его сын Джон Куинси Адамс в возрасте четырнадцати лет сопровождал Фрэнсиса Дейну, первого американского посла в России, как личный секретарь. Дейну не приняло российское правительство, и в 1782 г. Адамс-младший присоединился к отцу в Париже. В отсутствие соглашения торговля развивалась от случая к случаю до тех пор, пока в 1807 г., уже в царствование Александра I, не были установлены официальные дипломатические отношения между США и Россией. Только в 1809 г. президент Мэдисон послал Джона Куинси Адамса в Россию представлять Соединенные Штаты. Адамс был американским послом в России в 1809–1814 гг.

Павел продолжал награждать Воронцова за службу, в то же время пытаясь ввести в рамки своего самостоятельно мыслящего министра и предлагая ему посты, более близкие к императорской власти. 22 декабря 1798 г. Павел наградил Воронцова Большим крестом ордена святого Иоанна Иерусалимского с годовым доходом в 3 000 рублей³. Это была особая честь со стороны императора. За год до этого он был избран Великим магистром ордена и дал убежище рыцарям, изгнанным Наполеоном с Мальты. Хотя Папа не мог признать его Великим магистром, поскольку он был православным монархом, Павел основал Российское Приорство

¹ Павел I — С. Р. Воронцову, 23 апреля (4 мая) 1799 г. АВПР. Ф. «Сношения России с Англией», 1799 г. Оп. 35/6. Д. 507. Л. 3. Цит. по: *Болховитинов Н. Н.* Становление русско-американских отношений. 1775–1815. М.: Наука, 1966. С. 204.

² *Александренко В. Н.* Русские дипломатические агенты в Лондоне в XVIII в. Т. I. С. 257.

³ АКВ. XXVIII. С. 199; *Александренко В. Н.* Русские дипломатические агенты в Лондоне в XVIII в. Т. I. С. 78.

ордена (православное и экуменическое)¹. Он также одобрил двадцать наследственных командорств, среди которых было и командорство Воронцовых во главе с троюродным братом Семена Романовича Иваном Воронцовым. 19 февраля 1800 г. Павел уведомил Воронцова, что Людовик XVIII пожаловал послу орден св. Лазаря Иерусалимского, один из самых древних орденов европейского рыцарства². Список награжденных включал знаменитого Александра Васильевича Суворова и графа Петра Палена, который сыграл центральную роль в убийстве Павла.

Несмотря на награды и оказываемую ему честь, Воронцов упорно отвечал отказом на предложения Павла вернуться в Россию — так же, как он делал во время царствования Екатерины. Очевидно предпочитая жизнь английского джентльмена жизни русского барина, Воронцов прочно закрепился в Лондоне в центре обширной сети своих корреспондентов. Среди них были некоторые самые могущественные личности России и Европы. Почти два года ему удавалось ускользать из объятий своего государя, но в конце концов он лишь разозлил Павла и довел того до решения лишить его должности. Воронцов задал тон своим ответам императору, когда 9/20 января 1797 г. уверил брата Александра, что в любом случае намерен остаться в Англии, чтобы его дети могли закончить свое образование. Михаил демонстрировал особенные способности в математике. В 1798 г. он написал брату, что Ростопчин и барон Андрей Николаи сообщили ему, что Павел и императрица Мария Федоровна намереваются пригласить его стать наставником их детей. Он считал, что это не то место, где он мог бы служить в его состоянии, и смог избежать назначения с помощью своих влиятельных друзей³.

¹ Рескрипт от 10 января 1800 г. См. *Александренко В. Н.* Русские дипломатические агенты в Лондоне в XVIII в. Т. I. С. 251.

² АКВ. XXVIII. С. 211.

³ АКВ. X. С. 33–34; АКВ. XI. С. 304–305; Вести из России в Англию в царствование императора Павла Петровича. Письма графа Ф. В. Ростопчина к

В письме барону Николаи в Россию от 11 (22) августа 1798 г. Воронцов главной причиной неспособности принять на себя какие-либо серьезные обязанности на родине, более того, невозможности вообще надолго приехать в Россию выставляет свое нездоровье, описывая его подробно:

Родившись со слабой конституцией, я страдал от 18 до 24 лет, перенес два приступа болезни груди, второй был таким, что наш общий друг, доктор Халеди, должен был 14 месяцев лечить меня: только благодаря заботе, очень жесткой диете, козьему молоку и воде Зельцера ему удалось спасти меня. Из-за всего этого грудь моя с того времени слаба. Во время пяти кампаний, которые я провел в Турции, у меня было две злокачественные и гнилостные лихорадки, последствия которых в конечном итоге повредили мою слабую конституцию, и, плюс ко всему этому, последние 4 года подагра меня мучает, гуляя по ногам и рукам; она навещает мои внутренние части в холодную и влажную погоду: иногда желудок, иногда грудь, и до такой степени, что мне уже дважды угрожал отек грудной клетки, поскольку она всегда очень хилая — неприятность, которую мой сын тоже имел несчастье унаследовать. Я стал, тем самым, еще более слаб телом. Зимы в этой стране, хотя и мягче, чем наши осени, кажутся мне всегда смертельными, и я вынужден не выходить из своей комнаты кроме как по неотложным делам и весь завернутый в шерсть, и такое продолжается от 4 до 5 недель в год. Одним словом, я живу только уходом и диетой¹.

В письме же Гренвиллю от 6 июля 1798 г. Воронцов развернуто изложил свое политическое кредо и объяснил, почему не принимает очень лестных предложений императора, совсем другими причинами:

графу С. Р. Воронцову // Русский архив. Книга 2. 1876. С. 84; *Корсаков А.* Детство и отрочество Николая Павловича // Русский архив. Книга 2. 1896. С. 281; *Половинкина М. Л.* Семен Романович Воронцов (военная и дипломатическая деятельность). С. 18–19.

¹ АКВ. XI. С. 305–306.

... в тот момент, когда две наши страны, отступив от своих истинных интересов, были все еще полны взаимного недоверия и обиды, я изложил вам мое политическое кредо, которое было, есть и всегда будет в том, что ничего не может быть более выгодным для наших двух стран, чем находиться в союзе друг с другом; что из всех союзов такой альянс является самым естественным и взаимовыгодным; и что если в течение нескольких лет они, к сожалению, забыли свои истинные интересы, пришло время вернуться к правильной системе их политики; и что если английское правительство желает возобновить традиционные связи и дружбу между двумя странами, оно всегда найдет во мне самого ревностного помощника в этом благотворном деле ... Вот мое политическое кредо, и где бы я ни был, я никогда не отступлю в своей душе от этих серьезных принципов; но я сомневаюсь, что могу быть полезным в Петербурге; ведь довольно часто обстоятельства складываются так, что человек полезнее, когда он далеко, чем когда он близко ... Вот все, что я знаю сам, и все, что я знаю из достоверных источников о характере императора: он справедлив, он добр, но энергичен, не любит противоречий, не терпит неискренности, даже самой аккуратной и осторожной; вот почему он так часто испытывает отвращение к тем, с кем имеет дело, и почему эти люди вынуждены отойти от дел или смириться с тем, что утратили доверие и подвергаются унижительному обращению с его стороны ... Что же касается меня, на каком бы месте я не оказался рядом с персоной императора, я уверен, что не протяну бы и трех месяцев, поскольку, не обладая талантами князя Безбородко, я не имею также этой легкости, этого особенного склада характера, который есть у него. Я никогда не мог удержаться — при любых обстоятельствах — от высказываний против всего того, что казалось мне несправедливым или политически ошибочным; что принесло мне репутацию неудобного моралиста, с которым трудно вести дела. Я бы стремился получить пост, которого не желаю, и я не попал бы обратно на место в Лондоне, которое я хочу сохранить за собой, поскольку совершенно счастлив в этой стране, пока она сохраняет дружеские отношения с моей страной. Я могу, оставаясь здесь, быть наименее бесполезен для сохранения этого счастливого союза. ... Также я решил просить извинить меня от предложенного

поста и не принимать никакого другого; а в качестве причины я буду выдвигать состояние моего здоровья, которое всегда существенно ухудшается в петербургские зимы, длительность и суровость которых совсем не такие, как в Англии. После такого признания я надеюсь, что вы одобрите мой план, состоящий в том, чтобы жить в этой стране, которую я люблю, где я совершенно счастлив и где я могу быть в некоторой степени полезен для поддержания гармонии между нашими двумя странами¹.

В сентябре того же года Павел написал Воронцову, что Безбородко болен, а князь Александр Куракин выразил желание уйти с поста вице-канцлера. Поскольку Воронцов мог бы помочь императору своим опытом в международной политике, Павел предложил ему вице-канцлерство. Воронцов ответил, что не может его принять по причине слабого здоровья². Безбородко был уже тяжело болен, ему оставался только месяц жизни³, когда 2 марта 1799 г. Павел недвусмысленно потребовал присутствия Воронцова в России, чтобы возложить на него высочайшее достоинство в Российской империи — звание канцлера: «Крайность ... заставляет меня опять прибегнуть к вам и просить вас, не только для меня, но и для государства и всей Европы, принять на себя призыв мой, на что не ответа, а приезда вашего ожидая...»⁴ В этой должности Воронцов был бы главой правительства с огромными полномочиями в сферах внутренней администрации и внешней политики. Он полностью контролировал бы всю российскую дипломатию. За этот пост его любимый дядя Михаил Ларионович боролся много лет. И все же

¹ Report on the Manuscripts of J. B. Fortescue, Esq., Presented at Dropmore. Vol. IV. L.: Mackie & Co., 1905. P. 246–248.

² АКВ. X. С. 5, 35–37, 46, 242, 325–328; АКВ. XIV. С. 96, 98–99; АКВ. XXVIII. С. 187; АКВ. XXX. С. 480; *Александренко В. Н.* Русские дипломатические агенты в Лондоне в XVIII в. Т. I. С. 522. П. В. Завадовский по этому поводу написал Александру: «От брата твоего, на известное ему предложение, получен отзыв уклонный, со всею пристойностью. Досады отнюдь не было, ибо предлагали в его волно, признавая, что служение его и там полезно» (АКВ. XII. С. 204).

³ Князь А. А. Безбородко умер 6 апреля 1799 г. (АКВ. XII. С. 223).

⁴ АКВ. X. С. 250; АКВ. XXVIII. С. 201.

Воронцов отказывался и 25 марта/5 апреля 1799 г. получил приказ Павла от 2 марта немедленно вернуться в Россию. «...мне опять грозит возвращение в Россию, и на сей раз эта угроза серьезнее, чем раньше»¹. Собрав все свои дипломатические умения, он указал Павлу на «всю действительную мою неспособность на важное служение, на которое употребить меня намеряетесь», и попросил отсрочки до конца мая, чтобы восстановить свое здоровье и здоровье дочери, «ей предписали ехать к морю и купаться в морской воде шесть недель сряду (сие единое ее подкрепляет)»². Император, вероятно, устав от отговорок Воронцова, ответил: «когда скоро здоровье ваше полагает препоны к исполнению предложенного и желанного мною, и вы опасаетесь жестокостью здешнего климата подвергнуть себя совершенному расстройению здоровья вашего, то, желая соблюсти оное, теперь отдаю совершенно на волю вашу приезд сюда» — и Воронцов поблагодарил императора за его доброту³.

Борьба волею продолжилась, и 26 октября 1799 г. Воронцов был назначен командующим российского экспедиционного корпуса, участвовавшего в российско-британском вторжении в Голландию и проводившего теперь зиму на Нормандских островах⁴. Это назначение серьезно осложнило выполнение Воронцовым его дипломатических обязанностей. 17 апреля 1800 г. тот же Ростопчин остановил письмо Воронцова Павлу с просьбой разрешить сыну

¹ АКВ. XXII. С. 524.

² АКВ. X. С. 329–330, 49; АКВ. XXII. С. 524.

³ АКВ. X. С. 250–251, 332–334; АКВ. XII. С. 228–229; АКВ. XXVIII. С. 202.

⁴ *Александренко В. Н.* Русские дипломатические агенты в Лондоне в XVIII в. Т. I. С. 78, прим. 2; АКВ. X. С. 64–71; АКВ. XI. С. 335; АКВ. XVI. С. 325–326. Этот корпус в 1700 солдат находился в плохом состоянии, многим нужна была медицинская помощь, Воронцов посылал туда врачей (*Adventures of an Army Physician // Chambers' Edinburgh Journal. Vol. XVII. No. 420. New Series. Saturday, January 17, 1852. P. 13*) и проявлял возможную заботу о быте солдат и отправке корпуса домой (*Tucker C. Russians in the Channel Islands // Annual Bulletin of La Société Jersiaise. 1974*).

Михаилу приехать в Россию, объяснив, то это может принести в данное время «неудовольствие графу Семену Романовичу»¹. Поскольку стало очевидным, что Воронцов не вернется в Россию ни при каких обстоятельствах, а Павел «усматривая ... разные представления вопреки воли его, приказал вам сказать, что если исполнение оной вам в тягость, то невозбранно вам просить увольнения от службы»², Воронцов написал императору 27 апреля / 9 мая 1800 г., что после 40 лет преданной службы он просит увольнения со своего поста, и 22 мая получил приказ Павла, освободивший его от всех обязанностей по причине слабого здоровья «с ношением мундира» и назначавший (по рекомендации Воронцова³) В. Г. Лизакевича временно исполняющим эти обязанности⁴. Когда последний был переведен в сентябре в Копенгаген, обязанности перешли к отцу Якову Смирнову. Императорский рескрипт от 29 сентября 1800 г. уведомил отца Смирнова, что в отсутствие аккредитованных особ при британском дворе «препоручается вам извещать Государя обо всем, что вы узнать можете касательно до предприятий, вооружений, отправлений, переводов денежных и торговых оборотов англичан в течении настоящей осени и зимы». Это «в русской истории едва ли не единственный пример духовного лица, отправлявшего посольскую службу»⁵.

Разочаровавшись в своем слишком тесном сближении с Австрией и Англией, император Павел не взлюбил и тех, кто были свидетелями и деятелями этого сближения. Граф Ростопчин писал к графу А.Р. Воронцову в Москву, от 23 Мая 1800 года: «За

¹ АКВ. VIII. С. 458–459.

² АКВ. X. С. 75.

³ Report on the Manuscripts of J. B. Fortescue, Esq., Presented at Dropmore. Vol. VI. P. 230.

⁴ АКВ. X. С. 335–336, 351–352; АКВ. XXVIII. С. 212–214.

⁵ Лондонский священник Я. И. Смирнов // Русский архив. 1879. Книга 3. С. 356, 354; *Александренко В. Н.* Русские дипломатические агенты в Лондоне в XVIII в. Т. I. С. 79, 127–128.

разрушение союза с коварным Венским двором означены четыре жертвы: князь Суворов, граф Семен Романович, Англия и я. Три первые принесены, а я еще остался; но весьма холодно и спокойно ожидаю своего жребия. Чудно, что до сих пор еще жив»¹.

Уходя в отставку, Воронцов в письмах к Гренвиллю в мае и августе 1800 г. излагает свою позицию относительно службы «двору, который, безусловно, не оставляет надежды на то, что будет вести себя более мудро»²:

Деспот чрезмерно подозрителен, он не видит во мне никого, кроме мятежника, который, несмотря на его приказ, настаивает на том, чтоб остаться в Англии. Я знаю, что некоторое время назад он взял себе в голову, что мне больше нравится находиться здесь, чем где-либо еще, потому что он считает, что я весь предан Англии, а не моей родной стране. Его подозрительный характер таков, что если клевета на кого-нибудь не оказывает на него влияния, и он ее на некоторое время отвергает, то он ее затем вспоминает при первом же недовольстве, каким бы пустяшным оно ни было, тем человеком, которому хотели навредить, и начинает верить в ранее отвергнутую клевету. Я чувствую это по отношению ко мне, и я знаю, что хотя он не верил в тот момент, когда читал то письмо графа Штаремберга к Кобенцлю, в котором первый написал обо мне, что я покорен вами, что я целиком и полностью англичанин, что этим я сослужил своему государю дурную службу, теперь он в это верит...

Не стоит надеяться ни на что твердое и разумное во время этого царствования, которое будет лишь чередой противоречий и выходов; я также буду считать настоящим несчастьем для меня, если на меня опять начнут давить, как на матроса на корабле, постоянно вынужденного делать глупости из-за невежества и

¹ Вести из России в Англию в царствование императора Павла Петровича. Письма графа Ф. В. Ростопчина к графу С. Р. Воронцову // Русский архив. 1876. Книга 3. С. 419, прим. 10 (написано П. И. Бартевым); АКВ. VIII. С. 459–460.

² Report on the Manuscripts of J. V. Fortescue, Esq., Presented at Dropmore. Vol. VI. P. 216

капризов капитана, который тем временем получает удовольствие от плохого обращения со своей командой. Нет ни удовольствия, ни чести, ни славы служить в настоящее время. Невозможно делать что-либо хорошо, невозможно даже предотвратить вред, получаешь только упреки и выговоры непрерывно, без порядка и смысла. Мое терпение уже давно исчерпано; я, наконец, имею счастье оставить этот тягостный труд, и, находясь в единственной стране мира, где человек сохраняет все свое достоинство, я буду жить спокойно и счастливо от того, что меня забыли в моей родной стране те, кто сегодня правят. Если меня захотят использовать здесь при другом правлении, я буду рад; но я слишком стар, чтобы увидеть это новое правление¹.

Поскольку ему было позволено жить, где захочет, Воронцов начал подыскивать дом в провинции («une petite maisonnette de campagne») в Саутгемптоне, где жизнь была бы дешевле, чем в Лондоне, а его дочь могла бы принимать ванны, чтобы поправить здоровье². Расположенный примерно в 75 милях на юго-запад от Лондона Саутгемптон стал в XVIII в. популярным местом для морских купаний. Поиском дома в начале августа занялся отец Смирнов, приступив к делу, как всегда, очень ответственно³. В конце августа 1800 г. граф Семен Романович с детьми переехал в Саутгемптон, где, как он писал брату, «совершенно забыл про политику, от которой я так долго так сильно уставал. Я отказался от подписки на лондонские газеты и получаю только одно ежедневное английское издание, которое Мишель или Катенька читают мне вслух во время завтрака. Наша жизнь здесь кажется неизменной в

¹ Report on the Manuscripts of J. B. Fortescue, Esq., Presented at Dropmore. Vol. VI. P. 229, 307. Ю. М. Лотман считает, что «измена ловкого карьериста Ф. В. Раstopчина ознаменовала конец надежд на активную политическую роль С. Р. Воронцова при новом императоре» (*Лотман Ю. М. Черты реальной политики в позиции Карамзина 1790-х гг. (к генезису исторической концепции Карамзина) // XVIII век. Сборник 13. Проблемы историзма в русской литературе, конец XVIII — начало XIX в. Л.: Наука, 1981. С. 131).*

² АКВ. X. С. 79–81, 352.

³ АКВ. XX. С. 459–464.

целом, но она очень разнообразна в мелочах»¹. Он описывает, как они радуются прогулкам в прекрасные солнечные дни лета и ранней осени. Их еда проста, состоит из четырех блюд и всегда включает превосходную местную рыбу. По вечерам они читают, музицируют, играют в карты. Их хозяин продает книги — «М-г Baker, который есть хозяин сей книжной лавки, почитается очень хорошим человеком, достаточен, участник в одном из здешних банков, торгует с Россией холстом, пенькою, железом и пр.»², — и за 15 шиллингов в день они могут взять столько книг, сколько хотят. Вдали от суматохи и политического напряжения Лондона они чувствовали себя спокойными и довольными: «мое здоровье улучшается благодаря отдыху и целебному воздуху прекрасного Саутгемптона, который становится мне день ото дня все более дорог и приятен»³.

Кажется, Воронцов озабочен теперь лишь мелкими интимными деталями своей домашней жизни:

...мой туалет не длится более четверти часа, он теперь не занимает у меня много времени, поскольку я больше не беспокою цирюльника и он меня больше не беспокоит; я побрил всю переднюю часть головы, где у меня почти не было волос, и мне изготовили такую штуку, которую я прилаживаю за 3 или 4 минуты, с которой я могу спать, не снимая ее; на следующий день достаточно только пройтись расческой, и невозможно отличить накладные волосы от моих собственных. С двумя такими

¹ АКВ. X. С. 83–86.

² АКВ. XX. С. 461.

³ АКВ. XVII. С. 20. «Князь Михайло Семенович любил с обычною ему чувствительностию повторять, что если тогда граф Семен Романович и его дети не доходили до крайности и не терпели действительной нужды, то они этим обязаны единственно торговой Фирм Томас Бонар и Ко, которая, по давнишнему знакомству с графом, великодушно предложила ему свои услуги в несчастье и снабжала его ссудами по обстоятельствам, к возврату не совсем верными» (АКВ. XL. С. 517).

штуками, которые я меняю каждые 4 дня, мой туалет меня больше не затрудняет¹.

Однако Воронцов не мог так резко бросить свои обязанности и поддерживал тесную связь с посольством в Лондоне. Его дипломатическая карьера была посвящена установлению стабильного и постоянного российско-британского союза, направленного, главным образом, против Франции. И все же он не смог предотвратить «предательство» Австрией Второй коалиции и ее подчинение Франции, растущую враждебность между Россией и Британией и сближение Павла с Наполеоном. Когда российско-британский альянс не привел к желаемым результатам, дипломатические отношения были прерваны. Павел не мог простить захват Валетты на Мальте адмиралом Нельсоном 5 сентября 1800 г. и отказ Британии передать ее ему как Великому магистру ордена св. Иоанна. Павел почувствовал себя преданным, когда Британия взяла остров под свое покровительство². Он не был доволен усилиями Воронцова и без всяких объяснений потребовал отозвать Чарльза Уитворта, британского посла в Петербурге³. Россия сближалась с Данией и Швецией, требование которых о нейтральном судоходстве Британия отказывалась признавать. Гренвиль пишет в декабре: «Я должен думать, что дело идет к кризису. Я не могу понять, как столь очевидному сумасшедшему позволяют продолжать так долго»⁴. Воронцов теперь действует неофициально, получая сведения от своих агентов, встречаясь по-

¹ АКВ. X. С. 84.

² АКВ. X. С. 249–250; АКВ. XXVIII. С. 197–198.

³ См.: *Айрапетов О. Р.* История внешней политики Российской империи. 1801–1914: в 4 т. Т. 1. Внешняя политика императора Александра I. 1801–1825. М.: Кучково поле, 2017. С. 13–14.

⁴ Report on the Manuscripts of J. B. Fortescue, Esq., Presented at Dropmore. Vol. VI. P. 409.

дружески с британскими влиятельными лицами и делая все, что в его силах, чтобы предотвратить войну между двумя странами¹.

По мере возрастания враждебности между Россией и Британией, обязанности отца Смирнова в посольстве становились все более сложными и трудоемкими. 28 января 1801 г. Ростопчин написал ему:

Полученное здесь известие о наложении в Англии эмбарго на суда российские и товару, а равно и экипажи, на них находящиеся, побуждает на отзыв из Англии как вас самих с чинами миссии, так и всех ведомства адмиралтейства и морского департамента чинов. Почему поручается вам (когда узнаете, что вам и всем вышеписанным особам английским правительством возбранено не будет) отправить прежде всех флотских офицеров, корабельных мастеров и прочих чиновников, к ведомству иностранного департамента не принадлежащих. Потом имеете и вы сами, со всеми при вас ныне находящимися, забрав всю архиву миссии и все что казне принадлежащего у вас найдется, отправиться в Гамбург².

Смирнову удалось получить паспорта для сотрудников миссии, но ему пришлось сообщить в Петербург, что все морские офицеры задержаны в Англии. Ситуация также усложнялась тем, что приходилось содержать посольский дом, церковь и финансово поддерживать задержанных офицеров. Имевшихся средств не хватало, и он был вынужден занимать деньги и жить в долг. Британцы теперь строго контролировали комиссионеров, запретив им «выписывать мастеров для угольного производства и механиков» для России. Посланные в Британию специально для

¹ Report on the Manuscripts of J. B. Fortescue, Esq., Presented at Dropmore. Vol. VI. P. 259–260, 263.

² АКВ. XX. С. 465–466.

подбора мастеров люди не могли выполнить свои поручения¹. В это трудное время Смирнов часто писал Воронцову, своему бывшему начальнику, прося наставлений и информации².

Война казалась неизбежной, когда мощная эскадра Нельсона вышла из Ярмута и отправилась в Балтийское море, чтобы наказать шведов и датчан и уничтожить российский флот у Ревеля. Со своей стороны Павел тоже готовился к войне и в тайне планировал объединенную российско-французскую экспедицию против британской Индии. Однако после его смерти Александр I заключит мир с Британией сразу после восхождения на трон. Неустойчивые отношения и очевидно опрометчивая международная политика вряд ли были единственными причинами повторявшихся отказов Воронцова служить своему монарху. Возможно, он знал о растущем заговоре в Петербурге с целью убрать императора. Британские агенты работали с пробританской партией в России, чтобы подорвать власть Павла.

Англия снабжала нас произведениями и мануфактурными и колониальными за сырые произведения нашей почвы. Эта торговля открывала единственные пути, которыми в Россию притекало все для нас необходимое. Дворянство было обеспечено в верном получении доходов с своих поместьев, отпуская за море хлеб, корабельные леса, мачты, сало, пеньку, лен и проч. Разрыв с Англиею, нарушая материальное благосостояние дворянства, усиливал в нем ненависть к Павлу, и без того возбужденную его жестоким деспотизмом³.

¹ АКВ. XX. С. 464; *Львов Н. А.* Письмо Г. Г. Кушелеву, 20 мая 1800 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. С. 54.

² *Александренко В. Н.* Русские дипломатические агенты в Лондоне в XVIII в. Т. I. С. 85–86.

³ Из записок Фонвизина // Царевубийство 11 марта 1801 года. Записки участников и современников. СПб., 1907. С. 159.

В том числе из-за своих деловых интересов в Британии семья Воронцовых приветствовала замену Павла на его сына Александра и, вероятно, сыграла свою роль в успешном заговоре. Кажется, и сестра Воронцовых Дашкова могла иметь некоторую информацию об ожидаемых переменах. В «Записках» она рассказывает, как зимой 1800–1801 гг. приехала к брату Александру в его имение Андреевское встречать Новый год и новое столетие. Там во время обсуждения текущих событий она точно предсказала, что «1801 год будет роковым годом для императора»¹.

Воронцов очень хорошо понимал, что играл в опасную игру с непредсказуемым и часто мстительным монархом и что его упрямство приведет к репрессиям. Больше ему не доверяли, и в начале нового 1801 г. за ним установили наблюдение². В самом деле, его решение остаться в Англии не могло защитить его от царского гнева, который настиг его в форме императорского указа отобрать всю его собственность в России:

Его Императорское Величество высочайше указать соизволил: за недоплаченные Лондонским банкерами Пишелем и Броденом казне принадлежащие деньги 499 фунтов стерлингов, 14 шиллингов и 5 пенсов, конфисковать на такую сумму имения генерала графа Воронцова; прочее же его имение, за пребывание его в Англии, взять в казенный секвестр. На подлинном подписано: генерал-прокурор Обольянинов. Михайловский замок. Февраля 19 дня 1801 года³.

«Граф Александр Романович уже распорядился сдачею их в казну и обратился к Государю с прошением указать, как ему быть с теми имениями, которые были у него во владении, нераздельном с

¹ Записки княгини Дашковой. С. 284–285; *Воронцов-Дашков А. И.* Екатерина Дашкова: Жизнь во власти и опале. С. 264–265.

² *Александренко В. Н.* Русские дипломатические агенты в Лондоне в XVIII в. Т. I. С. 78, прим. 2; АКВ. XI. С. 382.

³ АКВ. XI. С. 341.

братом»¹. Эти меры все-таки не были осуществлены, так как все действия против Воронцова были резко остановлены менее чем через месяц, когда 11/23 марта 1801 г. Павел был убит в своей спальне в только что построенном Михайловском замке.

Заявляя о своей невинности и преданности Павлу в том же месяце и день спустя восхождения Александра I на престол 25 марта / 5 апреля 1801 г. (а весть об убийстве еще не дошла до Англии), Воронцов писал:

Я не столь огорчен бедностью, в которую я нынче ввергнут вместе с детьми, будучи в долгах и лишенный доходов, сколь мыслью, что император смотрит на меня, как на предателя. Я прослужил 45 лет и прожил мою жизнь, служа, как человек чести. Возможно ли, что в конце моих дней на пороге смерти я захотел бы окончить свою жизнь, как человек без чести, предавший своего суверена, который возложил на меня знаки своего благорасположения и доверия, кто единственный из суверенов, которым я так долго служил, был моим благодетелем?²

Обстоятельства жизни Воронцова и отношения с императором в последние месяцы правления Павла заставляют исследователей думать, что Семен Романович тем или иным образом участвовал в заговоре, хотя и находился в Англии. В самом деле, Воронцов был всегда самым горячим сторонником российско-британского союза, он состоял в переписке, часто весьма длительной и дружеской, со многими участниками заговора. И, наконец, результат заговора был чрезвычайно выгоден Воронцову, поскольку спас его от нищеты, дальнейших репрессий, возможного позора и даже гибели.

Н. Я. Эйдельман подводит итог: «если не с самого начала, то, во всяком случае, очень рано, Семен Воронцов фактически становится

¹ АКВ. XXXII. С. 294, прим. 1 (примечание П. И. Бартенева); АКВ. XXX. С. 130.

² АКВ. XI. С. 340.

"заочным заговорщиком"»¹. Некоторые исследователи притягивают его к заговору через масонские связи. Однако, Воронцов писал невнятными намеками и общими метафорами, а перед самыми событиями выказывал безнадежное отчаяние:

Это верно, что нельзя терять надежду; но до известного предела — то есть до тех пор, пока у меня остаются разумные доводы в пользу ожидаемых перемен. Но когда при всей необходимости и легкости перемен они не наступают — то из этого следует, что существует некий коренной порок, которого мы не видим и который нам противостоит ... Мы на судне, капитан которого и экипаж составляют нацию, чей язык нам не знаком. У меня морская болезнь, и я не могу встать с постели. Вы приходите, чтобы мне объявить, что ураган крепчает и судно гибнет, ибо капитан сошел с ума, избивая экипаж, в котором более 30 человек, не смеющих противиться его выходкам, так как он уже бросил одного матроса в море и убил другого. Я думаю, что судно погибнет; но Вы говорите, что есть надежда на спасение, так как первый помощник капитана — молодой человек, рассудительный и мягкий, который пользуется доверием экипажа. Я Вас заклинаю вернуться наверх и представить молодому человеку и матросам, что им следует спасать судно, часть которого (так же как и часть груза) принадлежит молодому человеку, что их 30 против одного и что смешно бояться смерти от руки сумасшедшего капитана, когда вскоре все и он сам утонут из-за этого безумия. Вы мне отвечаете, что, не зная языка, Вы не можете с ним говорить, что Вы отправляетесь наверх, чтобы видеть, что происходит. Вы возвращаетесь ко мне, чтобы объявить, что опасность увеличивается, так как сумасшедший по-прежнему управляет, но что Вы по-прежнему надеетесь. Прощайте! Вы счастливы более меня, мой друг, так как я более не имею надежды².

¹ Эйдельман Н. Я. Грань веков. Политическая борьба в России. Конец XVIII — начало XIX столетия. М.: Мысль, 1986. С. 185–186.

² АКВ. XI. С. 380–381 (русский перевод см.: Эйдельман Н. Я. Грань веков. С. 198–199); это ответ на письма Н. Н. Новосильцева от 20 января и 4 февраля 1801 г.

Для деятельного и энергичного Воронцова такое настроение в напряженные моменты не было характерно. Его состояние усугубляла необходимость решить, возвращаться ему в Россию или нет. Используя всевозможные отговорки и проволочки, а также трудности выезда из Британии в военное время «Воронцов ждет, мучительно надеется и в конце концов решается ехать; решение принято 29 (17) марта, через 6 дней после гибели властелина, но за несколько дней до того, как это известие достигнет Англии»¹.

(АКВ. XVIII. С. 436–438). Кенни считает, что эта переписка свидетельствует о том, что Воронцов что-то знал о планах заговора (*Kenney J. Lord Whitworth and the Conspiracy Against Tsar Paul I: The New Evidence of the Kent Archive // Slavic Review. Vol. 36. No. 2. June, 1977. P. 207*). На эти же письма ссылаются и другие исследователи, поскольку иных свидетельств не найдено. См.: *Narkiewicz O. A. Alexander I and the Senate Reform // Slavonic and East European Review. Vol. 47. No. 108. Jan., 1969. P. 119, note 14.*

¹ *Эйдельман Н. Я. Грань веков. С. 230.*

Глава XI

Александр I и возвращение в Россию, 1802

Вновь на службе. Негласный комитет. Первые шаги внешней политики Александра I. Воронцов обвиняет Панина. Брат назначен канцлером. Сын Михаил в России. «Записка о русском войске». Поездка в Россию. Столкновение с Дашиковой. Реформа Сената. Проект учреждения министерств. Полумеры реформ. Визит в Финляндию. Дружба с императрицей. Обратный путь.

Почти сразу же после убийства Павла I, 13/25 марта 1801 г. П. А. Пален написал Воронцову, объявив изменения в политике России по отношению к Британии и возвращение Воронцова в качестве главного представителя России.

Господин граф! В связи с кончиной е. в-ва императора Павла I, последовавшей в ночь с 11-го на 12-е от внезапного апоплексического удара, на трон вступил любимец и надежда нации — августейший Александр. По его повелению я имею честь сообщить в. пр-ву, что петербургский кабинет, вернувшись отныне к своим принципам, некогда снискавшим ему всеобщее доверие Европы, готов сблизиться с сент-джемским кабинетом, чтобы восстановить между Россией и Великобританией единодушие и доброе согласие, которые всегда характеризовали отношения этих двух империй. Е. и. в-во соизволил доверить приятное и важное поручение этого спасительного сближения в. пр-ву¹.

¹ Внешняя политика России XIX и начала XX века. Документы российского министерства иностранных дел. Т. 1. М.: Гос. изд-во полит. литературы, 1960. С. 11–12; История внешней политики России. Первая половина XIX века / Под ред. О. В. Орлика. М.: Международные отношения, 1999. С. 34.

Ночью 1/13 апреля 1801 г. в Лондон прибыл курьер с официальным известием о том, что Александр I взошел на российский престол. Отец Смирнов с восторгом отправил письмо в Саутгемптон: «Успокойте, ваше сиятельство, дух ваш от временных беспокойств. Павел I-й отъиде в вечный покой». На другой день в следующем письме он добавил: «Надеюсь, что мы пока освобождены от страха бояться своей тени» — и бросился чистить и приготавливать дом на Харли-стрит к возвращению посла¹. Кочубей так высказался в письме к Воронцову от 21 апреля 1801 г. по поводу произошедшего переворота: «Желать перемены было каждому естественно, и никто оной более меня не желал; но насилье такого рода, каковое, сказывают, было, должно быть как гнусно, так и опасно для переду»². Похоже, Воронцов разделял эту точку зрения³.

А. Г. Орлов же в письме к Воронцову от мая 1801 г. воскликнул: «Удивительное дело, как себя до такой степени довести, что и здешние жители, как вышние, також и нижние, отменно оному случаю обрадовались»⁴.

Интересно, что уже 6 мая 1801 г. Воронцов пишет другу Николаи, что теперь можно вздохнуть свободно. Однако, он видит и скорбь вдовствующей теперь императрицы. Он не считает ее скорбь достаточно оправданной:

Больше двух лет я сочувствовал ее несчастьям; ее страдания заставляли и меня страдать. Поскольку она добра, добродетельна и милосердна, она никогда не должна была терпеть такие печали; но Провидение хотело проверить ее стойкость и самоотверженность. Разум, добродетель, религия до сих пор поддерживали душу этой великой и несчастной принцессы. Я молю Бога, чтобы Он поддержал ее в этом последнем и ужасном

¹ АКВ. XX. С. 486–489.

² АКВ. XIV. С. 149.

³ Он написал об этом позже в письме к сыну (АКВ. XVII. С. 166), см. Главу XIII.

⁴ АКВ. XXVII. С. 31.

несчастье, в котором только что подверглась испытанию ее самоотверженность. Я также молю Бога, чтобы Он вдохнул в ее детей то уважение, нежность, привязанность и почтение, которые такая прекрасная и добродетельная мать имеет право ожидать от них¹.

В этом же письме Воронцов добавляет в постскриптуме:

То, что вы говорите мне о характере покойного Императора, о том, что это была смесь самых дружелюбных качеств с величайшим насилием в характере, и что эти акты насилия в конце концов победили, очень верно; но я думаю, вам следует добавить, что это насилие продолжало нарастать и доходило до потери его разума, поскольку очевидно, что в последние 8–10 месяцев он находился в видимом состоянии безумия ... и некоторые другие черты непобедимо доказывают, что его разум был нарушен. Поэтому я не объясняю тиранию и жестокость, которые запятнали последние дни его правления, его злобным сердцем. Мне его жаль больше, чем я его виню, и я никогда не забуду доброту, которую он проявлял мне в первые два года своего правления².

Новый император взялся восстанавливать дипломатические отношения с Британией и захотел вернуть отставника на прежний пост. Воронцов прокомментировал это предложение: «мне так опротивела вся эта служба, что сама идея возвращения на проклятую галеру заставляет меня содрогнуться; и, если я приму это, то на очень малый срок, и исключительно чтобы помочь сближению двух дворов»³. Он считал, что бесполезен «в любой другой системе, кроме той, что предполагает тесный союз между Россией и Великобританией; что, если эта система будет принята в Петербурге, он еще будет служить десять или двенадцать месяцев

¹ Приязнь Марии Федоровны и Воронцова была взаимна (АКВ. XXIII. С. 45).

² АКВ. XXII. С. 531–532.

³ Report on the Manuscripts of J. B. Fortescue, Esq., Presented at Dropmore. Vol. VII. P. 5.

перед тем, как уйти совсем в отставку»¹. «Малый срок» продлился пять лет.

Семен Романович был опять аккредитован при британском дворе, сначала как чрезвычайный посланник и полномочный министр, а затем как посол. 13 марта 1801 г. Пален написал Воронцову:

С превеликой готовностью я пользуюсь честью объявить вашему превосходительству, что столь несправедливо наложенный на вашу собственность секвестр отменен распоряжением Его Величества Императора. Суровые меры, принятые покойным монархом, должно быть задели, но не удивили ваше превосходительство, тогда как немедленное решение правящего суверене не могут не привести вас в изумление. Это результат его умения ценить истинные заслуги и отдавать справедливость подданным, которые подобно вам, г-н граф, послужили стране таким выдающимся образом².

Казалось, что в России начинается новая эпоха с воцарением Александра, который под руководством швейцарского наставника Лагарпа получил прекрасное просвещенное образование. В первой половине своего царствования Александр пытался провести либеральные законодательные и социальные реформы, но несмотря на свое отвращение к институту крепостничества, он так и не смог его отменить. В письме к брату в 1801 г. из Саутгемптона Семен Романович сосредоточился на крепостном праве — наиболее важной сфере, которая требовала перемен. «Я узнал из газет, что в России запретили продавать людей. Надеюсь, что это правда и что события теперь примут такой более счастливый оборот; это теперь предмет наших разговоров на берегу этого прекрасного залива»³. Но рабство и продажа живого товара не прекратились. Расхождение

¹ Report on the Manuscripts of J. B. Fortescue, Esq., Presented at Dropmore. Vol. VII. P. 16.

² АКВ. X. С. 94, 369–370; *Александренко В. Н.* Русские дипломатические агенты в Лондоне в XVIII в. Т. I. С. 86–87, прим. 3.

³ АКВ. XI. С. 405.

между просвещенным принципом врожденного достоинства всех людей и мерзостями рабства и крепостничества беспокоило просвещенные круги¹. Взгляды Воронцова — так же, как и его брата Александра и сестры Екатерины Дашковой — соответствовали взглядам их отца².

Существует мнение, что, поскольку ни одно из важнейших аристократических семейств не принимало явного участия в успешном заговоре против Павла, Александр I никому не был должен и мог свободно проводить ту политику, о которой мечтал³. Однако, имело место прямо противоположное: новому императору требовалось умение поддерживать равновесие самых разных сил и влияний.

В обсуждении и осуществлении своих планов Александр I опирался на Негласный комитет — неофициальную группу, состоявшую из так называемых «молодых друзей» императора — графа В. П. Кочубея, Н. Н. Новосильцева, князя А. Е. Чарторыйского и графа П. А. Строганова. Предполагалось начертать план государственных реформ, которые должны привести к установлению конституционной монархии в соответствии с учениями эпохи Просвещения. Воронцов установил ранее длительные дружеские связи почти со всеми молодыми реформаторами. В. П. Кочубей, будущий министр иностранных дел, примерно четыре года служил под началом Воронцова в российской миссии в Лондоне⁴, Н. Н. Новосильцев большую часть времени

¹ *Bartlett R. Defenses of Serfdom in Eighteenth-Century Russia // A Window on Russia / Ed. by Maria Di Salvo and Lindsey Hughes. Rome: La Fenice Edizioni, 1966. P. 67–74.*

² *Ладыгина Т. Н. Роман Илларионович Воронцов (Краткий биографический очерк); Алексеев В. Н. Графы Воронцовы и Воронцовы-Дашковы в истории России. С. 48–50; Воронцов-Дашков А. И. Екатерина Дашкова: Жизнь во власти и опале. С. 117–123.*

³ *McConnell A. Alexander I's Hundred Days: The Politics of a Paternalist Reformer // Slavic Review. Vol. 28. No. 3. Sep., 1969. P. 376.*

⁴ Воронцов встречался с молодым Кочубеем еще в Венеции в 1784 г., когда тот путешествовал со своим гувернером по Италии. Воронцову Кочубей очень понравился (АКВ. IX. С. 7–8).

правления Павла провел в Лондоне, изучая науки, математику и медицину. Новосильцев создаст проект конституции Российской империи, но его план будет забыт после смерти Александра I в 1825 г.¹ Чарторыйский, которым Воронцов восхищался, будет помощником Александра Романовича, когда тот станет канцлером. Чарторыйский вспоминал:

Новосильцев во время своего пребывания в Англии, в царствование Павла, посещал дом графа Семена, которому был представлен старым Строгановым. Он приобрел его дружбу и доверие и стал близким членом его семьи. Новосильцев явился, некоторым образом, звеном, связавшим графа Александра с молодыми людьми нашего кружка. ... Торийские убеждения графа Семена являлись для России крайним либерализмом, и он не преминул повлиять на брата в смысле сочувствия к тем преобразовательным планам, которые уже начали принимать более ясные очертания в уме императора. Сам граф Александр не был противником некоторых либеральных идей; по своим природным склонностям он способен был и воспринять их, и сочувствовать им. В нем осталась закваска той старой либеральной русской аристократии, которая хотела, призывая на престол императрицу Анну, ограничить ее власть. Он рассказывал мне, что в молодости, отправляясь в путешествие по Европе и проезжая через Варшаву, в царствование Августа III, он не мог представить для себя и для своего отечества ничего более разумного и более благодетельного, как если бы Россия стала тем же, чем была в то время Польша, а ее подданные получили те же права и преимущества, какими пользовались поляки².

Граф Павел Александрович Строганов, однако, был весьма далек от Воронцова и политически, и лично. Во время Французской революции Павел Строганов был членом Якобинского клуба. Несчастный первый брак его отца с первой любовью Воронцова Анной закончился с ее ранней смертью. Александр Строганов

¹ Переписку Новосильцева с братьями Воронцовыми см. АКВ. XXX. С. 289–306.

² *Чарторыйский А.* Мемуары. Глава IX. 1801–1802 гг.

поддерживал Екатерину Алексеевну во время переворота 1762 г., в то время как Анна и Воронцов были на стороне Петра III. Тем не менее, теперь они все понимали необходимость реформ в России, и Воронцов также призывал к переменам в своих письмах, заметках и сочинениях, выражавших его политические взгляды.

Первоначально внешняя политика Александра была умеренной, поскольку он унаследовал войну с Британией, враждебность Австрии и улучшенные отношения с Францией и Пруссией. Александр пытался поддерживать хорошие отношения и с Францией, и с Британией, но при дворе тогда существовали две партии: канцлер Н. П. Румянцев и вице-канцлер А. Б. Куракин вместе с некоторыми другими были настроены профранцузски и призывали к изоляции России от европейской политики. Воронцов был на стороне англофилов, которые настаивали на продолжавшейся борьбе с наполеоновской Францией и на альянсе с Британией. Он писал, что в отсутствие такого альянса «Европа не обретет спокойствия и надежного равновесия»¹. В результате в начале нового века все усилия Воронцова опять были направлены на установление более тесных и длительных отношений с Британией. Хотя и окруженный англофилами, молодой император сохранял нейтральную позицию, и было прекрасно известно, что ему нравится Наполеон. Александр I позволил Воронцову писать ему лично, и это лишь обострило отношения между Воронцовым и графом Н. П. Паниным, который тогда управлял международными делами². Воронцов начал с того, что 6/18 мая 1801 г. в длинном письме императору описал ситуацию в Европе, как он ее видел, подчеркнув свою точку зрения о необходимости русско-британского союза, чтобы противостоять угрозе французской экспансии³.

¹ АКВ. XV. С. 478.

² *Александренко В. Н.* Русские дипломатические агенты в Лондоне в XVIII в. Т. I. С. 46, прим. 1.

³ АКВ. X. С. 353–367.

Россия сняла эмбарго с британских судов 19 мая, выпустила арестованных купцов и моряков, а 5/17 июня Россия и Британия подписали в Петербурге договор о мире, возобновив мирные отношения и предыдущие соглашения. По-видимому, ради поддержания сотрудничества и взаимопонимания с Британией, особенно в области торговли, Россия согласилась фактически со всеми британскими требованиями. Было восстановлено право «бумажных блокад». Оно позволяло объявлять заблокированными некоторые порты без обязательного применения военно-морских сил. Неприкосновенность торговых судов нейтральных стран под охраной военных конвоев была отменена. Статья 7 договора была особенно невыгодна для России, поскольку нейтральными судами она объявляла только те, на которых капитан и более половины команды были из страны, чей флаг несло судно. В результате российские суда в Средиземном море, экипажи которых часто были греческими, подлежали теперь осмотру и конфискации. В Британии договор был встречен с восторгом, тогда как в России — с недоумением. «На скорую руку, худо или хорошо, — вспоминал Чарторыйский, — устроили сделку, в которой чувствовалась поспешность и желание столкнуться во что бы то ни стало»¹.

10 июня Александр I поблагодарил Воронцова за патриотизм и любезно, хотя и уклончиво, уверил его, что морская конвенция с северными державами пересматривается и что его замечания будут приняты к сведению². Вскоре Воронцов получил рескрипт от 5 июля, предписывавший всем представителям при европейских дворах проводить политику мира и невмешательства во внутренние дела других стран. Среди других требований рескрипт содержал призыв к продолжению мирных переговоров с Первым консулом Французской республики³. Воронцов разделил рескрипт на статьи и написал на каждую из них свои замечания, в которых не мог скрыть

¹ Чарторыйский А. Мемуары. Глава IX. 1801–1802 гг.

² АКВ. X. С. 263.

³ АКВ. X. С. 264–276; АКВ. XXVIII. С. 435–449.

разочарования и гнева, «поскольку правительству Франции предлагают новые ресурсы и кормят злого гения революции», никто даже не смеет противостоять Бонапарту¹. Семен Романович возлагает вину целиком на Н. П. Панина², управлявшего российской внешней политикой и гораздо менее опытного, чем Воронцов. Первоначально он был вполне расположен к Панину, но отвернулся от него, потому что политическая система племянника, также, как и ранее система его дяди Н. И. Панина, была в первую очередь основана на союзе с Пруссией³. Воронцов также очень критически относился к организационной структуре Коллегии иностранных дел, где один человек — Панин — был ответствен за все решения, которые даже не рассматривались на императорском Совете⁴.

В августе 1801 г. Воронцов написал два больших письма — Н. П. Панину и Александру I⁵. В этих письмах он подробно разобрал, в чем, по его мнению, надо искать источник ошибочных решений, принятых в области международной политики новым правительством России в первые месяцы его существования. Оценив ущерб от этих решений в долях годового российского экспорта и в миллионах рублей, Воронцов указал, что неправильные решения были приняты оттого, что Н. П. Панин был уверен в их правильности и убедил в этом императора, вместо того, чтобы вынести их обсуждение в Совет. На этом примере и на примере проблем, возникших у Екатерины II в начале ее царствования, когда аналогичным способом были приняты решения под давлением дяди Н. П. Панина графа Н. И. Панина, Воронцов попытался убедит императора в необходимости коллективного

¹ АКВ. X. С. 292–293.

² АКВ. XIV. С. 174.

³ *Соловьев С. М.* Император Александр I. Политика — дипломатия. СПб.: Тип. М. Стасюлевича, 1877. С. 17–23.

⁴ АКВ. X. С. 276–295.

⁵ Два письма графа С. Р. Воронцова / Публикация, перевод и примечания П. И. Бартенева // Русский архив. Тетради 9–12. 1874. Стлб. 971–1025. Письма приведены в оригинале и в русском переводе.

обсуждения любых подготовленных важных решений. Возможно, именно эти пламенные и аргументированные увещания привели позже к тому, что царь пригласил Воронцова в Россию для обсуждения возможных преобразований властных структур. Видимо, предвидя такой поворот, Воронцов напомнил государю, что он уже отказывался руководить всеми иностранными делами России: «Никогда, ни в каком случае, я не допущу себя до такого ослепления, чтобы хотеть заведовать министерством»¹.

Россия заключила мирное соглашение с Францией 29 сентября / 11 октября 1801 г. Это была серьезная неудача Воронцова и «английской партии» при дворе. Сразу после этого (31 октября) Александр I писал Воронцову: «Я особенно постараюсь следовать национальной системе, то есть системе, основанной на выгодах государства, а не на пристрастиях к той или другой державе, как это часто случалось. Я буду хорош с Францией, если сочту это полезным для России, точно так, как теперь эта самая польза заставляет меня поддерживать дружбу с Великобританией»². Он предоставил Воронцову самому решить, как представить статьи мирного договора с Францией Георгу III — полностью или частично, и только попросил оставить секретные статьи конфиденциальными³. Более того, он не мог согласиться с Воронцовым в том, что Россия должна поддерживать одобренную

¹ Два письма графа С. Р. Воронцова. Стлб. 1020. Как пишет там же в примечании П. И. Бартенев, позднее, следуя примеру отца, «Александр Павлович предлагал гр. С. Р. Воронцову заведывать воспитанием Великих Князей Николая и Михаила Павловичей». Перед приездом Воронцова слухи ходили разные. Так, московский обер-полицмейстер П. Н. Каверин пишет Александру Романовичу 3 февраля 1802 г.: «Графа Семена Романовича ожидают скоро в Санкт-Петербург и назначают президентом военной коллегии» (АКВ. XX. С. 503).

² АКВ. X. С. 300. Русский перевод см.: *Соловьев С. М.* Император Александр I. Политика — дипломатия. С. 22.

³ АКВ. XXVIII. С. 458–459; Сборник Императорского Русского Исторического Общества. Том 70. Дипломатические сношения России с Францией в эпоху Наполеона I / Под ред. проф. А. Трачевского. Т. I. 1800–1802. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1890. С. 705.

Георгом III британскую позицию и отказываться от посредничества в налаживании отношений между Францией и Портой. Александр согласился в принципе, что его Совет должен обсуждать главные рекомендации по внешней политике, но также подчеркнул, что в рескрипте от 5 июля Н. П. Панин всего лишь высказал мысли самого императора. Воронцов, однако, мог быть весьма удовлетворен явным сдвигом внешней политики правительства в пользу Великобритании¹.

В итоге 8 сентября 1802 г. молодой император назначил стареющего Александра Романовича Воронцова российским канцлером и первым российским министром иностранных дел². Товарищем (т. е. заместителем) министра был назначен Адам Чарторыйский³. Под управлением Александра Романовича российская международная политика приобрела отчетливый пробританский оттенок. Наконец Воронцову понравилось правительство в России. Он мечтал повидаться с сыном и братом и показать Россию дочери Екатерине, которая выросла русской в Британии и никогда не бывала в стране своих родителей. Получив от государя согласие на приезд в Россию⁴, Воронцов с дочерью покинули Британию в апреле 1802 г. и отправились в российскую столицу.

Уезжая из страны на полгода, Воронцов описал в письме Гренвиллю, какую бы политическую ситуацию он хотел увидеть в управлении Британией по возвращении, и оставил вместо себя барона Николаи-

¹ АКВ. X. С. 299–302.

² При вступлении в должность канцлера А. Р. Воронцов представил императору записку «О России в начале нынешнего века» (АКВ. XXIX. С. 449–470).

³ *Александренко В. Н.* Русские дипломатические агенты в Лондоне в XVIII в. Т. I. С. 524. Сам термин «товарищ министра» ввели в оборот в этих обсуждениях и документах братья Воронцовы (*Приходько М. А.* Новые данные об участии графа А. Р. Воронцова в подготовке министерской реформы // Воронцовы — два века в истории России. Труды Воронцовского общества. Выпуск 8. Петушки, 2003. С. 83).

⁴ АКВ. XXVIII. С. 462; АКВ. XXII. С. 545–546.

младшего, которого знал с рождения и с отцом которого дружил сорок лет¹. Прибыв после почти двадцатилетнего отсутствия в Петербург в конце мая, Воронцов был встречен семьей и друзьями, тепло его приняли и при дворе Александра I. По такому случаю императрица Елизавета Алексеевна пожаловала ему свой портрет работы Ж.-Л. Монье².

Михаил приехал в Петербург раньше отца. В мае 1801 г., через месяц после убийства Павла, Воронцов проводил сына на службу своей стране³, снабдив его рекомендательными письмами к своим друзьям⁴. Он расстался с сыном впервые. Опечаленный, он остановился на пути в Саутгемптон в Винчестере и написал письмо брату, сообщив ему об отъезде Михаила в Россию⁵. Как тогда было в обычае для дворянских детей, Михаил еще ребенком был записан в военную службу, получая, таким образом, продвижения по службе будучи еще в детской. Павел сделал его камергером и, согласно петровской «Табели о рангах», он мог вступить в службу уже как генерал-майор. Михаил уклонился от такого бессмысленного права, следовавшего из его привилегированного положения в обществе. 2 октября 1801 г., через две недели после коронации Александра I, он записался поручиком в гвардейский Преображенский полк, из которого его отец вышел в гнев лет

¹ Report on the Manuscripts of J. V. Fortescue, Esq., Presented at Dropmore. Vol. VII. P. 93–94. Воронцов дает великолепную характеристику Николаи-сыну в письме к его отцу в 1798 г. (АКВ. XXII. С. 517–518).

² *Николай Михайлович, вел. кн. Елизавета Алексеевна, императрица, супруга Александра I*. В 3 т. Т. 2. СПб., 1909. С. 6; *Алексеев В. Н.* Графы Воронцовы и Воронцовы-Дашковы в истории России. С. 166.

³ «...лорд Сент-Хеленс, британский посол при Санкт-Петербургском дворе, поднялся на борт «Затонь» [«Латонь»], капитан Созертон; на этом же судне было также разрешено следовать графам [Михаилу] Воронцову и Новосельцову (Perlustration of Great Yarmouth. Vol. 3. Part. II. 1874. P. 184); АКВ. XX. С. 436, прим.; АКВ. XXX. С. 144, прим.

⁴ См., например, такое письмо Воронцова к Николаи-старшему (АКВ. XXII. С. 529–530).

⁵ АКВ. X. С. 94–95.

сорок назад. И точно, как его отец, он нашел придворную жизнь царского парадного полка и постоянное пускание пыли в глаза скачными и бессмысленными.

По запросу Завадовского в 1802 г. Воронцов представил императору Александру «Записку о Русском войске»¹, в которой расширил свою старую «Записку о воинской тактике»² (1774). В ранней записке он подчеркивал необходимость гуманного и уважительного отношения к солдатам. Теперь он сосредоточился на необходимости оставить увлечение парадной армией с ее бездумной имитацией прусских порядков и перейти к воспитанию всегда готовых к битве воинов в традиции Петра Великого: «Наше войско не есть уже войско Петра Великого; его нельзя даже назвать русским войском при этой амальгаме нововведений, вызванных подражанием Пруссии и не имеющих никакого отношения к нашей земле»³.

Вместо того, чтобы копировать внешние атрибуты прусской армии, писал Воронцов, надо изучать ее тактику и боевые соединения. С точки зрения боеготовности важно, чтобы у офицеров тоже были ружья вместо декоративных протазанов и эспонтонов⁴ для повышения эффективности стрельбы соединений на поле боя. Воронцов обсуждает наименования российских полков, их размеры, определения званий и приписываемых им различных обязанностей, военную форму, роль кавалерии, полевые лазареты и т. д.

Он находит, что состояние российской артиллерии и инженерного дела плачевно. Требуется величайшего внимания, в частности,

¹ АКВ. X. С. 465–492. Русский перевод: Русский архив. 1876. Книга 3. С. 345–361.

² АКВ. XVI. С. 407–437.

³ АКВ. X. С. 469; Русский архив. 1876. Книга 3. С. 346.

⁴ Протазан и эспонтон — виды копий с широким наконечником, треугольным — у протазана, листовидным — у эспонтона. В русской армии до 1731 г. офицеры использовали протазаны, затем появляются эспонтоны. При Екатерине II эспонтоны отменяют, при Павле I вновь возвращают и окончательно отменяют в 1807 г.

проблема недостатка образования офицеров. Он вспоминает, как в 1769 г., когда фельдмаршал Александр Голицын пересек Днестр и обстреливал Хотин, город остался невредимым, зато соседний польский городок Жванец сровняли с землей¹. Воронцов предлагает организовать артиллерийскую школу с преподаванием математики, физики и химии, где теоретическое знание дополнялось бы обширными практическими занятиями². Он придавал образованию первостепенное значение и представил план организации элитной школы для создания объединенного штаба. «Армия, — писал Воронцов, — без прекрасного генерального штаба подобна телу без души»³. Учебная программа, опять же, должна включать и практические, и теоретические занятия, а завершаться очень серьезными публичными экзаменами. Только лучшие из лучших должны попасть в объединенный штаб, где их труды будут щедро оплачиваться большим денежным довольствием и продвижением по службе.

Почти весь XIX век заметки Воронцова будут сохранять значение и влиять на реформы русской армии. Они также послужат ценными советами его сыну Михаилу⁴. Недовольный жизнью в столице, несмотря на страх отца потерять своего единственного сына, Михаил попросил перевести его в действующую армию на Кавказ⁵.

Среди счастливых событий была встреча Воронцова с любимым братом, с которым он постоянно переписывался, но которого не видел почти двадцать лет. В Петербурге Семен Романович с дочерью жили в доме брата в центре города на набережной реки

¹ АКВ. X. С. 484.

² АКВ. X. С. 485–486.

³ АКВ. X. С. 486.

⁴ *Рябинин Д. Д.* Граф Семен Романович Воронцов. С. 75.

⁵ Формулярный список о службе фельдмаршала князя М. С. Воронцова. АКВ. XXXV. С. vi; *Rhineland A. L. H. Prince Michael Vorontsov: Viceroy to the Tsar.* Montreal & Kingston, London, Buffalo: McGill-Queen's University Press, 1990. P. 13–14; *Удовик В. А.* Воронцов. М.: Молодая гвардия, 2004. С. 45.

Мойки, 72¹. Там их посетила княгиня Дашкова. Несмотря на длительную неприязнь, существовавшую между Воронцовым и его сестрой после событий 1762 г., возраст должен был смягчить их чувства, и хотя он так ее и не простил, его обида должна была притупиться с течением времени. В письмах брату Дашкова поведала ему о своих трудностях в ссылке и выразила опасение, что они, возможно, уже «не увидятся по сю сторону могилы». Она поблагодарила его за теплые ответные письма и была очень рада встретить его сына Михаила — «это было истинное наслаждение»². Дашкова хотела увидеть младшего брата в последний раз и сожалела только о том, что он не приедет со своими детьми к ней в Москву или в ее усадьбу Троицкое. Поэтому в июле 1802 г. она появилась в Петербурге, чтобы повидаться с Воронцовым и со своей племянницей Екатериной, которой она потом завещает осыпанный бриллиантами портрет Екатерины II, пожалованный ей, как статс-даме³.

Встреча их закончилась очередным непримиримым столкновением:

Я была глубоко возмущена, услышав, как люди, которые окружали императора, обычно враждовавшие между собой, единодушно поносили царствование Екатерины II и внушали молодому монарху, что женщина никогда не сумеет управлять империей! Зато они до небес превозносили Петра I, этого блестящего тирана, этого невежду, пожертвовавшего важными учреждениями, законами, правами и привилегиями своих подданных честолюбивому стремлению изменить все, не отличая полезного от вредного. Иностранцы писатели, несведущие или недобросовестные, провозгласили его создателем великой

¹ После смерти Александра Романовича дом был продан Русско-Американской компании (*Бройтман Л. И.* Воронцовы в Петербурге // Воронцовы — два века в истории России. Материалы научной конференции. Владимир: РИО, 1992. С. 35).

² АКВ. V. С. 282–283.

³ *Воронцов-Дашков А. И.* Екатерина Дашкова: Жизнь во власти и опале. С. 266.

империи, хотя она задолго до него так возвысилась, как никогда не возвышалась при нем.

При всяком удобном случае я откровенно, но, может быть, с излишним жаром высказывала свое мнение об этой новой доктрине, которую, так сказать, проповедовали. Однажды почти все министры нового несуразного правительства вместе с несколькими интимными друзьями императора обедали у моего брата графа Александра. Кто-то из них перевел разговор на царствование Екатерины II, толкуя вкривь и вкось обо всем, что было сделано в то время, не умея отличить злоупотреблений, допущенных князем Потемкиным в военных делах, и нечестности или невежества исполнителей от чистоты и глубины намерений императрицы, всегда направленных на благо и процветание ее империи.

Мой брат, граф Семен, присоединился к их мнению. Это вызвало во мне чувство, которое я не хочу, а теперь, может быть, и не смогу описать. Но слова, произнесенные мной в опровержение столь необоснованных утверждений, были пылкими и искренними, как и всегда в подобных случаях.

Вследствие этих волнений в тот же вечер я опасно заболела¹.

Воронцов также встретился с сестрами своей покойной жены, которые вели расточительную и экстравагантную жизнь в самом центре петербургского высшего общества: Мария, любовница Александра I, была замужем за Александром Нарышкиным, директором императорских театров и предводителем дворянства. Нарышкины были известны в столице блеском и театральностью своих балов и приемов. Муж Анастасии Василий Нелидов был сенатором.

Более всего, однако, Воронцов был сосредоточен на планах реформ в России. Весной 1801 г. появлялись указ за указом, подписанные

¹ Дашкова Е. Р. Записки. Письма сестер М. и К. Вильмот из России. С. 206.

настроенным на реформы императором, среди них — призыв Сенату представить доклад о сенатских обязанностях и сферах ответственности. Воронцов в своих взглядах принял сторону брата, Завадовского и других либеральных аристократов. Александр Романович был главным автором «Жалованной грамоты Российскому народу» (1801) — либерального, по тем временам, утверждения индивидуальных прав. Она подтверждала принцип «все подданные равно подвластны закону» и добавляла в статье 8:

Каждый российский подданный да пользуется невозбранно свободой мысли, веры или исповедания, богослужения, слова и речи, письма и деяния, поелику они законом государственным не противны и никому не оскорбительны¹.

Это был ответ просвещенной и смотрящей в будущее группы аристократии, которую часто называют «сенатской партией», и они надеялись, что новая «Грамота», не ограничивающая российское самодержавие, тем не менее, обеспечит защиту индивидуальных прав. К сожалению, Александр I отверг ее после коронации.

Будучи еще в Англии, Воронцов постоянно встречался с теми, кто приезжал из его родной страны, чтобы узнать о политической ситуации там из первых рук. В Лондоне и Саутгемптоне он обсуждал необходимость реформировать российское правительство, чтобы установить принципы законности во всех его действиях. Средством достичь поставленных им целей предполагался Сенат, «но не слабый и бессильный перед генерал-прокурорами или министрами, а облеченный властью и должным

¹ Грамота российскому народу (1801) // *Constitutions of the World from the late 18th Century to the Middle of the 19th Century. Sources on the Rise of Modern Constitutionalism. Europe. Vol. 4* / Ed. by H. Dippel. München: K. G. Saur, 2007. P. 25; Коронационные проекты «Грамота российскому народу». С. 136; *Raeff M. Plans for Political Reform in Imperial Russia, 1730–1905.* Englswood Cliffs, N. J: Prentice Hall, 1966. P. 76, 82, 79.

авторитетом»¹. Так называемая «сенатская партия» не была политической партией в современном смысле слова. Скорее, это была слабо связанная сеть родственников, патронов и политических союзников, которые имели общие цели и стремления². В данном случае, все члены группы были сенаторами, кроме Семена Романовича. Они видели необходимость превратить Сенат в орган с большими конституционными полномочиями и «обеспечить доминирующую роль в правительстве высшему дворянству посредством превращения Сената ... в высший исполнительный орган ... гарантируя ему консультативный голос и ограниченное право инициативы в законодательном процессе»³.

Оба брата стремились вернуть Сенату доминирующую роль в управлении, которую он играл во времена правления Петра I. Семен Романович находился, в частности, под большим впечатлением от труда И. И. Голикова «Деяния Петра Великого»⁴, первые девять томов которого он получил в 1789 г.⁵ Братья надеялись, что с расширением полномочий Сенат станет механизмом, с помощью

¹ *Александренко В. Н.* Русские дипломатические агенты в Лондоне в XVIII в. Т. I. С. 395.

² *Ransel D.* The Politics of Catherinian Russia: The Panin Party. New Haven and L.: Yale University Press, 1975. P. 1; *Christian D.* The «Senatorial Party» and the Theory of Collegial Government, 1801–1803 // The Russian Review. No. 38. 1979. P. 299.

³ *Raeff M.* Michael Speransky: Statesman of Imperial Russia, 1722–1833. The Hague: Martinus Nijhoff, 1957. P. 35; *Christian D.* The «Senatorial Party». P. 300–301; *Польской С. В.* Дворянский конституционализм в России XVIII — начала XIX вв. и его западноевропейские источники // ГИИМ: Доклады по истории 18 века — ДНІ Moskau: Vorträge zum 18. Jahrhundert. Nr. 6. 2010 (https://prae.perspectivia.net/publikationen/vortraege-moskau/polskoi_konstitutionalismus).

⁴ *Голиков И. И.* Деяния Петра Великого, мудрого преобразителя России, собранные из достоверных источников и расположенные по годам. В 12-и частях. М.: Университетская типография у Н. Новикова, 1788–1789. А. Р. Воронцов и Е. Р. Дашкова были среди тех, кто оказал Голикову большую помощь в исполнении этого труда. Сохранились и опубликованы письма И. И. Голикова А. Р. Воронцову (АКВ. XXIV. С. 225–238).

⁵ *Александренко В. Н.* Русские дипломатические агенты в Лондоне в XVIII в. Т. I. С. 394, прим. 3.

которого можно будет бороться с «деспотизмом», то есть с вольными или невольными злоупотреблениями власти на разных уровнях бюрократической властной машины. Проблема была в том, что наделенный всей полнотой власти государь не может управлять в одиночку огромным государством и вынужден делегировать власть различным людям и корпорациям¹. Особую опасность и главные причины «деспотизма» Воронцовы видели в различных формах фаворитизма, на которые был богат екатерининский век, и в узурпации внимания императора и доступа к нему отдельными лицами, заменяющими, таким образом, коллективные обсуждения и решения своими личными мнениями. Сенатские же обсуждения важных вопросов, по мнению братьев, могли уберечь императора и страну от неправильных решений, принятых под давлением фаворита или близкого к императору министра².

Воронцов занимался не только проектом реформы Сената, но и проектом учреждения министерств. Свои взгляды на то, какими должны быть министерства, он наиболее полно высказал в беседе с П. А. Строгановым, состоявшейся 27 мая 1802 г. Воронцов высказал довольно большое количество замечаний по представленному ему проекту, ссылаясь на опыт Великобритании и других европейских стран. Особое его внимание привлек порядок работы императора с министрами и необходимость предварительного обсуждения докладов на высочайшее имя с остальными министрами, которые имели право делать свои замечания. Понравилась ему и идея проекта о надзоре Сената за

¹ Это — сформулированная в конкретной ситуации проблема, весьма актуальная от Платона до наших дней. См. об этом, например: *Поннер К. П.* Открытое общество и его враги. Т. 1: Чары Платона. М.: Феникс, Культурная инициатива, 1992. Гл. 7. С. 160–178.

² См. об этом подробнее: *Narkiewicz O. A.* Alexander I and the Senate Reform; *Mikeshin M. I.* Talking of Reforms that Failed: Some Ideas about Alexander's «Secret Committee» // *Transcultural Studies. A Journal in Interdisciplinary Research.* Volume 14 (2018): Issue 2 (Dec 2018): Special Issue: Nordic and Russian Enlightenment. P. 183–196.

административной деятельностью министров. Ряд высказанных им предложений были впоследствии приняты¹.

К Воронцову часто обращались за знаниями, касавшимися британских юридической и законотворческой моделей. В 1803 г. Завадовский, который тогда возглавлял комиссию по реформированию и кодификации российского права, попросил Воронцова о помощи:

...я давно ими [английскими криминальными законами] пленен, как произведением ума человеческого выпренного; но я никогда не видел их *in extenso*². Некоторое понятие, что об оных имею из Блэкстона³ и других писателей, коротко рассуждающих, не составляет во мне совершенного знания и удостоверения о цели и положительных началах. Вот для чего я убедительнейше прошу тебя, мой друг, употреби свое старание достать в Англии полное собрание законов криминальных. Без твоей помощи здесь успеть в том мне никак не можно. Лучше из самого источника черпать воду, чем из ручьев удалившихся и мутных. Знаю, что не все хорошее для Англии удобно приложить к России, но по

¹ См.: РГАДА. Ф. 1278. Оп. 1. Д. 9. С. 38–63; *Николай Михайлович, вел. кн.* Граф Павел Александрович Строганов (1774–1917). Историческое исследование эпохи императора Александра I. В 3 т. Т. 2. СПб., 1903. С. 262–276; *Приходько М. А.* Участие графа С. Р. Воронцова в подготовке министерской реформы // Воронцовы — два века в истории России. Труды Воронцовского общества. Выпуск 9. Петушки, 2004. С. 57–77.

² Полностью, без сокращений (*лат.*).

³ Уильям Блэкстон (William Blackstone, 1723–1780) — английский философ, юрист и историк права. Самым известным его сочинением были «Комментарии к английским законам» (Commentaries on the Laws of England). Из четырех томов в то время на русский был переведен только первый (Истолкования аглинских законов г. Блэкстона / Переведенныя по высочайшему повелению великой законодательницы всероссийской; С подлинника аглинскаго перевел С. Е. Десницкий при участии А. М. Брянцева. М.: Университетская типография, у Н. Новикова, 1780–1782). См. об этом: *Артемьева Т. В.* Традиции и особенности российской философской и общественно-политической мысли XVIII века // Общественная мысль в России XVIII века. В 2-х тт. Т. 1. М.: РОССПЭН, 2010. С. 34–35.

возможности примет звено доброе и наша образуемая масса; да еще тем более, что гражданские законы затрудняются влияниями частными, а уголовные руководствует беспрепятственно интерес общий¹.

Воронцов и его брат, конечно же, не выступали против самодержавного правления в России. Согласно Воронцову,

произвести такие существенные изменения в самой большой в мире империи с населением более чем 30 миллионов, в нации неподготовленной, необразованной и развращенной, в то время, когда духовное брожение охватило весь континент, означает, не скажу рискнуть, но неминуемо вызвать в стране проблемы, привести к падению трона и развалу империи².

Чарторыйский был свидетелем страсти и решимости Воронцова.

Русский аристократизм одного брата и чистый «торизм» другого сошлись на высокой оценке сената. Сенат стал их *idée fixe*. В нем они видели средство, основу и возможный источник всяких улучшений без каких-либо опасностей для государства. Император продолжал устраивать свои тайные совещания; но, довольствуясь лишь обсуждением разных проектов, он по-прежнему не обнаруживал решимости взять на себя почин в осуществлении преобразований. Даже оба брата Воронцовы были недовольны в этом отношении императором. Наконец, они, совместно с молодыми друзьями Александра, условились предпринять энергичное наступление на императора, чтобы вывести его из робкого бездействия.

Чарторыйский продолжает и описывает эпизод на даче Строганова, расположенной лишь через мост от Каменноостровского дворца, в котором император проводил то лето. Хотя Воронцов, как один из опытных политиков, был выбран, чтобы представить предложения

¹ АКВ. XII. С. 270; *Александренко В. Н.* Русские дипломатические агенты в Лондоне в XVIII в. Т. I. С. 392.

² АКВ. X. С. 99.

по реформе Сената императору, Чарторыйский, представитель молодого поколения, не упустил случая отозваться о нем с пренебрежением.

После обеда, когда император, гуляя по саду, вошел в один из павильонов, занимаемых Новосильцевым, мы все отправились туда же вслед за ним. Завязался разговор. Оратором для этого случая избран был граф Семен, который скорее других мог своими речами произвести впечатление на императора. Вследствие того, что он жил в Англии и не желал оставаться в России, он являлся лицом, незаинтересованным в том, что происходило в Петербурге; следовательно, он мог быть беспристрастным и имел поэтому больше прав быть выслушанным, а также и откровенно высказать свой образ мыслей. Но он оказался не так красноречив, как мы предполагали. Император, умевший очень искусно ставить собеседника своими возражениями в затруднительное положение, часто приводил в смущение графа Семена и его брата. Императору хотели доказать, что он должен был что-нибудь предпринять, что новое царствование возбудило известные надежды, и Европа не менее России ждала от императора их осуществления. Но все это были лишь общие фразы, и когда император задавал вопрос, на что же, собственно, в России должны быть направлены преобразования, и при помощи каких мер надо было приступить к их выполнению, — граф Семен и его брат, не считаясь ни с какими препятствиями и затруднениями, полагали, что все достигнется через сенат, при помощи его восстановленного авторитета. По их мнению, учреждение это, будучи облечено должной властью и авторитетом, может вполне обеспечить выполнение проектируемых реформ. Каждая фраза графа Семена начиналась и кончалась сенатом, и, когда он не знал больше, что говорить и что отвечать императору, то неизменно возвращался к одному и тому же, к сенату. Сенат был в эту минуту его кумиром, он повторял его название как припев, за каждым словом. Мы думали, что император даже во сне должен был слышать голоса, кричавшие ему на ухо: «Сенат, сенат». В этой аффектации графа Семена было нечто смешное и неловкое, что не ускользнуло от нашего

внимания и что могло скорее охладить императора, чем воодушевить его¹.

Воронцов был разочарован полумерами, заменившими серьезные реформы Сената, Государственного совета и Комитета министров. В 1803 г. он представил свою записку о внутреннем управлении России министру внутренних дел В. П. Кочубею, чтобы отметить свое полное с ним несогласие. Воронцов, наряду с другими членами «сенатской партии», опасался консолидации власти в руках небольшого числа министров и выразил свою серьезную этим обеспокоенность: «вверить это управление 10 или 12 персонам без всякого контроля над ними значит лишь создать 10 или 12 деспотов, которые по самой человеческой своей природе произвольно или непроизвольно будут злоупотреблять своей властью»². Он опасался, что Сенат станет неважным и по прошествии некоторого времени совершенно ненужным, поскольку вся власть перейдет к министрам. С точки зрения Воронцова, министры Александра I уже поддаются соблазнам обретенной власти.

Объясняя мотивы предполагаемой отставки брата Александра с поста канцлера в письме П. В. Чичагову от 7 (19) апреля 1803 г., Воронцов отмечает, что отставка необходима, чтобы сохранить репутацию, поскольку несмотря на прошлогодний манифест «министры решают свои дела наедине с императором», никакого обсуждения не происходит или происходит оно лишь формально. Канцлер не может брать на себя ответственность за действия, к которым он не имеет никакого отношения.

Россия не знает об этом удивительном способе управлять 35 миллионами жителей, ни с кем не советуясь и в противоречие тому, что было опубликовано ... Единственный предмет, достойный человека чести на службе, заключается в том, чтобы

¹ *Чарторыйский А.* Мемуары. Глава IX. 1801–1802 гг.

² Записка графа С. Р. Воронцова о внутреннем управлении в России (письмо графу Кочубею, 1803) // АКВ. XV. С. 447; *Christian D.* The «Senatorial Party». P. 312, 320.

быть полезным своему Государю и стране, пользоваться уважением и доверием своих соотечественников и оставить после себя своим потомкам благодарную и почетную память...

В особенное негодование пылкого Воронцова приводило то, что сделали с Сенатом.

Я не говорю о Сенате, унижаемом и оскорбляемом сумасбродным и неистовым поэтом [Г. Р. Державиним] ... прилично ли моему брату идти туда, чтобы подвергаться нападкам этого безумца ... как могло произойти, что тот же манифест, что восстанавливал Сенат в его первоначальных правах, становится средством его унижить ... Вот до чего низведен этот Правительствующий Сенат Петра Великого ... Все это мучительно удручает меня, и если бы у меня не было такого брата, как тот, которого я имею, никогда ноги бы моей не было в России...¹

Годы спустя, в письме Ростопчину от 7/19 июня 1814 г. Воронцов, уже в отставке, все еще защищал свои взгляды на обладающий

¹ АКВ. XIX. С. 282–283; русский перевод см.: *Дорохова Н. Е.* Переписка графа С. Р. Воронцова и адмирала П. В. Чичагова (по материалам «Архива князя Воронцова») // *Воронцовы — два века в истории России. Труды Воронцовского общества.* Выпуск 10. Владимир: Транзит-Икс, 2006. С. 49–50. П. И. Бартенев разъясняет ситуацию: «Граф С. Р. Воронцов осенью 1802 года возвратился к своей должности в Англию, успокоенный и вполне обнадеженный относительно внутреннего управления России. Но новый порядок дел просуществовал лишь несколько месяцев. 5 декабря того же 1802 года высочайше утвержден доклад военного министра, по которому молодые дворяне не могли подавать в отставку из военной службы раньше 12 лет, коль скоро не получили офицерского чина. Этот доклад был предварительно отослан в Сенат; но сенаторы не подвергли его своему обсуждению и не воспользовались правом предварительного обжалования. Через несколько недель, 16 января 1803 года сенатор граф Потоцкий в общем собрании Сената возбудил вопрос о несправедливости этого постановления, как нарушающего права дворянства. Возникли шумные пререкания. Тогдашний министр юстиции Державин увидал в этом посягательство на власть Государя, и дело кончилось тем, что вследствие нового указа, от 21 марта 1803 года, Сенат уже не смел больше подавать своего голоса даже и относительно министерских докладов еще не утвержденных» (Русский архив. Книга вторая. 1881. С. 162).

влиянием Сенат, выражал неприязнь к советникам Александра I и предупреждал об опасностях министерского деспотизма.

Надо надеяться, что он [Александр I] увидит, что пора организовать порядок и законное управление в его собственной стране, которая погибнет, если он не установит порядок и если он не приведет дела в тот же вид, в каком они были в этом отношении с учреждения Сената Петром Великим до первого года царствования покойной императрицы [Екатерины II]. Она начала делать нововведения, сын ее все перевернул с ног на голову, не поставив ничего на место того, что разрушил, а ее внук имел несчастье быть окруженным фанфаронами, которые, будучи исполнены самолюбием и тщеславием, считали себя выше великого основателя российской империи. Эти господа начали работать над бедной Россией с помощью правил, выпускавшихся каждый день; эти господа были настоящими машинами изготовления правил; они только это и делали, причем со скоростью, равной их невежеству и легкомыслию. Их указы основывались на гипотетических идеях из их воображения и из плохо переваренных чужих текстов; это были опыты, которые они хотели проделать над несчастной Россией. Они не знали, что опыты хороши только в физике и в химии, но они губительны в юриспруденции, в управлении и в политической экономии ... и только один Сенат и правила Коллегий, установленные Петром Великим, могут исправить то зло, которое делали и всегда будут делать министры, что работают с Государем *tête-à-tête* и могут ввести его в заблуждение намеренно или невольно — по незнанию или из-за ошибок других¹.

В результате, вместо того чтобы увидеть преобразования в России, о которых он мечтал, Воронцов стал свидетелем реализации своих предсказаний и осуществления в стране реакционных мер А. А. Аракчеева — временщика и советчика императора. «Они

¹ АКВ. VIII. С. 519–520. Русские переводы: *Алексеев В. Н.* Графы Воронцовы и Воронцовы-Дашковы в истории России. С. 168–169; Письма графа С. Р. Воронцова к графу Ф. В. Растопчину // Русский архив. Книга 3. Выпуск 11. 1872. Стлб. 1288–1289.

говорят только о либеральных идеях, — писал Воронцов в 1816 г., — и заключают соглашения, чтобы править по принципам Евангелия, но правят по турецкому образцу, поскольку, не имея такого титула, Аракчеев исполняет функции великого визиря; все проходит через его руки, Государь занимается вместе с ним всеми вопросами, касающимися России, и не доверяет никому, кроме этого Гатчинца»¹.

Воронцов вместе с дочерью сопровождали императрицу Елизавету Алексеевну, которая в июле 1802 г. встречалась в Финляндии со своей младшей сестрой шведской королевой Фредерикой Доротеей Вильгельминой. Король Густав IV Адольф с супругой приехали в Финляндию с большой свитой в местечко Аберфорс (Абборфорс, Ахвенкоски) недалеко от российской границы. Встреча сестер состоялась 17 июля и продолжалась четыре дня². В это время Швеция искала возможности заключить соглашение с Британией, чтобы сохранить свою торговлю, и Россией, чтобы сохранить Финляндию. Братья же Воронцовы еще со времени Вооруженного нейтралитета считали Швецию вечным врагом России и призывали вторгнуться в Финляндию без предварительного объявления войны³. Возможно, Воронцов неофициально встречался там с кем-то из высокопоставленных шведских дипломатов или придворных. Известно, что в феврале-марте 1802 г. он искал и получил полный текст торгового соглашения между Россией и Швецией. В начале 1802 г. между российским и шведским монархами еще сохранялись довольно доброжелательные отношения, но уже летом этого года, находясь в поездке по Финляндии, шведский король предъявил некоторые требования «относительно упорядочения русско-

¹ АКВ. XVII. С. 451.

² АКВ. XXXII. С. 337, прим. 1 (примечание П. И. Бартенева); АКВ. XVIII. С. 297; *Николай Михайлович, вел. кн.* Елизавета Алексеевна, императрица, супруга Александра I. С. 6, 15–16; *Новоселова З. А.* Российские императоры и Выборг (http://www.188800.ru/history/romanovy_vyborg.htm).

³ *Carr R.* Gustavus IV and the British Government 1804–9 // *The English Historical Review*. Vol. 60. No. 236. Jan., 1945. P. 36–66. P. 37.

шведской границы». Для примирения, уже в 1803 г, понадобилось вмешательство британского правительства при посредничестве Воронцова¹.

В этот год Воронцовы стали новыми участниками тесного круга приближенных императрицы. «За этот период завязались те дружественные отношения между графом Семеном Романовичем и императрицей Елисаветой Алексеевной, которые не прекращались до конца царствования и поддерживались перепиской»². Мать императрицы маркграфиня Баденская поинтересовалась у дочери, тоскует ли все еще граф Воронцов о своей жене. «Кажется, это так, потому что он несколько раз говорил мне об этом, и всегда очень эмоционально. Он очень привязан к своим детям и, говорят, дал им прекрасное образование»³, — ответила императрица в письме от 3/15 сентября 1802 г. В свою очередь, Воронцов называл ее в письмах к сыну «нашей дорогой и очаровательной Императрицей» и «ангелом»⁴. С весны 1812 г. секретарем у Елизаветы Алексеевны стал давний друг Воронцова Н. М. Лонгинов⁵.

В октябре 1802 г. Джереми Бентам в своем письме отмечает, что по отзывам его брата: «Воронцовы нынче всемогущи в Петербурге...»⁶ Воронцов попросил у императора разрешения продлить свой шестимесячный отпуск в России. Император ответил в том духе,

¹ АКВ. XX. С. 443–444, 447; *Фомин А. А.* Швеция в системе европейской политики и международного права в период наполеоновских войн. М.: Международный юридический институт, 2013. С. 47–49.

² *Николай Михайлович, вел. кн.* Елизавета Алексеевна, императрица, супруга Александра I. С. 16. В издании приводится пример ее более позднего очень дружеского письма к Воронцову от 7/19 декабря 1812 г. (С. 454–457).

³ *Николай Михайлович, вел. кн.* Елизавета Алексеевна, императрица, супруга Александра I. С. 62.

⁴ АКВ. XVII. С. 399, 469, 501, 585.

⁵ АКВ. XXIII. С. 96–97. Императрица часто интересовалась у своего секретаря здоровьем и делами Воронцова (АКВ. XXIII. С. 107, 128, 130).

⁶ Jeremy Bentham to Étienne Dumont, 19 October 1802 (http://www.enlightenment.com/item/bentjeOU0070146b_1key001cor).

что он не против продолжения отпуска хоть на шесть лет¹. Но, видимо, Воронцов решил не использовать это позволение и не продлевать свое пребывание в родной стране.

Отец и дочь покинули Петербург в конце сентября — начале октября 1802 г. и вернулись в Лондон через Ригу, Кенигсберг, Берлин, Лейпциг, Лилль и Кале. Путешествие началось «прекрасно»: их экипаж близ Ямбурга перевернулся, однако, судя по всему, без особых последствий. Воронцов по пути разобрал работу коммерческого порта в Риге, выразил удовлетворение качеством дорог в Пруссии по сравнению с дорогами российскими. Проведя 13 дней в Берлине и Потсдаме, он отправил брату отчет о состоянии прусского двора и об основных действующих при нем лицах, дав им вполне лестные характеристики (как сильным врагам)². Он также похвалил эффективность прусских финансов, посоветовав брату внимательно следить за Пруссией. Во Франции его встречали, как посла великой державы — с почетной охраной и стрельбой из пушки³. Воронцов вернулся в Лондон в конце декабря, совершенно обессиленный.

Прибыв сюда шесть дней назад, после путешествия длительностью в одиннадцать недель в ужасное время года и по дорогам еще более ужасным, чем это время, я нахожусь в состоянии человека, который чувствует слабость после лихорадки, длившейся долго и только что закончившейся. Я не в состоянии выйти из дома...⁴

Тем не менее, Воронцов опять быстро погрузился в дипломатическую борьбу за сотрудничество между Россией и

¹ АКВ. XIV. С. 182.

² *Соловьев С. М.* Император Александр I. Политика, дипломатия. С. 59–60.

³ По дороге Семен Романович описывал все это в письмах к брату. См.: АКВ. X. С. 169–183; *Рябинин Д. Д.* Граф Семен Романович Воронцов. С. 466–469; *Захарова О. Ю.* Граф С. Р. Воронцов — посол Российской империи. С. 130.

⁴ Письмо Гренвилю от 1 января 1803 г. (Report on the Manuscripts of J. B. Fortescue, Esq., Presented at Drogheda. Vol. VII. P. 135).

Британией с целью предотвращения наполеоновской агрессии. «Он [Бонапарт] может потерять свое доминирование [в Европе] только если столкнется с крепким союзом этой страны [Британии] и нашей [России], и Европа обретет спокойствие и уверенную стабильность только вследствие такого постоянного союза»¹.

¹ АКВ. XV. С. 477–478.

Глава XII

Лондон и последний вызов, 1802–1806

Прием в российском посольстве. Французский и Восточный вопросы. Возвращение Питта. Отставка брата и потеря влияния при дворе. «Записка» о дипломатическом училище. Смерть брата. Успехи сына. Смерть Питта. «Записка» о Питте. Отставка. «Добрый англичанин должен быть добрым русским».

Марта Вильмот — та, что стала потом любимицей княгини Дашковой, — оставила в письмах небольшой набросок портрета Воронцова и картину приема ее в российском посольстве в мае 1803 г. Позволил себе длинную красочную цитату.

[К отцу, 17 мая] ... 11 мая, в среду, я нанесла официальный визит русскому послу. ... Граф Воронцов — высокий, смуглый человек, пожилой и очень вежливый. Подойдя к нам, он произнес: «Arragament mademoiselle spoke de french»¹. Мадемуазель ответила: «Un peu»². Граф предложил мне сесть на диван ... Я сказала по-французски, что имею честь вручить ему письмо от лорда Кэрисфорта. Надев очки³, граф прочел письмо и уверил, что будет счастлив сделать все, что в его силах, — выправит мне паспорт, даст рекомендательные письма к адмиралу в Кронштадт и друзьям в Петербург. В свою очередь, я заверила его, что буду рада передать княгине Дашковой письмо или посылку от него или от его дочери. Граф сказал, что, если я еще некоторое время пробуду в Лондоне, графиня [его дочь] будет счастлива со мной познакомиться. Визит завершился обоюдными любезностями...

¹ Очевидно, мадемуазель говорит по-французски (испорчен. *англ.*).

² Немного (*фр.*).

³ Воронцов пользовался очками для чтения с 1794–1795 г., т. е. примерно с тех пор, как ему исполнилось пятьдесят лет (АКВ. XXII. С. 540).

Нас навестил русский священник господин Смирнов, проявив внимание, какого я не ожидала. Он сообщил, что одна пожилая дама, миссис Деламен, которая собирается навестить в Петербурге дочь, согласилась взять меня под свое покровительство; это сделает мое путешествие более приятным. Господин Смирнов выразил уверенность в том, что его страна мне понравится и пребывание в России доставит мне удовольствие. Он написал список вещей, которые хорошо взять с собой, поскольку английские товары самые лучшие: одеяла, простыни, подушку; еще нужны плед, шерстяные чулки и некоторые легкие летние вещи...

[К сестре, 31 мая] ... На днях мы с миссис Вильмот в ее карете отправились на Харли-стрит, дабы вручить графу Воронцову письмо, касающееся моего паспорта. Мы решили подождать минут пять, чтобы убедиться, что эта важная особа получила мое послание. Неожиданно вышел секретарь, который стал извиняться за то, что граф занят и не может меня принять сейчас, но просит оказать честь отобедать у него в субботу. Из-за *mauvaise honte*¹ я отказалась, сославшись на другое приглашение. Наутро, когда я была еще не одета, от графа принесли записку, написанную по-французски, — мне предлагалось выбрать для визита пятницу либо воскресенье. С помощью милой миссис Вильмот я ответила очень изящно (тоже по-французски), остановившись на воскресенье...

В назначенный день в половине шестого я вошла в гостиную, и первым, кого я увидела, был мой друг господин Смирнов. В комнате находились одна дама и несколько мужчин, графа не было. Дама обратилась ко мне по-французски; минут через пять появился хозяин с дочерью, элегантной, красивой, изящной брюнеткой лет девятнадцати; граф меня представил, и девушка заговорила со мной по-английски, манеры ее свидетельствовали об истинно хорошем воспитании. Она познакомила меня с мисс Журдинье² (об этой даме, живущей в доме Воронцова,

¹ Ложный стыд (*фр.*).

² То есть Жардин. Историю Жардин см. в Главе VIII.

рассказывают романтическую историю, представляющую графа и его дочь в самом выгодном свете). Первая дама оказалась русской — госпожа Чиркова, здесь же были ее муж и еще несколько приглашенных, довольно неинтересных иностранцев.

Вошел смуглый слуга и сказал: «On a servi»¹. Граф повел к столу госпожу Чиркову, все последовали за ними. Русскую даму посадили по правую руку от хозяина, меня — по левую... Было не меньше 12-13 перемен блюд. Графиня предупредила меня, что тостов произносить не будут и что каждый пьет вино по своему усмотрению. После обеда мы посидели минут 20, не больше (на столе стояли фрукты и вино), а затем граф Воронцов встал, предложил руку своей соседке, и все гости возвратились в гостиную. Меня поразил подобный обычай: конечно, невежливо, если мужчины уединяются надолго, но против временного разделения общества, как это принято у англичан, я вовсе не возражаю.

За обедом я сидела между графом и его дочерью и *говорила то по-французски, то по-английски*. Граф расспрашивал меня об Ирландии, как если бы он сам жил там, обнаружив полную осведомленность в особенностях каждого графства ...

Прощаясь, граф и графиня чрезвычайно любезно выразили желание вновь увидеть меня на Харли-стрит.

[Матери, 11 июня] ... Вчера от графа Воронцова получила приглашение на обед, но я уже была приглашена в другое место, так что прощальный визит нанесла им сегодня утром; графиня была очень любезна. Пожимая мне руку, она пожелала приятного путешествия и добавила, что будет счастлива получить от меня известие о благополучном прибытии в Петербург. *Она — самая элегантная молодая женщина, а ее характер — так же, как у ее отца, — первоклассный.*

¹ Кушать подано (*фр.*).

[Матери, 12 июня] *На меня потоком льются письма — шесть сегодня от графа Воронцова и его милой дочери, одно из них от графини ко мне, написанное самой Элегантностью. Как мне нравится эта девушка...*¹

Воронцов оставался послом следующие пять лет — время, примерно соответствующее войне Третьей коалиции. Амьенский договор от 25 марта 1802 г., который на короткое время прервал враждебные отношения между Французской республикой и Великобританией, был подписан Британией, Францией, Испанией и Батавской республикой (Нидерландами). Хотя он действовал менее года, договор все же нанес еще один удар по мечтам Воронцова об антифранцузской коалиции. Договор стал возможным, по крайней мере, частично, после ухода в отставку Питта и перехода власти к Генри Аддингтону². По мнению Воронцова, поддержка Питтом друга своего детства была непростительной ошибкой³. Российско-британские и франко-британские отношения стали еще более напряженными, когда Британия нарушила одно из условий договора и отказалась вывести войска и военные корабли с Мальты. Россия надеялась вернуть остров Мальтийскому ордену и поддержать свое влияние в этом районе. Дальнейшие споры и агрессивная политика Наполеона сделали невозможным выполнение условий договора и привели к распаду установленных этим документом отношений. 18 мая 1803 г. Британия объявила войну Франции⁴.

¹ Даикова Е. Р. Записки. Письма сестер М. и К. Вильмот из России. С. 211–213. Перевод местами не очень точный. Курсивом выделены места, добавленные из оригинала (The Russian Journals of Martha and Catherine Wilmot, 1803–1808. L.: Macmillan, 1934. P. 9–15).

² Генри Аддингтон (Эддингтон), 1-й виконт Сидмут (Henry Addington, 1st Viscount Sidmouth, 1757–1844) — премьер-министр Великобритании с 1801 по 1804 г.

³ АКВ. XV. С. 462–463.

⁴ См.: Dwyer P. G. Two Definitions of Neutrality: Prussia, the European States-System, and the French Invasion of Hanover in 1803 // The International History Review. Vol. 19. No. 3. August, 1997. P. 522–540.

Вторым важным вопросом после французского был так называемый «Восточный вопрос», то есть вопрос о сохранении целостности турецкого государства и его поддержки борьбы против Наполеона. Братья Воронцовы вместе с Н. П. Паниным и В. П. Кочубеем поддерживали положительное его решение. Они считали, что могут достичь взаимопонимания с Британией касательно Османской империи. В декабре 1801 г. Кочубей в детальном докладе Александру I разъяснил, что абсолютно необходимо сохранять единство этой страны как слабого соседа России. Наполеон же планировал отторгнуть от Турции некоторые территории. Таким образом, проблемы этого региона также способствовали российско-британскому сближению. Объявленная Франции война его ускорила. 1804–1805 годы стали «золотым периодом» в российско-британских дипломатических отношениях¹.

Питт вернулся на пост премьер-министра 10 мая 1804 г. и немедленно привел в движение дипломатические инициативы по созданию Третьей коалиции против Франции. Среди его шагов было давление на Воронцова с целью склонить Россию к участию, а Воронцов и не сопротивлялся, поскольку был уверен, что такая коалиция необходима. Однако, Воронцов потерял свое влияние на Александра I и разошелся с «партией молодых», окружавшей императора в Петербурге. Его брат Александр также чувствовал себя неуютно среди молодых людей с их новыми идеями и новым стилем при дворе. Часто с ним просто не консультировались². Как вельможа екатерининского теперь уже почти исчезнувшего прошлого, Александр оставался канцлером всего два года (1802–1804). В феврале 1804 г. он получил разрешение на неограниченный отпуск, покинул Петербург, уехал в Москву и далее в свое имение

¹ См.: *Saul N. Russia and Mediterranean 1797–1807. L., 1970; Bodnár E. The Eastern Question in Russian Foreign Politics in the Early Nineteenth Century (1799–1806) // Öt Kontinens. Eötvös Loránd Tudományegyetem. Budapest, 2008. P. 25–36.*

² АКВ. XVII. С. 62.

Андреевское. Там он, скорее всего, предвидя неизбежное, уже начал приводить в порядок свои дела¹.

Всегда реагируя на решения брата, Воронцов также рассмотрел возможность оставить свои обязанности в Лондоне. Усталый и разочарованный, он размышлял о своей карьере и первоначальной неподготовленности к дипломатической службе. Еще в 1784 г. он написал брату из Италии о необходимости набирать больше русских в дипломатический корпус и организовать школу при коллегии². В конце 1802 г., собрав свои мысли на эту тему, Воронцов представил записку «О заведении дипломатического училища при Министерстве Иностранных Дел в России»³. Отсутствие родившихся в России, хорошо обученных людей, писал Воронцов, создает не только проблемы компетентности, но и ставит вопросы лояльности и безопасности. Поэтому он предложил открыть училище или школу с восьми- или девятилетним курсом обучения для 40 мальчиков десяти или одиннадцати лет. В учебный план он предложил включить общекультурные дисциплины, обучающие навыкам, необходимым для работы в посольствах и на международной арене. В первые два года будут включены латинская и русская грамматика (по образцу Московского университета), арифметика и письмо — для умения писать весьма ясным и четким почерком и прекрасным стилем, что необходимо в дипломатической переписке. Следующие два года студенты учат французский и немецкий, продолжая изучать культуру языка русского и занимаясь переводами с русского на латинский, французский и немецкий и обратно. Продолжается и курс

¹ См., например, его стремление в марте 1804 г. провести размежевание земель с Н. П. Шереметевым (*Лавринович М. Б.* Как поссорились Николай Петрович с Алексеем Фёдоровичем: патрон-клиентские отношения в русском обществе рубежа XVIII–XIX вв. С. 97–98).

² АКВ. IX. С. 15–17.

³ АКВ. X. С. 177; О заведении дипломатического училища при Министерстве Иностранных Дел в России. Записка графа С. Р. Воронцова // АКВ. XV. С. 431–440.

математики от арифметики до начал геометрии, а также обучению письму на четырех упомянутых языках.

На пятом и шестом годах обучения молодым людям предлагается английский язык (который легче учить тем, кто уже изучил французский и немецкий) и продолжение изучения геометрии, дающей «больше основательности и метода суждению»¹, что важно для их будущей профессии. К этому добавляются всемирная история, география, естественное право, права человека и мораль с текстами из Цицерона и Пуфендорфа (сочинение о долге человека и гражданина, переведенное на русский по приказу Петра Великого, — и именно этот перевод²). В течение этих двух лет продолжается серьезное изучение родного языка и истории собственной страны с чтением, в то же время, час или два в день церковных книг, чтобы учащиеся хорошо знали церковнославянский язык, от которого русский язык получает величие и энергию. Разумеется, учащиеся должны быть хорошо обучены православной религии и катехизису для полного понимания церковных книг и славянских слов. Тогда же изучается алгебра, необходимая для умения подсчета вероятностей, а также работы с шифрами.

В последние — седьмой и восьмой — годы учащиеся расширяют свое знание алгебры, пишут различные сочинения на изученных языках. Они читают коллекции дипломатических текстов «таких авторов, как Дюмон, Ренье, Ламберти, Руссе, Мертенс и т.д.;

¹ АКВ. XV. С. 437. См. также комментарии С. С. Татищева в: *Татищев С. С. Император Николай и иностранные дворы. Исторические очерки.* СПб.: Тип. И. И. Скороходова, 1889. С. XV–XVI, XVIII.

² Трактат Самуэля Пуфендорфа «О должности человека и гражданина по закону естественному» (*De officio hominis et civis juxta legem naturalem*). Переведен на русский язык по указу Петра I в 1724 г. И. Кречетовским и напечатан гражданским шрифтом в петербургской типографии 17 ноября 1726 г. См.: *Пуфендорф С. О должности человека и гражданина по закону естественному: в 2-х т.* СПб.: Нестор-История, 2011.

читают и переводят письма кардинала д'Осса, кардинала Мазарини, документы, относящиеся к мирным договорам в Пиренеях и в Вестфалии, письма шевалье Тампля в английских оригиналах, переговоры д'Эстрадеса и Даво. Из наших архивов они знакомятся с депешами Кантемира, Гросса и графа Бестужева, бывшего посла в Париже, и, если возможно, с депешами Матвеева, князя Долгорукова и Толстого времен Петра Великого»¹. Им необходимо прочитать в оригинале трактат Адама Смита о богатстве народов и освоить историю современной Европы на основе трудов Вольтера, У. Робертсона² и Д. Юма. Учащиеся должны постоянно совершенствовать навыки и привычки писать красиво, стилем ясным, точным, избегать преувеличений и выражений грубых и низких.

Это училище должно быть в полном подчинении министру иностранных дел. Каждые полгода в его присутствии учащиеся должны сдавать экзамены. В стенах училища должна быть библиотека, составленная из книг по всеобщей истории и истории отдельных стран, сочинений по теории и практики дипломатии, собраний соглашений и договоров, топографических описаний и карт всех стран мира, лучших книг о России и сочинений всех ее классических авторов в стихах и прозе.

Разумеется, при составлении «Записки» Воронцов принимал во внимание и собственный опыт, и опыт общения с сотрудниками, занимавшимися иностранными делами в Петербурге, других российских посольствах и, в первую очередь, опыт совместной работы с членами своей «хунты» в Лондоне. Как он ценил своих сотрудников можно понять, например, по его ходатайству о присвоении отцу Я. Смирнову дворянства. Воронцов не только

¹ АКВ. XV. С. 438.

² Отец Смирнов пишет молодому Михаилу Семеновичу: «При отъезде вашем из Лондона я положил в ваш шез [коляску] Robertson's History of Scotland для вашего чтения. Я надеюсь, что она не потеряна и вам послужит когда-нибудь в забаву и для препровождения времени» (АКВ. XVII. С. 18).

ратовал за профессионализм на дипломатической службе, но негативно относился к возведению разночинцев в дворянство. Тем не менее, он сделал исключение по отношению к Смирнову, еще в 1800 г. отправил из Лондона соответствующее свидетельство и пустил в ход свои личные связи. В 1804 г. хлопоты успешно завершились — Якову Ивановичу Смирнову было даровано дворянство¹.

Похоже, что Воронцов рассматривал эту «Записку» как своего рода профессиональное завещание. Обеспокоенный ухудшившимся здоровьем брата и опасностями, окружавшими на Кавказе сына, он просил у императора позволения вернуться в Россию «дабы окончить последние мои дни в покое и между моими родными»². Император дал свое согласие, но в письме от 18 августа 1804 г., тактично предложил Воронцову пересмотреть свое решение: «Вы, без сомнения, в праве уйти на покой после долгих и славных лет службы своей стране, службы, которую сами вы оценить не в состоянии; однако, в вашем характере приносить родине новые жертвы, и я принимаю их с глубоким чувством»³. Польщенный и успокоенный, Воронцов — «бедный капуцин или старик каким я являюсь»⁴ — согласился продолжить службу государю, чьи распоряжения всегда «столь мудры и столь ясно изложены»⁵. Однако, Александр I, кажется, уже не мог совершенно доверять своему старому послу, и в ноябре Новосильцев, близкий помощник

¹ Кочубей получил на это оформление разрешение императора. АКВ. XIV. С. 184; АКВ. XX. С. 491; *Лоевская О. Ю.* Служение Отечеству: православный священник в Лондоне Яков Смирнов (1780–1840). С. 332–333.

² АКВ. X. С. 426; АКВ. XVII. С. 83. Журналистские «новости», как всегда, опережали события. «Вестник Европы» сообщил уже в начале июня 1804 г.: «Бывший доселе в Лондоне Российско-Императорский Посол, Граф Воронцов, отправляется обратно в Россию в нынешнем же еще месяце, и сядет для того на корабль в одной Шотландской гавани» (Перечень известий из Лондона с 1-го по 8-е Июня // Вестник Европы. № 11. Т. 15. 15 июня 1804. С. 237).

³ АКВ. X. С. 310.

⁴ АКВ. XVII. С. 83.

⁵ АКВ. X. С. 429.

императора, приехал якобы для изучения британских законов и государственного устройства. На самом же деле он, главным образом, занимался проведением переговоров с Питтом.

«[Воронцову] хотели оставить всю официальную сторону дела, переговоры с министерством, заключение договора; но Воронцов казался стар, упрям, узок в своих взглядах и слишком пылок в их проведении. Новосильцев вез целый обширный план действия, обнять его не по силам Воронцову, старик будет спорить то о той, то о другой части плана; лучше обойти старика»¹.

В письмах государю от 22 ноября и 24 декабря 1804 г. Новосильцев писал:

...граф Воронцов сперва принял меня довольно холодно; но не прошло суток, как прежнее расположение его ко мне возвратилось; потом час от часу лучше и, наконец, он сделался только таким орудием, каковым в настоящих обстоятельствах его иметь нужно. Все будет делаться через него и окончено им ... я не иначе мог успеть заставить здешнее министерство принять все правила В. В-ства во всей их полноте, как через непосредственное мое с министрами, а особливо с г. Питтом сношение. Сколь трудно было до сего достигнуть, не оскорбив честолюбия гр. Воронцова и не вооружив его против себя! Сколь много было мне беспокойств, чтоб удалить его подозрения и успокоить его воображение на счет всех моих сношений ... Труднее, беспокойнее для духа и неприятнее я ничего еще не встречал. Удалось поддержать хорошие сношения вполне².

Только после возвращения Новосильцева в Петербург император 3 апреля 1805 г. подтвердил свое решение оставить за Воронцовым его пост в Лондоне³. В том же самом месяце, 11 апреля 1805 г. Россия подписала в Петербурге соглашение с Великобританией.

¹ Соловьев С. М. Император Александр I. Политика, дипломатия. С. 63.

² Цит. по: Соловьев С. М. Император Александр I. Политика, дипломатия. С. 67.

³ АКВ. X. С. 314–315.

Год 1805 принес Воронцову и большую личную и профессиональную радость, и глубокое горе. Сын его участвовал в стычках с горцами в Осетии и подхватил опасную лихорадку, что заставило Михаила вернуться в Петербург. Воронцов был очень обеспокоен нездоровьем сына, но после нескольких месяцев борьбы с болезнью тот полностью оправился к маю 1805 г. Воронцов уже строил подробные планы возвращения в 1806 г. в Россию («до Эдинбурга, а там фрегатом — в Швецию») вместе с дочерью, поскольку его самые любимые люди — сын и брат — теперь были там¹. Источником большого личного удовлетворения стало участие России вместе с Британией в Третьей коалиции, боровшейся с доминированием Наполеона в Европе. 21 октября 1805 г. Нельсон разбил французско-испанский флот у мыса Трафальгар, погибнув в этой битве. Британия теперь господствовала на море и обезопасила себя от вторжения. Радость была недолгой — 2 декабря 1805 г. Наполеон разгромил Россию и Австрию под Аустерлицем. Российская императорская армия оказалась отсталой и не готовой к битве, а офицеры ее — недостаточно обученными. Об этом Воронцов писал лишь несколькими годами ранее, когда призывал к модернизации военного дела в 1802 г., и в письме сыну от 8 января 1806 г.²

В этой атмосфере славных побед и позорных поражений Воронцов получил второй удар, самый тяжелый со времени потери молодой жены. 3 декабря 1805 г., на следующий день после поражения России под Аустерлицем, граф Александр Романович — брат, наставник, лучший друг и главная опора в жизни — умер в своем имении Андреевское³. В соответствии с завещанием Александр Романович после проведенного скромного обряда был похоронен в

¹ АКВ. XVII. С. 98.

² АКВ. XVII. С. 123–128.

³ Воронцов получил известие о смерти брата только 27 января 1806 г. (АКВ. XVII. С. 133), т. е. уже после того, как узнал о поражении под Аустерлицем и о смерти Питта.

усадебной церкви¹. Завадовский, многолетний confident Воронцова, написал ему через две недели:

Нет слов, чтобы выразить печальное чувство, которое к тебе прилагаю и коим объята моя душа. Прошу Бога, да укрепит твой дух понести рок, пришедший не без предварения: ибо покойник не таил своих ощущений, что жизненная сила гаснет в нем и спокойно взирал на ближившуюся к нему смерть. Душа его не покидала своей деятельности до самой вечной точки, наставшей прежде, чем могли поразить его пренесчастные деяния мира². В сем пункте умершие счастливее живущих ... Покойник писал ко мне многократно, что он настоял у тебя сильно, дабы ты оставил свой пост и возвратился в Отечество³.

Даже если незадолго до смерти Александр Романович и желал, чтобы брат ушел в отставку и вернулся домой в Отечество⁴, Воронцов согласился только на первое. Когда брат — «глава нашей семьи, который заменял нам отца»⁵ — ушел, Воронцов почувствовал себя одиноким. Его сын, теперь уже майор, высадился в Шведской Померании и вел своих солдат на Ганновер⁶. Иногда сын мог получать отпуск и приезжать к отцу (как он сделал после

¹ *Алексеев В. Н.* Графы Воронцовы и Воронцовы-Дашковы в истории России. С. 101.

² Имеется в виду поражение под Аустерлицем.

³ АКВ. XII. С. 304, 305.

⁴ АКВ. XXX. С. 202.

⁵ АКВ. X. С. 446. Перед отставкой Александра они с братом успели похлопотать об изготовлении и установке памятника отцу на его могиле в Дмитровском соборе во Владимире. Надгробие было изготовлено в Лондоне и установлено в 1804 г. (*Тимофеева Т. П.* Надгробный памятник Р. И. Воронцову в Дмитриевском соборе города Владимира // *Воронцовы — два века в истории России. Материалы научной конференции.* Владимир: РИО, 1992. С. 139–142). Об интерпретации памятника см. также: *Сафонов М. М.* Опыт расшифровки надгробного памятника Р. И. Воронцову во Владимире // *Воронцовы — два века в истории России. Выпуск 2. Петушки,* 1996. С. 143–145.

⁶ АКВ. XVII. С. 109, прим.; *Rhineland A. L. H.* Prince Michael Vorontsov: Viceroy to the Tsar. P. 17.

смерти дяди). Сестры Елизавета и Мария умерли — одна в 1792, а другая в 1799 г.¹, и только Дашкова все еще обитала в своем подмосковном поместье. Его дочь жила в Англии и через пару лет вышла здесь замуж. Больше не было причин ехать домой в Россию.

В связи со смертью брата и принятым решением остаться в Англии, Воронцов дал сыну еще несколько важных советов: быть постоянно в курсе состояния финансов, собственности и земель семьи в России, поскольку скоро все это перейдет к нему; как можно чаще общаться с друзьями семьи; избегать общения с ненужными и вредными людьми; избегать общения с недовольными и фрондерами, поскольку такое общение губит честных людей, портит их репутацию и может даже привести к преследованию со стороны государства².

Казалось, что на жизнь Воронцова и на людей, которые играли в ней важную роль, опускается последний занавес. Уильям Питт умер 23 января 1806 г. в возрасте 46 лет. Чарльз Фокс, сам у смертного порога, заменил Питта, и последние месяцы жизни посвятил тяжелой борьбе за благородные цели — мир и отмену жестокой работорговли. Может быть потому, что знал о плохом здоровье Питта, Воронцов послал Чарторыйскому краткую биографию британского политика, написанную в конце 1803 или в начале 1804 г.³ Практически забыв старую враждебность, Воронцов восхваляет Питта, описывая его как молодого премьер-министра, таланты которого сопровождаются «самыми чистыми моральными принципами, возвышенным бескорыстием и твердым характером», что было подтверждено во время его долгой министерской службы. «С самого начала он был равен Фоксу и превосходил всех самых известных ораторов нашего времени... С великим усердием он

¹ АКВ. XII. С. 79; *Саввина А. Н.* О дате смерти Марии Романовны Бутурлиной. С. 70–71.

² АКВ. XVII. С. 139–140.

³ Записка графа С. Р. Воронцова о жизни и деятельности английского министра Питта Младшего // АКВ. XV. С. 453–480.

работал три года и в конце этого срока создал план консолидации национального долга и новый план ежегодной прогрессивной амортизации, основанный на этом расчете долга»¹. Сократив долг, Питт смог затем понизить налоги и применить принципы Адама Смита.

Воронцов мало задумывался о министрах Питта, но подверг самой суровой критике своего бывшего противника герцога Лидса. Он также считал, что Питт сделал две главные ошибки во время своего правления. Первой было вооружение флота против России, которое Воронцов не мог до конца забыть, а второй — поддержка Питтом Генри Аддингтона, которого российский посол не любил. Тем не менее, его уважительное отношение к Питту от этого не пострадало². «Что же касается его личной жизни, она вне всяких упреков. Нет никого более бескорыстного и менее тщеславного, чем он. Мягкость его характера чрезвычайна: не существует человека, более чуждого ненависти, чем он ... Никто столько раз не доказывал свое умение забывать прошлые обиды, сколько мистер Питт»³. Посол даже прощал Питту ситуации прямо анекдотические:

Граф Воронцов ... часто жаловался генералу Миранде на туманность и неопределенность разговоров с мистером Питтом. Он говорил, что после трех часов беседы, явно проведенной для подтверждения самых главных моментов, он обнаруживал себя в абсолютной растерянности относительно того, что написать своему двору о результатах разговора⁴.

Воронцов присутствовал в Бате у постели больного Питта в последние дни его жизни⁵. И спустя двадцать лет он чтит память Питта, как выдающегося политика и прекрасного человека. Он

¹ АКВ. XV. С. 455–456.

² АКВ. XVII. С. 131–132.

³ АКВ. XV. С. 463.

⁴ *Bain A. The Life of James Mill (III. Conclusion) // Mind. Vol. 2. No. 8. October, 1877. P. 526, note.* Анекдот рассказан Ф. Мирандой Дж. Миллю 16 мая 1810 г.

⁵ АКВ. XVII. С. 130.

рассказал о своем последнем разговоре с Питтом, передал его содержание Владимиру Давыдову (племяннику знаменитого Дениса Давыдова) и очень обрадовался, когда узнал, что тот собирается описать этот разговор в письме Вальтеру Скотту¹.

Молодые советники императора считали, что Воронцов уже не подходит к своей должности: «ваш Питт, русский Воронцов и австрийский Коллоредо ... слишком честные, чтобы твердо судить и правильно поступать в сегодняшней ситуации»². Чарторыйский написал в мемуарах о Воронцове: «он так преклонялся пред Питтом, что все, что походило, я не говорю даже на критику, а на какое-нибудь простое замечание или сомнение в политике, принципах или действиях этого министра, казалось графу Семену абсолютной бессмыслицей, неизвинительным извращением ума или чувства»³. С. М. Соловьев вообще оценивал проблемы российской политики по отношению к Британии в этот период как целиком зависящие от результатов борьбы между императором и его молодыми соратниками, с одной стороны, и устаревшими по своим англофильским взглядам и приемам братьями Воронцовыми, сохранившими свое единство и влияние, с другой стороны. Особенно досаждал Семен Романович, твердивший свое, «руководясь интересом минуты», с «раздражительностью и страстностью», которые должен был «спокойно» и «веско» парировать молодой государь. В самом деле, как можно терпеть старика, который позволял себе следующие суждения: «Признаюсь, что я буду в отчаянии, если у нас существуют планы увеличения

¹ АКВ. XVI. С. 372–375; Владимир Давыдов – Вальтеру Скотту, 20 мая 1828 г. (*Struve G. Russian Friends and Correspondents of Sir Walter Scott // Comparative Literature. Vol. 2. No. 4. Autumn, 1950. P. 321*).

² *Goldsmith L. Memoirs of the Court of St. Cloud, Complete, Being Secret Letters from a Gentleman at Paris to a Nobleman in London. In Two Volumes. Volume I. Boston: L. C. Page and Co, 1900. Letter XIX. Paris, September, 1805.*

³ *Чарторыйский А.* Мемуары. Глава IX. 1801–1802 гг.

территории. Мы уже и так страшно распространились, вследствие чего страна не может быть хорошо управляема»¹.

В январе 1806 г. Третья коалиция окончательно распалась. «В Лондоне подсчитывали убытки и критиковали континентальных союзников, не сумевших воспользоваться ни британскими деньгами, ни победой Нельсона при Трафальгаре, за вялость и несогласованность действий. Александр I был недоволен результатами военного сотрудничества двух стран ... Не оправдались и его надежды на своевременные поставки субсидий»².

Смерть брата сделала, наконец, определенным желание Воронцова уйти в отставку. Он чувствовал себя отставшим от времени и отчужденным от молодого находящегося во власти поколения. Император написал Воронцову 6 февраля 1806 г.:

Я совершенно искренне разделяю те сожаления, которые заставила вас почувствовать мучительная потеря брата и друга. Наша страна потеряла одного из своих наиболее ценных и достойных служителей, который во многих разнообразных своих заботах столь много для нее сделал. Что же касается лично меня, я потерял в его лице министра, который всегда доказывал мне свое усердие и преданность столь же деятельную, сколь и просвещенную.

Александр I затем внезапно обратился к вопросу об отставке Воронцова.

Вы знаете, что поручая вам продолжить выполнение ваших обязанностей на прежнем посту, я совсем не желал, чтобы вы озаботились возможной датой вашей отставки, но теперь я предвижу, что смерть вашего брата не может не быть одной из ее

¹ Соловьев С. М. Император Александр I. Политика, дипломатия. С. 59, 35, 37, 23, 69.

² Орлов А. А. Союз Петербурга и Лондона. Российско-британские отношения в эпоху Наполеоновских войн. М.: Прогресс-Традиция, 2005. С. 28–29.

причин, и я не хочу откладывать свое согласие на вашу просьбу об отставке, как только вы ее пожелаете¹.

В своем недатированном ответе Воронцов поблагодарил императора за слова утешения и уверил его, что через три недели он пошлет письмо с просьбой об отставке². «Как убежденный сторонник союза между Россией и Англией, а также противник любого сближения с Францией, он очень мудро выбрал время для своей отставки»³. В результате, в 1806 г., после более чем двадцати лет дипломатической службы, Воронцов был отправлен в отставку и заменен в Лондоне (после нескольких поверенных и перерыва в связи с Тильзитским миром) послом Х. А. Ливеном⁴.

Во время прощальной аудиенции британский король Георг III сказал Воронцову:

Вы сами знаете, ибо я неоднократно в продолжении 21 года нашего знакомства вам это говорил и повторял, что добрый англичанин должен быть добрым русским, подобно тому, как хороший русский должен быть хорошим англичанином⁵. Нужно

¹ АКВ. X. С. 315–316.

² АКВ. X. С. 445.

³ *Kochkin N.* Great Diplomats of the Era of Catherine the Great. P. 161.

⁴ Христофор Андреевич Ливен (1774–1838), барон, затем граф, затем светлейший князь — русский дипломат, посол в Лондоне с 5 сентября 1812 г. Занимал этот пост 22 года.

⁵ В оригинале — «un bon Anglais doit être bon Russe, de même qu'un bon Russe doit être bon Anglais». Воронцов повторил, ссылаясь на короля, эти слова в письме к сыну от 4 ноября 1805 г. (АКВ. XVII. С. 118). Это высказывание цитируется неоднократно в различных источниках, вплоть до анекдотов (см., например: *Lobanov-Rostovsky A.* Anglo-Russian Relations through the Centuries // *Russian Review*. Vol. 7. No. 2. Spring, 1948. P. 44; *Кросс Э.* Исповедь любителя XVIII века // *История продолжится: Изучение восемнадцатого века на пороге двадцать первого*. М.—СПб.—Ферней-Вольтер, 2001. С. 374), часто оно приписывается самому С. П. Воронцову. Однако, король здесь либо использовал довольно расхожую формулу, либо прямо намекал на другие подобные высказывания. Например, французский посол в Петербурге Лопиталь в 1759 г. сообщал в Париж: «Ее императорское величество, господин канцлер [М. Л. Воронцов] и весь двор выказывали мне, сколь они привержены к славе короля и сколь его союз с

отречься от здравого смысла и усвоить себе химерические и глупые идеи, чтобы вообразить, что может существовать на свете союз более естественный и более крепкий, чем между Россией и Великобританией, которые ни соседние, ни однородные державы, ибо каждая могущественна в различных стихиях. Одна — сильнейшая военно-сухопутная держава; другая — островная держава, обладательница самого многочисленного флота, каким какая-либо держава когда-либо владела. Они не имеют никакого повода к взаимной зависти и недоверию. Напротив, они должны помогать друг другу самым действительным образом. И так как их географическое положение — основание их союза — не может измениться, этот союз должен быть вечным¹.

Указ от 15 мая 1806 г. освобождал Воронцова от всех имевшихся обязанностей и подтверждал его годичный пенсион в шесть тысяч

Российской империей им ценен и приятен. Наши взаимные угождения неизменно заканчивались словами: "Любой добрый русский должен быть добрым французом, а любой добрый француз должен быть добрым русским [Tout bon Russe doit être bon Française, comme tout bon Française doit être bon Russe]..."» (цит. по: *Основам К. А. Государственная словесность: Ломоносов, Сумароков и литературная политика И. И. Шувалова в конце 1750-х гг. // Европа в России: Сборник статей. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 14*). Воронцов много раз использовал эту мысль в своих письмах, особенно адресованных британцам: «Тот, кто меня заменит, будет способнее меня, и если он истинно русский, он будет таким же добрым англичанином, как я...» (Report on the Manuscripts of J. B. Fortescue, Esq., Presented at Dropmore. Vol. IV. P. 448); «Проникнутый признательностью за те знаки дружбы и доверия, которые я получаю здесь, я — англичанин по личному ощущению, и я таков еще и потому, что я — добрый русский, который, как всякий добрый англичанин, должен быть убежден, что союз между нашими странами — самый разумный, самый полезный и самый постоянный из всех. Это чувство, которое вырезано на моей душе...» (Report on the Manuscripts of J. B. Fortescue, Esq., Presented at Dropmore. Vol. IV. P. 499); «Я выполнил свой долг, как добрый русский; теперь тем, кто здесь правит, следует выполнить свой долг, как добрым англичанам...» (Report on the Manuscripts of J. B. Fortescue, Esq., Presented at Dropmore. Vol. VII. P. 20).

¹ Воронцов передал эту речь в донесении императору от 6/18 апреля 1806 г. (АКВ. Х. С. 447). Цитирование в оригинале и русский перевод см.: Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами / По поручению Министерства Иностранных Дел составил Ф. Мартенс. Том XI. Трактаты с Англиею. 1801–1831. СПб.: Тип. А. Бенке, 1895. С. 123.

рублей. Посольство передавалось под ведение барона П. А. Николая¹. Указ был получен, когда у отца гостил сын Михаил, приехавший 9 марта и собиравшийся отправиться обратно в Россию 9 июня². Но сам Воронцов, которому разрешили остаться в Англии, уже никогда не вернется в Россию, хотя будет внимательно следить за всеми грандиозными событиями, которые еще предстояло пережить его родной стране. Его соображения были, пожалуй, наилучшим образом выражены в наставлении сыну в 1801 г.:

Она [Россия] совершенно не похожа на страну, которую вы покидаете [Британию], и хотя новое царствование [Александра I] сделало наших соотечественников счастливее, когда, выйдя из наиболее зверского рабства, они вообразили, что стали совершенно свободными и чувствуют себя, как жители других стран (ведь они не знают истинной свободы, основанной на особой конституции, какую имеет счастливая Великобритания, где люди подчиняются только законам, одинаковым для всех классов, и где человек сохраняет все свое достоинство). У нас — невежество, отвратительные нравы — как следствие этого невежества и формы правления, которая, унижая людей, лишает их всякого душевного подъема, приучает их к жадности, к чувственным удовольствиям, гнуснейшим подлостям и угодничеству перед всеми могущественными людьми или фаворитами государя³.

¹ АКВ. X. С. 316; АКВ. XX. С. 314–315.

² АКВ. X. С. 446.

³ АКВ. XVII. С. 5–6. Русский перевод см. *Микешин М. И.* *Дворянство: от истории к метафизике.* С. 165–166.

Глава XIII

Годы в отставке, 1806–1832

Последняя четверть века. Круг друзей. Основные заботы. Позор Тильзита. Свадьба дочери. Сомнения в «русскости». Вести о Бородине и ранении сына. «Велик Бог Русской!» Михаил против Наполеона. Визиты к сыну во Францию. Против немецких философии и врачей. Женитьба сына. Назначение Михаила. Оценка заговора декабристов. Отстаивание чести страны. Мемуары Дашковой. Смерть кучера. Мысли о революциях. Смерть и похороны.

Несмотря на его убежденность в том, что он родился с хрупким здоровьем, склонным к чахотке и простудам, Воронцов проживет в отставке еще четверть века. Он провел последние годы в Лондоне, Саутгемптоне и поместье Уилтон (Wilton House) в Уилтшире, где жила его дочь, переписываясь с сыном и большим числом старых друзей. Среди них были Ростопчин и воронцовский протезе Н. М. Лонгинов¹. В Лондоне Воронцов был особенно близок со своим духовником и многолетним сотрудником отцом Яковом Смирновым. По сыну он часто тосковал.

Ваше отсутствие теперь — моя самая главная утрата, так не лишайте меня утешения разговаривать с вами письмами. Вы знаете, как я вас люблю, но я должен сказать вам, что именно сейчас я чувствую всю силу моей нежности к вам; с тех пор, как я расстался с вами, я чувствую внутри пустоту, какую никогда ранее не испытывал: я постоянно по кому-то скучаю, и не хватает мне вас. Я не вижу вас, я не разговариваю с вами, и эта утрата

¹ Краткую характеристику Н. М. Лонгинову (1780–1853) и его отношений с С. Р. Воронцовым дал П. И. Бартенев (АКВ. XXIII. С. vi; АКВ. XXIII. С. 44, прим.).

уменьшает мое настоящее счастье. Поэтому пишите мне при каждом удобном случае, только одна строка — и она меня спасет¹.

Дочь и сын поддерживали его, как могли, но у дочери вскоре появились свои семейные заботы, а сын приезжал, когда только мог. Михаил приехал к отцу в начале 1806 г. и пробыл почти год, они виделись чаще, когда Михаил командовал корпусом во Франции, сын приезжал надолго еще в 1819 и в конце 1820 г. Заняв пост Новороссийского генерал-губернатора, Михаил стал приезжать реже. Последний раз они с отцом виделись, когда Михаил приехал в 1831 г. более чем на год.

Сначала переход к спокойной непубличной жизни был для Воронцова труден. Он чувствовал себя бесполезным и выброшенным, признаваясь сыну, что уход из карьеры похож на самоубийство, хотя он все еще жив и пока не «сдохнет», если, конечно, не попытается вернуться в Россию². Уходя в отставку, Семен Романович не отказался от светской жизни, наоборот, он поддерживал свои обширные светские и дружеские связи и, видимо, продолжал пользоваться серьезным влиянием³. Круг своих близких связей того времени он очертил сам в письме сыну 18 ноября 1812 г., перечислив тех, кто справлялся о здоровье Михаила:

Вы не поверите, как много наших друзей приняли участие во всем, что вас касается. Они очень встревожились, когда узнали о вашем ранении. Они не решались обратиться прямо ко мне, но спрашивали у князя Кастельчикала⁴, у мадемуазель Жардин, у Смирнова и мистера Бонара, а когда они узнали, что я узнал

¹ АКВ. XVII. С. 28.

² АКВ. XVII. С. 173–174.

³ Так и российский историк С. Н. Искюль оценивает «бывшего российского посланника в Лондоне графа С. Р. Воронцова, остававшегося, несмотря на свою отставку, весьма влиятельным» (*Вильсон Р.-Т.* Дневник и письма 1812–1813. СПб.: ИНАПРЕСС, 1995. С. 249, прим. 23).

⁴ Фабрицио Руффо, князь де Кастельчикала (Castelcicala, 1763–1832) — неаполитанский посол в Британии, а затем во Франции (АКВ. XXVII. С. 254).

новости непосредственно от вас и что ваша рана была легкой, они написали мне, чтобы порадоваться вместе со мной этому счастью. Так поступили Хаддингтоны [Haddington], Байнинги [Binings], леди Мальмсбери [Maimesbury], лорд и леди Гренвиль, Роты [Rots], Фарквар¹, вдовствующая леди Пемброк, мадемуазель Гомм [Gomm], Темплы [Temple], Тейты [Tate], Роджерсон. Королева и принцесса Мария [Marie] отправили мне очень милые послания по поводу вас, а принцесса Мария написала Катеньке об этом очень дружественное письмо. Я не должен забыть также графа Фронта [Front], шевалье д'Эглио [d'Aiglio], Пелтцера [Peltzer], барона и секретаря суда Фагеля [Fagel]. Что же касается семьи Кастельчикала, они интересовались так, будто вы их сын, а князь, придя ко мне, узнав, что я получил ваше письмо из Можайска и увидев его, заплакал от радости².

Воронцов по-дружески относился не только к людям светским, но и выходцам из других сословий, как это было тогда уже принято в Британии. Например, врачи, лечившие членов семьи Воронцовых, часто становились друзьями или получали рекомендации от старого графа. Воронцов направил к брату Александру из Британии врача Кира, который находился при больном до самой его кончины³. «Успешное лечение доктором Гранвилем [дочери, будущей] леди Пемброк, в то время, когда она почти умирала, привело к установлению близких его отношений с семьей ее отца графа Семена Воронцова»⁴ в феврале 1822 г. Это дало Гранвиллю также

¹ Фарквар (Farquhar), по словам Воронцова, «мой близкий друг в течение 33 лет» и друг всей семьи. Умер в 1819 г. (АКВ. XVII. С. 504).

² АКВ. XVII. С. 237–238.

³ АКВ. XXX. С. 195–196, 198, 213, 222. Джеймс Кир (James Kier или Keir) затем был назначен главным врачом Странноприимного дома (*Алексеев В. Н.* Последние дни жизни и кончина графа Александра Романовича Воронцова // Воронцовы — два века в истории России. Выпуск 2. Петушки, 1996. С. 7; *Лавринович М. Б.* Как поссорились Николай Петрович с Алексеем Фёдоровичем: патрон-клиентские отношения в русском обществе рубежа XVIII–XIX вв. С. 109).

⁴ *Littell E., Littell R. S.* Making of America Project. The Living Age Co. Inc., 1894. P. 617. О докторе Августе Боцци Гранвиле (Augustus Bozzi Granville, 1783–1872) и его дружбе с Воронцовыми см.: *Микешин М. И.* Диагнозы английского врача:

наилучшие рекомендации и открыло двери самых известных домов Британии. Он был обласкан Воронцовыми и рекомендован всем знакомым, дела его быстро пошли в гору. В 1824 г. Михаил пригласил его стать семейным врачом Воронцовых и отправиться в Россию на три-четыре года. Однако Гранвиль не поехал, но рекомендовал другого доктора — Вильяма Хатчинсона¹. Хатчинсона сменил — также по рекомендации Гранвиля — выпускник Эдинбургского университета Роберт Ли. Многолетняя дружба и переписка связывала Воронцова с доктором Джоном Роджерсоном, личным врачом Екатерины II, доктором и всей семьей Халидеев².

Одной из забот Семена Романовича в первые годы отставки было заочное управление всем имуществом братьев Воронцовых, которое перешло к нему после смерти Александра. Во многом он полагался на своих доверенных лиц, в частности, на З. Н. Постникова³, К. С. Рындина и Н. М. Лонгинова⁴. Его беспокоила также сохранность ценных исторических бумаг, доставшихся в наследство

Академии наук (1827) и императору (1853) // *Философский век. Альманах. Выпуск 6. Россия в Николаевское время: наука, политика, просвещение*. СПб.: Санкт-Петербургский центр истории идей, 1998. С. 34–64.

¹ Хатчинсон стал затем известен как «умный афей», с которым встречался А. С. Пушкин.

² Джон Роджерсон (Иван Самойлович Рожерсон, John Rogerson, 1741–1823) — шотландский врач, окончил в 1765 г. Эдинбургский университет, лечил сына Дашковой и саму Дашкову, лейб-медик Екатерины до самой ее смерти, вернулся в Шотландию в 1816 г. Его письмо к Воронцову, содержащее утверждение, что император «не способен отличать добро от зла», приводят в качестве доказательства сумасшествия Павла (Цареубийство 11 марта 1801 года. Записки участников и современников. СПб.: Издание А. С. Суворина, 1907. С. XIV). «Вся эта семья Халидей [Haliday] хороша и честна; это отличная порода, и мы можем ей доверять» (АКВ. XXII. С. 517).

³ Захар Николаевич Постников, впоследствии сенатор, женатый на дочери И. П. Архарова (АКВ. XII. С. 305, прим. 26). *Долгова С. Р.* З. Н. Постников — доверенное лицо семьи Воронцовых // Е. Р. Дашкова и XVIII век: Традиции и новые подходы. М.: МГИ им. Е. Р. Дашковой, 2012. С. 113–127.

⁴ АКВ. XXIII. С. 44, прим.

братьям еще от дяди Михаила Ларионовича и находившихся тогда в Андреевском¹. Лишь с 1810 г. он постепенно передавал дела по ведению хозяйства сыну Михаилу². В письмах сыну Воронцов любил входить в подробности. Так, 1 октября 1808 г. он пишет о петербургском доме на Малой Морской улице («Исаакиевского»):

Мне бы хотелось, мой дорогой Мишель, чтобы вы квартировали в доме, который мы отремонтировали, так что вы можете перенести свои вещи туда и оставаться там, решив продать дом, что на Мойке, он неудобен, так как плохо расположен, и вам не нужны два дома. В том, что касается Исаакиевского, вы должны, как мне кажется, предпочесть остаться на нижнем этаже, то есть на первом этаже, где я жил с вашей матерью и где вы родились. Что касается картины вышеупомянутого зала, дизайн которого мне прислали, то, кроме того, он меня не радует, будучи слишком дорогим, затеняет комнату; лучше сделать штукатурку потолка очень простой и белой, и нанесите на стены обычные обои без рисунков или цветов, и чтобы эти обои были синими или светло-желтыми, чтобы украсить эти стены картинами, которые вы выберете среди лучших из находящихся в Андреевском, где они только испортятся от влажности нежилого дома. Есть около двадцати прекрасных картин, которые были привезены из Италии, и среди тех, что были у моего брата, было так много хороших. Этого будет достаточно, чтобы украсить комнату, и обставит ее гораздо лучше, чем плохой фреской или любым гобеленом³.

Воронцов проводил время, главным образом, в озабоченности судьбой России во время Наполеоновских войн и тщательном обдумывании каждой детали, извлеченной из газетных отчетов и частной переписки. Основным содержанием писем Воронцова к сыну теперь было обсуждение европейской политики, хода войны,

¹ АКВ. XXX. С. 232–233 и прим.

² *Воскобойникова Н. П.* Управление воронежской вотчиной Воронцовых в середине XVIII — середине XIX вв. // Воронцовы — два века в истории России. Труды Воронцовского общества. Выпуск 3. Петушки, 1998. С. 40–41.

³ АКВ. XVII. С. 172–173.

сражений и организации российской армии, отношений сына с его командирами. Воронцов пишет сыну 17/29 ноября 1813 г.: «Я только и делаю что читаю и перечитываю ваши письма: они делают меня счастливым как отца, как старого солдата и как человека, заинтересованного во благе своей страны, о ее спокойствии и спокойствии цивилизованного мира»¹. В июне 1806 г. он объяснял в письме, poslanном Новосильцеву с копией Чарторыйскому:

В какой бы стране я ни находился, моя родная страна интересует меня больше всего; я принимаю самое живое участие во всем, что ее касается; ее слава и процветание составляют мое счастье; ее унижение, которое всегда есть предвестник ее возможного крушения, приводит меня в отчаяние².

Предстоящая свадьба Екатерины Семеновны с Джорджем Огастесом Гербертом, Одиннадцатым эрлом Пемброком и Восьмым эрлом Монтгомери³ стала для Воронцова избавлением от депрессии, связанной с отставкой и мрачными европейскими новостями. 5/17 апреля и 5/17 июля 1807 г. Воронцов написал Михаилу, что лорд Пемброк будет служить полномочным посланником специальной миссии в Вене. Он просил сына снабдить лорда лошадьми и оказать возможную помощь, поскольку тот был старым другом, которого Воронцов встретил в России еще двадцать восемь лет назад. Более того, Воронцов и его дочь считали мать Джорджа леди Пемброк своим самым близким другом, а о лорде Пемброке были такого высокого мнения при дворе, что предлагали стать канцлером, вице-королем Ирландии и два раза — послом в России. Воронцов был уверен, что Михаил и лорд Пемброк станут большими друзьями, поскольку их «характеры и стили мышления абсолютно одинаковые»⁴.

¹ АКВ. XVII. С. 309.

² АКВ. XI. С. 421–422.

³ George Augustus Herbert, 11th Earl of Pembroke and 8th Earl of Montgomery. См. о нем и его семье подробнее: *Lever T. The Herberts of Wilton*. P. 169–203.

⁴ АКВ. XVII. С. 155–156, 169.

Разумеется, до этого времени находились и реальные, и вымышленные претенденты на руку Екатерины Семеновны. Так, в 1799 г. ею, по слухам, интересовался А. М. Римский-Корсаков, и две семьи даже подумывали о свадьбе¹. В 1800–1801 гг. в нее был безнадежно влюблен Л. А. Яковлев, тогда капитан русской армии. Воронцов отказал ему, ссылаясь на его неприличное поведение и двадцатилетнюю разницу в возрасте с Екатериной Семеновной и называя его в письмах к друзьям «Тартюфом»². В 1804 г. к ней, возможно, сватался Н. Н. Новосильцев³. Видимо, Воронцов не был удовлетворен претендентами, их личностями и социальными статусами.

Поскольку Екатерина была фрейлиной вдовствующей императрицы, Воронцов в июне от имени дочери просил позволения Марии Федоровны на брак. В своем письме он представил лорда Пемброка как человека «большой доброты, соединяющего высочайшую нравственность с самым добродетельным характером. К тому же все его любят и уважают». Лорд-наместник Уилтшира и отпрыск одного из самых знаменитых и древнейших английских родов, он имел звание генерал-лейтенанта и был рыцарем ордена Подвязки. В добавок Воронцов рассказал, что лорд Пемброк, будучи в России в царствование

¹ Report on the Manuscripts of J. B. Fortescue, Esq., Presented at Dropmore. Vol. V. P. 367. Александр Михайлович Римский-Корсаков (1753–1840) — один из командующих во время швейцарского похода, генерал от инфантерии. Он привозил в 1793 г. графа Артуа в Халл (см. Гл. VIII). Друг Воронцова П. В. Завадовский, представляя А. М. Римского-Корсакова в письме, дал ему отличную характеристику (АКВ. XII. С. 85).

² Лев Алексеевич Яковлев (1764–1839), дядя А. И. Герцена, семейное прозвище «Сенатор» (*Struve G. An Anglo-Russian Medley: Woronzows, Pembrokes, Nicolaÿs, and Others. Unpublished Letters and Historical Notes.* P. 93–105); АКВ. XXVII. С. 177; АКВ. XXIX. С. 440–448; АКВ. XIX. С. 36, 46; АКВ. XVII. С. 20, АКВ. XX. С. 427.

³ *Waliszewski K. La Russie il y a cent ans: le règne d'Alexandre 1er.* 2 vols. Vol. 1. La Bastille Russe et la révolution en marche (1801–1812). P.: Plon-Nourrit et Cie, 1923. P. 143, 148; *Fremont-Barnes G. B. Czartoryski's Plan for Reconstruction of Europe (1804)* // *Modern Times (Jp.)*. Vol. 81. No. 3. 1997. P. 11, note 19.

Екатерины, единственный из иностранцев имел честь присутствовать по приглашению на бале в личных апартаментах великого князя Павла в Зимнем дворце¹. Мария Федоровна дала свое согласие и благословение, но, по сообщению Завадовского, выразила сожаление, что Екатерина выходит за англичанина, а не за русского. Императрица Елизавета написала, что император также дал согласие на этот брак. Она опасалась, что Воронцов теперь не вернется в Россию в ближайшем будущем².

Женившись второй раз, лорд Пемброк перестал заниматься большой политикой, однако остался весьма авторитетной фигурой в британском обществе. Он жил, главным образом, в своем имении в Уилтоне, посвящая ему много времени и энергии. Кажется, отношения в новой семье складывались хорошо, хотя муж был не без странностей. Например, «он унаследовал фамильную любовь к собакам, которая была характерна для многих его предков. Вокруг него всегда было несколько собак, которые не только сопровождали его во время прогулок, но и обычно сидели с ним за столом, где у каждой из них был отдельный стул и тарелка»³.

Новости же с фронта были гораздо менее вдохновляющими. Как Воронцов и предсказывал, российская армия не была готова к схватке с Наполеоном и 14 июня 1807 г. была разбита в битве под Фридландом, где российские войска в беспорядке бежали. Воронцов был вне себя, «страдав в течение многих дней всеми возможными душевными муками», хотя он и был утешен сообщением лорда Пемброка и его матери, что Михаил, который

¹ АКВ. X. С. 462–464; *Struve G. An Anglo-Russian Medley: Woronzows, Pembrokes, Nicolaÿs, and Others. Unpublished Letters and Historical Notes.* P. 104–105.

² АКВ. XII. С. 307; АКВ. XXX. С. 254. Воронцов обсуждал с В. П. Кочубеем, как подать эту новость императору, который был очень озабочен после Тильзита (АКВ. XIV. С. 194).

³ *Stanmore A. H.-G. Sidney Herbert, Lord Herbert of Lea: A Memoir.* Vol. 1. L.: J. Murray, 1906. P. 8; *Pembroke Papers (1780–1794).* P. 500.

сломал ногу в сражении при Пултуске, был «жив и здоров»¹. Позорный мирный договор в Тильзите был заключен через три недели, 7 июля. Переговоры шли вразрез всему, за что Воронцов боролся и во что верил многие годы. Фактически его оппозиция была столь страстной и громкой, что дала повод к совершенно невероятной сплетне о том, что почтенный, седой посол был вызван из забвения и отправлен в Тильзит, где прятался под досками пола на плоту с павильоном, в котором встретились два императора, Александр и Наполеон. Там, вися между бревнами посреди реки Неман, он якобы подслушивал их переговоры, чтобы рассказать их содержание британцам².

На самом деле, 12 августа 1807 г. Воронцов писал Михаилу, присутствовавшему при подписании соглашения:

Три недели я не осмеливаюсь появляться в свете, не лучше я чувствую себя и дома: я переполнен болью, гневом и отчаянием ... Можно переносить свои несчастья со смирением и твердостью, мы должны даже так поступать, и вы можете вспомнить, как я переносил их в Саутгемптоне во время несправедливого преследования Павла. Узнав о его смерти и ненависть ту жестокость, с которым она была причинена, я возрадовался вероятным последствиям этого ужасного события, и не столько из-за того или, вернее, вовсе не из-за того, что вернут мою конфискованную собственность, но потому, что я видел, как моя родина была избавлена от государя, который от слабоумия превратился в жестокого тирана, который после того, как сделал ее несчастной, собирался полностью ее развалить. Поэтому я могу перенести свои несчастья. Однако теперь я чувствую, что не могу терпеть горя, оскорбления, унижения и неизбежного падения моей несчастной родины, внезапно низринувшейся с высоты величайшей славы и реальной мощи, какой ни одна страна в мире

¹ АКВ. XVII. С. 157–158.

² *Macleay F.* To Caucasus, the End of all the Earth: An Illustrated Companion to the Caucasus and Transcaucasia. L.: Cape, 1976. P. 74; *Rhineland A. L. H.* Prince Michael Vorontsov. P. 224, n. 29.

никогда не обладала. И все это не происками иностранных врагов, а позором и гнусным предательством злодеев, которые советовали императору делать все, что он делал, начиная с идеи перемирия до мира. А какой мир! И в какой день он подписан! В день празднования Полтавской битвы! ... я русский в сердце и душе, и я чувствую себя еще более русским, чем раньше, в том отчаянии, которое переполняет меня из-за всего, что было сделано в Тильзите¹.

Согласно некоторым источникам, когда император вернулся в столицу и привез с собой позорное слово «Тильзит», «разгневанный С. Р. Воронцов предложил, чтобы сановники, подписавшие унижительный для России договор и даже пошедшие на союз с Наполеоном, совершили въезд в Петербург на ослах...»² Гордость, которую он чувствовал за храбрую службу сына своей стране, поблекла из-за капитуляции России перед французами, и он призвал Михаила оставить службу. Завадовский увидел во вспышке Воронцова «неодуманные следствия пылкого нрава» и «живых чувств» и настоял на пересмотре требования³. Видимо, в это время Михаил совсем не собирался уходить из армии.

Новый год, казалось, обозначил поворот в жизни Воронцова, когда 25 января 1808 г. Екатерина Семеновна вышла замуж за представителя одной из самых знаменитых семей в Англии. Жених лорд Пемброк был более чем на двадцать лет старше русской невесты. Вдовец, он ранее был женат на своей кузине Элизабет Боклерк (их матери, урожденные Спенсер, были сестрами) и ко времени свадьбы уже имел двух взрослых детей — семнадцатилетнюю леди Диану Герберт и шестнадцатилетнего

¹ АКВ. XVII. С. 166–167.

² Олейников Д. И. Бенкендорф. М.: Молодая гвардия, 2009. С. 79.

³ АКВ. XII. С. 308.

Роберта Генри Герберта¹. «В греческой часовне, в Мери-ле-бон, согласно ритуалу греческой церкви, достопочтенный эрл Пемброк [женился] на графине Воронцовой; после этого они были вновь повенчаны, по специальному разрешению, Его Преосвященством епископом Солсберийским в доме вдовствующей графини Пемброк на Кавендиш-сквер»².

После того, как дочь укоренилась в Англии, у Воронцова уже никогда не возникало мысли о возвращении в Россию. Вспоминая, как он страдал во время поездки на родину пять лет назад, он чувствовал, что возраст и слабое здоровье не позволят ему повторить этот опыт: «...если бы я был более здоровым, если бы я был моложе своих 63 лет, я бы ни секунды не медлил с отъездом, несмотря на зимние шквалы, ужас непроезжих дорог и гнусные условия в гостиницах на континенте»³. В любом случае, такое путешествие было теперь опасным из-за наполеоновской Континентальной блокады Британии. Завадовский согласился с этим и посоветовал Воронцову объяснить свою ситуацию Н. П. Румянцеву, тогдашнему министру иностранных дел. Ни в коем случае, однако, он не должен высказывать свои политические взгляды министру, поскольку хорошо известна склонность Семена Романовича «быв разгоряченным, увлекаться»⁴.

Таким образом, Воронцов много раз собирался и даже пытался вернуться из Англии и в Россию, и каждый раз он оставался или возвращался не из горячей любви к Англии, не из нелюбви к России, а из-за конкретных политических и семейных обстоятельств.

¹ The Peerage. A genealogical survey of the peerage of Britain as well as the royal families of Europe. Person Page 3424 (<http://www.thepeerage.com/p3424.htm#i34231>); Person Page 7862 (<http://www.thepeerage.com/p7862.htm#i78616>).

² The European Magazine, and London Review, Containing Portraits, Views, Biography, Anecdotes... Vol. 53. From January to June 1808. P. 153.

³ АКВ. XVII. С. 173.

⁴ АКВ. XII. С. 309–310.

Воронцову было позволено остаться в Англии¹, а его «русскость» и лояльность постоянно ставились под вопрос. В 1810 г. А. Б. Куракин был послан в Париж в качестве чрезвычайного посла по случаю свадьбы Наполеона и Марии Луизы. В своей депеше Румянцеву он описывает обед, состоявшийся после охоты в павильоне в Сен-Жерменском лесу. В некоторый момент, Наполеон, который был очень сердечен, спросил о братьях Воронцовых. Когда Куракин сообщил ему, что Александр Романович уже умер, он добавил: «А брат его все еще в Англии? Он, стало быть, не русский». Куракин объяснил, что здоровье Воронцова не позволяет ему путешествовать и перевел разговор на Михаила Семеновича, который вступил в армию, как только ему позволил возраст, и отлично служил на Кавказе. «Этот, — заметил Наполеон, — стало быть, русский»². Действительно, Михаил как раз тогда принял участие в русско-турецкой войне и получил звание генерал-майора.

Но Воронцов был русским, и его патриотические чувства, так же, как и беспокойство о безопасности сына, были вновь возбуждены, когда в июне 1812 г. Великая армия пересекла Неман и вторглась в Россию. Воронцов внимательно следил за походом Наполеона на Москву, получая информацию от сына, от друзей и, в частности, от Н. М. Лонгинова³ и Роберта Вильсона — британского военного наблюдателя, прикомандированного к российской армии⁴.

¹ Новосильцев передал Воронцову «всемилодивейшее соизволение» императора в письме от 10 января 1808 г.: «ваше сиятельство можете пробыть там [в Лондоне] столько времени, какое для исправления надобностей ваших вы сами взять нужным признаете» (АКВ. XXX. С. 306).

² Депеша князя Алексея Борисовича Куракина во время его поездки в Париж в 1810 году к государственному канцлеру графу Н. П. Румянцеву // Русский архив. Выпуск 11. 1877. С. 241.

³ 1812-й год. Из писем Н. М. Лонгинова к графу С. Р. Воронцову // Русский архив. Книга 1. Выпуск 4. 1912. С. 481–547.

⁴ См.: Вильсон Р.-Т. Дневник и письма 1812–1813 (об установлении дружеских отношений между Вильсоном и Воронцовым — с. 11, 13, пример письма Вильсона

Первое серьезное сражение французского вторжения произошло 16–18 августа 1812 г. в Смоленске, когда российская армия покидала горящий и разрушенный город в течение ночи, отдавая его французам. Воронцов яростно обсуждал иностранную оккупацию России — и интеллектуальную, и военную:

Огромные суммы тратят на университеты, переполненные немецкими профессорами, которые отравляют страну философией Канта и опасной метафизикой мартинистов, но совершенно не думают о снабжении армии оружием, нужным для того, чтобы не попасть под иностранное иго. Все это заставляет сердце кровоточить¹.

Но скоро пришли еще более плохие вести; они были о том, чего Воронцов боялся больше всего. Михаил был ранен в Бородинской битве, его Вторая сводная гренадерская дивизия практически перестала существовать, а оставшиеся люди распределены по другим соединениям. В мемуарах, написанных по-английски для сестры, Михаил вспоминает тот день:

Я был ранен мушкетной пулей в бедро, когда мы отбивали флешу у противника в первый раз, моя храбрая дивизия была совершенно уничтожена, и из почти 5 000 человек не более 300, из них один полевой офицер ... остались целыми или слегка ранеными ... Мою рану обработали на поле боя, пулю извлекли, и первые три или четыре версты меня везли в маленькой крестьянской повозке, одно колесо которой было отстреляно пушечным ядром, и мы умудрялись передвигаться на оставшихся трех². Таким образом

Воронцову — с. 242–243); *Rhineland A. L. H. Prince Michael Vorontsov*. P. 22; *Life of General Sir Robert Wilson... From Autobiographical Memoirs, Journals, Narratives, Correspondence, etc.* In 2 vols. / Ed. by N. Randolph. L.: John Murray, 1862. О попытке Вильсона содействовать присылке британского оружия в Россию через Воронцова см.: 1812-й год. Из писем Н. М. Лонгинова к графу С. Р. Воронцову. С. 511.

¹ АКВ. XVII. С. 240.

² Этот момент изображен на известной картине «Сражение при Бородине», написанной художником П. фон Хессом по заказу Николая I. Картина находится в Военной галерее 1812 года Зимнего дворца в Петербурге.

мне удалось достичь моей собственной коляски, которая находилась в армейском обозе, и там я очень скоро увидел большое число генералов и офицеров, более или менее тяжело раненых, некоторые из них были моими близкими друзьями¹.

Доставленный в свой московский дом, Михаил увидел почти сотню телег, на которые грузили семейное имущество для отправки в Андреевское. Он приказал выгрузить из них все, включая бесценные картины, мебель, книги из обширной библиотеки, унаследованной им от дяди Александра и тетки Дашковой. Все эти ценности погибли позже в московском пожаре. На их место были уложены раненые солдаты и офицеры, которые, вместе с подобранными на Владимирской дороге инвалидами, были перевезены в Андреевское, главный дом которого превратили в госпиталь².

Узнав о сражении при Бородино и ранении сына, Воронцов написал: «мы разрываемся противоречивыми чувствами горя и удовлетворения относительно битвы при Бородино, потому что думать об ужасном кровопролитии, которое отличает теперь это место от всех других, означает быть пронзенным чувством ужаса и боли, за которым приходит некоторое удовлетворение тем, что монстр [Наполеон] не взял верх». Воронцов больше всего беспокоился о ране Михаила, об опасности инфекции и наличии в Москве хирурга. Он надеялся, что с приближением французских сил Михаил и его офицеры смогут укрыться в Андреевском³.

¹ АКВ. XXXVII. С. 22–23.

² Это событие стало легендарным. Сам Михаил Семенович описывает его очень скромно следующими словами: «В понедельник 1 сентября, за день до того, как наша армия покинула Москву, а французы в нее вошли, мы покинули Москву по Владимирской дороге. Я решил ехать в Андреевское ... Большое число моих друзей и других, страдавших от ран, согласились отправиться со мной...» (АКВ. XXXVII. С. 25). Подробнее см.: *Удовик В. А. Воронцов. С. 73–76.*

³ АКВ. XVII. С. 232–233.

Лечась в Андреевском, Михаил старался успокоить отца, принижая серьезность своего состояния. «Что до моей раны, дорогой батюшка, она пустячная; я хожу на костылях и могу уже немного опираться на раненое левое бедро. Ночь с 25-го на 26-ое августа, проведенная нами на бивуаках, была очень холодная, и я был тепло одет; по счастью, шинель моя сбилась именно на том месте, в которое попала пуля, что и смягчило удар»¹. Екатерина Семеновна была вне себя от радости, когда узнала, что брат выжил в «ужасной бойне Бородинской битвы»². Убедившись, что сын вне опасности, и убежденный, что французы были побеждены, Воронцов с ликованием написал 20 сентября 1812 г.: «Все, кого я встречаю, все, кто мне пишет, говорят, что завидуют тому, что я русский, что моя нация — первая в мире. И они правы, потому что это правда»³. В октябре Великая армия начала отступление, в декабре она была изгнана из России.

2 января 1813 г. Воронцов пишет П. В. Чичагову:

Я ограничиваюсь только одним (что повторяю без конца): *Велик Бог Русской!* Когда я вижу, сколько было сделано за 9 лет, чтобы расстроить дела в стране теоретическими предписаниями, выдуманными министрами столь же самонадеянными, сколь и невежественными и лишенными самых посредственных дарований; когда к этому добавились войны, столь же бесполезные, сколь и разорительные для наших финансов, оказавшихся расстроеными из-за прекращения коммерции; когда, наконец, я увидел, что система Сперанского была направлена на унижение дворянства, которое это поняло и было справедливо недоволено, я решил, что мое бедное отечество погибло, как только нас атаковал корсиканец. Но *велик Бог Русской!* Он заставил умолкнуть всеобщее недовольство; Он поддержал национальный характер во всей его чистоте, и народ

¹ АКВ. XXIII. С. 143–144. Русский перевод см.: Русский архив. Книга 1. Выпуск 4. 1912. С. 506.

² АКВ. XVII. С. 237.

³ АКВ. XVII. С. 255.

проявил великодушные, непоколебимую твердость, мужество, патриотизм настолько пылкие и возвышенные, что никакая другая нация, древняя или новая, не давала подобных примеров, и это во всех сословиях и настолько единодушным образом, что нужно еще раз воскликнуть: *велик Бог Русской!* Великое достижение, достижение неопенимое, которое из этого последовало, — это то, что мы отныне знаем, что мы можем и чего мы стоим¹.

Воронцов решил принять участие в объявленной в России подписке и пожертвовать в пользу пострадавших от войны по восемь тысяч рублей в год в ближайшие пять лет. Он считал, что не проживет больше, поскольку уже слишком стар². Он очень печалился, что в Москве, в доме на Никитской, доставшемся Михаилу от Дашковой³, сгорела прекрасная ее библиотека в 5000 томов. Он решил восстановить дом, как более престижный, продав другой, что находился в Немецкой слободе⁴.

Наконец, хорошие новости следовали за хорошими новостями, как бесконечная цепь побед, а 13/25 марта 1813 г. сердце Воронцова переполнилось отцовской гордостью, когда он получил письмо от фельдмаршала М. И. Кутузова. Герой 1812 г. сообщил, что российская армия будет продвигаться к Кенигсбергу, Варшаве и Берлину. На полях письма он добавил, что только что повышенный в звании генерал-лейтенант «граф Михаил Семенович командует

¹ АКВ. XIX. С. 285–286; русский перевод см.: *Дорохова Н. Е.* Переписка графа С. Р. Воронцова и адмирала П. В. Чичагова. С. 52–53. См. также АКВ. XVII. С. 254–255.

² АКВ. XVII. С. 263.

³ После смерти сына княгини Дашковой Павла в 1807 г. Дашкова хотела передать фамилию Дашков Михаилу Семеновичу, но Семен Романович воспротивился этому категорически (Из записной книжки Русского архива // Русский архив. Книга 2. Выпуск 5. 1908. С. 168).

⁴ АКВ. XVII. С. 268–269. Воронцов заметил, однако, что фасад дома в слободе гораздо более приятен, чем дома на Никитской, потому что брат позволил Кваренги строить свободно, а сестра (княгиня Дашкова) мучила своего архитектора Баженова своими бесконечными идеями (АКВ. XVII. С. 519).

корпусом и имеет все случаи показать, что он есть и будет для России»¹. Всю зиму и весну 1814 г. Воронцов следил за продвижением сына от заснеженных кровавых полей России к ярким улицам Парижа.

Михаил участвовал в битве под Лейпцигом, где Наполеон потерпел поражение от сил Четвертой коалиции. Большую часть дня 7 марта 1814 г. в сражении при Краоне, Михаил противостоял постоянно возраставшим силам под командованием самого Наполеона. Хотя в конце концов он получил приказ отступить, британский военный наблюдатель лорд Бургерш назвал действие русских при Краоне «лучшей битвой за всю кампанию»². В конце марта Париж был уже виден, и воины Михаила захватили форт Ла Виллетт. Вскоре они прошли триумфальным маршем по Елисейским полям. Полностью погруженный в исследование стратегии и тактики сражений, в которых участвовал сын, Воронцов попросил Михаила прислать ему копии планов битв при Лейпциге, Краоне, Лаоне и в окрестностях Парижа³.

Восхищаясь поведением своего давнего друга Ф. В. Ростопчина во время войны, Семен Романович с презрением и горечью описывает свое время:

...наше время, торжественно провозглашаемое веком просвещения и философии, едва-ли в известном смысле не носит в себе более зачатков варварства, чем все предыдущие поколения; потому что наше полупросвещение, наше ложное образование, эгоизм и развращение наших нравов, развиваемое, нашим правительством в течении последних пятидесяти лет, уже давно успели бы затушить в нас всякую искру патриотизма (также как она затушена у других народов) если бы наш патриотизм не

¹ АКВ. XVI. С. 393.

² *Ливен Д.* Россия против Наполеона: борьба за Европу, 1807–1814. М.: РОССПЭН, 2012. С. 623–625.

³ АКВ. XVII. С. 350.

восторжествовал над угнетающей его силой, так сказать, вопреки правительству, которое, руководимое Немцами и Ливонцами, само вводило к нам пороки¹.

Посвятив свою профессиональную дипломатическую жизнь нормализации российско-британских отношений, Воронцов стал свидетелем визита в Британию в мае 1814 г. Александра I — первого российского монарха, который приехал в эту страну после Петра Великого. Однако Семен Романович был также разочарован тем, что его сын, герой войны, которого он жаждал видеть, не был приглашен присоединиться к свите императора. Кроме того, Михаил был в Англии, как дома, и был бы очень полезен своим знанием культуры и языка². Император уверил Воронцова, что после заключения мира сыну будет дозволено посетить отца³. Воронцов «счел себя вынужденным принять некоторое участие во всей этой суматохе, которая непременно свалила бы меня с ног, если бы продолжалась еще дней десять. Но Государь уезжает дня через три или четыре, и я вернусь к своей обычной мирной жизни»⁴. Визит царя состоял из ряда грандиозных мероприятий, в том числе включал банкет, данный в субботу 18 июня 1814 г. лордом-мэром Лондона. Воронцов и другие сотрудники посольства присутствовали⁵.

Возможно, к тому времени отношение Воронцова к императору Александру совсем испортилось. Семен Романович после неудачных, с его точки зрения, реформ начала правления

¹ Письма графа С. Р. Воронцова к графу Ф. В. Раstopчину. Стлб. 1285–2186.

² АКВ. XVII. С. 349–350.

³ АКВ. XVII. С. 411.

⁴ Письма графа С. Р. Воронцова к графу Ф. В. Раstopчину. Стлб. 2191.

⁵ *Кросс Э.* Начало: русские в Британии // Русское присутствие в Британии. М.: Современная экономика и право, 2009. С. 19. Э. Кросс указывает, что Михаил Семенович также присутствовал на банкете, во всяком случае, он был в списке гостей.

Александра, совершенно не одобрял его способа управления страной:

Мы слишком любим новинки и эксперименты; эксперименты хороши только в экспериментальной физике, но они бесполезны в политике, финансах, законодательстве, администрации и армии. Император очень склонен к инновациям, но его к ним еще больше побуждают его неспособные министры, среди которых нет ни одного государственного деятеля, и все яростно выказывают себя новыми проектами, новыми нормативными актами. Бедную Россию заставляют все время этим заниматься, и удивительно видеть, что после всех этих фатальных экспериментов, которыми ее так сильно пытали, она все еще сохранилась такой, какая есть¹.

Страна брошена на разграбление; больше нет справедливости или свободы для людей. С либеральными идеями, которые мы всегда вставляем в манифесты, и намерением руководствоваться принципами Евангелия, намерением, провозглашенным договорами с другими суверенами, мы упали в турецкий способ правления, в котором г-н Аракчеев является великим визирем. Чем все это закончится, я не понимаю...²

Грустно видеть ужасную манеру, которой управляется Россия. Она разрушена, взбаламучена и совершенно дезорганизована: больше нет ни сельского хозяйства, ни мануфактуры, ни торговли. Рабство распространяется на всех наших несчастных соотечественников вплоть до частной и домашней жизни...³

«Обрадовал» Воронцова и его старый друг Н. М. Лонгинов. Размышляя о том, что происходит в высших эшелонах петербургской власти, он поделился следующим наблюдением: «Ваше превосходительство по-прежнему считает, что у нас будет конституция, а я могу заверить вас, что мы не видим никаких признаков подобного проекта. Ничто не указывает на то, что кто-то

¹ АКВ. XVII. С. 237.

² АКВ. XVII. С. 450.

³ АКВ. XVII. С. 450–451.

хочет проконсультироваться с нацией или свериться с распоряжениями государства по предмету такой высокой важности»¹.

Кроме того, Воронцова очень раздражали постоянно высказываемые на самом высоком уровне сомнения в его преданности России. Эти высказывания продолжались и в нынешнее царствование. Как-то Воронцов не выдержал и привел в письме к сыну пример своего понимания российских интересов:

Возможно, вы помните, мой друг, что Павел I послал мне приказ заказать почти полтора миллиона аршин сукна для нашей армии. Я увидел гибель наших мануфактур от такой экстравагантной меры, и чтобы это предотвратить, я стал тянуть время. Я ответил, что не могу взять на себя дело, в котором я не разбираюсь, а я ничего не понимаю в сукне. Поэтому я велю торговому дому «Пишель и Бродген», которым здесь пользуется наш двор, разослать своих комиссионеров в различные мануфактурные города Йоркшира, чтобы собрать образцы обычного зеленого и красного сукна с указанием их цены. И когда я получу эти образцы, я пошлю их в Петербург, попросив Его Величество, если он какой выберет, самому приказать этому дому такого сукна купить и отправить из Халла прямо в Петербург. Я закончил мой рапорт тем, что убежден, что только абсолютная необходимость могла заставить Его Величество прибегнуть к мере, которая разорит суконные мануфактуры в России. Тогда же я написал Ростопчину, умоляя его приложить все усилия, чтобы предотвратить это зло. В то же время я не торопил выполнение задания «Пишелем и Бродгеном», чтобы потянуть время, и получил образцы только два месяца спустя. За это время русские мануфактурщики смогли обратиться с вескими аргументами через Лопухина, Обольянинова, а пуще через Кутайсова. Поэтому, когда образцы прибыли, мне ответили, что в них нет больше нужды. Это не мешало Павлу и его преемнику считать, что я не русский, а англичанин, что для меня не важно, я силен своей совестью, и я

¹ АКВ. XXIII. С. 364.

оставляю тем, кто неспособны судить хорошо, судить меня по своему усмотрению¹.

Кажется, главное слово в этом пассаже — «преемник» (successeur). Воронцов назвал Александра преемником Павла, давно расставшись с надеждами на реформы и подразумевая теперь, что сын унаследовал от отца многие его «прелести» и манеру правления.

В конце 1814 г. Михаил заехал в Англию по пути в Польшу, куда ему было приказано отправиться. Он позже вернулся во Францию с российской армией, но не участвовал в главных сражениях кампании 1815 г., кульминацией которой 18 июня 1815 г. была решающая победа Веллингтона над Наполеоном при Ватерлоо.

Семен Романович так прокомментировал окончательное поражение Наполеона:

Все могло закончиться в апреле прошлого [1814] года; но политические и сентиментальные теории выступили против этого к несчастью всей Европы. Вместо того, чтобы истребить негодяя, полмиллиона человек погибнут ради либеральных идей и просвещения века: фраз, которые я никогда не мог понять².

23–25 февраля 1817 г. в Уилтон заехал с визитом великий князь Николай Павлович, будущий император, путешествовавший по Европе и бывший тогда в Англии. Его сопровождал Николаи-младший. Собирая Николая в дорогу, император и императрица-мать назвали среди тех, кого Николаю следует увидеть в Англии, Воронцова, лорда Пемброка и лорда Сент-Хеленса. Великий князь

¹ АКВ. XVII. С. 451–452. Несколько иначе рассказывает эту историю сын Ростопчина Андрей Федорович. В его изложении повеление Павла так и не было отправлено, поскольку Ростопчин его остановил (Письма графа С. Р. Воронцова к графу Ф. В. Ростопчину. Стлб. 1281–2282). Но из рассказа Воронцова следует, что повеление царя он-таки получил.

² АКВ. XVII. С. 367.

провел пару дней в Уилтоне, посетил близлежащие собор в Солсбери и Стоунхендж и был «очень доволен здешним приемом»¹. Воронцов, видимо, не встретился с великим князем ни в Уилтоне, ни в Лондоне, но Николаи описал ему весь визит в подробностях.

В конце наполеоновских ста дней Михаил был назначен командующим русского оккупационного корпуса во Франции (1815–1818), штаб которого был расположен на севере Франции в Мобеже, в нескольких верстах от границы с Бельгией. Ростопчин поделился своими впечатлениями от русского лагеря в Мобеже в июне 1818 г.:

...я у гр. [Михаила] Воронцова побыл шесть дней, воображая, что был в России, ибо Мобеж столько же русский, как Клин, Коломна и пр.; квас, сбитень — везде, печи русские; брань наша. Дрожки разъезжают, песни, пляска и даже вывески на лавках русскими литерами и словами написаны².

Воронцов, которому уже за семьдесят, несколько раз приезжал к сыну во Францию — в Мобеж и в Париж. 5 (17) декабря 1815 г. он написал барону Николаи из Парижа, оценив французское общество:

Прошло ровно 50 лет с того момента, как я последний раз видел Париж. Я нашел этот город прекрасным, что касается зданий; что же касается морали его обитателей, составляющих $\frac{9}{10}$ всего населения страны, главное — их самая невероятная порочность: больше нет идеи религии, добропорядочности, патриотизма. Обогащение, стремление к должностям и власти и к наслаждению всеми удовольствиями, которые роскошь и безумства могут предоставить людям, которые не ограничены никаким принципом морали или приличия, — вот все их стремления. Таков результат

¹ АКВ. XXII. С. 465, 467, 471–472; О пребывании великого князя Николая Павловича в Англии. Из письма леди Пемброк в Москву к графине М. В. Де-Бальмен // Русский архив. 1877. Выпуск 11. С. 292.

² Письма графа Ф. В. Ростопчина к А. Ф. Брокеру // Русский архив. Выпуск 12. 1868. Стлб. 1919. См. также АКВ. VIII. С. 344–345.

этой так называемой философии, которая более полувека работала над тем, чтобы деморализовать великую нацию и разрушить самую старую и самую грозную монархию в Европе. Под видом благотворительности никто никого не любит лично; жалея кафров и лапландцев, остаются безразличными к несчастиям родителей и друзей. Везде один эгоизм. Единственное, что сохранилось от старого характера этой нации, — это тщеславие; оно одно выросло, несмотря на суровые уроки, которые ей были даны теми, кто управлял после революции, которые были даны ей в прошлом году, которые ей дали иностранцы, и которые дал ей закон ... Такова в этой стране ситуация, которая приведет еще к войнам, несмотря на *либеральные идеи и просвещение века*, или, скорее, вследствие всех тех прекрасных концепций, которые я имею несчастье не понимать¹.

В Париже у Михаила для офицеров его корпуса был дом, который оплачивал император, была у него и небольшая квартира. Воронцов, однако, останавливался не в них, чтоб не было разговоров, что сын содержит отца за казенный счет, но в доме у своего друга князя Кастельчикала². А в октябре 1817 г. Воронцов едет в Париж «всем караваном», включавшим его самого, дочь, ее мужа, их пятерых детей и других домочадцев — всего пятнадцать человек³. «Жду гр. Сем. Ром. Воронцова, который на зиму будет сюда», «Графы Воронцовы здесь, и мы каждый день видаемся», — пишет Ф. В. Ростопчин из Парижа в письмах от 17/19 октября и от 13/27 ноября 1817 г.⁴ Именно он помог Воронцову найти подходящее жилье для всей семьи.

Русскую обстановку и порядки в лагере в Мобеже Воронцов одобрил, но они не вызвали у него ностальгии⁵. В письме своей

¹ АКВ. XXII. С. 541–542 (курсив Воронцова), 544.

² АКВ. VIII. С. 530; Письма графа С. Р. Воронцова к графу Ф. В. Ростопчину. Стлб. 2201–2202.

³ АКВ. VIII. С. 532, 535–536; АКВ. XVII. С. 464.

⁴ Письма графа Ф. В. Ростопчина к А. Ф. Брокеру. Стлб. 1910, 1912.

⁵ АКВ. XXII. С. 543–544.

кузине Марии де Бальмен¹, которая только что вернулась в Россию, он горячо предупредил ее об опасностях русской медицины, находившейся, как он уверял, в руках немецких шарлатанов.

Мы просто наводнены всем, что только есть худшего между немцами. Все профессора, последователи Канта, изгнанные из германских университетов по причине их безбожия и непонятной метафизики, приглашены иллюминатом графом Алексеем Разумовским на профессорские кафедры в наши университеты, и эти господа извращают умы наших студентов.

Он считал, «что деревенский воздух, здоровая пища, прогулка, жизнь в семье и в небольшом обществе скорее вылечат ... и скорее прогонят меланхолию, чем какое ни на есть зелье»².

Воронцов встречался в Париже не только с родными, но и со своими давними друзьями. А тот из них, кто собирался в Англию, получал от него подробную инструкцию, какую получил, например, Ф. В. Ростопчин в августе 1818 г.:

Поскольку я здесь живу дома, я никуда больше не езжу, и я прошу вас по прибытии в Лондон остановиться там, только чтобы переночевать, а потом сразу приезжайте туда, где моя дочь и ее муж с большим удовольствием ожидают вас. Есть кое-что довольно интересное посмотреть в окрестностях; после этого я поеду с вами в Лондон, чтобы познакомить вас с теми, кто хочет с вами встретиться, но живут в пригородах, как лорд Гренвиль и другие. Вам нужно также просто написать Смирнову про ваше жилье, без которого вы можете обойтись, разве что, проведя там ночь или две, если вы одобрите план сразу же приехать в Уилтон; в таком случае, лучшее место — это Портланд-Кафе-Хауз, который рядом с домом Ливена, рядом с моим домом и недалеко от отца Смирнова. По прибытии дайте знать в моем доме, что

¹ Урожденная Нарышкина, дочь Анны Ивановны Воронцовой.

² Выдержка из частного письма в Москву к графине Бальмен. О медиках в России (от графа С. Р. Воронцова). Мобез, 5 (17) октября 1817 г. // Русский архив. Книга 3. 1877. С. 112.

приехали; затем явится Суслов, который у меня вроде метрдотеля и который вас обслужит, не так умно, как Жанти, но, конечно, с таким же рвением¹.

Воронцов подробно описывал другу и различия климатов Франции и Англии, и советовал лучшие гостиницы в Дувре и Рочестере по дороге в Лондон, и предлагал своего агента для общения с таможенной. Несмотря на возможности встречи со старыми друзьями и родственниками, Воронцову одиноко в его пустом доме в Лондоне, он старается ездить и навещать своих английских таких же одиноких приятелей по разным городам².

В самом деле, Воронцов был доволен, что его дети жили теперь так близко. Он мог регулярно видеть Екатерину, лорда Пемброка и своих внучек и внука в Лондоне и в Уилтоне, а пересекая Ламанш, он мог встретиться с Михаилом в Мобеже и Париже. Возвращаясь же домой, он не мог не заметить сыну:

Ну вот мы и на этом острове, где климат, кулинария и зрелища не стоят того, что есть во Франции, но где тем, кто ценит достоинство человека, намного лучше и где они поэтому и предпочитают жить. Мы покинули Кале этим утром...³

Он также надеялся, что сын вскоре женится и произведет наследника его семейной ветви⁴. Михаилу было уже тридцать семь, и почти двадцать лет он уже сражался за Россию в битвах от Кавказских гор до равнин Франции. В Париже в начале 1819 г. он

¹ АКВ. VIII. С. 540–541. Жанти (Gentil) — парижский знакомый Воронцова, а затем и Ростопчина. См. также: Письма графа С. Р. Воронцова к графу Ф. В. Ростопчину. Стлб. 2215.

² АКВ. VIII. С. 551–552.

³ АКВ. XVII. С. 471.

⁴ Воронцов предлагал еще в декабре 1812 г. сыну, тогда тридцатилетнему блестящему генералу, после выздоровления от ранения на Бородинском поле поехать в Москву или Петербург и найти себе подходящую невесту (АКВ. XVII. С. 262). Он повторяет свою просьбу довольно настойчиво в декабре 1813 г.: «поезжайте в Россию и найдите жену» (АКВ. XVII. С. 317).

был покорен прекрасной и богатой Елизаветой (Лизой) Браницкой. Она была дочерью покойного польского магната графа Ксаверия Браницкого и любимой племянницы Потемкина Александры Энгельгарт. Михаил послал письмо графине, матери Лизы, в котором просил руки ее дочери. После этого усыпанный наградами и закаленный в боях воин уехал к отцу в Англию дожидаться ответа. Получив обнадеживающее письмо, Михаил попросил отцовского благословения и поспешил в обратном направлении в Париж, чтобы закончить дело. Воронцов был рад одобрить решение Михаила жениться на Лизе. Он написал сыну:

...поскольку я хорошо вас знаю и поскольку я начинаю думать, что характер вашей избранницы таков, что она вполне достойна вас, я покину этот мир уверенный, что оставляю моих дорогих детей Михаила и Катеньку совершенно счастливыми. Именно характер составляет совершенное счастье брака. Молодость и красота преходящи, но характер постоянен¹.

После отъезда сына Воронцов присутствовал на обеде у близкого друга Питта лорда Хэрроуби, который однажды ездил со специальной миссией к российскому императору. Герцог Веллингтон, сидевший рядом с Воронцовым, спросил, красива ли будущая невестка. Когда Воронцов признался, что не знает, Веллингтон рекомендовал заказать ее небольшой портрет на фарфоре у модной тогда художницы Мари Виктуар Жакото. По совету Веллингтона Воронцов заказал работу, поскольку «миниатюра через некоторое время выцветает, тогда как живопись по фарфору сохраняет свои краски вечно»².

¹ АКВ. XVII. С. 503.

² АКВ. XVII. С. 502. Русский перевод см.: Удовик В. А. Воронцов. С. 115; Еришова Н. Портреты сестер Браницких. Портрет невесты (<https://www.proza.ru/2016/12/02/1315>). Сегодня портрет находится в Национальном музее в Стокгольме.

Долгожданное событие было назначено на 20 апреля 1819 г., и Воронцов отправился в Париж. Екатерина Семеновна, которая была беременна Эммой, своим пятым ребенком, не могла его сопровождать. К сожалению, она пропустила свадьбу брата, которая была грандиозным светским мероприятием. Герцог Веллингтон исполнял роль отца невесты во время церемонии, а подарки и поздравления приходили со всего мира. Вдовствующая императрица написала Воронцову:

Вы просите моего благословения и одобрения сего союза. И я их даю от всего сердца и с искренним удовольствием. Молодая графиня сочетает в себе все качества выдающегося характера со всем очарованием красоты и души. Она была создана для счастья достойного мужчины, который объединит ее судьбу со своей¹.

Воронцов с радостью и благодарностью принял похожие чувства, высказанные императрицей Елизаветой:

С большим удовольствием я узнала о выборе графа Михаила. Все, кто, как и я, знают вашу невестку, радуются такому подходящему союзу, который обещает взаимное счастье двух супругов. Поэтому, граф, примите мои искренние поздравления. Удовлетворение, которое эта женитьба вам доставит, для меня очень важно².

Впоследствии Воронцов не переставал хвалить свою невестку в письмах к сыну. К этим похвалам он часто присоединял и похвалы его теще. Старый граф считал, что сын сделал прекрасный выбор, и ему повезло не только с женой, но и со всей ее семьей³.

¹ АКВ. XXVIII. С. 371.

² АКВ. XXVIII. С. 522.

³ АКВ. XVII. С. 528–529.

После свадьбы молодожены провели лето в Уилтон-хаусе, путешествовали по Англии и Уэльсу, а затем вернулись в Россию через Париж и Вену. Воронцов теперь часто наезжал в Уилтон¹.

Он продолжал часто писать сыну, следил за его карьерой, старался дать наилучший совет. В 1823 г. Михаил был назначен генерал-губернатором Новороссии — огромной территории Российской империи в Северном Причерноморье. Через двадцать лет его губернаторская власть будет расширена еще и на Кавказ. Когда Михаил рассматривал, как один из вариантов, возможность размещения своей официальной резиденции в Крыму, его отец, указав на долгую заброшенность этой территории и пренебрежение местным татарским населением, рекомендовал ему остаться в Одессе². Расположенная на Черном море, Одесса была торговым и культурным перекрестком с очень разнообразной смесью культурных, этнических и религиозных сообществ украинцев, русских, греков, евреев, азиатов и западноевропейцев.

В эти годы в переписке с сыном Воронцов обсуждал историю и политическое положение Бессарабии, экспериментальное пароходство на Днепре, климат и население Крыма, открытое месторождение железной руды, задержку эстампов с созданного Т. Лоуренсом портрета Михаила, губернатора Кишинева Инзова, днепровские пороги, инженера Бетанкура, присланную Михаилом большую карту региона, рождение внука и внучки, «Досуги крымского судьи» А. П. Сумарокова, значение порта в Керчи, проекты соединения каналом Волги и Дона, старческую слабость и потерю памяти³, перевод Библии на русский, вклад М. В. Ломоносова в развитие русского языка⁴, здоровье родных и

¹ АКВ. VIII. С. 472.

² АКВ. XVII. С. 535.

³ Воронцов жалуется на проблемы с памятью и в переписке с Ф. В. Ростопчиным еще в 1821 г. (АКВ. VIII. С. 424).

⁴ Воронцов пожертвовал 2 тысячи рублей на памятник Ломоносову в Архангельске, сооруженный в 1829 г. И. Мартосом. Был организован сбор средств

близких, смерти друзей, покупку и продажу семейных земель, российскую администрацию и бюрократию, черноморский флот и заслуги адмирала Грейга, проблемы российской миссии в Константинополе, дни рождения сына, ужасное наводнение в Петербурге¹, отношение императора к Михаилу, сорокалетие пребывания Воронцова в Британии, законы о торговле, проекты Михаила по преобразованию местного управления, доктора Гранвилля, болезни глаз, друзей и визитеров, дорогу вдоль Южного берега Крыма, виноградники, смерть императора и итоги его правления — и многое, многое другое². Как раньше он ревниво относился к продвижениям по службе и наградам других и думал, что его почти всегда обходят, что к нему почти всегда несправедливы, так он теперь ревниво следил за тем, чтобы сына награждали по заслугам, и очень обижался, если ему казалось, что это не так.

В письмах к друзьям он иногда жаловался на болезни³, но зато мог внезапно разразиться резкой критикой современного театра, плохих пьес, плохой игры актеров или посоветовать театр оперы-буффо в Триесте, «где труппа обычно очень хорошая»⁴. Он также любил

по стране с публикацией в газетах, Российская академия дала 1 тысячу, император – 5 тысяч рублей (*Еремеева С. А.* Каменные гости: монументальные памятники коммеморации // Историческая культура императорской России: формирование представлений о прошлом. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2012. С. 502).

¹ Воронцов пожертвовал 10 тысяч рублей в помощь жертвам наводнения в Петербурге в ноябре 1824 г. (АКВ. XXX. С. 484).

² АКВ. XVII. С. 533–571. См. также: *Микешин М. И.* Воронцовы и Крым // Воронцовы — два века в истории России. Выпуск 2. Петушки, 1996. С. 105–119.

³ См., например, письмо барону Николаи от 2 (14) февраля 1812 г., в котором Воронцов описывает свое плохое зрение, ревматизм, немощи тела, слабеющую память («моя память ослабла до такой степени, что я боюсь стать идиотом; это то, что тревожит меня больше всего...») (АКВ. XXII. С. 540). О внезапной болезни, от которой едва отделался, пишет он и Ростопчину из Мобежа в ноябре 1816 г. (Письма графа С. Р. Воронцова к графу Ф. В. Ростопчину. Стлб. 2201).

⁴ АКВ. VIII. С. 547, 554.

рассказывать одним своим друзьям про других своих друзей, расхваливая их положительные качества и предлагая им обращаться друг к другу.

Воронцов внимательно следил и за событиями, разворачивавшимися в Петербурге. Восстание декабристов, которое последовало за смертью Александра I в 1825 г., наполнило Воронцова страхом и отвращением. Он оценивает его, как

...ужасный заговор, который заставляет меня трястись от гнева, переполняет меня болью и стыдом за моих соотечественников — мы подхватили эту французскую заразу; это в Париже наши ничтожества впитали якобинские максимы. Они обитали только в кафе или в фойе театров, общались только с либералами, которые, прикрываясь этим именем, были лишь якобинцами, читали только их брошюры и говорили только о конституции. А те, кто не были во Франции, имели французских учителей, скрытых якобинцев, и еще более испорчены ничтожествами, вернувшимися из Парижа¹.

Как Воронцов и предупреждал, Россия оказалась зараженной французскими революционными идеями. Он был особенно обеспокоен известием о восстании Черниговского полка, который отправился грабить владения его сватьки графини Браницкой под Белой Церковью².

Одной из своих задач Воронцов, видимо, считал, как и прежде, когда он был в должности, слежение за публикациями о России и за упоминаниями своего имени. «Впрочем, не следует забывать, что в Англии XVIII столетия не было органов, систематически враждебно относящихся к России, хотя в газетах различных лагерей нередко попадались отзывы и сообщения о России неосновательные, неправдоподобные, а иногда и оскорбительные для чести России и

¹ АКВ. XVII. С. 573.

² АКВ. XVII. С. 575.

ее монарха»¹. Попадались они и в мемуарах. Так, в 1815 г. вышло первое издание «Исторических мемуаров» английского автора Натаниэля Рэкселла. К сожалению, продажа его была остановлена, поскольку Воронцов подал на автора в суд за клевету. В мемуарах Рэкселл связал Воронцова с предполагаемым отравлением дочери принца Вюртембергского, которое якобы было выгодно императрице Екатерине. Рэкселл был оштрафован на £500 и приговорен к шести месяцам тюрьмы. Срок был уменьшен до трех месяцев по просьбе самого Воронцова, удовлетворенного восстановлением чести. Во втором издании популярных мемуаров соответствующий абзац был исключен из текста².

«Такие книги, как сочинения Робертсона, Юма, Адама Смита, остаются 5, 6 и более лет без переводов; но английский роман или книжка анекдотов переводятся немедленно после появления», — ворчал по этому поводу старик Воронцов³.

Воронцов также столкнулся в эти годы с серьезной проблемой — попыткой опубликовать в Британии мемуары княгини Дашковой.

Воронцов и его дочь дали весной 1803 г. рекомендательные письма мисс Вильмот, которая отправилась из Лондона в Петербург, чтобы познакомиться со знакомой своих родственников, о которой она столько от них слышала, — княгиней Дашковой. За несколько лет мисс Вильмот стала близким и доверенным лицом княгини. Когда 26 декабря 1808 г. девушка вернулась домой, она написала Воронцову и встретила с ним. После смерти Дашковой в 1810 г.

¹ *Александренко В. Н.* Английская печать и отношение к ней русских дипломатических агентов в XVIII столетии // *Русская старина*. Том 84. Выпуск 10. 1895. С. 115.

² АКВ. XVII. С. 392–397, 453, 456–457; *The Historical and the Posthumous Memoirs of Sir Nathaniel William Wraxall, 1772–1784*; ed., with notes and additional chapters from the author's unpublished ms. by Henry B. Wheatley, F.S.A, with numerous portraits in five volumes. Vol. I. L.: Bickers & Son, 1884. P. viii, xxvii–xxviii, 150–151.

³ АКВ. XVII. С. 393–394.

мисс Вильмот, теперь г-жа Бредфорд, посчитала своим долгом подготовить публикацию имевшейся у нее рукописи мемуаров Дашковой. В начале февраля 1813 г. она высылает рукопись для прочтения Воронцову. Тот обещает вместе с дочерью внимательно прочитать полученное и высказать свое мнение и замечания¹.

По прочтении рукописи Воронцов немедленно высказался в письме к г-же Бредфорд:

Я читал и перечитывал первый том рукописи, которую вам угодно было прислать мне. Удивляясь все более и более содержанию его, я не мог оставить вас в неведении на счет произведенного на меня этим чтением впечатления. Думая написать замечания на все, что в этом томе есть неточного, что в нем рассказывается не только ложного, но и невероятного, на явные анахронизмы, которые у нас бросятся в глаза всем и каждому, да и здесь не могут ускользнуть от внимания многих, кому известны факты, констатированные газетами, журналами и брошюрами, я перечитал его еще в четвертый раз и отметил цифрами те места, на которые, из уважения к истине, я должен был указать, и которые обязан был опровергнуть, чтобы не иметь на совести упрека за то, что преступным молчанием, так сказать, дал свое одобрение изданию, которое может только сильнейшим образом повредить памяти моей сестры. Но так как количество замечаний, которое мне пришлось бы делать, далеко превзошло бы объемом самое сочинение, то я оставил эту мысль в надежде, что вы откажитесь от этого издания ... Второй том также изобилует неточностями и явными анахронизмами, и в обоих сквозит питающееся ни для кого не интересными дворскими сплетнями чувство ненависти к людям, сошедшим в могилу за четверть века до смерти автора. Что подумать о такой уже вовсе нехристианской ненависти, которой не может примирить и сама смерть? Живые также не избегли несправедливых нападок. Дети самых почтенных

¹ АКВ. XVI. С. 401. *Шугуров М. Ф.* Мисс Вильмот и княгиня Дашкова (Подлинные записки княгини Дашковой) // Русский архив. 1880. Книга 3. С. 153, 181, 183, 184, 186–187.

семейств, видя оклеветанными отцов своих и будучи поставлены в необходимость опровергать ничем вызванные нападки, не пощадят, конечно, той, которая выдается за сочинительницу этих Записок. Из уважения к истине и для устранения могущего пасть на меня подозрения в пособничестве такому изданию, я буду вынужден прибегнуть к заявлению как в Англии, так и в России, что протестовал против него. При свидании с вами в Лондоне, я буду иметь честь представить вам, милостивая государыня, доказательства, вполне оправдывающие высказанное мною по этому предмету мнение...¹

Чрезвычайно резкая оценка сочинения Воронцовым выдает его отношение к сестре, которое он пронес через всю жизнь. Намек на чужое авторство вряд ли может отвлечь внимание от этого. Воронцов не терпел Дашкову, не терпел ее поступков, аргументов, характера, образа жизни, суждений и решений, отношения к детям, ее предательства.

Свидание, о котором писал Воронцов, вскоре состоялось. Видимо, он, действительно, предъявил некоторые доказательства, поскольку встреча закончилась словами г-жи Бредфорд «Вы меня заставили задуматься»². Тем не менее, она не сдалась и не отказалась от своего намерения³. Тогда Воронцов вновь проявил свой известный характер, написав в октябре еще более резкое письмо г-же Бредфорд, в котором усилил выражение своих сомнений по поводу авторства Дашковой и отказался от дальнейшего общения. Прием сработал великолепно — умный дипломат, Воронцов знал, как сбить с толку и переключить внимание. Теперь г-жа Бредфорд сосредоточилась на доказательстве того, что мемуары написала

¹ АКВ. XVI. С. 402–403 (русский перевод см.: *Шугуров М. Ф.* Мисс Вильмот и княгиня Дашкова. С. 188–189).

² АКВ. XXI. С. 373; *Шугуров М. Ф.* Мисс Вильмот и княгиня Дашкова. С. 190.

³ АКВ. XXI. С. 373–378.

(или надиктовала) сама Дашкова¹. «Записки» были напечатаны в Англии только в 1840 г.

Продолжая постоянно думать о России, Воронцов из раза в раз раздражается в письмах к старинным приятелям, которые его хорошо понимают, гневными пассажами по поводу власти и управления в своей родной стране. В октябре 1817 г. он пишет Ростопчину:

...возвышенность чувств у нас такая редкость по милости нашей формы управления и еще более благодаря тому воспитанию, которое отцы, ею не одаренные, дают своим детям! Это коренное зло, подрывающее все основы России. Все те, которые управляли страной в эти последние двенадцать или тринадцать лет, получают направление свыше, где нет ни знания, ни благоразумия, ни высоких чувств, но одна лишь крутая деспотическая воля, плохо прикрываемая внешнею оболочкою кротости и лицемерного благочестия. Эти люди, находя, что подобные понятия и подобный характер согласуются с их собственными, пользуются ими, и это направление еще усилилось и распространилось, благодаря тем, кто пришел к убеждению, что всякого повышения можно достигнуть только путем подлости, ведущим яко бы к счастью².

Способный еще на сильные эмоции, Воронцов, тем не менее, в свои восемьдесят мог похвастаться вполне хорошим здоровьем. Он чувствует себя превосходно, у него ничего не болит. Единственное, что он чувствует, — общую слабость, усталость тела, как после тяжелой физической работы. Он обычно мало двигается, обедает с дочерью, немного катается в экипаже перед обедом, а вечерами

¹ Исследователи «Мемуаров» — М. Ф. Шугуров, А. Б. Лобанов-Ростовский, М. М. Сафонов и др. — также сочли вопрос об авторстве «Записок» («поставленный графом Воронцовым вопрос», как назвал его Шугуров) самым главным и многие годы его обсуждали и обсуждают (см.: *Лобанов-Ростовский А. Б. Еще о записках княгини Дашковой // Русский архив. 1881. Книга 1. С. 367–379; Сафонов М. М. «Записки» Е. Р. Дашковой и их авторы // Е. Р. Дашкова: Великое наследие и современность. М.: МГИ им. Е. Р. Дашковой, 2009. С. 83–151).*

² Письма графа С. Р. Воронцова к графу Ф. В. Ростопчину. Стлб. 2204.

спокойно сидит у камина и читает, поскольку всю его жизнь чтение для него — великое удовольствие. «Я благодарю Бога, что не чувствую никакой физической боли, никакой серьезной болезни, сопровождающейся страданиями, и что я кончу жить, как лампа, в которой кончится масло для поддержания пламени»¹.

Даже в спокойной и цивилизованной Англии он иногда испытывал довольно сильные потрясения. В январе 1820 г. у него на руках, несмотря на все хлопоты и призванных врачей, умер в Уилтоне старый преданный слуга Рошков². А почти через шесть лет в лондонских газетах появилось следующее сообщение:

В четверг [10 ноября 1825 г.] вечером, около десяти часов, когда граф Воронцов и его секретарь возвращались в город [Лондон] из Ричмонда (где граф в течение нескольких дней гостил у леди Пемброк) и достигли Кью-грин, было очень темно, кучер, не заметив узкий водосточный желоб, идущий вдоль дороги, проехал так близко к нему, что одно из колес экипажа задело столб на краю желоба и внезапный удар сбросил его и лакея, который сидел рядом, с сиденья. Кучер упал между лошадьми, которые, как ни в чем не бывало продолжали бежать в том же темпе, миновали мост и через открытый шлагбаум повернули к Brentford, но там были, к счастью, остановлены двумя людьми. Кучер запутался в поводьях и был найден мертвым между передними колесами, у лакея была сломана рука и выбито плечо, но он вернулся в экипаж. Граф вернулся в город в почтовой карете ... Погибший был очень спокойным и трезвым человеком, он служил этой семье сорок лет, звали его Уильям Финдлей³.

¹ АКВ. XVII. С. 550, 592–593.

² АКВ. XVII. С. 511–514, 517. После тревожных и бессонной ночи наутро в Уилтоне было получено срочное сообщение о смерти британского короля Георга III.

³ Some Selected Reports from the Salisbury and Winchester Journal. Monday, November 14th, 1825.

Воронцов продолжал думать о событиях, которым он был свидетелем и в которых принимал участие, обсуждая свои мысли в письмах к сыну и другим близким, подводя итоги и делая выводы. Так, обсуждая с сыном вторжение французской армии в Испанию в письме от 7 апреля 1823 г. он пишет:

Так какая же революция лучше, аристократическая или демократическая: первая всегда тираническая, олигархическая и отвратительна для всей нации; вторая всегда яростная, кровавая, самая деспотичная, и обе ведут к гражданской войне, которая разрушает страну, делает ее беззащитной от нападения соседей и заканчивается военной диктатурой. Так что необходимо поддерживать монарха независимо от его характера, и поддерживать его необходимо ради спокойствия и блага страны. Вот мой символ веры...¹

В марте 1826 г. Воронцов в письме сыну дал свою оценку деятельности покойного императора Александра. Воронцов всегда имел склонность к общим оценкам управления Россией в связи с основными чертами воспитания и характеров правителей, он оставил свои мнения об Екатерине, Павле и Александре. На сей раз поводом послужило мнение, высказанное сыном в их переписке. Уже в довольно раннем возрасте, пишет Воронцов, Александра женили, и при этом практически все его время было занято военными упражнениями, и не научными проблемами военного искусства, а мелкими подробностями муштры и выправки, которые не имели ни малейшего значения на войне. За всем этим внимательно наблюдали, чтобы удовлетворить требованиям отца — Павла I. Не удивительно, что этот вкус к мелочам был внушен будущему императору как очень полезный для управления государством. Пока был жив отец, Александр занимался исключительно своим полком, он абсолютно не был знаком с делами государственными и административными. Поэтому при

¹ АКВ. XVII. С. 532; *Экшутум С. А.* В поиске исторической альтернативы: Александр I. Его сподвижники. Декабристы. М.: Россия молодая, 1994. С. 42.

восшествии на престол он вынужден был полагаться на своих министров, а среди них было не так уж много людей честных и еще менее тех, кто мог бы дать хороший совет. На страну обрушился поток различных правил и положений, вызвавший недовольство ее населения. Именно эти министры обессмыслили деятельность Сената. Именно эти министры стали теми деспотами, которые запутали все дела, предлагая плохие решения. Вся власть находилась в их канцеляриях, их клерки торговали местами, и справедливость стала продажной. Император ничего не понимал, а сменявшие друг друга (и все к худшему) министры только лишь все более запутывали государственное управление. Император ничего не мог исправить, а правду от него усиленно скрывали. Среди министров было несколько честных, но им не хватало ни талантов, ни знаний для исполнения занимаемых должностей. Однако, следует признать, что, если императору предлагали нечто разумное, идущее на пользу государству, он сразу это понимал и действовал, используя весь свой авторитет. Другим несчастьем было то, что в политических делах он полагался на советы австрийцев и, тем самым, как самый сильный монарх Европы, санкционировал все проекты, выгодные Австрии. Но затем Александр понял политику австрийцев и стал принимать решения в пользу своей страны. Что бы он мог еще сделать со своим природным талантом, добрым сердцем, обретенным опытом и желанием блага своей стране, если бы Небу было угодно продлить его жизнь! В смысле кротости и любви к своим подданным его царствование похоже на правление Елизаветы Петровны¹.

Новый же суверен, Николай Павлович, заявил, что во всем будет подражать своему дорогому брату и предшественнику. Он начал свое царствование в манере яркой и громогласной и должен теперь приложить к этому любовь и уважение к подданным. Какую смелость, хладнокровие и гуманность проявил он, когда восставшие пытались его убить! Эти благородство, великодушие, присутствие

¹ АКВ. XVII. С. 577–580.

духа и гуманность указывают, что Россия получила достойного преемника Александра. Однако, у Воронцова вызывает опасение излишняя доброта, проявленная по отношению к мятежникам, которые замыслили против всей императорской семьи и хотели свергнуть свою родину в гражданскую войну. Не существует более страшного преступления, ведь заговор против суверена должен рассматриваться не как нападение на отдельного человека, а как попытка уничтожить всех людей в стране убийством их общего отца, чтобы привести страну к потрясению и неизбежному ее разрушению¹.

Оценив деятельность и характеры трех российских императоров, Воронцов в свойственной ему манере различать правителей, государство и нацию (будь то Британия, Франция, Польша или Россия) высказался и о применяемых методах экономического управления:

С такой духовной, активной и предприимчивой нацией, как наша, правительство не должно обращаться лишь нормативными актами и не должно заботиться о ложных интересах ради предполагаемой выгоды, которую может получить в виде налогов, в результате таможенных пошлин, запретов и постоянно повышающихся тарифов. Все эти меры предпринимаются, как это ни странно, только в интересах контрабандистов, в ущерб честным торговцам и в ущерб доходам государства².

На Воронцова сильно повлияла смерть в 1827 г. его близкого друга и зятя лорда Пемброка. В ноябре 1828 г. Дж. Бентам, говоря о своих старческих проблемах, замечает в письме: «Я надеюсь, что еще не пал так низко, как ... граф Воронцов ... который, будучи на четыре или пять лет старше вашего покорного слуги, фактически рассказывает одну и ту же историю три или четыре раза в течение

¹ АКВ. XVII. С. 580–581.

² АКВ. XVII. С. 588. Письмо к сыну 10 декабря 1828 г.

одной беседы»¹. 1 мая 1831 г. К. Я. Булгаков пишет брату, что получил от Михаила «письмо из Вены. Он теперь должен быть на пути к Лондону со всем семейством. Отец, говорят, очень слаб и теряет память»². Воронцов проснулся однажды ночью и вместо того, чтобы позвать кого-нибудь, попытался сам спуститься по лестнице. Потеряв ориентацию, он упал и сильно ударился головой. П. И. Бартенев так описал то, что случилось: «Престарелый граф Семен Романович найден был без памяти ночью со свечью и книгою на внутренней лестнице своего Лондонского жилища: он пошел из верхнего этажа в свою библиотеку (находившуюся в среднем) и упал от бессилия»³. Некоторое время он лежал в своей комнате, но не испытывал мучений и ушел кротко и спокойно. Его дочь Екатерина и сын Михаил были рядом с ним в момент кончины⁴. Он умер 9/21 июня 1832 г. примерно в три часа пополудни, не дожив шесть дней до 88 лет в своем доме в Лондоне на Мансфилд-стрит, позже переименованной в Воронцов-роуд.

Воронцов распорядился, чтобы его похоронили в церкви того округа, в котором он жил, без всякой помпы и с максимально возможной простотой, а на мраморной плите написали только его имя и годы жизни. Его тело было перевезено в церковь российского посольства в сопровождении двенадцати экипажей. Среди провожающих были граф Михаил Воронцов, эрл Пемброк⁵ и их

¹ The Works of Jeremy Bentham, published under the Superintendence of his Executor, John Bowring. Edinburgh: William Tait, 1838–1843. 11 vols. Vol. 10. Bentham to Daniel O'Connell. November 16, 1828.

² Из писем Константина Яковлевича Булгакова к брату его Александру Яковлевичу. 1831-й год // Русский архив. Книга 3. Выпуск 12. 1903. С. 545–589. С. 556.

³ АКВ. XL. С. 65, прим. 2.

⁴ АКВ. XXXVII. С. 97; The Gentleman's Magazine, and Historical Chronicle. From July to December, 1832. Volume CII. Part the Second. L.: J. B. Nichols and Son, 1832. P. 79.

⁵ Роберт-Генри Герберт, 12-й эрл Пемброк — сын от первого брака Джорджа Огастеса, 11-го эрла Пемброка, мужа Екатерины Семеновны Воронцовой (The Peerage of the British Empire, as at Present Existing, Arranged and Printed from the

слуги. «Служба была проведена по православному ритуалу; после нее процессия направилась к Новой церкви Св. Марии-ле-бон, где преподобный м-р Мур встретил покойного у главных дверей и провел похоронную службу по нашему обычаю и сделал это очень величественно. Около половины второго гроб был опущен в могилу, где уже лежали останки одного из его внуков»¹. Записи в актах о захоронениях церкви Св. Марии сообщают, что служба была проведена преподобным Джоном Муром, и бывший посол Российской империи граф Семен Романович Воронцов был захоронен 25 июля 1832 г. под сводом № 53².

В британской прессе появились некрологи, в которых (правда, не без фактических ошибок) довольно подробно рассказывалась биография Воронцова и отмечалось, что «он никогда не переставал играть важную роль в политике — не только России и Англии, соответственно, но и всей Европы. Хотя и горячо поддерживая либеральные идеи в своем искреннем принятии этого мира, он был постоянным врагом Французской революции и верным и активным сторонником принципов законности»³.

Personal Communications of the Nobility / By Edmund Lodge, Esq. L.: Saunders and Onley, 1832. P. 313).

¹ The Gentleman's Magazine, and Historical Chronicle. From July to December 1832. Volume CII. Part the Second. P. 79–80. Внук Воронцова — это умерший в детстве один из сыновей Михаила Семеновича и Елизаветы Ксаверьевны.

² Из записи отца Якова Смирнова в посольской приходской книге (*Александренко В. Н.* Русские дипломатические агенты в Лондоне в XVIII в. Т. I. С. 88).

³ The Gentleman's Magazine, and Historical Chronicle. From July to December 1832. Volume CII. Part the Second. P. 79. Сокращенный вариант этого же некролога см.: The Annual Register, or a View of the History, Politics, and Literature, of the Year 1832. L.: Baldwin and Cradock, 1833. P. 208–209; *Smith Th.* A Topographical and Historical Account of the Parish of St. Mary-le-Bone. L.: J. Smith, 1833. P. 275, 305–306. Вероятно, автор этого некролога (отец Я. Смирнов?) написал и созданный вскоре после кончины «Краткий очерк жизни графа С. Р. Воронцова» — тоже, по сути, некролог (АКВ. XXXII. С. 71–76).

В 1983 г. для того, чтобы освободить в крипте церкви место для Центра здоровья и консультирования в Мерилебон, его останки вместе с другими захоронениями были перенесены на кладбище Бруквуд в Суррее к Юго-Западу от Лондона и захоронены в общей могиле, над которой водружен высокий крест.

Глава XIV

Потомки и память, XIX–XXI вв.

*Завещание. Внук и четыре внуки. Михаил и его потомки.
Потомство Бизли. Британская пресса о Воронцове.*

Воронцов был богат, но почти все его богатство находилось в России. В конце жизни он был известен за свои добрые дела, особенно там, где он жил¹. В Саутгемптоне он получил звание почетного гражданина города². Он завещал некоторые суммы на вспомоществование бедным в округе Кэмден на Сейнт-Джонс- Вуд-роуд³:

По завещанию Семена, графа Воронцова, от 19 сентября 1827 г. сумма в £500 была оставлена для бедных прихода Мерилебон, и эта сумма была выдана собранием прихожан, с некоторыми условиями, комитету, наблюдавшему за возведением богаделен в 1836 г., чтобы вложить ее в строительство. Различные благотворительные подписки и пожертвования организовывались время от времени, и вот построенные богадельни предлагают теперь убежище пятидесяти двум одиноким женщинам и восьми супружеским парам. ... Они получают кров и бесплатное топливо; одинокие дополнительно получают 7 шиллингов в неделю, а супружеские пары — 10 шиллингов 6 пенсов. Угловые дома, комнаты в которых больше, предназначены для супружеских пар. В центральном здании есть комната совета, украшенная именами

¹ The Gentleman's Magazine, and Historical Chronicle. From July to December, 1832. Volume CII. Part the Second. P. 79.

² АКВ. XI. С. 403. Воронцов сначала отказался от почетного звания на основании того, что, как подданный своего государя, не может давать никаких клятв. Узнав, что таковые от иностранцев не требуются, он с радостью согласился.

³ The National, Municipal, and Parochial Register. L.: Effingham Wilson, July, 1835. P. 34; *Кросс Э. У Темзских берегов.* С. 42.

щедрых доноров. На лестнице установлен бюст графа Воронцова, чье имя также присвоено улице, которая проходит с восточной стороны богадельни¹.

Большая часть владений Воронцова в России перешла к сыну, а дочь Екатерина получила поместье в Финляндии (по условию затем проданное)², а ее полное наследство оценивалось в £10 660³.

Какую-то часть имущества, книг и, вероятно, большинство документов и писем Семена Романовича его сын Михаил перевез в Россию.

Екатерина Семеновна потеряла мужа⁴ и со смертью отца фактически осталась одна. Михаил приезжал нечасто. Она посвятила оставшиеся двадцать четыре года своей жизни детям и усадьбе Пемброков. Она родила мужу пятерых детей — сына Сиднея (Sydney, Lord Herbert) и четырех дочерей, успешно затем выданных замуж: Екатерину (Catherine, Countess of Dunmore), Елизавету (Elizabeth, Countess of Clanwilliam), Мери (Mary Caroline, Marchioness of Ailesbury), Джорджиану (Georgiana, Lady Petty-

¹ *Mitton G. E.* The Fascination of London: Hampstead, and Marylebone. L.: Adam & Charles Black, 1902. P. 62–63.

² Воронцов хотел продать имение в Финляндии еще в 1807 г., чтобы, видимо, добавить вырученные деньги в приданое дочери. Но продажа оказалась трудным делом. См. об этом: АКВ. XIV. С. 194; *Дмитриева Н. В.* Финляндское имение Воронцовых // Воронцовы — два века в истории России. Труды Воронцовского общества. Выпуск 3. Петушки, 1998. С. 56–68; *Микешин М. И.* «Маленькая семейная негоция» // Воронцовы — два века в истории России. Труды Воронцовского общества. Выпуск 3. Петушки, 1998. С. 109–126; *Микешин М. И.* Дворянство: от истории к метафизике. С. 204–222.

³ *Rhineland A. L. H.* Prince Michael Vorontsov: Viceroy to the Tsar. P. 238, n. 38.

⁴ «Лорд Пемброк всю жизнь жаловался на бедность и умер, оставив каждой из своих пятерых дочерей по £20 000, а жене — £200 000 в полном ее распоряжении» (The Greville Memoirs. A Journal of the Reigns of King George IV and King William IV. P. 250).

FitzMaurice) и Эмму (Emma, Viscountess de Vesci of Abbey Leix)¹. Таким образом, титул и имение передавалось по мужской линии до ныне живущего эрла Пемброка. На портрете Томаса Лоуренса² Екатерина Семеновна представлена женой и матерью. Ее вид больше говорит о материнстве, чем об аристократическом великолепии и отчужденности, об уюте, а не о моде. Спокойная и хладнокровная, Екатерина была человеком действия. Она без устали занималась ремонтом и улучшением дома и поместья, планировала сад и строила удивительную итальянского вида церковь в Уилтоне³. Михаил, приезжавший иногда к сестре, возможно, встретил там модного тогда архитектора Эдмонда Блора и заказал ему проект своего замка в Алулке в Крыму. Если позволяла погода, «русская графиня» (как ее называли, хотя она посетила Россию лишь раз в жизни) ездила по имению в русских санях⁴. «Экзотическая Екатерина Герберт, мать Сиднея и графиня Пемброк, с энтузиазмом поддерживала сына и его амбиции. Дочь

¹ Подробно о генеалогии Пемброков и потомстве Е. С. Воронцовой см.: *Lever T. The Herberts of Wilton. L.: John Murray, 1967; Муравьева М. Г. Потомки графа Семена Воронцова в Англии // Воронцовы — два века в истории России. Выпуск 2. Петушки, 1996. С. 120–132.*

² Портрет находится в Уилтон-хаусе.

³ См. письма Екатерины и другие документы в архиве семьи Пемброков — *The Pembroke archive (1757–1895), ref. 2057A5, 18/A6, 59-60/H1/9-11, H5/14-16, 29, 31-32, F4/46, 47F6/33, 92, Wiltshire and Swindon History Centre, Cocklebury Road, Chippenham SN15 3QN.* Дневники и другие связанные с Воронцовыми материалы были помещены Саймоном Мидом в архив Северной Ирландии — *The Public Record Office of Northern Ireland, Clanwilliam/Meade Papers, 2 Titanic Boulevard, Titanic Quarter, Belfast, BT3 9HQ.* Краткое описание вклада Екатерины Семеновны в развитие поместья Уилтон см.: *Фадеева Т. М. Е. Р. Дашкова и английская ветвь Воронцовых: о малоизвестном портрете княгини, хранящемся в поместье Вилтон-Хауз (Англия) // Е. Р. Дашкова: Великое наследие и современность. М.: МГИ им. Е. Р. Дашковой, 2009. С. 196–198.*

⁴ Сохранились до сих пор и выставлены также в Уилтон-хаусе.

российского посла в Лондоне Семена Воронцова, она имела эклектичный вкус к роскоши...»¹

Сын Екатерины Сидней Герберт родился в доме Пемброков в Ричмонде 16 сентября 1810 г. «Я должна признаться, что никогда не видела никого, так похожего на ангела, хоть он и мое собственное творение», — писала его мать. Говорят, он неплохо рисовал, а из одного его рисунка, изображавшего деда Воронцова, игравшего в шахматы со своим секретарем, позже сделали гравюру².

Он получил титул барона, когда стал пэром в 1860 г., его прочили в премьер-министры. Назначенный военным министром (Secretary at War) в 1845 г., он поддержал своего близкого друга Флоренс Найтингейл и организовал ее путешествие в Крым, где она и прославилась³. И Сидней Герберт, и Флоренс Найтингейл отмечены статуями в Крымском военном мемориале на площади Ватерлоо в Лондоне. Хотя он сам был против войны, Сидней обеспечивал британские военные действия в Крыму, который его дядя Михаил осваивал и развивал многие годы как генерал-губернатор Новороссии⁴.

Михаил, ушедший в отставку в декабре 1853 г., был все еще жив в годы этой войны и наблюдал за Крымской кампанией с Воронцовской дороги — важнейшей для связи с Севастополем. Его единственный сын Семен, названный в честь деда, едва не погиб, когда получил ранения шрапнелью во время осады. Важно, что

¹ *Bullen J. B. Continental Crosscurrents: British Criticism and European Art 1810–1910.* Oxford: Oxford University Press, 2005. P. 86.

² *Stanmore A. H.-G. Sidney Herbert, Lord Herbert of Lea: A Memoir.* Vol. 1. P. 3, 10.

³ Флоренс Найтингейл (Florence Nightingale, 1820–1910) — сестра милосердия и общественная деятельница Великобритании. В 1854 г. в Крымскую войну вместе с 38 помощницами отправилась в полевые госпитали в Крым, последовательно проводила в жизнь принципы санитарии и ухода за ранеными, в результате менее чем за шесть месяцев смертность в лазаретах снизилась почти в 20 раз.

⁴ О жизни Сиднея Герберта см.: *Stanmore A. H.-G. Sidney Herbert, Lord Herbert of Lea: A Memoir.* Vol. I–II. L.: J. Murray, 1906.

Крымская война не разделила семью. В 1854 г. в самый разгар войны Михаил послал письмо своему племяннику Сиднею из курортного городка Схевенинген в Голландии, указывая, что их контакты нужно продолжать с большой аккуратностью (неясно, встретились ли они тогда):

Дорогой Сидди, каким праздником было бы для нас видеть вас здесь, а всю семью — собравшейся вместе. Я просил вашу маму, однако, сказать вам, что я очень рассержусь, если вы попадете в какие-нибудь споры или неприятности по поводу вашего визита сюда. Умоляю, подумайте об этом хорошенько, что же касается нас, мы испытаем только удовольствие и радость, если увидим вас. Благослови вас Бог, М. В.¹

Михаил и Екатерина оба умерли в 1856 г. с промежутком в несколько месяцев. Екатерина похоронена в семейной церкви, которую она построила в Уилтоне, а Михаил — в соборе в центре Одессы, где памятник ему стоит до сих пор. Из шестерых детей Михаила только двое — Семен и Софья — дожили до зрелого возраста. У Семена не было детей, а дочь Софьи Елизавета вышла замуж за своего кузена Иллариона Воронцова-Дашкова. Его отец по решению императора прибавил к своей фамилии фамилию Дашков². Илларион Иванович был министром двора в правление Александра III и, как Михаил, генерал-губернатором Кавказа. Он умер в 1916 г. в Алушке³. Его жена и дети через несколько лет покинули Россию навсегда. Как и их предок Семен Воронцов, они никогда больше не жили в России.

После третьей женитьбы в 1827 г. Джордж Бизли по неясным причинам начал передвижения вдоль британского побережья.

¹ Цит. по: *Struve G. An Anglo-Russian Medley: Woronzows, Pembrokes, Nicolaÿs, and Others. Unpublished Letters and Historical Notes.* P. 128.

² Указ императора от 4 августа 1807 г. (АКВ. XXII. С. 388).

³ О графе И. И. Воронцове-Дашкове см.: *Исмаил-Заде Д. И. И. И. Воронцов-Дашков. Наместник Кавказский.* М.: ЗАО Центрполиграф, 2005.

Возможно, он пропагандировал свою религию. В это же время у него родились Маргарет, Роман, Мери Джейн, Александр и Михаил (Джордж часто давал своим детям имена, характерные для клана Воронцовых). Первые трое умерли во младенчестве, а в 1838 г. умерла старшая Эллен. Достаточно долгая жизнь была суждена только Александру, Михаилу и Кэтрин.

Когда в Семен Романович оступился и упал с лестницы, Джордж Бизли навестил больного. Однако, когда граф умер, Смирнов не сообщил об этом Джорджу сразу, и у Бизли появилось чувство, которое он затем сохранил на всю оставшуюся жизнь: он понял, что русские отвернулись от него.

По завещанию граф назначил сыну годовую выплату в £600 (что было в 6 раз больше государственной пенсии Бизли!), но Михаил Семенович не стал выплачивать эти деньги, а вместо них через два месяца написал письмо:

Дорогой Джордж,
Г-н Смирнов обещал послать вам вместе с этим письмом, 1-е, кольцо с профилем и прядь волос нашего покойного высокочтимого родителя. 2-е табакерку также с его портретом и надписью...

Да благословит Бог вас и также всю вашу семью, и будьте уверены в братских чувствах, которые я всегда буду испытывать по отношению к вам.

Екатерина Семеновна и Смирнов также были настроены враждебно, может быть, именно из-за них годовые выплаты были остановлены. Затем деньги все-таки начали выплачивать, но через два года выплаты прекратились. Джордж фактически должен был прибегнуть к шантажу, чтобы получить деньги. Он написал Смирнову, что хранит подписанные письма отца. Он собрался изменить свою фамилию на «Фитцсимеон» (Fitzsimeon — «сын Семена») или даже на «Бизли де Воронцов» (Beazeley de Woronzow) и опубликовать ее в печати, что он и сделал, подписавшись так под

одним из опубликованных в газете стихотворений¹. Он начал подписывать свои письма именем «Wogonzow». Однако, оказалось, что Джордж не может взять эту фамилию на законных основаниях без согласия графа Михаила Семеновича, а тот разрешения не дал. В банке также ответили, что не могут платить тому, кто самовольно изменил свою фамилию.

В 1837 г., через два года после прекращения выплат, Бизли написал письмо Екатерине Семеновне, в котором заявил, что не будет менять фамилию, что она лишила его принадлежавшего ему по праву и что «пусть Бог простит вас». Он вернет портрет отца. Он никогда не будет больше выдвигать никаких претензий к Воронцовым, но сделает скандал достоянием прессы. «Русская графиня» ответила, что такие угрозы «и не нужны, и предосудительны». Выплаты возобновились. В следующем году в Лондон приехал граф Михаил Семенович, и они с Джорджем обменялись письмами. Бизли извинился и пожелал встретиться. Генерал-губернатор Новороссии ответил, что это «было бы нежелательно». Со смертью Михаила в 1856 г. выплаты опять прекратились. Наследники Бизли продолжали свою борьбу за них вплоть до конца века².

В 1840-х годах семья Бизли жила в Лондоне, а в 1848 г. отправилась искать счастья в Канаде. Там он потерял жену и дочь. К 1855 г. семья вернулась в Лондон. Оба сына стали инженерами. Карьеры их были вполне успешными. Родство Джорджа с Воронцовыми позволило ему значительно укрепить свое финансовое положение. Он никогда не работал по выходе в отставку, трижды женился, менял место жительства не менее семнадцати раз, дал образование двум сыновьям, жил в больших и довольно богатых домах. Он умер

¹ Вырезка из газеты со стихотворением и подписью сохранилась в архиве семьи Бизли.

² Последнее письмо по этому делу, имеющееся в архиве, датировано 1899 г.

19 апреля 1875 г. в возрасте 85 лет. Фамилия Бизли продолжается уже в четвертом поколении его потомков¹.

Британская пресса и популярные комментаторы почти сразу начала путать и до сих пор путает отца Семена Романовича и сына Михаила Семеновича Воронцовых. «Генерал граф Воронцов, посол в Англии. Знаменитый русский генерал, сыгравший выдающуюся роль в победе над Бонапартом в 1814 г.»², — пишет один комментатор. Во время встречи в Крыму глав союзных держав для обсуждения итогов Второй мировой войны, центральная британская пресса приписывала дворец в Алупке, в котором жила британская делегация, Семену Романовичу — «русскому послу в Англии, генералу, победившему Наполеона». Г. Струве даже вынужден был опубликовать заметку в газете с разъяснениями³.

Существует еще один своеобразный способ сохранить память о предках. Этот способ — сохранить имя в местных географических названиях, в именах домов и церквей. В Британии он используется довольно широко. Например, в Уилтшире существует хорошо сохранившийся и лет десять назад выставленный на продажу небольшой сельский дом, который называется Воронцов Гейт (Voronzoff Gate). На его фронтоне кирпичом выложена дата «1856». В исторической справке говорится: «Викторианский усадебный дом с необычным именем Воронцов Гейт. Екатерина Воронцова была русской матерью маркизы Эйлсбери ... и Воронцов Гейт был построен в год ее смерти, 1856»⁴. Недалеко от Уилтона можно найти церковь св. Екатерины, названную в честь Екатерины

¹ *Carroll G.* The Descendants of George Beazeley (<http://www.islandregister.com/beazeley1.html>); *Микешин М. И.* Архив семьи Бизли. С. 103–118; *Микешин М. И.* Лейтенант королевского флота. С. 123–137.

² *The Letter Bag of Lady Elizabeth Spencer Stanhope. Volume 1 / Ed. by A. M. W. Stirling.* Kessinger Publishing, 2004. P. 256.

³ Вырезка из газеты сохранилась в Wiltshire Record Office, WRO 2057/F4/48.

⁴ *Kidson-Trigg Auction House.* Property Auctions. November, 2009 (<https://www.kidsontrigg.co.uk>).

Семеновны, вдовы лорда Пемброка, построенную также на средства маркизы Эйлсбери и освященную в 1861 г.¹

В ноябре 2002 г. мемориальная доска в честь Семена Воронцова была открыта на Воронцов-роуд. Церемонию посетили российский посол, мэр округа Кэмден Джуди Петерсен и член городского совета Уилтона, который представлял семью Пемброков. Семья Воронцовых не получила приглашения и не была извещена о событии. Член совета подарил российскому послу фотографии портретов Семена, Екатерины и Михаила, книгу о Уилтон-хаусе и приглашение посетить Уилтон².

¹ St Katharine's Church. Savernake Forest. History (<https://savernakeforestchurch.org/home/history/>)

² Пример русской благотворительности в Великобритании: граф Воронцов. 30 декабря 2010 г. (<http://www.achievementsnews.co.uk/>); В Лондоне открыта мемориальная доска графа Воронцова (<http://www.kommersant.ru/news.aspx?NewsID=57511>); Szamuely A. The Russian Ambassador Who Became a Londoner // London Historians Members' Newsletter. July, 2014 (<https://londonhistorians.wordpress.com/tag/simon-woronzow>).

Послесловие

Нет ни одного сколько-нибудь значительного справочного издания или исследовательского труда по истории России екатерининского и павловского времени, истории российской дипломатии или военной науки, которое не содержало бы информацию о Воронцове¹. Более всего Семен Романович упоминается в связи с его обширнейшей перепиской². Невозможно написать ни одного серьезного исследования о взаимодействии России и Европы в конце XVIII — начале XIX вв., не сославшись на его письма. Чаще всего он упоминается в научных трудах во фразах типа «такой-то сообщал в письме к С. Р. Воронцову» или «С. Р. Воронцов писал такому-то». Письма, сохранившиеся в большом количестве, служат источником богатой фактической информации о том времени. Очевидно, что Семен Романович мог так долго и успешно выполнять свою дипломатическую работу, жить в Британии и воспитывать детей в русском духе, потому что имел в России крепкие связи, постоянно поддержанные интенсивной перепиской.

Серьезные историки часто цитируют его оценки революции во Франции, внутренней и внешней политики России, разделов Польши, наказания Радищева, преобразовательных планов Александра I, событий наполеоновских войн, его военные

¹ Вот интересный пример: *Вышинский А. Я.* Дипломатический словарь. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1948. С. 430.

² Историко-документальный департамент Министерства иностранных дел России на своем сайте (<https://idd.mid.ru>) едва упоминает Семена Романовича со ссылкой на Н. М. Карамзина, гораздо чаще упоминаются М. Л. Воронцов и А. Р. Воронцов, но письма из АКВ цитируются обильно. В книге «История внешней политики России. Первая половина XIX века» Воронцов упоминается два раза — исключительно как адресат указаний «из центра».

инструкции¹. В дореволюционных изданиях часто приводятся его краткие и точные характеристики исторических личностей современных ему России и Европы².

Тем не менее, часто цитируются одни и те же письма и высказывания, а основной массив документов, даже опубликованных, остается фактически непрочитанным. Как ни странно, но основным препятствием здесь служит плохое знание или вовсе незнание французского языка многими российскими исследователями. И это не только современная проблема. Вот что пишет П. И. Бартенев в своих воспоминаниях:

Французскому языку учил некто Барбе, болтун, предмет постоянных наших насмешек и издевательств; я у него почти ничему не выучился, а грамматики вовсе не знал, произносить также. Очень жалею о том, так как впоследствии мне весьма было трудно печатать книги Архива князя Воронцова на французском языке, и первая из них 8-ка преисполнена опечаток, *criblé de*

¹ См., например: *Станиславская А. М.* Русско-английские отношения и проблемы Средиземноморья (1798–1807). М.: Издательство АН СССР, 1962; *Окунь С. Б.* История СССР (Лекции). Ч. 1. Конец XVIII – начало XIX века. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1974. С. 34; *Добринская Л. Б., Семенов Л. С.* Верные сыны Отечества: воспоминания участников декабристского движения в Петербурге. Л.: Лениздат, 1982. С. 11; *Политическая история: Россия — СССР — Российская Федерация.* Т. 1. М.: Терра, 1996. С. 159; *Фирсов Н. Н.* Исторические характеристики и эскизы, 1890–1920 гг.: Т. 1. Гос. изд-во, 1921. С. 286; *Роголин Н. Г.* «Полковое учреждение» А.В. Суворова и пехотные инструкции екатерининского времени. СПб.: Д. Буланин, 2005. С. 105; *Писарькова Л. Ф.* Государственное управление России в первой трети XIX в.: становление министерской системы. М.: Новый Хронограф, 2019 и др.

² См., например: *Русские портреты XVIII и XIX столетий.* Издание Великого князя Николая Михайловича. Тома I–V. СПб.: Экспедиция заготовления Государственных бумаг, 1905–1909.

fautes¹, как говорят французы, и это тем обиднее, что содержание книг высоко занимательно².

Однако, как и многие важные исторические фигуры, Воронцов «обрастает штампами», становится героем баек и анекдотов. Чаще всего Воронцова обвиняют в том, что он из русского превратился в англичанина: «за 16 лет до того "вжился" в страну своего пребывания, что стал больше англичанином, чем русским. Благоговей перед английскими политическими учреждениями, он безраздельно поддерживал все действия правительства этой страны ... поступки графа Семена Воронцова ясны, последовательны и исходили из простого принципа — все, что хорошо Англии, должно быть хорошо остальным»³. Началось это, как мы видели, еще с записок Чарторыйского и с провокационного замечания Наполеона⁴. А. А. Васильчиков объясняет нежелание Воронцова вернуться в России не проблемами жизни на родине, а его горячей любовью к Англии:

Таковы были почти все наши, так называемые русские дипломаты. Они всецело подчинялись влиянию той страны, в которой приходилось им отстаивать честь и права своей родины. К тому же, нигде, как у нас, дипломаты не оставались так долго вне отчизны и притом почти постоянно на одном и том же месте. ... Такой пример видим мы в вполне русском, глубоководном и совестливом графе Семене Романовиче Воронцове. В недавно напечатанных письмах его к сыну излилась вся любящая,

¹ Пронизанный недостатками (*фр.*).

² *Бартенев П. И.* Воспоминания / Публ. [вступ. ст. и примеч.] А. Д. Зайцева // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. Т. 1. М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. С. 56.

³ *Соколов О. В.* Аустерлиц. Наполеон, Россия и Европа, 1799–1805 гг. В 2-х томах. Т. 1. М.: Рус. импульс, 2006. С. 49, 79.

⁴ См. Главу XII. Валишевский тоже с удовольствием пишет: «В Лондоне Воронцов стал англичанином с головы до ног» (*Waliszewski K.* Le fils de la Grande Catherine Paul Ier empereur de Russie, sa vie son règne et sa mort, 1754–1801. P.: Librairie Plon, 1912. P. 300).

правдивая душа этого отличного, симпатичного человека. Нельзя не быть тронутым глубокою искреннею привязанностию к родине, которая на каждом шагу истекала из-под пера его. При чтении его писем иногда невольно себя спрашиваешь, не выдержки ли это из сочинений Хомякова, Самарина или Аксакова. И что же? Этот верный сын России с ужасом думал о необходимости вернуться на родину и то на самый короткий срок, и отказывался от блестящих мест, лишь бы не покидать дорогой ему Англии¹.

Многие потом называли Воронцова «поклонником Питта»² и «старым англоманом». Как всегда, основателен В. С. Пикуль: «Граф Семен Воронцов, русский посол, остался почти равнодушен к Аустерлицу, зато вместе с англичанами ликовал по случаю победы при Трафальгаре. Его поведение еще раз доказывало непреложную истину: как бы ни был хорош дипломат, но зачастую его патриотизм невольно разрушается долгим пребыванием в чужой стране, среди чужого народа»³. И чтобы уж довести до анекдота, процитируем следующий: «В России скорее всего делали настроениям Воронцова скидку — его англомания служила даже поводом для шуток: будто бы Воронцов, чтобы не позабыть родину, ежедневно съедал за обедом русский малосольный огурец»⁴.

Встречаются и странные исключения. Так, П. Н. Милюков внезапно заявляет в «Очерках по истории русской культуры»: «Здесь, в этом общественном слое, привыкшем стоять близко к власти, чаще всего

¹ *Васильчиков А. А.* Семейство Разумовских. С. 3.

² *Recueil des travaux publiés en l'honneur de P. N. Miliukov.* Сборник статей, посвященных Павлу Николаевичу Милюкову, 1859–1929. Тип. Obris, 1929. С. 429; *Цзарторийски А. Е.* Русский двор в конце 18 и начале 19 столетия. М.: Гос. публичная историческая библиотека России, 2007. С. 154; *Шарова А. В.* Академик Е. А. Косминский о культурных связях России и Англии в XVI–XIX вв. // Исторический архив. № 6. 1994. С. 198.

³ *Пикуль В. С.* Каждому свое. Часть вторая. Сопротивление. 12. Враг у ворот России (https://www.e-reading.club/chapter.php/44749/94/Pikul%27_-_Kazhdomu_svoe.html).

⁴ *Тепляков С. А.* Питт (<http://www.museum.ru/1812/Library/Tepliyakov/index.html>).

и прочнее всего прививались идеи национального самовозвеличивания, так тесно связанные с направлением внешней политики Екатерины. Отсюда выходили такие типичные националисты и враги Запада, как Ростопчин или Семен Воронцов»¹. П. А. Вяземский оценивает Воронцова более взвешено, не впадая в крайности:

Граф Воронцов, Английский тори, может быть, смотрит иногда на события и политику с Английской точки зрения; но воспоминаниями, душою он чисто и глубоко Русский человек, Русский сановник, каковы бывали в царствование императрицы Екатерины. Он хладнокровен, сдержан в своих суждениях и приговорах. Он в оппозиции все-таки Английский тори, преданный правительственной власти и правилам законного порядка².

В советское время преобладал идеологический подход, осуждавший всех, кто выступал против революции: «Семен Романович Воронцов — екатерининский вельможа, крайний консерватор, с лютой ненавистью относившийся к французской революции»³.

В одной из недавно вышедших книг Семен Романович почему-то как приехал в Англию, так все время рвался на родину, но ему постоянно мешали какие-то скандалы с родственниками⁴.

В последнее время появляется все больше работ, пытающихся описать психологические особенности дворянской элиты и

¹ Милюков П. Н. Очерки по истории русской культуры: в 3-х т. Т. 3. Национализм и европеизм. М.: Издательская группа «Прогресс», 1995. С. 379.

² Вяземский П. А. По поводу записок графа Зенфта. Часть 2 // Русский архив. Книга 1. 1876. С. 468–469.

³ Болховитинов Н. Н. Становление русско-американских отношений. 1775-1815. С. 200.

⁴ Зазулина Н. Н. Европейский пасьянс. Хроника последнего десятилетия царствования Екатерины II. М.: Бослен, 2018. С. 497–504.

дворянской личности в контексте Российской империи¹, где Воронцовы служат примерами, а оставленные ими документы — материалами для исследователей. В них используется эпистолярное наследие Воронцова (причем, в основном, письма к нему), из которого часто исключаются письма на французском (!), а сам он описывается, как житель Англии, практически совершенно оторвавшийся от внутренних российских проблем².

У одного проницательного психолога билингвы братья Воронцовы становятся «лингвистическими межеумками», у которых граница «между субъектами межъязыкового пространства, разной национальной принадлежности ... стирается в связи с вытеснением своего природного языка языком чужим». Приводится вырванный из контекста пример из письма Семена брату: «Я не понял ни единого слова... Я очень прошу вас писать мне только по-французски»³.

А вот анекдот из современной инженерной немецкой среды: «В конце 18 века Екатерина Великая отправила посла в Лондон графа Симона Воронцова. Его задачей было выяснить причины лондонского богатства. Воронцов доложил российской царице о том, что богатство в Лондон приносит именно движение. Так он получил поддержку большинства дорожников»⁴.

¹ См., например: *The Europeanized Elite in Russia, 1762–1825: Public Role and Subjective Self* / Edited by A. Schönle, A. Zorin, and A. Evstratov. DeKalb: Northern Illinois University Press, 2016; *O'Meara P. The Russian Nobility in the Age of Alexander I. L.: Bloomsbury Academic, 2019.*

² Имеется в виду *Марасинова Е. Н. Психология элиты российского дворянства последней трети XVIII века. (По материалам переписки). М.: РОССПЭН, 1999.*

³ *Бездидько А. В. Граница в междужычном пространстве взаимодействия культур // Мир психологии. № 3. 2008. С. 114. Просьба Семена к брату, скорее всего, связана с ужасным почерком Александра Романовича.*

⁴ *Wartenweiler J. Die Asphaltlobby. Nadelpenetration: 2,8 mm. // WOZ Die Wochenzeitung. 07.12.2010 (www.woz.ch/archiv/old/04/05/5547.html).*

Еще одно стандартное обвинение — в участии в заговоре против Павла¹. «Семен Романович Воронцов жил в то время в Лондоне, но, как он ни отрекался от того, что случилось в ночь на 11 марта, его считали прикосновенным к "действию". Он знал тайные нити заговора...»² Комментарий его о событиях и лицах заговора «высокомерно» и «сквозит лицемерием, так как С. Р. Воронцов, прекрасно зная о заговоре, понимал, что его возможно реализовать только путем цареубийства, но считал своим долгом "откреститься" от его непосредственных участников»³. Чем более публицистично сочинение, тем более безапелляционно высказанное в нем мнение: «...почти все единодушно называют первых участников [заговора]... чуть позже к ним примкнул ... русский посол в Англии Семен Воронцов...»⁴ И уж если не примкнул, то обязательно усердствовал в объявлении Павла сумасшедшим⁵. Ярче всего обвинение выражено у известного «историка» В. В. Жириновского:

Полномочный посол России в Англии граф Семен Воронцов же был главным звеном в убийстве одного из самых подающих надежды русских императоров — Павла Первого. Он же разнес по всему миру слухи, что, дескать, тот был дебилом от рождения, и, дескать, чего жалеть о дураке от рождения ... Но есть еще один поразительный факт. Как мы помним, Семен Романович Воронцов был фактически устроителем убийства Павла I. Так вот, его сын убил Александра Первого. Внимание! не каждой семейке удастся убить двух — ДВУХ (!) русских императоров ... И «на закуску»: все члены ближайшего окружения Александра I были, в свою очередь, хорошо знакомы с С. Р. Воронцовым и в разное время

¹ «Доказательства» мы уже приводили ранее (см. Главу XI).

² *Никулин Л.* России верные сыны. Роман // Никулин, Лев. Избранные произведения. Т. 1. М.: Худож. лит-ра, 1979. С. 431.

³ *Коршунова Н. В.* Крах политической доктрины императора Павла I, или Как нельзя управлять страной. М.: Центрполиграф, 2018. С. 189.

⁴ *Овсянников Ю.* Три века Санкт-Петербурга: история, культура, быт. СПб.: Изд-во «Галарт», 1997. С. 123.

⁵ Цареубийство 11 марта 1801 года. Записки участников и современников. С. XIV, XXXII.

находились под его началом в Англии. То есть убийцы Павла были бывшие сотрудники российского посольства в Лондоне¹.

Поздние советские и постсоветские оценки личности Воронцова находятся под сильнейшим влиянием работ Ю. М. Лотмана. Главные особенности взгляда этого исследователя связаны не только с его талантом, но и с принадлежностью к сословию и дискурсу советской интеллигенции, откуда его использование классовых характеристик для оценки персональных взглядов, презрительное и даже брезгливое отношение к знати, литературоцентризм (т. е. взгляд на события и людей и оценки их в связи с литературой и через литературу, убеждение, что поэты и писатели — а Пушкин главный из них — дают всегда наиболее точные оценки историческим событиям и людям, сознательное сравнение и даже смешение реальных исторических личностей и литературных героев в тексте), противопоставление политики и культуры: «И дружба Александра Романовича с Радищевым, и беседы Екатерины Романовны с Дидро или Семена Романовича с Карамзиным дают им право на упоминание не только в политической, но и в культурной истории России и Европы». И выносится приговор, звучащий прямо оскорбительно: «Эфемерное создание императорского периода России, род Воронцовых вынырнул из небытия и растворился в тумане сумерек империи»².

Встречаются и довольно экзотические точки зрения на жизнь и деятельность Воронцова. Так, Ю. М. Сугоняев выводит из близких отношений Екатерины II и княгини Дашковой «фавор» ее близких родственников — отца и обоих братьев. Этим объясняются и их продвижения по службе, и их награды, и согласие императрицы

¹ Жириновский В. Война за мир (<http://www.zrd.spb.ru/news/2010-02/news-0997.htm>).

² Лотман Ю. М. Сотворение Карамзина. С. 179, 181. Под «растворением в тумане», видимо, подразумевается тот факт, что многим членам рода удалось избежать массового расстрела лишь в силу случайных обстоятельств.

стать крестной матерью сына Воронцова¹. Такая трактовка может быть придумана только тем, кто совершенно не знаком с реалиями жизни клана Воронцовых в XVIII в., у кого любовь к одному «культурному герою» застилает глаза.

Особенно полюбили и многократно цитируются строки из письма Воронцова к брату о том, что он, оценивая наступление революции по всей Европе, предполагает учить своего сына столярному (варианты: токарному, слесарному и т. д.) делу.

Возможно, нелепые или «совершенно однозначные» версии возникают потому, что выдающиеся люди истории, особенно те, кто не сподобился получить серьезных авторитетных исследований своей жизни, «принадлежат» не только и даже не столько профессиональным историкам, сколько непрофессионалам, любителям, литераторам. Любители — это энтузиасты, которые делают очень много полезного и важного, они часто просто спасают российскую историю, и их недостатки суть обратная сторона их достоинств. В одном из примеров Воронцов «офицером Преображенского полка» отличился на войне, писал статьи в английских газетах, «бывал на родине редко», секвестр с его именем был снят в 1806 г., последний раз он видел сына в 1831 г. и т. д. — вроде бы и рядом, но не точно².

В жанре «женские исторические повествования» семья Воронцова становится идеалом взаимной любви, дружбы, взаимного уважения, воспитания детей, подвига отцовства, памяти, благородства, патриотизма и даже религиозности³. Это не мешает таким

¹ *Сугоняев Ю. М. Е. Р. Дашкова и Петергофская дорога: Российская академия начинается // Е. Р. Дашкова и XVIII век: От Российской империи к современной цивилизации. М.: МГИ им. Е. Р. Дашковой, 2010. С. 34.*

² *Диссанаяке Н. Русские судьбы в Лондоне (XVI–XXI вв.). L.: Ned Publishing, 2016. С. 19–20.*

³ *Захарова О. Ю. «Я князь, колы мой сияет дух...» Подольск, 1997. С. 10–46; Третьякова Л. И. Не спрашивай зачем и почему. М.: Виконт-МВ, 2002. С. 139–148;*

повествованиям содержать много неточностей, ошибок и сплетен. Примером сплетни может служить одна, вынутая из сочинения известного пасквилянта князя Долгорукова. Скандальная книга князя вышла через десятки лет после произошедших событий. Воронцов характеризуется в этом сочинении как человек талантливый, но плутоватый. «Он угодничал сначала перед Орловыми во время их возвышения, потом перед Потемкиным для получения дипломатического поста. Как раз в это время фрейлина Екатерина Сенявина вступила в связь с Потемкиным, и императрица решила выдать ее замуж, чтобы удалить от двора, граф Воронцов явился кстаги»¹. Сплетни всегда хороши тем, что опровергнуть их чрезвычайно трудно, изложению они придают очень доверительный и пикантный характер, а автору такого изложения — ореол тонкого знатока реальных событий.

Семен Романович попадает в некоторые литературные произведения, посвященные современным ему событиям². К. Валишевский ссылается на его высказывания о Павле в романе «Сын Екатерины Великой (Павел I)». А. А. Кизеветтер в «Исторических силуэтах» рассказывает об отношениях Воронцова и Ф. В. Ростопчина³. М. А. Алданов в романе «Девятое Термидора» посвящает несколько страниц описанию приема Воронцовым визитеров в Лондоне. Мы встречаем «большой особняк на тихой лондонской улице» с анфиладой «комнат с белыми двустворчатыми

Муховицкая Л. Воронцовы: дворяне по рождению. М.: Рипол Классик, 2015. С. 105–167. Увы, мы вынуждены констатировать наличие такого жанра.

¹ *Муховицкая Л.* Воронцовы: дворяне по рождению. С. 113.

² Известный исследователь истории рода Воронцовых В. Н. Алексеев высказал предположение, что Семен Романович Воронцов послужил одним из прототипов пушкинского Дубровского (*Алексеев В. Н.* «Служи верно, кому присягнешь...» // Воронцовы — два века в истории России. Труды Воронцовского общества. Выпуск 7. СПб., 2002. С. 112–119).

³ *Кизеветтер А. А.* Исторические силуэты: Протопоп Аввакум. Екатерина I. Меншиков. Толстой. Ягужинский. Дм. Голицин. Вольнский. Екатерина II. Потемкин. Ф. В. Ростопчин. Александр I. Аракчеев. М.: Феникс, 1997. С. 215, 244.

дверями», где жил Воронцов, в повести А. Ю. Кривицкого «Тень друга, или Ночные чтения сорок первого года»¹. От В. С. Пикуля мы узнаем, что Семен Воронцов был опытным дипломатом, однако «ненависть к революции он перенес на всю Францию», что «в посольском доме на Гарлейской улице жарко пылали каминны», а Воронцов грел «у пламени зябнувшие ладони», что «разрушая давние традиции дипломатической этики, Семен Романович умышленно отделял мнение правительства от гласа народного, гласа божьего»². Другой исторический романист не сомневается, что Воронцов говорил — или, по крайней мере, понимал — по-немецки еще будучи «командиром егерей» во время русско-турецкой войны³. И уж точно он считался в высшем петербургском свете «заграничным остроловцем»⁴. В историческом романе о путешественнике Головнине Воронцов описан очень благожелательно: он — «тонкий политик», которого «высоко ценили в Петербурге и Лондоне», ведь «он успел разгадать основные механизмы британской дипломатии»⁵.

Наш герой попал даже в особый жанр, находящийся вне всякой критики. Воронцов оказался... провидцем и «великим пророком», которому однажды приснились не только процесс и последствия раздела Польши в лицах, но и весь ход войны России с Наполеоном в 1812–1814 годах, а также события, должны произойти в этой войне с его сыном⁶.

¹ *Кривицкий А. Ю.* Собрание сочинений в трех томах. Т. 1. Худож. лит.-ра, 1984.

² *Пикуль В. С.* Париж на три часа. М.: Советский писатель, 1984. С. 171;

Пикуль В. С. Этюды о былом. М.: Изд-во ДОСААФ СССР, 1989. С. 112, 115.

³ *Петров М. Т.* Румянцев-Задунайский: исторический роман. Армада, 1996. С. 255.

⁴ *Григорьев В.* Григорий Шелихов: роман. М.: Советский писатель, 1952. С. 249.

⁵ *Фирсов И. И.* Головнин. Дважды плененный. М.: АСТ, Астрель, 2002.

⁶ *Непомнящий Н. Н.* Великая книга пророков. Книга 2. Заглянувшие в будущее. М.: ОЛМА-ПРЕСС Образование, 2005. С. 131–142 (Глава «Предвидения графа Воронцова»).

А вот легенда о происхождении названия имения, расположенного недалеко от Петербурга:

Мать художника [Н. К. Рериха] Мария Васильевна, урожденная Калашникова, купила имение Извара в 1872 году и владела им до 1900 года. Двадцать шесть лет жизни Н. К. Рериха были связаны с этим местом. Его прежний владелец, граф Семен Воронцов, бывший русским посланником при королевских дворах в Лондоне и Вене в период правления Екатерины Великой и царя Павла I, назвал поместье «Извара», вернувшись из путешествия по Индии. В переводе с санскрита это слово означает «Бог» или «Божественный Дух». Но это всего лишь предание. Это толкование бытует и поныне ... Документы первой половины 18 века неопровержимо доказывают, что к путешествию Воронцова, как и к индусскому радже ее название не имеет никакого отношения¹.

Не мудрено, что такая многогранная личность энергично осуждается или расхваливается, попадает в легенды и анекдоты. С юности серьезно больной, проживший 82 года. Неординарный военный, ставший неординарным дипломатом. Практик, всегда мысливший масштабно и не боявшийся обобщений, даже в письменном виде. Русский, проживший три четверти жизни за границей. Русский, основным языком которого стал французский. Любивший Англию и ее политическую организацию, часто осуждающий и даже презирающий ее правительство. Человек очень светский, он считал воспитание детей важнейшим делом своей жизни. Человек, ничего не публиковавший, но сделавший изящную словесность основным инструментом своих профессиональных

¹ Легенда распространяется в Интернете. См., например: <http://vasiliev232009.narod.ru/vzvar.doc>; <http://ay-forum.net/viewtopic.php?f=106&t=1809>; <https://psmirnova.livejournal.com/295678.html>; <https://www.proza.ru/2013/04/10/1545>. См. также *Гоголицын Ю. М., Гоголицына Т. М.* Памятники архитектуры Ленинградской области. Л.: Стройиздат, 1987. С. 184–185; здесь путешествие в Индию связывают с именем М. Л. Воронцова.

занятий, *homme de lettres*, «человек письмен», что вряд ли можно перевести как «публичный интеллектual»¹.

¹ <https://arzamas.academy/offline/single/kaplun/pre>.

Библиография

1. Источники

Архивы

Архив князя Воронцова / Под ред. П. И. Бартенева. Т. 1–40. М., 1870–1897 (при цитировании сокращенно обозначается как АКВ).

* * *

Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ) МИД России. Москва. Фонды: «Сношения России с Англией» (XVIII в.), «Дела о вооруженном морском нейтралитете» (1778–1800 гг.), «Высочайше опробованные доклады по сношениям России с иностранными державами» (XVIII в.) и др.

Библиотека Горного университета в Санкт-Петербурге. В.11998.
Дерябин А. Ф. Письма Смирнову из путешествия по Англии и записки об Англии.

Государственный Исторический музей, Отдел письменных источников (ОПИ ГИМ). Ф. 47. Москва.

Российская государственная библиотека, Отдел рукописей (ОР РГБ). Ф. 178. Москва.

Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 14, 17, 199, 248, 285, 1255, 1261. Москва.

Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 17, 468, 730, 834, 938, 1151, 1329. Санкт-Петербург.

Санкт-Петербургский институт истории РАН (СПБИИ РАН). Ф. 36. Санкт-Петербург.

Центральный государственный военно-исторический архив (ЦГВИА). Ф. ВУА. Д. 1820. Москва.

Beazeley Family Archive. Частное собрание. Санкт-Петербург.

Clanwilliam/Meade Papers. D3044. Public Record Office of Northern Ireland, 2 Titanic Boulevard, Titanic Quarter Belfast, BT3 9HQ.

De Vesci Papers. National Library of Ireland

The Library and Museum of Freemasonry, Freemasons' Hall, 60 Great Queen Street, London WC2B 5AZ

The Pembroke archive (1757–1895), ref. 2057A5, 18/A6, 59–60/H1/9–11, H5/14–16, 29, 31–32, F4/46, 47F6/33, 92, Wiltshire and Swindon History Centre, Cocklebury Road, Chippenham SN15 3QN.

Stanhope of Chevening manuscripts. U1590/S5/O4/10. Kent History and Library Centre, James Whatman Way, Maidstone, Kent ME14 1LQ

Vorontsov Mss. Lilly Library, Indiana University, Bloomington, IN 47405.

Wiltshire Record Office, WRO 2057/F4/48.

Сочинения С. Р. Воронцова

Автобиография графа Семена Романовича Воронцова // АКВ. VIII. С. 1–36 (на франц. языке). Русский перевод: Русский архив. Книга 1. Выпуск 1–4. 1876. С. 33–59.

Выдержка из частного письма в Москву к графине Бальмен. О медиках в России (от графа С. Р. Воронцова). Мобеж, 5 (17) октября 1817 г. // Русский архив. Книга 3. 1877. С. 112.

Граф Моцениго. Эпизод из первой Турецкой войны при Екатерине II-й [Воронцов С. Р. Письмо к П. В. Завадовскому 29 мая 1777] // Русский архив. Книга 3. Выпуск 12. 1878. С. 413–425.

Два письма графа С. Р. Воронцова / Публикация, перевод и примечания П. И. Бартенева // Русский архив. Тетради 9–12. 1874. Стлб. 971–1025.

Забота графа С. Р. Воронцова о нашем солдате (Инструкция господам ротным командирам) // Русский архив. Книга 2. Выпуск 5. 1912. С. 140–155.

Записка о воинской тактике. Сочинение графа С. Р. Воронцова // АКВ. XVI. С. 407–437.

Записка графа С. Р. Воронцова о внутреннем управлении в России (письмо графу Кочубею, 1803) // АКВ. XV. С. 441–452 (на франц. языке). Русский перевод: О внутреннем управлении в России. Записка графа С. Р. Воронцова. 1803 // Русский архив. Книга вторая. 1881. С. 155–162.

Записка графа С. Р. Воронцова о дворянстве // АКВ. XVI. С. 296–304 (на франц. языке).

Записка графа С. Р. Воронцова о жизни и деятельности английского министра Питта Младшего // АКВ. XV. С. 453–480 (на франц. языке).

Записка графа С. Р. Воронцова о русском войске (1802) // АКВ. X. С. 467–492 (на франц. языке). Русский перевод: Русский архив. Книга 3. 1876. С. 345–361.

Из писем графа С. Р. Воронцова к графу А. А. Безбородке // Русский архив. Книга 1. Выпуск 1. 1879. С. 83–111.

Из писем графа С. Р. Воронцова к С. А. Колычову // Русский архив. 1876. Книга 3. С. 162–166.

Инструкция ротным командирам за подписанием полковника графа Воронцова, 1774 г. января 17 дня, в 17 пунктах состоящая, на 13 листах // Военный сборник. № 11. Ноябрь. 1871. С. 33–46.

Инструкция ротным командирам за подписанием полковника графа Воронцова, 1774 г. января 17 дня, в 17 пунктах состоящая, на 13 листах // О долге и чести воинской в российской армии: Собрание материалов, документов и статей / Сост. Ю. А. Галушко, А. А. Колесников; под ред. В. Н. Лобова. М.: Воениздат, 1991. С. 38–40 [фрагменты].

Инструкция ротным командирам, составленная Полковником 1-го Гренадерского полка Графом С. Р. Воронцовым // *Судравский В. К.* История лейб-гвардии Гренадерского полка. 1756–1906 гг. Т. 1. СПб.: Т-во Р. Голике и А. Вильборг, 1906. Приложение № III. С. 13–20.

Об одежде и вооружении войск // АКВ. XVI. С. 439–445 [П. И. Бартенева приписывает С. Р. Воронцову].

Об экспедиции Бонапарта и о характере этого человека // АКВ. XI. С. 318–320 (на франц. языке).

О заведении дипломатического училища при Министерстве Иностранных Дел в России. Записка графа С. Р. Воронцова // АКВ. XV. С. 431–440 (на франц. языке).

Переписка Екатерины Великой с графом С. Р. Воронцовым (1788–1789) // Русский архив. Книга 1. Выпуск 2. 1879. С. 145–167.

Письма графа С. Р. Воронцова к графу А. К. Разумовскому (1792–1804) // *Васильчиков А. А.* Семейство Разумовских / Изд. А. Г. Брикнера. Том V. СПб.: Тип. М. Стасюлевича, 1894. С. 233–299.

Письма графа С. Р. Воронцова к графу Ф. В. Растопчину // Русский архив. Книга 3. Выпуск 11. 1872. Стлб. 1274–2246.

Письма графа С. Р. Воронцова к разным лицам // Русский архив. Книга 1. Выпуск 2–3. 1879. С. 197–206, 208–214, 345–354.

Письма к разным лицам // Архив князя Воронцова / Под ред. П. И. Бартенева. Т. 1–40. М., 1870–1897.

Письмо графа С. Р. Воронцова к вице-канцлеру графу Остерману // Русский архив. Книга 1. Выпуск 1. 1879. С. 83.

Письмо графа С. Р. Воронцова к герцогине Девонширской // Русский архив. Книга 2. Выпуск 3. 1884. С. 131–132.

Опубликованные источники

1812-й год. Из писем Н. М. Лонгинова к графу С. Р. Воронцову // Русский архив. Книга 1. Выпуск 4. 1912. С. 481–547.

Александренко В. Н. Император Павел I и англичане (Извлечение из донесений Витворта) // Русская старина. Том. 96. Выпуск 10. 1898. С. 93–106.

Александренко В. Н. Русские дипломатические агенты в Лондоне в XVIII в. В двух томах. Варшава: Типография Варшавского учебного округа, 1897.

Архив князя Ф. А. Куракина / Под ред. В. Н. Смольянинова. Саратов: Печатня С. П. Яковлева, 1898. Книга седьмая; 1899. Книга восьмая.

Васильчиков А. А. Семейство Разумовских / Изд. А. Г. Брикнера. Тома I–V. СПб.: Тип. М. Стасюлевича, 1880–1894.

Вести из России в Англию в царствование императора Павла Петровича. Письма графа Ф. В. Ростопчина к графу С. Р. Воронцову // Русский архив. 1876. Книга 2. С. 81–90; Книга 3. С. 65–103, 414–440.

Вильсон Р.-Т. Дневник и письма 1812–1813. СПб.: ИНАПРЕСС, 1995.

Вишняков А. Г. Письмо графа С. Р. Воронцова к Ляфермьеру (русский перевод) // Воронцовы — два века в истории России. Труды Воронцовского общества. Выпуск 21 / Редактор В. Н. Алексеев. Орехово-Зуево, 2018. С. 77–84.

Внешняя политика России XIX и начала XX века. Документы российского министерства иностранных дел. Т. 1. М.: Гос. изд-во полит. литературы, 1960.

Герц А. фон. Русский двор в 1780 году. Памятная записка, врученная прусскому принцу 23 августа 1780 г. в Нарве // Потемкин. От вахмистра до фельдмаршала. М.: Пушкинский фонд, 2002. С. 178–185 (<http://nata1216.livejournal.com/10154.html>).

Голиков И. И. Деяния Петра Великого, мудрого преобразителя России, собранные из достоверных источников и расположенные по годам. В 12-и частях. М.: Университетская типография у Н. Новикова, 1788–1789 (<https://tvereparhia.ru/biblioteka-2/g/2459-golikov-i-i>).

Грамота российскому народу (1801) // *Constitutions of the World from the late 18th Century to the Middle of the 19th Century. Sources on the Rise of Modern Constitutionalism. Europe. Vol. 4 / Ed. by H. Dippel. München: K. G. Saur, 2007. P. 23–32* (https://books.google.ru/books?id=7velgpAm8SwC&printsec=frontcover&hl=ru&source=gbs_ge_summary_r&cad=0#v=onepage&q&f=false).

Дашкова Е. П. Записки. Письма сестер М. и К. Вильмот из России / Под общей ред. С. С. Дмитриева, сост. Г. А. Веселая. М.: Изд-во Московского университета, 1987.

Депеши князя Алексея Борисовича Куракина во время его поездки в Париж в 1810 году к государственному канцлеру графу Н. П. Румянцеву // *Русский архив. Выпуск 11. 1877. С. 236–256.*

Екатерина II. Мемуары // *Екатерина II. О величии России. М.: Эксмо, 2003. С. 477–724.*

Журнал военных действий армий Ея Императорского Величества. 1769–1771. СПб.: Печатан при Государственной Военной Коллегии, 1769–1771.

Журнал путешествия В. Н. Зиновьева по Германии, Италии, Франции и Англии в 1784–1788 гг. // Русская старина. Том 23. Выпуск 9–12. 1878. С. 207–240, 399–440, 593–630.

Записка Екатерины Великой о бюсте Фокса // Русский архив. Книга 1. Выпуск 2. 1879. С. 206.

Записки княгини Дашковой. Репринтное воспроизведение / Россия XVIII столетия в изданиях Вольной русской типографии А. И. Герцена и Н. П. Огарева. М.: Наука, 1990.

Из записок графа Е. Ф. Комаровского // Оснадцатый век: исторический сборник / Изд. П. И. Бартенев. Кн. 1. М.: Тип. Т. Рис, 1868. С. 314–351 (<https://books.google.ru/books?id=wJKZAQAACAАJ>).

Из записок Фонвизина // Царубийство 11 марта 1801 года. Записки участников и современников. СПб., 1907. С. 155–170.

Из международных отношений в первые годы Французской революции (1789–1790 гг.) // Красный архив. № 4 (95). 1939. С. 125–129 (http://drevlit.ru/docs/france/XVIII/1780-1800/Mezd_otn_franz_rev/text.php#84).

Из переписки княгини Е. Р. Дашковой с ее братьями // Русский архив. Книга 1. Выпуск 1. 1912. С. 5–22.

Из писем Константина Яковлевича Булгакова к брату его Александру Яковлевичу. 1831-й год // Русский архив. Книга 3. Выпуск 12. 1903. С. 545–589.

Из писем М. Н. Лонгинова к графу С. Р. Воронцову // Русский архив. Книги 1–2. Выпуск 4–7. 1912. С. 30–66, 161–205, 338–416, 481–547.

Из речи Фокса в Английском парламенте 18 марта 1791 г. // Русский архив. Книга 1. Выпуск 2. 1879. С. 207–208.

Император Павел графу С. Р. Воронцову // Русский архив. Книга 3. Выпуск 11. 1912. С. 401.

Интимный дневник шеваье де Корберона, французского дипломата при дворе Екатерины II (из парижского издания) / Издание Ф. И. Булгакова. СПб.: Типо-литография К. К. Стефановского, 1907.

Истолкования аглинских законов г. Блакстона / Переведенныя по высочайшему повелению великой законодательницы всероссийской; С подлинника аглинскаго перевел С. Е. Десницкий при участии А. М. Брянцева. М.: Университетская типография, у Н. Новикова, 1780–1782.

Камер-фурьерский церемониальный журнал за 1782 год. СПб., 1882.

Карамзин Н. М. Письма русского путешественника / Подг. изд. Ю. М. Лотмана, Н. А. Марченко, Б. А. Успенского. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1987.

Конвенция о торговле между ея величеством императрицею всероссийскою и его величеством королем великобританским. СПб.: Имп. тип., 1793.

Львов Н. А. Письмо Г. Г. Кушелеву, 20 мая 1800 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах. М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. С. 54.

Миранда Ф. де. Путешествие по Российской империи. М.: МАИК «Наука/Интерпериодика», 2001.

Михайловский-Данилевский А. И., Милютин Д. А. История войны России с Францией в царствование Императора Павла I в 1799 году. В пяти томах. СПб.: Тип. штаба военно-учебных заведений, 1852–1853 (<https://www.runivers.ru/lib/book3090/>).

Николай Михайлович, вел. кн. Граф Павел Александрович Строганов (1774–1917). Историческое исследование эпохи императора Александра I. В 3 т. Т. 2. СПб., 1903.

Николай Михайлович, вел. кн. Елизавета Алексеевна, императрица, супруга Александра I. В 3 т. Т. 2. СПб., 1909.

О повреждении нравов в России князя М. Щербатова и Путешествие А. Радищева. Факсимильное издание. М.: Наука, 1985.

О пребывании великого князя Николая Павловича в Англии. Из письма леди Пемброк в Москву к графине М. В. Де-Бальмен // Русский архив. Выпуск 11. 1877. С. 292.

Ода на славную победу, одержанную победоносным оружием Ея Имп. Величества над турками и татарами при устье реки Кагулы, под предводительством его сиятельства высокоповелительнаго господина генерал-фельдмаршала графа Петра Александровича Румянцева, июля 21, 1770 года / Сочинена Иваном Хемнитцером. СПб.: [Тип. Акад. наук], 1770.

Описание всерадостного торжествования мира с Оттоманскою Портою, бывшего в Москве 1775 года июля 10 и в последовавший по том числа. М.: Печ. при Сенате, [1775].

Памятные записки А. В. Храповицкого, статс-секретаря Императрицы Екатерины Второй. М.: В/О Союзтеатр, Главная редакция театральной литературы, 1990 (Репринтное воспроизведение издания 1862 г.).

Переписка между графами Н. П. Шереметевым и С. Р. Воронцовым, 1799 г. // Русский архив. Выпуск 2. 1897. С. 181–186.

Перечень известий из Лондона с 1-го по 8-е Июня // Вестник Европы. № 11. Т. 15. 15 июня 1804. С. 235–237
(<http://www.ebiblioteka.ru/browse/doc/11635279>).

Петербург в 1781–1782 гг. Письма Пикара к князю А. Б. Куракину // Русская старина. Том 1. 1870. С. 128–151.

Письма графа Ф. В. Ростопчина к А. Ф. Брокеру // Русский архив. Выпуск 12. 1868. Стлб. 1873–1924.

Письма Императрицы Екатерины II к Гримму (1774–1796) / Изд. Я. К. Грот // Сборник Императорского Русского Исторического общества. Том XXIII. СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1878.

Письма Пикара к князю А. Б. Куракину / Сообщ. М. Н. Сердобин, примеч. П. Н. Петров // Русская старина. Т. 22. № 5. 1878. С. 39–66.

Луфендорф С. О должности человека и гражданина по закону естественному: в 2-х т. / Отв. ред. В. М. Круглов. СПб.: Нестор-История, 2011.

Сборник Императорского Русского Исторического Общества. Том 70. Дипломатические сношения России с Францией в эпоху Наполеона I / Под ред. проф. А. Трачевского. Т. I. 1800–1802. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1890.

Сегюр Л.-Ф., де. Записки о пребывании в России в царствование Екатерины II // Россия XVIII в. глазами иностранцев. Л.: Лениздат, 1989. С. 315–456 (<http://illuminats.ru/component/content/article/608>).

Сен-Мартен. О заблуждениях и истине. М., 1785.

Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами / По поручению Министерства Иностранных Дел составил Ф. Мартенс. Том IX (X). Трактаты с Англиею. 1710–1801. СПб.: Тип. А. Бенке, 1892.

Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами / По поручению Министерства Иностранных Дел составил Ф. Мартенс. Том XI. Трактаты с Англиею. 1801–1831. СПб.: Тип. А. Бенке, 1895.

Трактат вечного мира и дружбы, заключенный между Империею Всероссийскою и Оттоманскою Портою в ставке главнокомандующего генерала фельдмаршала графа Румянцева, при деревне Кючук Кайнарже на правом берегу реки Дуная, чрез уполномоченных от него и от верховного визиря в 10 день июля и ими обоими в 15 день тогож июля утвержденный, а с стороны его султанова величества подтвержденный и ратификованный в Константинополе в 13 день генваря 1775 года. М.: Печ. при Сенате, 1775. Электронный текст см.: Кючук-Кайнарджийский мирный договор (https://www.runivers.ru/doc/d2.php?CENTER_ELEMENT_ID=147025).

Формулярный список о службе фельдмаршала князя М. С. Воронцова // АКВ. XXXV. С. v–xvi.

Цареубийство 11 марта 1801 года. Записки участников и современников. СПб.: Издание А. С. Суворина, 1907.

Чарторыйский А. Мемуары. Глава IX. 1801–1802 гг. (<http://dugward.ru/library/chartorigsky.html>).

The Adams Papers Digital Edition / Ed. by C. James Taylor. Charlottesville: University of Virginia Press, Rotunda, 2008
(<http://rotunda.upress.virginia.edu/founders/ADMS-01-03-02-0004-0004-0001>).

The Annual Register, or a View of the History, Politics, and Literature, of the Year 1832. L.: Baldwin and Cradock, 1833.

Archivo del General Miranda. Viajes. Cartas a Miranda: 1789 a 1808. Tomo VI. Caracas: Parra León Hermanos — Editorial Sur-América, 1930.

Authentic Copies of Treaties ... L.: J. Debrett, 1793.

Cobbett's Parliamentary History of England, from the Norman Conquest, in 1066, to the Year 1803. Vol. 6. L.: T. C. Hansard, 1810
(<https://books.google.ru/books?id=QmQ9AQAAMAAJ>).

Cobbett's Parliamentary History of England, from the Norman Conquest, in 1066, to the Year 1803. Vol. 29. L.: T. C. Hansard, 1817
(<https://books.google.ru/books?id=JmA9AQAAMAAJ>).

Concerts of Antient Music, under the Patronage of Their Majesties, as Performed at the New Room, King's Theatre, Hay-Market. L., 1795.

Concerts of Antient Music, under the Patronage of Their Majesties, as Performed at the New Room, King's Theatre, Hay-Market. L., 1796.

Concerts of Antient Music, under the Patronage of Their Majesties, as Performed at the New Room, King's Theatre, Hay-Market. L., 1798.

Concerts of Antient Music, under the Patronage of Their Majesties, as Performed at the New Rooms, Tottenham-Street. L., 1794.

Coxe W. Travels into Poland, Russia, Sweden, and Denmark, Interspersed with Historical Relations and Political Inquiries. Vol. 2. Dublin: S. Price &al, 1784.

Delavergne L.-E. Histoire de Robert, surnommé le Brave. L., 1800.

Diaries and Correspondence of James Harris, First Earl of Malmesbury // Ed. by the Third Earl of Malmesbury. In 4 vols. L.: Bentley, 1844.

Diario ordinario. 1763. Num. 7222, 19 Ottobre; Num. 7225, 26 Ottobre; Num. 7235, 18 Novembre; Num. 7236, 19 Novembre; Num. 7238, 25 Novembre; Num. 7241, 2 Dicembre; Num. 7242, 3 Dicembre (<http://scaffalidigitali.casanatense.it/identifier/RML0027797>).

The Diary and Letters of Gouverneur Morris, Minister of the United States to France; Member of the Constitutional Convention. 2 vols. / Ed. by Anne C. Morris. N. Y.: Charles Scribner's Sons, 1888. (<http://oll.libertyfund.org/title/1169/82389/1943937>), (<http://oll.libertyfund.org/title/1170/82401/1944473>), (<http://oll.libertyfund.org/title/1170/82402/1944521>), (http://files.libertyfund.org/files/1169/0215-01_Bk.pdf).

Un Diplomate Français a La Cour De Catherine II 1775–1780. Journal Intime Du Chevalier De Corberon, Charge d'Affaires De France En Russie. 2 vols. / Ed. L. H. Labande. P.: Plot, 1901.

Dutens L. Mémoires d'un voyageur qui se repose: contenant des anecdotes historiques, politiques et littéraires. 3 vol. Vol. 2. P.: Bossange, Masson et Besson, 1806 (<http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k107069k/f331.image.r=M%20C3%A9moires%20d'un%20voyageur%20qui%20se%20repose%20volume%20I>).

An English Lady at the Court of Catherine the Great. The Journal of Baroness Elizabeth Dimsdale, 1781 / Ed. by A. G. Cross. Cambridge: Cress Publications, 1989.

The European Magazine, and London Review, Containing Portraits, Views, Biography, Anecdotes... Vol. 53. From January to June 1808.

Felton S. Testimonies to the Genius and Memory of Sir Joshua Reynolds. L.: J. Walter, 1792.

The Gentleman's Magazine, and Historical Chronicle. Vol. XCIII. Part I. L.: John Nichols and Son, 1823.

Görtz J. E. von. Mémoire sur la Russie. 1786. Wiesbaden: Harrassowitz, 1969.

The Greville Memoirs. A Journal of the Reigns of King George IV and King William IV. In 3 vols. Vol. 1. L.: Longmans, Green, and Co., 1874.

The Historical and the Posthumous Memoirs of Sir Nathaniel William Wraxall, 1772–1784; ed., with notes and additional chapters from the author's unpublished ms. by Henry B. Wheatley, F.S.A, with numerous portraits in five volumes. Vol. I. L.: Bickers & Son, 1884.

Industrial Revolution. A Documentary History. Ser. 1, The Boulton and Watt archive and the Matthew Boulton papers from the Birmingham Central Library. Marlborough, 1993. Pt. 7. (http://www.ampltd.co.uk/digital_guides/industrial_revolution_series_one_parts_6-8/Detailed-Listing-Part-7.aspx).

Joly M. Serious Enquiries into the Motives and Consequences of our Present Armament Against Russia / Trans. by John Paradise. L.: J. Debrett, 1791.

Joseph II. und Graf Ludwig Cobenzl: Ihr Briefwechsel. 2 vols. / Ed. by A. Beer and J. R. von Fiedler. Vol. 1. Vienna: Carl Gerold's Sohn, 1901.

Lebedeff H. A Grammar of the Pure and Mixed Dialects, Spoken in All the Eastern Countries. Methodically Arranged at Calcutta, According to the Brahmenian System, of the Schamscrit Language. L., 1801.

Lee W. The Plan of the Boxes at the King's Theatre, Hay-Market, with an Alphabetical List of the Subscribers. L.: 1797.

The Letter Bag of Lady Elizabeth Spencer Stanhope. Volume 1 / Ed. by A. M. W. Stirling. Kessinger Publishing, 2004.

The Letters of Horace Walpole, Fourth Earl of Orford / Ed. by Mrs. Pauet Toynbee. In Sixteen Volumes. Vol. XIV: 1787–1791. Oxford: At the Clarendon Press, 1905.

Letters of Mrs. Adams, the Wife of John Adams / Ed. by Charles Francis Adams. 4th ed. Boston: Wilkins, Carter, and Co., 1848.

The Life and Correspondence of Rufus King; Comprising His Letters, Private and Official, His Public Documents, and His Speeches. In 6 vols. / Ed. by Charles R. King. Vol. III. N. Y.: G. P. Putman's Sons, 1896.

Life of General Sir Robert Wilson... From Autobiographical Memoirs, Journals, Narratives, Correspondence, etc. In 2 vols. / Ed. by H. Randolph. L.: John Murray, 1862 (<https://books.google.ru/books?id=1swJAAAAIAAJ&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false>), (<https://books.google.ru/books?id=I80JAAAAIAAJ&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false>).

The London Gazette. June 1785. Issues 12656, 12658 (<http://www.london-gazette.co.uk>).

Loyal volunteers of London & environs, infantry & cavalry, in their respective uniforms. Representing the whole of the manual, platoon, & funeral. L., 1799.

The Memoirs of Princess Dashkova / Trans. by Kyril Fitzlyon, eds. Kyril Fitzlyon, Jehanne M. Gheith and A. Woronzoff-Dashkoff. Durham, NC: Duke University Press, 1995.

Miles W. A. An Enquiry into the Justice and Expediency of Prescribing Bounds to the Russian Empire. L.: R. Faulder, 1791.

Mortimer G. Observations and Remarks Made during a Voyage to the Islands of Teneriffe. L., 1791.

Mounier J.-J. Considérations sur les gouvernements et principalement sur celui qui convient à la France. Versailles, 1789.

Mudge T. A Description, with Plates, of the Time-Keeper Invented by the Late Mr. Thomas Mudge. L., 1799.

The National, Municipal, and Parochial Register. L.: Effingham Wilson, July, 1835.

The New Annual Register, Or General Repository of History, Politics, and Literature, for the Year 1792. L.: G. G. J. and J. Robinson, 1793.

Obituary — Count Woronzow // The Gentleman's Magazine, and Historical Chronicle. From July to December. Vol. CII. Part 2. L.: John Nichols and Son, 1832. P. 78–80.

The Papers of George Washington Digital Edition / Ed. by Theodore J. Crackel. Charlottesville: University of Virginia Press, Rotunda, 2007 (<http://rotunda.upress.virginia.edu/founders/default.xqy?keys=GEWN-print-05-10-02&mode=TOC>).

The Papers of Thomas Jefferson Digital Edition / Ed. by Barbara B. Oberg and J. Jefferson Looney. Charlottesville: University of Virginia Press, Rotunda, 2008 (<http://rotunda.upress.virginia.edu/founders/TSJN-01-09-02-0319>).

The Peerage. A genealogical survey of the peerage of Britain as well as the royal families of Europe (<http://www.thepeerage.com>).

The Peerage of the British Empire, as at Present Existing, Arranged and Printed from the Personal Communications of the Nobility / By Edmund Lodge, Esq. L.: Saunders and Onley, 1832.

Pembroke Papers (1780–1794). Letters and Diaries of Henry, Tenth Earl of Pembroke and His Circle / Ed. by Lord Herbert. London: Jonathan Cape, 1950.

Perlustration of Great Yarmouth. Vol. 3. Part. II. 1874.

The Political Memoranda of Francis Fifth Duke of Leeds / Ed. O. Browning. Westminster: Camden Society, 1884.

Princesse Dachkova. Mon histoire. Mémoires d'une femme de lettres russe à l'époque des Lumières / Édition présentée et annotée par A. Woronzoff-Dashkoff, C. Le Gouis, C. Woronzoff-Dashkoff. P.: L'Harmattan, 1999.

Procès du prince Woronzow contre le prince Pierre Dolgoroukow et le Courier du Dimanche. Tribunal civil de la Seine, première instance, Président M. Benoit-Champy, Procureur Impérial M. S. Dumas, 1861–1862, Paris. P.: Librairie de Poulet-Malassis, 1862.

Report on the Manuscripts of J. B. Fortescue, Esq., Presented at Dropmore. Vol. I–IX. L.: Mackie & Co., 1892–1915.

Richard Patch. Executed on the Top of the New Prison, in the Borough of Southwark, 8th of April, 1806, for Murder, after a Trial at which

Accommodation was Provided for the Royal Family // The Newgate Calender. 1806 (<http://www.exclassics.com/newgate/ng478.htm>).

The Russian Journals of Martha and Catherine Wilmot, 1803–1808 / Ed., introduction and notes by the Marchioness of Londonderry and H. M. Hyde. L.: Macmillan, 1934.

Some Selected Reports from the Salisbury and Winchester Journal. Monday, November 14th, 1825 (<http://freepages.genealogy.rootsweb.ancestry.com/~dutillieul/ZOtherPapers/S&WJNov141825.html>).

Swift J. The Works of Dr Jonathan Swift, Collected and Revised by D. Swift. Vols. VIII, XV. L., 1765.

Taylor M. Tables of Logarithms. L., 1792.

Thorne R. G. The House of Commons: 1790–1820. 5 vols. L.: Secker & Warburg, 1986. Vol. I.

Timothy Millett Limited. Historic Medals and Works of Art. Pantheon, Italian Opera, Oxford Street, 1790
(<http://www.historicmedals.com/viewItem.php?no=480>).

Trial of John Vint, George Ross, and John Parry // William Corbett's Complete Collection of State Trials and Proceeding / Ed. by Thomas Bailey Howell. 30 vols. L.: T. C. Hansard, Peterborough-Court, Fleet-Street, 1820. Vol. XXVII. P. 636–642.

The Trial of Richard Patch for the Wilful Murder of Isaac Blight, taken in short hand by Joseph Gurney and W. B. Gurney. M. Gurney, 1806.

Universal Magazine and Review; or Repository of Literature. For August, 1791. Dublin, 1791. Vol. VI. No. 32.

Vancouver G. A Voyage of Discovery to the North Pacific Ocean, and Round the World. In 3 vols. Vol. III. L.: G. G. and J. Robinson, Paternoster-Row, and J. Edwards, Pall-Mall, 1798.

The Weekly Entertainer; Or, Agreeable and Instructive Repository, Containing a Collection of Select Pieces, both in Prose and Verse; Curious Anecdotes, Instructive Tales, and Ingenious Essays on Different Subjects. Vol. XLVI. Sherborn, 1806.

The Works of Jeremy Bentham, published under the Superintendence of his Executor, John Bowring. Edinburgh: William Tait, 1838–1843. 11 vols. Vol. 10. Bentham to Daniel O’Connell. November 16, 1828 (<http://oll.libertyfund.org/simple.php?id=2085>).

2. Литература

Абакумова-Забунова Н. «Неизвестный» Семен Воронцов // Русин. № 1–2 (11–12). 2008. С. 59–66.

Айранетов О. Р. История внешней политики Российской империи. 1801–1914: в 4 т. Т. 1. Внешняя политика императора Александра I. 1801–1825. М.: Кучково поле, 2017.

Алданов М. А. Девятое Термидора // *Алданов М. А.* Собрание сочинений в шести томах. Том 1. М.: Издательство «Пресса», 1993 (http://az.lib.ru/a/aldanow_m_a/text_0010.shtml).

Александренко В. Н. Английская печать и отношение к ней русских дипломатических агентов в XVIII столетии // Русская старина. Том 84. Выпуск 10. 1895. С. 113–159.

Алексеев В. Н. Графы Воронцовы и Воронцовы-Дашковы в истории России. М.: ЗАО Центрполиграф, 2002.

Алексеев В. Н. Мария и Елизавета Романовны Воронцовы // Воронцовы — два века в истории России. Выпуск 2. Петушки, 1996. С. 16–29.

Алексеев В. Н. Некоторые подробности жизни графа С. В. Воронцова в Англии // Воронцовы — два века в истории России. Труды Воронцовского общества. Выпуск 18 / Редактор и составитель В. Н. Алексеев. Орехово-Зуево, 2015. С. 5–15.

Алексеев В. Н. Последние дни жизни и кончина графа Александра Романовича Воронцова // Воронцовы — два века в истории России. Выпуск 2. Петушки, 1996. С. 4–15.

Алексеев В. Н. «Служи верно, кому присягнешь...» // Воронцовы — два века в истории России. Труды Воронцовского общества. Выпуск 7 / Составитель и редактор В. А. Удовик. СПб., 2002. С. 112–119.

Алексеев В. Н. Страницы жизнеописания графа Ивана Ларионовича Воронцова // Воронцовы — два века в истории России. Труды Воронцовского общества. Выпуск 3 / Редактор и составитель В. Н. Алексеев. Петушки, 1998. С. 21–37.

Алексеев В. Н. Франсуа Лафермьер и семейство Воронцовых // Воронцовы — два века в истории России. Труды Воронцовского общества. Выпуск 3 / Редактор и составитель В. Н. Алексеев. Петушки, 1998. С. 4–20.

Альперович М. С. Россия и Новый Свет (последняя треть XVIII века). М.: Наука, 1993.

Артемяева Т. В., Златопольская А. А., Микешин М. И., Тоси А. А. М. Белосельский-Белозерский и его философское наследие. СПб.: СПб Центр Истории Идей, 2008 (<http://ideashistory.org.ru/bbbook.html>).

Артемяева Т. В. Понятие «революция» в общественно-политической лексике России эпохи Просвещения. Доклад на международной конференции Philosophie der russischen Revolution. Ein Rückblick nach hundert Jahren. 27.–30.09.17. Ruhr-Universität Bochum.

Артемяева Т. В. Традиции и особенности российской философской и общественно-политической мысли XVIII века // Общественная мысль в России XVIII века. В 2-х тт. Т. 1. М.: РОССПЭН, 2010. С. 5–36.

Афанасьев В. Г. и др. Во главе Горного института. Директора учебного заведения (1773–1918). СПб.: Санкт-Петербургский горный университет, 2017.

Байрд О. А. «Позвольте рекомендовать Вашему дружескому вниманию...»: М. Боултон и его русские гости // Е. Р. Дашкова и екатерининская эпоха:

культурный фундамент современности. М.: МГИ им. Е. Р. Дашковой, 2011. С. 82–100.

Байрд О. А. Российский посол С. Р. Воронцов и английский механик М. Боултон: история дружбы // Е. Р. Дашкова и XVIII век: От Российской империи к современной цивилизации. М.: МГИ им. Е. Р. Дашковой, 2010. С. 135–150.

Барбус Л. Ф. Памятники воинской славы // Памятники русской культуры и истории в Молдове: Фотоальбом / авт.-сост.: Т. П. Млечко, Л. Ф. Чащина, Л. Ф. Барбус; фот.: Д. А. Топал. Кишинев: «Valinex» SRL, 2009. С. 50–54.

Бартенев П. И. Воспоминания / Публ. [вступ. ст. и примеч.] А. Д. Зайцева // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах. Т. I. М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. С. 47–95 (<http://feb-web.ru/feb/rosarc/ra1/ra1-047-.htm>).

Бартенев П. И. Несколько слов о записках графа Фицтума // Русский архив. Книга 2. Тетрадь 5. 1887. С. 110–116.

Бездидько А. В. Граница в междузычном пространстве взаимодействия культур // Мир психологии. № 3. 2008. С. 110–118.

Боленко К. Г. К вопросу о вкладе русской миссии в Лондоне в развитие русского флота на рубеже XVIII и XIX вв. // Россия и реформы: Сб. статей. Выпуск 4 / Сост. Н. В. Самовер. М., 1997. С. 4–18.

Болховитинов Н. Н. Становление русско-американских отношений. 1775–1815. М.: Наука, 1966.

Брикнер А. Г. Война России со Швецией в 1788–1790 годах. СПб.: Печатня В. Головина, 1869.

Брикнер А. Г. Россия, Англия и Пруссия 1787–1791 // Русский вестник. Октябрь, 1887. С. 471–537; Ноябрь, 1887. С. 1–65.

Бродский И. А. Набережная неисцелимых // Сочинения Иосифа Бродского. Том VII. СПб.: Пушкинский фонд, 2001. С. 5–56.

Бройтман Л. И. Воронцовы в Петербурге // Воронцовы — два века в истории России. Материалы научной конференции. Владимир: РИО, 1992. С. 33–41.

Васильков Я. В. Новое о первом русском индологе: письма Герасима Лебедева И. Ф. Крузенштерну // Письменные памятники Востока. № 1 (16). 2012. С. 188–206.

Ведьмин О. П. Русская «госпожа Помпадур» при дворе Петра III // Вестник Кемеровского государственного университета. № 4 (60). 2014. Т. 1. С. 21–27.

Век Екатерины II. Дела балканские / Отв. ред. В. Н. Виноградов. М.: Наука, 2000.

Вельяминов Г. М. Тысяча лет на службе России (Вельяминовы). М.: Старая Басманная, 2013.

Вернадский Г. В. Русское масонство в царствование Екатерины II. СПб.: Изд-во им. Н. И. Новикова, 1999.

Военный энциклопедический лексикон. Издание второе. Т. III. СПб.: Типография штаба военно-учебных заведений, 1853.

Воронцов-Дашков А. И. Екатерина Дашкова: Жизнь во власти и опале / Перевод и примечания М. И. Микешина. М.: Молодая гвардия, 2010 (Серия ЖЗЛ) (<http://litlife.club/bd/?b=228095>).

Воскобойникова Н. П. Управление воронежской вотчиной Воронцовых в середине XVIII — середине XIX вв. // Воронцовы — два века в истории России. Труды Воронцовского общества. Выпуск 3 / Редактор и составитель В. Н. Алексеев. Петушки, 1998. С. 38–48.

Вышинский А. Я. Дипломатический словарь. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1948.

Вяземский П. А. По поводу записок графа Зенфта. Часть 2 // Русский архив. Книга 1. 1876. С. 464–480.

Гоголицын Ю. М., Гоголицына Т. М. Памятники архитектуры Ленинградской области. Л.: Стройиздат, 1987.

Григорович Н. И. Канцлер князь Александр Андреевич Безбородко в связи с событиями его времени (годы с 1747 по 1787). Т. 1 // Сборник Императорского Русского Исторического Общества. Т. 26. СПб.: Тип. В. С. Балашева, 1879.

Григорович Н. И. Канцлер князь Безбородко (опыт разработки материалов для его биографии) // Русский архив. Тетради 9-12. 1874. Стлб. 553–632, 899–937.

Григорьев В. Григорий Шелихов: роман. М.: Советский писатель, 1952.

Гузаиров Т. Автобиография, служба и болезнь дворянина: «образ действий» графа С. Р. Воронцова в царствование Павла I // Русско-французский разговорник, или/ou les causeries du 7 septembre. Сборник статей в честь Веры Аркадьевны Мильчиной. М.: НЛЮ, 2015. С. 129–147.

Диссанаяке Н. Русские судьбы в Лондоне (XVI–XXI вв.). L.: Ned Publishing, 2016.

Дмитриева Н. В. Финляндское имение Воронцовых // Воронцовы — два века в истории России. Труды Воронцовского общества. Выпуск 3 / Редактор и составитель В. Н. Алексеев. Петушки, 1998. С. 56–68.

Добринская Л. Б., Семенов Л. С. Верные сыны Отечества: воспоминания участников декабристского движения в Петербурге. Л.: Лениздат, 1982.

Долгова С. Р. З. Н. Постников — доверенное лицо семьи Воронцовых // Е. Р. Дашкова и XVIII век: Традиции и новые подходы. М.: МГИ им. Е. Р. Дашковой, 2012. С. 113–127.

Долгова С. Р. М. В. Ломоносов и графы Воронцовы // Воронцовы — два века в истории России. Труды Воронцовского общества. Выпуск 15 / Редактор и составитель В. Н. Алексеев. Петушки, 2012. С. 24–32.

Дорохова Н. Е. Переписка графа С. Р. Воронцова и адмирала П. В. Чичагова (по материалам «Архива князя Воронцова») //

Воронцовы — два века в истории России. Труды Воронцовского общества. Выпуск 10 / Ред. и сост. В. Н. Алексеев. Владимир: Транзит-Икс, 2006. С. 42–57.

Дружинина Е. И. Кючук-Кайнарджийский мир 1774 года (его подготовка и заключение). М.: Издательство АН СССР, 1955.

Егоров А. А. Граф С. Р. Воронцов в 1798 г.: год из жизни русского посла в Лондоне. Сообщение на Международной конференция «Воронцовы и Англия» (4–6 сентября 2019 г., Алушка, Крым) (<https://www.youtube.com/watch?v=pZ29R4-sSm8&fbclid=IwAR0ED9FXJuRgFzzukevKsV8kMWA3A1Cn-jpQWn3jM7-9fx3C8I0Vn3svqKM>)

Егоров А. А. Граф С. Р. Воронцов: человек и дипломат // Труды Кафедры истории Нового и новейшего времени Санкт-Петербургского государственного университета. № 4. 2010 / Сост. Б. П. Заостровцев. СПб.: ООО «АИК», 2010. С. 64–95.

Еремеева С. А. Каменные гости: монументальные памятники коммеморации // Историческая культура императорской России: формирование представлений о прошлом. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2012. С. 499–532.

Ершова Н. Портреты сестер Браницких. Портрет невесты (<https://www.proza.ru/2016/12/02/1315>).

Жириновский В. Война за мир (<http://www.zrd.spb.ru/news/2010-02/news-0997.htm>).

Жиркова А. А. Адмирал Самуил Карлович Грейг и графы Воронцовы // Воронцовы — два века в истории России. Труды Воронцовского общества. Выпуск 18 / Редактор и составитель В. Н. Алексеев. Орехово-Зуево, 2015. С. 16–29.

Жиркова А. А. Адмирал С. К. Грейг — друг Е. Р. Дашковой и Воронцовых // Е. Р. Дашкова и русская культура: от эпохи Просвещения к современности. М.: МГИ им. Е. Р. Дашковой, 2014. С. 81–91.

Зазулина Н. Н. Европейский пасыанс. Хроника последнего десятилетия царствования Екатерины II. М.: Бослен, 2018.

Захарова О. Ю. Граф А. Р. Воронцов и граф Н. П. Шереметев // Воронцовы — два века в истории России. Материалы научной конференции. Владимир: РИО, 1992. С. 59–70.

Захарова О. Ю. Граф С. Р. Воронцов — посол Российской империи. Симферополь: Бизнес-Информ, 2005.

Захарова О. Ю. Жизнь и дипломатическая деятельность графа С. Р. Воронцова. Из истории российско-британских отношений. М.: ЗАО Издательство Центрполиграф, 2013.

Захарова О. Ю. «Я князь, коль мой сияет дух...» Подольск, 1997.

Знаменитые россияне XVIII–XIX веков. Биографии и портреты. По изданию великого князя Николая Михайловича «Русские портреты XVIII и XIX столетий». СПб.: Лениздат, 1995 (Семен Романович Воронцов: с. 35–36).

Ильин П. В. Страницы просветительной деятельности М. С. Воронцова // Воронцовы — два века в истории России. Выпуск 2. Петушки, 1996. С. 65–76.

Индова Е. И. Дворцовое хозяйство в России: первая половина XVIII века. М.: Наука, 1964.

Индова Е. И. Крестьянство центрально-промышленных вотчин Воронцовых в первой половине XIX века // Исторические записки. Т. 38. 1951. С. 176–207.

Иностранные специалисты в России в эпоху Петра Великого. М.: Ломоносов, 2019.

Интервью настоятеля прихода святых жен-мироносиц в Венеции агентству «Interfax» 06.02.2017 (<http://pravoslavie.it/intervyu-nastoyatelya-prihoda-svyatux-zhen-mironosic-v-venecii-agentstvu-interfax>)

Исмаил-Заде Д. И. И. И. Воронцов-Дашков. Наместник Кавказский. М.: ЗАО Центрполиграф, 2005.

История внешней политики России. Первая половина XIX века / Под ред. О. В. Орлика. М.: Международные отношения, 1999.

Кацук В. О. Дипломатическая деятельность Александра Романовича и Семена Романовича Воронцовых в Англии // Воронцовы — два века в истории России. Материалы научной конференции. Владимир: РИО, 1992. С. 82–89.

Кенн Е. Е. Воронцовы и Николаи: судьбы, общение, переписка // Воронцовы — два века в истории России. Труды Воронцовского общества. Выпуск 3 / Редактор и составитель В. Н. Алексеев. Петушки, 1998. С. 97–103.

Кизеветтер А. А. Исторические силуэты: Протопоп Аввакум. Екатерина I. Меншиков. Толстой. Ягужинский. Дм. Голицин. Волынский. Екатерина II. Потемкин. Ф. В. Ростопчин. Александр I. Аракчеев. М.: Феникс, 1997.

Киселев М. А., Лазарев Я. А. «Поелику де в Малой России нет дворян»? Статус украинского «шляхетства» в Российской империи середины XVIII в. и роль неформальных связей К.Г. Разумовского // Новое прошлое. № 2. 2019. С. 116–133.

Колташов В. Великие кризисы. Кризис 1770–1780-х годов (http://www.finansy.ru/st/post_1275029846.html).

Коронационные проекты. «Грамота российскому народу» (<http://scicenter.online/istoriya-gosudarstva-scicenter/koronatsionnyie-proektyi-gramota-rossiyskomu-99557.html>).

Корсак А. Историко-статистическое обозрение торговых сношений России с Китаем. Казань: И. Дубровин, 1857.

Корсаков А. Детство и отрочество Николая Павловича // Русский архив. Книга 2. 1896. С. 278–290.

Коришнуова Н. В. Крах политической доктрины императора Павла I, или Как нельзя управлять страной. М.: Центрполиграф, 2018.

Краткий очерк жизни графа С. Р. Воронцова // АКВ. XXXII. С. 71–76.

Кривицкий А. Ю. Собрание сочинений в трех томах. Т. 1. М.: Худож. лит-ра, 1984.

Кросс Э. Британцы в Петербурге: XVIII век / Пер. с англ. Н. Г. и Ю. Н. Беспятых. СПб.: Дмитрий Буланин, 2005.

Кросс Э. Исповедь любителя XVIII века // История продолжается: Изучение восемнадцатого века на пороге двадцать первого. М.—СПб.—Ферней-Вольтер, 2001. С. 358–374.

Кросс Э. Начало: русские в Британии // Русское присутствие в Британии. М.: Современная экономика и право, 2009. С. 7–22.

Кросс Э. У Темзских берегов. Россияне в Британии в XVIII веке. СПб.: Академический проект, 1996.

Куликова А. М. Автобиография первого русского индианиста Г. С. Лебедева (к 230-летию со дня рождения) // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. XV годичная научная сессия ЛО ИВ АН СССР (доклады и сообщения) декабрь 1979 г. Часть I (1). М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1981. С. 26–30 (http://www.orientalstudies.ru/rus/images/pdf/journals/ppipiknv_15_1-1_1981_05_kulikova.pdf).

Лавринович М. Б. Как поссорились Николай Петрович с Алексеем Фёдоровичем: патрон-клиентские отношения в русском обществе рубежа XVIII–XIX вв. // Российская история. № 3. 2016. С. 91–110.

Ладыгина Т. Н. Марфа Ивановна Сурмина (Материалы к биографии) // Воронцовы — два века в истории России. Труды Воронцовского общества. Выпуск 7. СПб., 2002. С. 30–36.

Ладыгина Т. Н. Роман Илларионович Воронцов (Краткий биографический очерк) // Встречи на Петергофской дороге. Материалы краеведческой конференции. СПб.: Маматов, 2014. С. 83–114.

Ладыгина Т. Н., Фирсова Е. Н., Черноголовина Г. В., Удовик В. А. В защиту чести и достоинства графа Р. И. Воронцова, графа А. Р. Воронцова, княгини Е. Р. Дашковой и светлейшего князя М. С. Воронцова. СПб.: 2009.

Ливен Д. Россия против Наполеона: борьба за Европу, 1807–1814. М.: РОССПЭН, 2012.

Лобанов-Ростовский А. Б. Еще о записках княгини Дашковой // Русский архив. Книга 1. 1881. С. 367–379.

Лоевская О. Ю. Служение Отечеству: православный священник в Лондоне Яков Смирнов (1780–1840) // Imagines mundi: альманах исследований всеобщей истории XVI–XX вв. № 6. Сер. Альбионика. Вып. 3. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2008. С. 321–329.

Лопатин В. С. Светлейший князь Потемкин. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2005.

Лондонский священник Я. И. Смирнов // Русский архив. Книга 3. 1879. С. 354–356.

Лотман Ю. М. Сотворение Карамзина. М.: Книга, 1987.

Лотман Ю. М. Черты реальной политики в позиции Карамзина 1790-х гг. (к генезису исторической концепции Карамзина) // XVIII век. Сборник 13. Проблемы историзма в русской литературе, конец XVIII — начало XIX в. Л.: Наука, 1981. С. 102–131.

Лотман Ю. М., Успенский Б. А. «Письма русского путешественника» Карамзина и их место в развитии русской культуры // *Карамзин Н. М.* Письма русского путешественника. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1987. С. 525–606.

Лукин Б. В. Связи Миранды с российской дипломатической миссией в Лондоне // Новая и новейшая история. № 4. 1966. С. 67–73.

Мадариага И. де. Россия в эпоху Екатерины Великой. М.: Новое литературное обозрение, 2002.

Макогоненко Г. П. Радищев и его время. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1956.

Марасинова Е. Н. Психология элиты российского дворянства последней трети XVIII века (по материалам переписки). М.: РОССПЭН, 1999.

Масловский Д. О. Записки по истории военного искусства в России. Выпуск второй. Царствование Екатерины Великой. 1762–1794 год. СПб.: Тип. В. Безобразова, 1894.

Меркулова Т. Н. Фамильные портреты Воронцовых из имения Андреевское в собрании Владимиро-Суздальского музея-заповедника // Воронцовы — два века в истории России. Труды Воронцовского общества. Выпуск 13. СПб.: Санкт-Петербургский центр истории идей, 2010. С. 97–109.

Мещерякова А. О. История одной дружбы: многолетняя переписка С. Р. Воронцова и Ф. В. Ростопчина // Е. Р. Дашкова в кругу современников: исторические личности и эпоха. М.: МГИ им. Е. Р. Дашковой, 2013. С. 209–220.

Милюков П. Н. Очерки по истории русской культуры: в 3-х т. Т. 3. Национализм и европеизм. М.: Издательская группа «Прогресс», 1995.

Микешин М. И. Архив семьи Бизли // Воронцовы — два века в истории России: Труды Воронцовского общества. Выпуск 11 / Редакторы и составители Т. Н. Ладыгина, М. И. Микешин. СПб.: Санкт-Петербургский Центр Истории Идей, 2007. С. 103–118.

Микешин М. И. Британская пресса о жизни С. Р. Воронцова // Воронцовы — два века в истории России. Труды Воронцовского общества. Выпуск 16 / Ред. В. Н. Алексеев, М. И. Микешин. СПб.: Санкт-Петербургский центр истории идей, 2013. С. 37–50.

Микешин М. И. Воронцовская метафизика // Воронцовы — два века в истории России. Материалы научной конференции. Владимир: РИО, 1992. С. 98–106.

Микешин М. И. Воронцовы и Крым // Воронцовы — два века в истории России. Выпуск 2 / Редактор и составитель В. Н. Алексеев. Петушки, 1996. С. 105–119.

Микешин М. И. Дворянство: от истории к метафизике. СПб.: Санкт-Петербургский центр истории идей; ИПЦ «Политехника-сервис», 2015 (<http://ideashistory.org.ru/dvoryanstvo.html>).

Микешин М. И. Диагнозы английского врача: Академии наук (1827) и императору (1853) // Философский век. Альманах. Выпуск 6. Россия в Николаевское время: наука, политика, просвещение. СПб.: Санкт-Петербургский центр истории идей, 1998. С. 34–64.

Микешин М. И. Лейтенант королевского флота // Воронцовы — два века в истории России. Труды Воронцовского общества. Выпуск 13 / Сост. В. Н. Алексеев, отв. редакторы Т. Н. Ладыгина, М. И. Микешин. СПб.: Санкт-Петербургский центр истории идей, 2010. С. 123–137.

Микешин М. И. «Маленькая семейная негодия» // Воронцовы — два века в истории России. Труды Воронцовского общества. Выпуск 3 / Редактор и составитель В. Н. Алексеев. Петушки, 1998. С. 109–126.

Микешин М. И. Последние годы жизни С. Р. Воронцова (некоторые подробности) // Воронцовы — два века в истории России. Труды Воронцовского общества. Выпуск 6. Петушки, 2001. С. 65–72.

Микешин М. И. Путешествия знаний и технологий: Шотландия — Россия, век Просвещения // Философский век. Альманах 17. История идей как методология гуманитарных исследований. Часть 1. СПб.: СПб Центр Истории Идей, 2001. С. 342–353.

Микешин М. И. Российско-шотландские научно-технические связи и совершенствование технологии горного дела в России в XVIII в. // История горного дела в России: XVIII–XX вв.: Выпуск 2: История горного

образования / Под общ. ред. В. Г. Афанасьева, В. Н. Шайдурова. СПб.: Изд-во Невского ин-та языка и культуры, 2012. С. 111–119.

Микешин М. И. Социальная философия шотландского Просвещения. СПб.: Санкт-Петербургский Центр истории идей, 2005.

Мисайлиди Л. Е. Реликвии семьи Воронцовых в собрании Литературного музея Пушкинского Дома // Воронцовы — два века в истории России. Труды Воронцовского общества. Выпуск 7 / Составитель и редактор В. А. Удовик. СПб., 2002. С. 133–140.

Морозова И. В. Археографический аспект исследования эпистолярного наследия графа Семена Романовича Воронцова // Воронцовы — два века в истории России. Труды Воронцовского общества. Выпуск 15 / Редактор и составитель В. Н. Алексеев. Петушки, 2012. С. 81–87.

Морозова И. В. Политические сюжеты в переписке Семена Романовича и Александра Романовича Воронцовых // Воронцовы — два века в истории России. Труды Воронцовского общества. Выпуск 16 / Редакторы-составители В. Н. Алексеев, М. И. Микешин. СПб.: Санкт-Петербургский центр истории идей, 2013. С. 62–70.

Муравьева М. Г. Потомки графа Семена Воронцова в Англии // Воронцовы — два века в истории России. Выпуск 2 / Редактор и составитель В. Н. Алексеев. Петушки, 1996. С. 120–132.

Муховицкая Л. Воронцовы: дворяне по рождению. М.: Рипол Классик, 2015.

Непомнящий Н. Н. Великая книга пророков. Книга 2. Заглянувшие в будущее. М.: ОЛМА-ПРЕСС Образование, 2005.

Никитина А. Б. Воронцовы и Н. А. Львов // Воронцовы — два века в истории России. Материалы научной конференции. Владимир: РИО, 1992. С. 107–116.

Никитина А. Б. Н. А. Львов и Воронцовы: «Дружба — дружбой, а служба — службой» // Воронцовы — два века в истории России. Труды

Воронцовского общества. Выпуск 7 / Составитель и редактор
В. А. Удовик. СПб., 2002. С. 99–111.

Никулин Л. России верные сыны. Роман // Никулин, Лев. Избранные произведения. Т. 1. М.: Худож. лит.-ра, 1979.

Новоселова З. А. Российские императоры и Выборг
(http://www.188800.ru/history/romanovy_vyborg.htm).

Норвич Д. История Венецианской республики. М.: АСТ МОСКВА, 2010.

Овсянников Ю. Три века Санкт-Петербурга: история, культура, быт. СПб.:
Изд-во «Галарт», 1997.

Овчинников Д. Был ли прототип у Левши? Отчет о командировке в Англию
тульского оружейника Алексея Сурнина // Родина. № 618. 2018. С 75–79.

Огарков В. В. Воронцовы: их жизнь и общественная деятельность. СПб.:
«Общественная польза», 1892. 96 с. Переиздание: Дашкова. Суворов.
Воронцовы. Сперанский. Канкрин. Биографические повествования.
Челябинск: Урал, 1995. С. 203–308.

Окунь С. Б. История СССР (Лекции). Ч. 1. Конец XVIII — начало XIX
века. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1974.

Олейников Д. И. Бенкендорф. М.: Молодая гвардия, 2009 (Серия ЖЗЛ).

Орлов А. А. Священник Яков Иванович Смирнов: 60 лет служения в
Лондоне // Вестник ПСТГУ. Серия II. История. История Русской
Православной Церкви. Вып. II. № 3 (28). 2008. С. 18–34.

Орлов А. А. Союз Петербурга и Лондона. Российско-британские
отношения в эпоху Наполеоновских войн. М.: Прогресс-Традиция, 2005.

Осват К. А. Государственная словесность: Ломоносов, Сумароков и
литературная политика И. И. Шувалова в конце 1750-х гг. // Европа в
России: Сборник статей. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 6–65.

Петров М. Т. Румянцев-Задунайский: исторический роман. Армада, 1996.

Пикуль В. С. Каждому свое. Часть вторая. Сопrotивление. 12. Враг у ворот России (https://www.e-reading.club/chapter.php/44749/94/Pikul%27_-_Kazhdomu_svoe.html).

Пикуль В. С. Париж на три часа. М.: Советский писатель, 1984.

Пикуль В. С. Этюды о былом. М.: Изд-во ДОСААФ СССР, 1989.

Писарькова Л. Ф. Государственное управление России в первой трети XIX в.: становление министерской системы. М.: Новый Хронограф, 2019.

Письмак Ю. А. Воронцовский дворец в Одессе — шедевр архитектуры // World Science. Vol. 1. No. 10. October, 2017. P. 38–42.

Полевицкова Е. В. А. Р. Воронцов в Лондоне: штрихи к портрету русского дипломата // Е. Р. Дашкова в кругу современников: Исторические личности и эпоха / Под ред. Л. В. Тычиной. М.: МГИ им. Е. Р. Дашковой, 2013. С. 173–185.

Полевицкова Е. В. Библиофильство в семье Воронцовых: Роман Илларионович Воронцов и его сыновья // Век Просвещения = Le Siècle des Lumières / Отв. ред. С. Я. Карп. Вып. I. Пространство европейской культуры в эпоху Екатерины II = Espace culturel de l'Europe à l'époque de Catherine II. М.: Наука, 2006. С. 350–367.

Полевицкова Е. В. Массонская литература в библиотеках Воронцовых (книги и журналы на русском языке) // Е. Р. Дашкова и ее время в культурном пространстве России и Европы. Сборник научных статей / Отв. ред. Л. В. Тычина. М.: МГИ им. Е. Р. Дашковой, 2014. С. 159–174.

Полевицкова Е. В. Путешествия в библиотеке Воронцовых // Про книги: журнал библиофила. № 2. 2007. С. 80–95.

Полевицкова Е. В. Рукописные каталоги библиотеки М. С. Воронцова (по материалам архивов) // Наукова бібліотека: пріоритети розвитку та перспективи. Одеса, 2005. С. 156–166.

Полевщикова Е. В. Русские периодические издания XVIII века в библиотеках Воронцовых // Е. Р. Дашкова: Великое наследие и современность. М.: МГИ им. Е. Р. Дашковой, 2009. С. 207–217.

Полевщикова Е. В. Театральные сочинения в изданиях гражданской печати XVIII века в библиотеках Воронцовых // Е. Р. Дашкова и XVIII век: От Российской империи к современной цивилизации. М.: МГИ им. Е. Р. Дашковой, 2010. С. 315–326.

Политическая история: Россия — СССР — Российская Федерация. Т. 1. М.: Терра, 1996.

Половинкина М. Л. К вопросу об аристократической оппозиции в России во второй половине XVIII — начале XIX вв. // История, факты и символы. № 11. Выпуск 2. 2017. С. 120–126 (<http://historic-journal.ru/2017/aristokraticeskaya-oppoziciya-rossii-18-19-vekov>).

Половинкина М. Л. Семен Романович Воронцов (военная и дипломатическая деятельность). Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Курский государственный технический университет. Курск, 2007.

Половинкина М. Л., Шляпникова Е. А. Семен Романович Воронцов // Вопросы истории. № 1. 2003. С. 62–83.

Польской С. В. Дворянский конституционализм в России XVIII — начала XIX вв. и его западноевропейские источники // ГИИМ: Доклады по истории 18 века — DHI Moskau: Vorträge zum 18. Jahrhundert. Nr. 6. 2010 (https://prae.perspectivia.net/publikationen/vortraege-moskau/polskoi_konstitutionalismus).

Поннер К. Р. Открытое общество и его враги. Т. 1: Чары Платона. М.: Феникс, Культурная инициатива, 1992.

Пример русской благотворительности в Великобритании: граф Воронцов. 30 декабря 2010 г. (http://www.achievementsnews.co.uk/index.php?option=com_content&view=article&id=431:2010-12-30-16-35-50&catid=38:2010-11-16-09-08-55&Itemid=57).

Приходько М. А. Новые данные об участии графа А. Р. Воронцова в подготовке министерской реформы // Воронцовы — два века в истории России. Труды Воронцовского общества. Выпуск 8 / Редактор и составитель В. Н. Алексеев. Петушки, 2003. С. 79–87.

Приходько М. А. Участие графа С. Р. Воронцова в подготовке министерской реформы // Воронцовы — два века в истории России. Труды Воронцовского общества. Выпуск 9 / Редактор и составитель В. Н. Алексеев. Петушки, 2004. С. 57–77.

Пряшникова М. П. Английские музыкальные связи Воронцовых и Дашковых (по материалам нотного-музейного архива и библиотеки Воронцовых) // Е. Р. Дашкова: Великое наследие и современность. М.: МГИ им. Е. Р. Дашковой, 2009. С. 218–231.

Пряшникова М. П. Английские музыкальные связи М. С. Воронцова // Воронцовы — два века в истории России. Труды Воронцовского общества. Выпуск 9 / Редактор и составитель В. Н. Алексеев. Петушки, 2004. С. 78–87.

Пряшникова М. П. Из истории нотного собрания Воронцовых: музыка в жизни Е. А. Синявиной, в замужестве Воронцовой // Е. Р. Дашкова и российское общество XVIII столетия. М.: МГИ им. Е. Р. Дашковой, 2001. С. 169–184.

Пряшникова М. П. Из истории нотного собрания Воронцовых: С. Р. Воронцов и Дж. Паизиелло // Воронцовы — два века в истории России. Труды Воронцовского общества. Выпуск 5 / Отв. редакторы В. А. Удовик, М. И. Микешин. СПб.: Санкт-Петербургский Центр истории идей, 2000. С. 66–78.

Пряшникова М. П. Композитор и клавесинист Екатерининской эпохи Эрнст Ванжуа // Е. Р. Дашкова: Портрет в контексте истории. М.: МГИ им. Е. Р. Дашковой, 2004. С. 156–170.

Пряшникова М. П. П. И. Бартенев — публикатор материалов архива Воронцовых // Е. Р. Дашкова и русская культура: от эпохи Просвещения к современности. М.: МГИ им. Е. Р. Дашковой, 2014. С. 173–181.

Пряшникова М. П. Сочинения Бортнянского в библиотечном собрании Воронцовых // Воронцовы — два века в истории России. Труды Воронцовского общества. Выпуск 7 / Составитель и редактор В. А. Удовик. СПб., 2002. С. 85–98.

Пряшникова М. П. С. Р. Воронцов в Венеции: начало дипломатической карьеры // Воронцовы — два века в истории России. Труды Воронцовского общества. Выпуск 15 / Редактор и составитель В. Н. Алексеев. Петушки, 2012. С. 117–133.

Пытин А.И. Русское масонство XVIII — первой четверти XIX в. Пг., 1916.

Растопчин А. Биографическая заметка о графе С. Р. Воронцове // Русский архив. Книга 3. Выпуск 11. 1872. Стлб. 1274–1276.

Роголин Н. Г. «Полковое учреждение» А. В. Суворова и пехотные инструкции екатерининского времени. СПб.: Д. Буланин, 2005.

Родина Т. А. Русский дипломат в Лондоне (Дипломатическая деятельность С. Р. Воронцова) // Россия и Европа. Дипломатия и культура. М.: Наука, 1995. С. 18–29.

Романюк С. К. Уголок России под Лондоном // Наука и жизнь. № 12. 2005 (<https://www.nkj.ru/archive/articles/3040/>).

Русские портреты XVIII и XIX столетий. Издание Великого князя Николая Михайловича. Тома I–V. СПб.: Экспедиция заготовления Государственных бумаг, 1905–1909.

Рябинин Д. Д. Граф Семен Романович Воронцов // Русский архив. Книга 1. Выпуск 1–4. 1879. С. 58–111, 168–196, 305–345, 444–502.

С-въ К. Панагиоти Алексано // Библиотека для чтения, журнал словесности, наук, художеств, промышленности, новостей и мод. Т. XCIV. Отд. III. СПб.: Тип. Карла Крайя, 1849. С. 53–66.

Саввина А. Н. О дате смерти Марии Романовны Бутурлиной // Воронцовы — два века в истории России. Труды Воронцовского общества. Выпуск 7 / Составитель и редактор В. А. Удовик. СПб., 2002. С. 70–71

Саввина А. Н. Первое поколение Ранцовых (по письмам Е. Д. Брокет) // Воронцовы — два века в истории России. Труды Воронцовского общества. Выпуск 7 / Составитель и редактор В. А. Удовик. СПб., 2002. С. 62–69.

Саввина А. Н. Ранцовы — от графа Воронцова // Воронцовы — два века в истории России. Труды Воронцовского общества. Выпуск 5 / Отв. редакторы В. А. Удовик, М. И. Микешин. СПб.: Санкт-Петербургский Центр истории идей, 2000. С. 17–26.

Сарни М. Русская церковь в Лондоне. От Петра Великого до наших дней. М.: Арефа, 2012.

Сафонов М. М. «Записки» Е. Р. Дашковой и их авторы // Е. Р. Дашкова: Великое наследие и современность. М.: МГИ им. Е. Р. Дашковой, 2009. С. 83–151.

Сафонов М. М. Опыт расшифровки надгробного памятника Р. И. Воронцову во Владимире // Воронцовы — два века в истории России. Выпуск 2 / Редактор и составитель В. Н. Алексеев. Петушки, 1996. С. 143–145.

Серебрякова Н. Я. История создания церкви Святой Великомученицы Екатерины в Мурино // Воронцовы — два века в истории России. Труды Воронцовского общества. Выпуск 7 / Составитель и редактор В. А. Удовик. СПб., 2002. С. 47–53.

Серебрякова Н. Я. Мурино: хроника трех столетий. СПб.: ООО «Галлея-Принт», 2009.

Серебрякова Н. Я. О захоронениях Екатерины Алексеевны и Семена Романовича Воронцовых // Е. Р. Дашкова: Великое наследие и современность. М.: МГИ им. Е. Р. Дашковой, 2009. С. 232–235.

Серебрякова Н. Я. Пример служения отечеству: письма С. Р. Воронцова в Адмиралтейств-коллегию // Е. Р. Дашкова в кругу современников: Исторические личности и эпоха / Под ред. Л. В. Тычиной. М.: МГИ им. Е. Р. Дашковой, 2013. С. 186–208.

Серков А. И. Русское масонство. 1731–2000. Энциклопедический словарь. М.: РОССПЭН, 2001.

-
- Снегирев Н. М.* Жизнь Московского митрополита Платона. Ч. I. М., 1890.
- Соколов А. Б.* Очаковское дело. Англо-российский конфликт 1791 года // Отечественная история. № 4. 2002. С. 3–22.
- Соколов О. В.* Аустерлиц. Наполеон, Россия и Европа, 1799–1805 гг. В 2-х томах. Т. I. М.: Рус. импульс, 2006.
- Соловьев С. М.* Император Александр I. Политика, дипломатия. СПб.: Тип. М. Стасюлевича, 1877. (http://az.lib.ru/s/solowxew_sergej_mihajlowich/text_0170.shtml#01)
- Сомов В. А.* Французская «Россия» эпохи Просвещения и русский читатель // Французская книга в России в XVIII в. Очерки истории. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1986. С. 173–245.
- Станиславская А. М.* Англо-русские отношения в конце XVIII в. // Доклады и сообщения Института истории АН СССР. Выпуск 12. М., 1957. С. 104–120.
- Станиславская А. М.* Русско-английские отношения и проблемы Средиземноморья (1798–1807). М.: Издательство АН СССР, 1962.
- Столбова Е. И.* Две Екатерины: диалог продолжается // Е. Р. Дашкова: Портрет в контексте истории. М.: МГИ им. Е. Р. Дашковой, 2004. С. 94–99.
- Столбова Е. И.* Новое в иконографии графини Елизаветы Романовны Воронцовой // Воронцовы — два века в истории России. Труды Воронцовского общества. Выпуск 4 / Редактор и составитель В. Н. Алексеев. Петушки, 1999. С. 118–126.
- Сугоняев Ю. М.* Е. Р. Дашкова и Петергофская дорога: Российская академия начинается // Е. Р. Дашкова и XVIII век: От Российской империи к современной цивилизации. М.: МГИ им. Е. Р. Дашковой, 2010. С. 31–47.
- Судравский В. К.* История лейб-гвардии Гренадерского полка. 1756–1906 гг. Т. I. СПб.: Т-во Р. Голике и А. Вильборг, 1906.

Татищев С. С. Император Николай и иностранные дворы. Исторические очерки. СПб.: Тип. И. И. Скороходова, 1889.

Тепляков С. А. Питт (<http://www.museum.ru/1812/Library/Teplakov/index.html>).

Тимофеева Т. П. Надгробный памятник Р. И. Воронцову в Дмитриевском соборе города Владимира // Воронцовы — два века в истории России. Материалы научной конференции. Владимир: РИО, 1992. С. 139–147.

Томсинов В. А. Российские правоведы XVIII–XX веков. Очерки жизни и творчества: В 2-х томах. Т. 1. М., 2007. 672 с. (<http://mybrary.ru/users/personal/read/rossiyskie-pravovedyi-xviii-xx-vekov-ocherki-jizni-i-tvorchestva-tom-1>)

Третьяк А. И. От основания. Исторические очерки. Одесса: Изд-во «Optimum», 2008. 188 с. (https://books.google.ru/books?id=qEgpBQAAQBAJ&printsec=frontcover&hl=ru&source=gbg_summary_r&ad=0#v=onepage&q&f=false)

Третьяк А. И. Семейная тайна Воронцовых (http://www.odessitclub.org/publications/almanac/alm_32/alm_32_6-10.pdf).

Третьякова Л. И. Не спрашивай зачем и почему. М.: Виконт-МВ, 2002.

Трутенко Ю. Е. Гравюры из коллекции С. Р. Воронцова в собрании Алушкинского музея-заповедника // Воронцовы — два века в истории России. Труды Воронцовского общества. Выпуск 18 / Редактор и составитель В. Н. Алексеев. Орехово-Зуево, 2015. С. 104–121.

Удовик В. А. Воронцов. М.: Молодая гвардия, 2004 (Серия ЖЗЛ).

Удовик В. А. Р. И. Воронцов и Вольное экономическое общество // Воронцовы — два века в истории России. Выпуск 2 / Редактор и составитель В. Н. Алексеев. Петушки, 1996. С. 160–167.

Фадеева Т. М. Е. Р. Дашкова и английская ветвь Воронцовых: о малоизвестном портрете княгини, хранящемся в поместье Вилтон-Хауз (Англия) // Е. Р. Дашкова: Великое наследие и современность. М.: МГИ им. Е. Р. Дашковой, 2009. С. 187–200.

Фадеева Т. М. Отношения России и Венеции в конце XVIII века и маркиз П. Маруцци, венецианский «грек» на службе России: материалы к биографии // Е. Р. Дашкова и русская культура: от эпохи Просвещения к современности. М.: МГИ им. Е. Р. Дашковой, 2014. С. 130–149.

Философский век. Альманах. Выпуск 9. Наука о морали: Дж. Бентам и Россия / Отв. редакторы Т. В. Артемьева, М. И. Микешин. СПб.: Санкт-Петербургский центр истории идей, 1999 (<http://ideashistory.org.ru/a09.html>).

Философский век. Альманах. Выпуск 31. Бенджамин Франклин и Россия: к 300-летию со дня рождения. Часть 1 / Отв. редакторы Т. В. Артемьева, М. И. Микешин. СПб.: Санкт-Петербургский Центр истории идей, 2006 (<http://ideashistory.org.ru/a31.html>).

Философский век. Альманах. Выпуск 32. Бенджамин Франклин и Россия: к 300-летию со дня рождения. Часть 2 / Отв. редакторы Т. В. Артемьева, М. И. Микешин. СПб.: Санкт-Петербургский Центр истории идей, 2006 (<http://ideashistory.org.ru/a32.html>).

Фирсов И. И. Головин. Дважды плененный. М.: АСТ, Астрель, 2002.

Фирсов Н. Н. Исторические характеристики и эскизы, 1890–1920 гг.: Т. 1. Гос. изд-во, 1921.

Фоменко И. Ю. Книжный подарок как дипломатический жест: переписка С. Р. Воронцова и Л. И. Голенищева-Кутузова // XVIII век. Сборник 29. Литературная жизнь России XVIII века / Отв. ред.: Н. Д. Кочеткова, С. И. Николаев. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2017. С. 416–433.

Фомин А. А. Швеция в системе европейской политики и международного права в период наполеоновских войн. М.: Международный юридический институт, 2013.

Фреде В. Как в Россию пришла идея, что гувернер может быть другом: Строгановы и Жильбер Ромм, 1779–1790 годы // Идеал воспитания дворянства в Европе: XVII–XIX века / Под редакцией В. С. Ржеуцкого, И. И. Федюкина и В. Береловича при участии М. Б. Лавринович. М.: НЛО, 2018. С. 149–170.

Ржеуцкий В. Pro et contra: идеал воспитания высшего дворянства в России (вторая половина XVIII — начало XIX века) // Идеал воспитания дворянства в Европе: XVII–XIX века / Под редакцией В. С. Ржеуцкого, И. И. Федюкина и В. Береловича при участии М. Б. Лавринович. М.: НЛЮ, 2018. С. 171–198.

Хоруженко О. И. Дворянские дипломы XVIII века в России. М.: Наука, 1999.

Цатурова М. К. Три века русского развода (XVI–XVIII века). М.: Логос, 2011.

Цзарторийски А. Е. Русский двор в конце 18 и начале 19 столетия. М.: Гос. публичная историческая библиотека России, 2007.

Чернышев А. А. Русский флот в войнах с наполеоновской Францией. М.: Вече, 2012.

Чуров Е. Портрет графа Семена Воронцова в нарядном рединготе // Художественный вестник. Выпуск 2. СПб.: Центр искусств «Русский ампир», 2015. С. 130–135.

Шарова А. В. Академик Е. А. Косминский о культурных связях России и Англии в XVI–XIX вв. // Исторический архив. № 6. 1994. С. 178–220.

Шаталина Л. В. О своеобразии портретной галереи в Андреевском // Воронцовы — два века в истории России. Материалы научной конференции. Владимир: РИО, 1992. С. 174–179.

Шлыкова М. Э. История создания портретной галереи из имения Воронцовых Андреевское // Воронцовы — два века в истории России. Труды Воронцовского общества. Выпуск 7 / Составитель и редактор В. А. Удовик. СПб., 2002. С. 54–61.

Шлыкова М. Э. Итальянское путешествие графа С. Р. Воронцова (1777–1778) // Воронцовы — два века в истории России. Выпуск 2 / Ред. и сост. В. Н. Алексеев. Петушки: АО «Петушинская типография», 1996. С. 168–175.

Штейнберг Е. С. Р. Воронцов и англо-русские отношения на рубеже XVIII и XIX веков // Исторический журнал. № 11–12. 1943. С. 34–40.

Шугуров М. Ф. Мисс Вильмот и княгиня Дашкова (Подлинные записки княгини Дашковой) // Русский архив. Книга 3. 1880. С. 150–217.

Эйдельман Н. Я. Грань веков. Политическая борьба в России. Конец XVIII — начало XIX столетия. М.: Мысль, 1986.

Экштут С. А. В поиске исторической альтернативы: Александр I. Его сподвижники. Декабристы. М.: Россия молодая, 1994.

Экштут С. А. Неизвестная в темно-голубом платье // Родина. № 1. Январь. 2019. С. 58–61.

Ястребов А. Православие в Венеции // Церковь и время. № 4. 2009. С. 205–222.

Adventures of an Army Physician // Chambers' Edinburgh Journal. Vol. XVII. No. 420. New Series. Saturday, January 17, 1852. P. 7–14.

Alekseev M. P. Adam Smith and His Russian Admirers of the Eighteenth Century // *Scott W. R.* Adam Smith as Student and Professor. Glasgow: Jackson, Son, and Co., 1937. Appendix. P. 424–431. Переиздание: *Alekseev M. P.* Adam Smith and His Russian Admirers of the Eighteenth Century / Foreword by D. B. Klein // *Econ Journal Watch. Vol. 15. No. 3. 2018. P. 351–364.*

Anderson M. S. The Great Power and the Russian Annexation of the Crimea, 1783–4 // *The Slavonic and East European Review. Vol. 37. No. 88. Dec., 1958. P. 17–41.*

Announcement of the Institute of Slavic Studies, 1951–1952. University of California, 1951.

Appleby J. H. Woronzow Greig (1805–1865), F. R. S., and His Scientific Interests // *Notes and Records of the Royal Society of London. Vol. 53 (1). 1999. P. 95–106.*

Artemyeva T. V. Adam Smith in Russian Translation // A Critical Bibliography of Adam Smith / Ed. by K. Tribe, H. Mizuta. L.: Pickering & Chatto, 2002.

Ayling S. E. The Georgian Century 1714–1837. L.: George G. Harrap, 1966.

Bain A. The Life of James Mill (III. Conclusion) // Mind. Vol. 2. No. 8. October, 1877. P. 519–551.

Baird O. His Excellency Count Woronzow the Russian Ambassador and the Hardware Man: the history of a friendship. Studley: Brevin books, 2009. P. 92–106.

Barratt G. A Russian View of Philadelphia, 1795–96: From the Journal of Lieutenant Iurii Lisianskii // Pennsylvania History. Vol. 65. No. 1. 1998. P. 62–86.

Bartlett R. Defenses of Serfdom in Eighteenth-Century Russia // A Window on Russia / Ed. by Maria Di Salvo and Lindsey Hughes. Rome: La Fenice Edizioni, 1966. P. 67–74.

Baylen J. O., Woodward D. Francisco de Miranda and Russian Diplomacy, 1787–88 // Historian. Vol. 13. September, 1950. P. 52–68.

Baylen J. O., Woodward D. Francisco De Miranda in Russia // The Americas. Vol. 6. 1950. P. 431–449.

Black J. A History of Diplomacy. L.: Reaktion Books, 2010.

Black J. British Foreign Policy in the Age of Revolution, 1783–1793. Cambridge: Cambridge University Press, 1994.

Black J. The Grand Tour in the Eighteenth Century. Phoenix Mill: Sutton Publishing Limited, 1997. 355 p.

Blanning T. C. W. ‘That Horrid Electorate’ or ‘Ma Patrie Germanique’? George III, Hanover, and the Furstenbund of 1785 // The Historical Journal. Vol. 20. No. 2. June, 1977. P. 311–344.

Bodnár E. The Eastern Question in Russian Foreign Politics in the Early Nineteenth Century (1799–1806) // *Öt Kontinens.* Eötvös Loránd Tudományegyetem. Budapest, 2008. P. 25–36.

Boswell J. Life of Johnson L.L.D. Edinburgh: William P. Nimmo, 1873.

Brough A. A View of the Importance of the Trade between Great Britain and Russia. L.: G.G.J. and J. Robinson, 1789.

Bullen J. B. Continental Crosscurrents: British Criticism and European Art 1810–1910. Oxford: Oxford University Press, 2005.

Carr R. Gustavus IV and the British Government 1804–9 // *The English Historical Review.* Vol. 60. No. 236. Jan., 1945. P. 36–66.

Chapman N. Orthodoxy in Colonial Virginia. November-December 2009 (<https://orthodoxhistory.org/2009/11/23/orthodoxy-in-colonial-virginia>), (<https://orthodoxhistory.org/2009/12/16/orthodoxy-in-colonial-virginia-part-2>)

Christian D. The «Senatorial Party» and the Theory of Collegial Government, 1801–1803 // *The Russian Review.* No. 38. 1979. P. 298–322.

Cross A. G. An Anglo-Russian Medley: Semen Vorontsov's Other Son, Charles Cameron's Daughter, Grand Duke Alexander Pavlovich's English Playmate, and Not Forgetting His English Nurse // *The Slavonic and East European Review.* Vol. 70. October, 1992. P. 708–721.

Cross A. Catherine in British Caricature // *Cross A.* Catherine the Great and the British: A Pot-Pourri of Essays. Nottingham: Astra Press, 2001. P. 29–44.

Cross A. G. Count Semen Vorontsov's Library of Russian Books in London // *Solanus: Journal for Russian & East European Bibliographic, Library & Publishing Studies.* New Series. Vol. 3. 1989. P. 12–24.

Cross A. G. Yakov Smirnov: A Russian Priest of Many Parts // *Oxford Slavonic Papers.* New Series. VIII. 1975. P. 37–52.

Cunningham A. The Oczakov Debate // *Middle Eastern Studies.* No 1. April, 1965. P. 209–237.

Davidson I. *Voltaire in Exile: The Last Years, 1753–78.* N. Y.: Grove Press, 2004.

Dwyer P. G. Two Definitions of Neutrality: Prussia, the European States-System, and the French Invasion of Hanover in 1803 // *The International History Review.* Vol. 19. No. 3. August, 1997. P. 522–540.

Ehrman J. The Younger Pitt and the Ochakov Affair // *History Today.* July, 1959. P. 462–472.

Ehrman J. *The Younger Pitt: The Reluctant Transition.* Stanford: Stanford University Press, 1983.

Ettinger P. Portraits of Charles Fox at the Hermitage // *The Burlington Magazine for Connoisseurs.* XLV. August, 1924. P. 88–89.

The Europeanized Elite in Russia, 1762–1825: Public Role and Subjective Self / Edited by A. Schönle, A. Zorin, and A. Evstratov. DeKalb: Northern Illinois University Press, 2016.

Ferretti P. A Russian Advocate of Peace: Vasilii Malinovskii (1765–1814). Dordrecht: Kluwer, 1998. P. 27–35.

Fox F. Negotiating with the Russians: Ambassador Segur’s Mission to Saint-Petersburg // *French Historical Studies.* Vol. 7. No. 1. Spring, 1971. P. 47–71.

Foynes J. *The Mystery of Lieutenant Beazeley.* Isleworth, 2005.

Fremont-Barnes G. B. The British Diplomatic Service under Pitt the Younger // *Modern Times (Jp.).* Vol. 82. No. 12. 1997. P. 1–32.

Fremont-Barnes G. B. Czartoryski’s Plan for Reconstruction of Europe (1804) // *Modern Times (Jp.).* Vol. 81. No. 3. 1997. P. 1–59.

Goldsmith L. *Memoirs of the Court of St. Cloud, Complete, Being Secret Letters from a Gentleman at Paris to a Nobleman in London.* In Two Volumes. Volume I. Boston: L. C. Page and Co, 1900.

The Great Mutinies of 1797 // Fleet Battle and Blockade. The French Revolutionary War 1793–1797 / Robert Gardiner, ed. L.: Chatham Publishing, 1997. P. 165–167.

Grimsted P. K. The Foreign Ministers of Alexander I. Political Attitudes and the Conduct of Russian Diplomacy, 1801–1825. Berkeley: University of California Press, 1969.

Grinev A. V. The Plans for Russian Expansion in the New World and the North Pacific in the Eighteenth and Nineteenth Centuries // Journal of American Studies. Vol. 5. No. 2. 2010. Doc. 2. P. 1–26 (<http://ejas.revues.org/7805?&id=7805>).

Hans N. François Pierre Pictet, Secretary to Catherine II // The Slavonic and East European Review. Vol. 36. No. 87. Jun., 1958. P. 481–491.

Historical and Genealogical Notes // William and Mary College Quarterly Historical Magazine. Vol. 6. No. 1. July, 1897. P. 57–70 (<http://files.usgwarchives.net/va/schools/wmmary/notes0003.txt>).

Humphreys L. J. The Vorontsov family: Russian nobility in a century of change, 1725–1825. Ph. D. diss., University of Pennsylvania, Philadelphia 1969; Facsimile Ann Arbor/Mich. 1971.

Kaplan H. H. Russian Overseas Commerce with Great Britain During the Reign of Catherine II. Philadelphia: American Philosophical Society, 1995.

Kenney J. Lord Whitworth and the Conspiracy Against Tsar Paul I: The New Evidence of the Kent Archive // Slavic Review. Vol. 36. No. 2. June, 1977. P. 205–219.

Kenney J. J., Jr. The Vorontsov party in Russian politics, 1785–1803. An examination of the influence of an aristocratic family at the court of St. Petersburg in the age of revolution. Ph. D. diss., Yale University, New Haven/Conn. 1975; Facsimile Ann Arbor/Mich. 1977.

King R. J. The Mulovsky Expedition and Catherine II's North Pacific Empire // Australian Slavonic and East European Studies. Vol. 21. No. 1–2. 2007. P. 97–123.

Kirchner W. Studies in Russian-American Commerce. 1820–1860. Leiden: E. J. Brill, 1975.

Kochkin N. Great Diplomats of the Era of Catherine the Great // International Affairs. No. 48. 2002. P. 153–162.

Kolchin P. In Defense of Servitude: American Proslavery and Russian Proserfdom Arguments, 1760–1860 // The American Historical Review. Vol. 85. No. 4. Oct., 1980. P. 809–827.

LeDonne J. P. The Grand Strategy of the Russian Empire, 1650–1831. Oxford: Oxford University Press, 2003.

LeDonne J. P. The Russian Empire and the World. The Geopolitics of Expansion and Containment. N. Y.; Oxford: Oxford University Press, 1997.

Lee M. M. Paul I and the Indian Expedition of 1801: Myth and Reality. Unpublished Master of Arts dissertation. Texas Tech University, 1984.

Lever T. The Herberts of Wilton. L.: John Murray, 1967.

Littell E., Littell R. S. Making of America Project. The Living Age Co. Inc., 1894.

Loggie V. A. Soho Depicted: Prints, Drawings and Watercolours of Matthew Boulton, His Manufactory and Estate, 1760–1809. A thesis submitted to the University of Birmingham for the degree of PhD. Birmingham, 2011.

Lobanov-Rostovsky A. Anglo-Russian Relations through the Centuries // Russian Review. Vol. 7. No. 2. Spring, 1948. P. 41–52.

Maclean F. To Caucasus, the End of all the Earth: An Illustrated Companion to the Caucasus and Transcaucasia. L.: Cape, 1976.

Madariaga I. de. Britain, Russia, and the Armed Neutrality of 1780. New Haven: Yale University Press, 1962.

Madariaga I. de. The Travels of General Francisco De Miranda in Russia: Published on the Occasion of the Bicentenary of the Birth of General Francisco Miranda. Venezuela: Venezuelan Embassy, 1950.

Makhrov A. Earth Construction in Russia: A Scottish Connexion // Architectural History. Vol. 40. 1997. P. 171–183.

Marcum J. W. Semen R. Vorontsov: Minister to the Court of St. James's for Catherine II, 1785–1796. Unpublished doctoral dissertation. University of North Carolina, 1970.

Martinez C. A. Jr. General Francisco De Miranda: Father of Revolutionary Masonry in Latin America, His Masonic Life and Labors (<http://www.freemasonicmysteries.org/Paper3.html>).

McConnell A. Alexander I's Hundred Days: The Politics of a Paternalist Reformer // Slavonic Review. Vol. 28. No. 3. Sep., 1969. P. 373–393.

Mikeshin M. I. Scottish-Russian Science and Technology Transfer: Some Problems in the Eighteenth-Century History of Ideas // The Philosophical Age. Almanac. 15th issue. Scotland and Russia in the Enlightenment. St. Petersburg, 2001. P. 72–81.

Mikeshin M. I. Talking of Reforms that Failed: Some Ideas about Alexander's "Secret Committee" // Transcultural Studies. A Journal in Interdisciplinary Research. Volume 14 (2018): Issue 2 (Dec 2018): Special Issue: Nordic and Russian Enlightenment edited by Vesa Oittinen, Tatiana Artemyeva, Mikhail Mikeshin P. 183–196.

Mitton G. E. The Fascination of London: Hampstead, and Marylebone. L.: Adam & Charles Black, 1902 (www.gutenberg.org/files/29690/29690-h/29690-h.htm).

Narkiewicz O. A. Alexander I and the Senate Reform // Slavonic and East European Review. Vol. 47. No. 108. Jan., 1969. P. 115–136.

O'Meara P. The Russian Nobility in the Age of Alexander I. L.: Bloomsbury Academic, 2019.

Pascal R. Design and Truth in Autobiography. Cambridge: Cambridge University Press, 1960.

Pevsner N. The Architectural Setting of Jane Austen's Novels // Journal of the Warburg and Courtauld Institutes. Vol. 31. 1968. P. 404–422.

Politics and culture in eighteenth-century Russia: collected essays for Isabel De Madariaga. L.: Macmillan in association with the School of Slavonic and East European Studies, University of London, 1990.

Raeff M. Michael Speransky: Statesman of Imperial Russia, 1722–1833. The Hague: Martinus Nijhoff, 1957.

Raeff M. Plans for Political Reform in Imperial Russia, 1730–1905. Englewood Cliffs, N. J.: Prentice Hall, 1966.

Ransel D. The Politics of Catherinian Russia: The Panin Party. New Haven and L.: Yale University Press, 1975.

Recueil des travaux publiés en l'honneur de P. N. Miliukov. Сборник статей, посвященных Павлу Николаевичу Миллюкову, 1859–1929. Тип. Obris, 1929.

Rhineland A. L. H. Prince Michael Vorontsov: Viceroy to the Tsar. Montreal & Kingston, London, Buffalo: McGill-Queen's University Press, 1990.

Robinson E. Eighteenth-Century Commerce and Fashion: Matthew Boulton's Marketing Techniques // The Economic History Review. New Series. Vol. 16. No. 1. 1963. P. 39–60.

Saul N. Russia and Mediterranean 1797–1807. L., 1970.

Shepperson A B. John Paradise and Lucy Ludwell of London and Williamsburg. Richmond, Va: Dietz Press, 1942.

Sherwig J. M. Guineas and Gunpowder. British Foreign Aid in the Wars with France, 1793–1815. Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 1969.

Smith Th. A Topographical and Historical Account of the Parish of St. Mary-le-Bone. L.: J. Smith, 1833.

Stanmore A. H.-G. Sidney Herbert, Lord Herbert of Lea: A Memoir. Vol. 1. L.: J. Murray, 1906.

Struve G. An Anglo-Russian Medley: Woronzows, Pembrokes, Nicolaÿs, and Others. Unpublished Letters and Historical Notes // California Slavic Studies. Vol. 5. 1970. P. 93–135.

Struve G. A Chapter in Russo-Polish Relations // Russian Review. Vol. 6. No. 1. Autumn, 1946. P. 56–68.

Struve G. John Paradise — Friend of Doctor Johnson, American Citizen and Russian «Agent»: An Episode in Anglo-Russian Relations // The Virginia Magazine of History and Biography. Vol. 57. No. 4. October, 1949. P. 355–375.

Struve G. Russian Friends and Correspondents of Sir Walter Scott // Comparative Literature. Vol. 2. No. 4. Autumn, 1950. P. 307–326.

Szamuely A. The Russian Ambassador Who Became a Londoner // London Historians Members' Newsletter. July, 2014
(<https://londonhistorians.wordpress.com/tag/simon-woronzow>).

Triomphe R. Joseph de Maistre. Genève: Droz, 1968.

Tucker C. Russians in the Channel Islands // Annual Bulletin of La Société Jersiaise. 1974 (https://www.theislandwiki.org/index.php/Russians_in_the_Channel_Islands)

Twist A. F. Widening Circles in Finance, Philanthropy and the Arts: A Study of the Life of John Julius Angerstein (1735–1823). Doctoral dissertation. University of Amsterdam, 2002. 285 p. (<http://dare.uva.nl/document/197315>).

Waagen G. F. Peter Paul Rubens. His Life and Genius / Ed. by Mrs Jameson, trans. by Robert R. Noel. L.: Saunders and Otley, 1840.

Waldie A. Select Circulation Library. Vol. II. Philadelphia: Adam Waldie, 1836. P. 258. Col. 2.

Waliszewski K. Le fils de la Grande Catherine Paul Ier empereur de Russie, sa vie son règne et sa mort, 1754–1801. P.: Librairie Plon, 1912.

Waliszewski K. La Russie il y a cent ans: le règne d'Alexandre 1er. 2 vols. Vol. 1. La Bastille Russe et la révolution en marche (1801–1812). P.: Plon-Nourrit et Cie, 1923.

Wartenweiler J. Die Asphaltlobby. Nadelpenetration: 2,8 mm. // WOZ Die Wochenzeitung. 07.12.2010 (www.woz.ch/archiv/old/04/05/5547.html).

Woronzoff-Dashkoff A. Simon Vorontsov and the Ochakov Crisis of 1791 // COLLeGIUM: Studies across Disciplines in the Humanities and Social Sciences. Vol. 16. Helsinki: Helsinki Collegium for Advanced Studies, 2014. P. 170–183.

Zimmerman J. S. Alexander Romanovich Vorontsov, Eighteenth-Century Enlightened Russian Statesman, 1741–1805. Unpublished doctoral dissertation. City University of New York, 1975. xiv, 277 p.

que par plusieurs de nos lettres
mon ami qu'après avoir
que Mr Pitt n'oprait pas
me contre nous parce qu'il
faire et que malgré cela
la faire, je soutiens en
pas la pousser plus au
trop sur moi et que
après l'influence qu'a
sur celle d'Angleterre
que je me suis trompé
mais je ne me suis
contre. J'ai trop favorisé
la sagesse, et le bon sens

